А. П. СУМАРОКОВ

Советский писатель

А. П. СУМАРОКОВ

Библиотека поэта

Сумароковъ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1957

А. П. СУМАРОКОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
П. Н. Беркова

ЖИЗНЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЬ А. П. СУМАРОКОВА

В 1781 году в издании Н. И. Новикова вышло «Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова»; к первой части его был приложен портрет писателя со стихотворной «надписью», сочиненной одним из крупнейших тогдашних русских поэтов, М. М. Херасковым:

Изображается потомству Сумароков,
Парящий, пламенный и нежный сей творец,
Который сам собой достиг Пермесских токов,
Ему Расин поднес и Лафонтен венец.

В этой «надписи» — своего рода литературно-критическом жанре тогдашней поэзии — Херасков подвел итог поэтическому вкладу незадолго до того умершего Сумарокова. Подобно своим современникам, Херасков особенно ценил трагедии Сумарокова (отсюда упоминание Расина) и его басни (отсюда Лафонтен); эпитет «парящий» имел в виду оды, «пламенный» — сатиры и «нежный» — элегии и эклоги Сумарокова. Слова «сам собой достиг Пермесских токов» подтверждали постоянные, но тем не менее неосновательные притязания Сумарокова на то, что его творчество возникло независимо от поэзии Тредиаковского и Ломоносова.

Успех первого «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова был велик: через пять-шесть лет понадобилось второе издание.

Но прошло около полувека. К этому времени имя Сумарокова было предано забвению. Не сохранилось ни памятника, ни ограды над могилой одного из крупнейших русских писателей XVIII века. Если и вспоминали о нем в 1820—1830 годах, то только для того, чтобы повторять традиционные суждения о Сумарокове как о писателе совершенно ничтожном. В 1840 году было опубликовано послание Пуш-

кина «К Жуковскому», написанное в 1816 году, но не печатавшееся при жизни поэта. С тех пор приобрел особенную популярность отзыв Пушкина о Сумарокове:

Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он, он под рифмою попрал и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?..[1]
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели...

И хотя позднее Пушкин несколько смягчил свою суровую характеристику Сумарокова, общая отрицательная оценка этого писателя долгое время оставалась неизменной.

Разделял ее в начале своей литературной деятельности и В. Г. Белинский, однако по мере того, как окончательно складывались его историко-литературные взгляды, менялась и его оценка историко-литературных заслуг Сумарокова.

В одной из рецензий последнего периода своей литературной деятельности Белинский писал: «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем. Мы находим, что как ни сильно ошибались современники Сумарокова в его гениальности и несомненности его прав на бессмертие, но они были к нему справедливее, нежели потомство. Сумароков имел у своих современников огромный успех, а без дарования, воля ваша, нельзя иметь никакого успеха ни в какое время».[2]

Давая подобную оценку Сумарокову, Белинский вместе с тем не-

[1] Ломоносов.
[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. 10. М., 1956, стр. 124.

однократно подчеркивал мысль об историческом, а не художественном значении его творчества.

Действительно, не для своих современников, а для потомства, в частности для советского читателя, поэтическая деятельность Сумарокова представляет интерес исторический, являясь свидетельством того, как формировалась русская поэзия в ранний период своего развития, какие общественные задачи она решала, какими эстетическими принципами она руководствовалась.

Поэзия Сумарокова представляет для нас интерес еще и с той стороны, что, будучи безусловно явлением дворянской культуры, откровенно преследовавшим цель упрочить позиции дворянства как господствующего класса, — эта поэзия в своей сатирической, критической части оказалась в определенной мере фактом общественно положительным. Не случайно, конечно, что и Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов ценили Сумарокова главным образом в качестве сатирика. Однако его литературная деятельность имела гораздо более широкое значение.

I

Жизнь и литературное творчество Сумарокова совпали с расцветом крепостнического строя в России. Сумароков застал еще последние годы царствования Петра I, а умер через несколько лет после подавления восстания Пугачева. Таким образом, годы его жизни приходятся на время окончательного оформления в России «чиновничьи-дворянской монархии XVIII века».[1]

Петровские преобразования, предпринятые в интересах дворянства, несмотря на свою классовую направленность, сыграли большую прогрессивную роль в истории России в целом. Была создана сильная, дисциплинированная армия, быстро вырос могучий флот, было положено основание отечественной промышленности, приводились в порядок пути сообщения, развивалась торговля.

В результате сформировалось мощное, обороноспособное государство, которому уже не были страшны его недоброжелательные соседи — Швеция на северо-западе, Пруссия и Польша на западе, Турция — на юге; Россия заняла подобающее ее экономической и политической мощи место среди европейских великих держав.

Окончательное закрепление при Петре I за дворянами поместий, которые ранее давались им государством лишь во временное владение, способствовало упрочению паразитического класса помещиков. Дво-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 47.

рянское правительство постепенно узаконило неограниченные права помещиков над личностью и имуществом крепостных. После смерти Петра I, с момента возведения на престол Екатерины I (1725), дворянство всячески продолжало укреплять свои классовые позиции, добиваясь расширения своих сословных привилегий и усиления власти над крепостными, как утвержденной законами, так и еще больше складывавшейся на практике. Обязательная при Петре бессрочная служба для дворян была при Анне Иоанновне сокращена до 25 лет, при Елизавете фактически свелась к 10—12 годам, а при Петре III и Екатерине II, в результате издания манифестов «О вольности дворянской», и вовсе отменена.

Быстрое развитие русского государства при Петре и его преемниках было возможно только в связи с чрезвычайной, все усиливавшейся эксплуатацией крепостного крестьянства как дворянским государством, так и владельцами крепостных — помещиками.

В течение царствования Петра I крепостное крестьянство в разных формах проявляло свое недовольство подобным усилением эксплуатации. В центральной части страны, где было сосредоточено много правительственных войск, протест крестьян не мог выливаться в волнения или восстания. Свое недовольство крепостные проявляли в форме побегов от помещиков, и Петру не раз приходилось издавать указы о поимке беглых и возврате их помещикам.

После смерти Петра I положение крепостных крестьян продолжало ухудшаться. Согласно исследованиям историков, побеги крепостных от помещиков участились в это время в высшей степени. В 1750-х годах имели место и волнения крестьян как помещичьих, так и, в особенности, монастырских. Но особенно ухудшилось положение крепостного крестьянства в конце царствования Елизаветы и в первые годы после захвата престола Екатериной II. К старым формам проявления протеста — побегам и волнениям — крестьяне присоединили новые — убийства помещиков. Сама Екатерина II в замечаниях по поводу одного из произведений Сумарокова середины 1760-х годов против утверждения поэта, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах», иронически писала: «и бывают зарезаны отчасти от своих». На «русском» языке императрицы это означало, что крепостные часто убивают помещиков.

Наконец, в 1773—1775 годах разразилось самое крупное крестьянское восстание в крепостной России — крестьянская война, возглавлявшаяся Пугачевым. Она охватила огромную территорию и большие массы крепостных. Одержанные Пугачевым победы всколыхнули крестьян и других частей страны. Это вынудило правительство Екатерины любою ценой подавить восстание крепостных.

Создание «чиновничьи-дворянской монархии» при Петре I сопровождалось заметным изменением бытового уклада высших и отчасти и средних слоев дворянства. Уже при Петре в среде придворного дворянства появляются признаки тяготения к роскоши, требования царя застраивать новую столицу и заселять ее приводили к большим расходам у столичных жителей.

Наряду с дорогостоящими модами в одежде, обуви, каретах, домашнем убранстве, в Петербурге, а затем и Москве появляется мода посещать кофейни, рестораны, разные виды зрелищ. Каждый вельможа считал себя обязанным иметь своего «выписного» (заграничного) повара. Уже в первой четверти XVIII века началось увлечение карточными играми, чрезвычайно быстро распространявшееся и приводившее к разорению дворянских семейств.

В дальнейшем жизнь в России и в особенности в Петербурге становилась все дороже, «город» (то есть Петербург в первую очередь) превращался в какое-то враждебное дворянину-помещику явление, связанное, по его понятию, с утратой простых нравов, честности, искренности, преданности, любви и пр.

Роскошь придворной и столичной жизни при Елизавете и Екатерине приняла такие формы, что против нее в разной форме стали выступать разные писатели. О «несытой алчбе имения и власти» неоднократно говорил Ломоносов. Реакционный дворянский писатель кн. М. М. Щербатов написал не лишенный интереса памфлет «О повреждении нравов в России». Тема «денег», «богатства», «золота», «золотого века», «стяжательства», «алчбы имения и власти», «скупости», «мотовства» стала одной из самых актуальных.

Потребность дворян в деньгах, необходимых для поддержания принятого в столичном кругу уровня жизни, привела к появлению в Петербурге большого количества ростовщиков, бравших громадные проценты. Появляются тогда и откупщики, большей частью богатые купцы, но нередко и дворяне. Рост населения городов, в особенности Петербурга, вызывал повышение цен на предметы питания, и чиновники («подьячие»), не имевшие возможности прожить на свое жалованье, сделали взятки основным источником своего существования; многие из чиновников быстро богатели, покупали имения разорявшихся помещиков, становились новыми дворянами. На общественную поверхность всплывали ранее никому не ведомые имена. Особенно много таких выскочек появилось по мере усиления при Елизавете и Екатерине фаворитизма, когда кратковременный любовник («фаворит») императрицы спешил за счет государства обогатить себя и своих родственников.

Разорительный образ жизни в Петербурге приводил к упадку

многих родовитых дворянских семейств. На глазах современников происходили заметные изменения в составе дворянского общества: беднели, разорялись одни, появлялись разбогатевшие нечистыми способами другие. Жажда обогащения влекла за собой нарушение религиозных норм, казавшихся ранее незыблемыми. Моральные понятия утрачивали свое традиционное значение. Существовавшие в тогдашней России классовые юридические установления не становились на сторону пострадавших; суд, администрация, состоявшие из тех же корыстолюбивых людей, пользовались в сознании современников самой отрицательной репутацией.

Все эти резкие контрасты русской жизни середины XVIII века нашли свое отражение в современной им литературе. Ими определилось и содержание литературной деятельности Сумарокова.

II

Сумароков родился 14(25) ноября 1717 года.[1] Отец его Петр Панкратьевич Сумароков (1692—1766) был военным Петровской эпохи и принадлежал к старинному дворянскому роду. Он был достаточно богатым по тому времени человеком — в 1737 году в шести его имениях числилось 1670 крепостных крестьян. В конце царствования Анны Иоанновны он перешел на штатскую службу и играл заметную роль в чиновной жизни Петербурга в последующее время. Кроме второго сына, Александра, будущего поэта, у П. П. Сумарокова было еще пятеро детей: два сына и три дочери.

Сначала А. П. Сумароков под руководством отца получил домашнее образование (до 1727 года его учителем был некий И. А. Зейкен или Зейкин, дававший в то же самое время уроки наследнику престола, будущему императору Петру II). В 1732 году Сумароков был определен в новооткрытый Сухопутный шляхетный корпус, специальное учебное заведение для детей высшего дворянства. Учащиеся этой «рыцарской академии» получали поверхностные, но разнообразные знания и большей частью оставались людьми малообразованными, что не мешало им делать впоследствии крупную военную и штатскую карьеру. Одновременно с А. П. Сумароковым в корпусе учились один из ранних русских поэтов, М. Г. Собакин, известные военные деятели П. А. Румянцов, кн. А. М. Голицын, гр. П. И. Панин, поэт-переводчик и крупный деятель екатерининского времени А. В. Олсуфьев и др.

Среди «кадетов» были любители поэзии и театра, выступавшие

---

[1] Обычно приводимая дата — 1718 год — неверна. Сам Сумароков указал 1717 год.

почти с самого начала существования корпуса в качестве поэтов и участников любительских спектаклей, вскоре ставшие последователями Тредиаковского. Впрочем, в первые годы имя Сумарокова в этой связи не встречается. Лишь ко времени окончания им Сухопутного шляхетного корпуса были напечатаны две его «Оды» (1740). В них Сумароков продолжал традиции кадетских поэтов, воспевавших «благодеяния», которые оказывала «дворянскому корпусу» (сословию) императрица Анна Иоанновна, а по форме подражал пользовавшемуся тогда большой популярностью Тредиаковскому.

В 1740 году Сумароков окончил курс обучения в Сухопутном шляхетном корпусе и был выпущен адъютантом к вице-канцлеру гр. М. Г. Головкину, одному из виднейших вельмож конца царствования Анны Иоанновны и регентства Анны Леопольдовны. Падение Головкина после воцарения Елизаветы Петровны (1741) не отразилось на судьбе Сумарокова, и он вскоре же стал адъютантом фаворита новой императрицы, гр. А. Г. Разумовского, прослужив в этой должности более десяти лет.

В 1756 году Сумароков был назначен директором только что организованного Российского театра. Заслуги его в этой области очень значительны: благодаря его энергии театр, несмотря на противодействие придворных кругов, сохранился. Впрочем, в конце 1761 года Сумарокова заставили уйти в отставку. С этого времени он занимался исключительно литературной деятельностью. Умер он 1(12) октября 1777 года в Москве, куда переехал в 1769 году.

III

Литературная деятельность Сумарокова, начавшаяся во второй половине 1730-х годов, продолжалась не менее сорока лет. Приблизительно к концу 1750-х годов мировоззрение его полностью оформилось, и Сумароков стал наиболее крупным литературным выразителем идеологии передового дворянства середины XVIII века. И общее мировоззрение Сумарокова, и его политические симпатии, и его эстетические позиции — все это определялось его пониманием роли и значения дворянства в русском государстве как основной движущей силы общественного прогресса.

По своим философским воззрениям Сумароков был очень близок к сенсуалистам. В статье «О разумении человеческом по мнению Локка» он сочувственно излагает доводы английского философа против учения о врожденных идеях. Считая, подобно многим своим современникам, что «естество разделяется на духи и вещество», Сумароков вполне последовательно заявлял как сенсуалист: «Что <такое>

духи, я не знаю, а вещество имеет меру и вес». Вслед за сенсуалистами Сумароков признавал чувства источником человеческих знаний. Однако в своих философских воззрениях он отдал гораздо большую дань рационализму, так как в индивидуальной и общественной жизни человека отводил большое место «разуму», «рассудку»: «Логическое и математическое доказательства — не педантство, но путь к истине, которым шествуя и просвещенный разум имея проводником до последних границ нашего умствования, заблудиться невозможно». Отрицание врожденных идей привело Сумарокова к заключению, что «природа не изъясняет истины в душах наших и, следовательно, никакого нравоучительного наставления не подает». Истина постигается человеком в результате специального развития его «разума», который тоже не является прирожденным: «Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина».

Цель человеческой жизни — «благо». «Что на природе и истине основано, то никогда премениться не может, а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка». Для того чтобы согласовать столь различные и несходные «умствования» и «действия», люди изобрели «мораль» и «политику»: «Мораль печется о благе участном <частном, личном>, политика — о благе общем». Понятно, что чем «яснее» «разум» людей, тем правильнее их «мораль» и «политика».

Эти положения являются основой всей системы общественно-политических взглядов Сумарокова. Люди, по его мнению, отличаются в общественной жизни только степенью ясности своего «разума». Раз люди одинаково получают впечатления при посредстве чувств, а врожденной истины нет, раз истина достигается усилиями «разума», значит от природы все люди равны, так как при рождении в одинаковой мере лишены «разума». С этой точки зрения и дворянин и крепостной, и господин и слуга одинаковы и равны. Различие между ними, по Сумарокову, возникает лишь как следствие воспитания, развития «разума». «Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания, которого смертные никогда не могут коснуться. Кто больше до сего центра доходит и кто меньше его преходит, тот справедливее действует».

Таким образом, дворянин, получающий образование, воспитанный соответствующим образом, окруженный культурными людьми, стоит, по мнению Сумарокова, выше крепостного, необразованного, невоспитанного, окруженного такими же, как и он сам, некультурными людьми. Следовательно, Сумароков признает равенство людей по природе и неравенство их в социальной действительности; образованных и воспи-

танных дворян он считает «первыми членами общества», «сынами отечества». Этими же положениями определяются и представления Сумарокова о «морали» и «политике».

На основе эклектического соединения во взглядах Сумарокова элементов сенсуализма и рационализма и формировались его политические и социальные убеждения: утверждая равенство людей «по природе», он оправдывал их неравенство в общественной жизни.

Все эти взгляды нашли полное отражение в художественном творчестве Сумарокова. В сатире «О благородстве» он напоминает дворянам, что

...от баб рожденным и от дам,
Без исключения всем праотец Адам.

На вопрос:

Какое барина различье с мужиком? —

Сумароков отвечает:

И тот и тот — земли одушевленный ком.
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.

Положение «первого члена общества» дворянин должен оправдать своим отношением к делу, к интересам «общества»:

...во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле — в действии быть должен дворянином.

Дворянину, говорит Сумароков,

Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нея нам правду разбирать.

В сатире «О честности» поэт излагает свою положительную программу дворянской морали, рисует образ «идеального» дворянина:

...истинная честь — несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды;
Любити ближнего, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить;
А ежели нельзя сказати правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко, — не бесславно.

Творити сколько льзя всей силою добро...

. . . .

Служити ближнему, колико сыщем силы...

. . . .

Не ползай ни пред кем, не буди и спесив.

Кончается эта сатира чисто дворянской сентенцией:

Будь сын отечества и государю верен!

Иначе понимал Сумароков место крестьян в жизни дворянского «общества». Для него «мужик» — человек

Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.

(«Осел во львовой коже»)

Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет,
К тому родился он и гласу долга внемлет.

(«Эпистола е. и. в. государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа»)

Он считал:

Кто черен родился, тому вовек так быть.

(«Арап»)

Для всего существует назначенный, непреложный порядок:

Простым довольствуйся, солдат, мундиром,
Коль быть тебе нельзя, дружочек, командиром:
В велику может честь
Великой только ум отечество вознесть,
А голый чин рождает только лесть.

(«Змеи голова и хвост»)

Попытки не только нарушить, но даже осудить установленный общественный порядок крепостнического государства, оспорить законность социального неравенства вызывали резкие возражения со стороны Сумарокова.

В притче «Пени Адаму и Еве» поэт подверг осмеянию жалобы крестьянина на свое положение:

Когда б Адам и Ева
Не скушали плода с заказанного древа,
Я жил бы как хотел
И, над сохою бы трудяся, не потел.

Для Сумарокова «пени» «мужика» — «несвойска дрянь». Своей притчей Сумароков пытается доказать, что труд крепостного крестьянина — естественное следствие человеческого несовершенства.

Учения, ставившие вопрос об изменении строя крепостнического государства, вызывали возмущение Сумарокова:

Порядок естества умеет бог уставить
И в естестве себя великолепно славить.

(«Новый календарь»)

Однако, признавая незыблемость общественного устройства современной ему России, Сумароков не одобрял рабских форм эксплуатации крепостной массы помещиками, — и именно потому, что дворяне должны во всем быть безупречны.

В своих прозаических произведениях публицистического характера Сумароков проводил резкое разграничение между понятиями «крепостной» и «раб»: «Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику».[1]

Сумароков не признавал «рабства» крестьян в отношении к помещикам, он считал, что крестьяне, как, впрочем, и все остальные классы общества, кроме дворян, высшего духовенства и верхнего слоя купечества, являются «рабами отечества», а не помещиков. Поэтому крепостные не могут быть, по мнению Сумарокова, продаваемы: «Продавать людей, как скотину, не должно».[2] Чтобы оправдать институт владения крепостными, Сумароков выдвигал положение, что помещики могут продавать принадлежащую им землю, к которой прикреплены крестьяне, а вместе с нею и проживающих на ней крепостных. Отдельной же продажи крепостных он не признавал. Вместе с тем он считал, что крепостное состояние не только нормально, но и необходимо для правильного функционирования дворянского государства. В записке, поданной в Вольное экономическое общество в конце 1767 года, Сумароков писал: «Прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, —

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. X. СПб., 1872, стр. 84.
[2] Там же, стр. 85—86.

и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь? — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Далее Сумароков спрашивает: «Что ж дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его; а ему что останется?» Кончается записка Сумарокова такими безапелляционными словами: «Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит». [1]

Стоя прочно на этих позициях, Сумароков считал себя обязанным в своих притчах и сатирах нападать на дворян, которые продают и проигрывают в карты крепостных. В притче «Ось и Бык» Сумароков язвительно говорит о «нежном господчике», который проматывает труды крепостных; в сатире «О благородстве» с негодованием клеймит «господского сына», который

> . . .благородие свое нередко славит,
> Что целый полк людей на карту он поставит.
> Ах! Должно ли людьми скотине обладать?
> Не жалко ль? Может бык людей быку продать?

IV

Философские взгляды Сумарокова определили его эстетические позиции. Если в вопросах теории познания он был близок к сенсуалистам, то в своих литературно-теоретических построениях и в известной мере и в своей художественной практике он оставался рационалистом.

Наиболее существенной чертой классицизма, литературного направления, к которому принадлежал Сумароков, является рационализм как философская основа эстетики. Только то прекрасно, утверждали классики, что «разумно». Только то морально, что отвечает требованиям «разума».

Однако «разум» не всесилен; ему приходится бороться с идущими из «природы» «страстями», нарушающими стройность мира, воздвигнутого на принципах «разума». Где царит «разум», там все прекрасно, морально, там «благо» общее и частное; где господствуют «страсти», там — хаос, борьба личных интересов, там торжествует безнравственность. Источник общественных зол — «страсти», из которых самыми вредными являются жажда богатства и самовластие.

---

[1] А. И. Ходнев. История имп. Вольного экономического общества. СПб., 1865, стр. 24—25.

Поэтому подавление «страстей», борьба с ними должны, по мнению сторонников классицизма, составлять основную задачу искусства.

Отсюда вырастала одна из важнейших особенностей классицизма — его политическая направленность. Поскольку «политика печется о благе общем», задача писателя должна состоять в том, чтобы способствовать укреплению государственного целого, строящегося на принципах «разума». В трагедии, эпопее, оде поэт-классик обязан пропагандировать высокие идеи государственности, идеи «морали» и «политики». «Общее благо» должно быть поставлено превыше всего. А так как «общество» Сумароков понимал как общество дворянское, то и «общее благо» в его понимании было «благо» дворянское, и задачей искусства должно быть воспитание дворянского сознания исключительно в сословных интересах.

«Разум» во все времена, у всех людей одинаков. Поэтому то, что было прекрасно в древности, прекрасно и сейчас. Что прекрасно у древних греков и римлян, то должно считаться прекрасным у новейших народов, у французов, например, и у русских. Этим ходом рассуждений определялось отношение классиков к античному искусству.

Прекрасное, отвечающее требованиям «разума», утверждали классики, поэт может построить, если откажется от своих индивидуальных эстетических исканий и будет строго следовать «правилам» искусства, будет придерживаться признанных образцов. «Правила» и «подражание» считались классиками единственным путем подлинного искусства. Чем меньше проявляет писатель фантазии, личного момента в своем творчестве, тем больше у него возможностей создать истинно художественное творение. Отказ от индивидуального, местного, национально-своеобразного был естественным следствием рационалистического понимания идеи вечного и неизменно «прекрасного». Французские классики драмы — Корнель, Расин, Вольтер — настолько избегали обращения к местному материалу, что не посвятили ни одной трагедии темам из истории Франции. Если же классики и обращались к художественным обработкам национальной истории («Генриада» Вольтера, многие трагедии Сумарокова), то и здесь они удаляли почти все носившее печать национального, оставляя одни только имена.

Из всего этого проистекала одна из характернейших особенностей классицизма, а именно его внеисторичность. Классики, в частности Сумароков, не стремились изображать в своих произведениях — например, трагедиях — тех или иных персонажей в соответствии с исторической и национальной обстановкой. В трагедиях Сумарокова «Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав», «Димитрий Самозванец» и др. действие происходит в древней России, в «Артистоне» — в Персии, в «Гамлете» — в Дании, но это никак не отражается ни в построении

сюжета, ни в трактовке характеров, ни в языке действующих лиц. Сумарокова во всех трагедиях больше всего занимали морально-воспитательные, или, если следовать его терминологии, «политико»-воспитательные задачи. Цель трагедии — «вести к добродетели», «очищать через разум страсти». Отсюда возникает острая конфликтность трагедий Сумарокова. Главной коллизией в них является борьба «долга» и «любви», «чести» и «интереса», то есть тех же «разума» и «страстей».

Те же воспитательные цели преследовал Сумароков и в своих одах и других произведениях лирического характера. Подобно другим классикам, он широко пользовался мифологическими именами и сюжетами. Эту особенность классицизма обычно понимают как чисто внешнее украшение, только как искусственное «подражание» античной древности. Между тем у Сумарокова мифология имела определенный, принципиально-эстетический смысл.

Характеризуя в «Эпистоле о стихотворстве» «великолепный» стиль оды и противополагая его простоте эпических произведений, Сумароков писал:

Сей стих <оды. — *П. Б.*> есть полн претворств...

То есть: стих оды полон того, что должно быть «претворено», превращено, переделано, переосмыслено:

...в нем <стихе оды. — *П. Б.*> добродетель смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.

Далее Сумароков более подробно раскрывает смысл мифологических упоминаний в произведениях классиков:

Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит, — Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет, —
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.[1]

В то время как для французского классика Буало все эти имена богов и богинь только поэтическая условность, для русского классика Сумарокова мифология тем и прекрасна и ценна, что позволяет низ-

[1] Эти стихи представляют почти точный перевод «Поэтического искусства» Буало (песнь третья, ст. 159—169); см. ниже.

менное, конкретное, повторяющееся в разных прозаических вариантах вводить в искусство как возвышенное, отрешенное от местных, случайных черт, неизменное; мифология обобщает все частное, отбрасывает индивидуальное и заменяет его «вечно-прекрасным».

Таким образом, все в искусстве классицизма подчинялось основной задаче — созданию идеального мира прекрасной разумности, который должен еще больше «просвещать» читателей, приближать их к познанию истины, вести к «благу», к «беспорочной жизни».

Это делало классицизм искусством содержательным, «идейным». Для Сумарокова в особенности характерна борьба с формалистическими тенденциями в искусстве XVIII века. В соответствии со своими дворянскими позициями, Сумароков требовал от писателей содержательности, «разума», просвещения. Характеризуя «несмысленных творцов», он писал в одном из своих последних произведений:

Пиитов сих ума никто не помутит:
Безмозгла саранча без разума летит.
Такой пиит не мыслит,
Лишь только слоги числит.

*(«Письмо ко князю
А. М. Голицыну»)*

Вместе с тем Сумароков был решительно против холодной, рассудочной поэзии. Он требовал от поэта подлинного чувства, искренности. В стихотворении «Недостаток изображения» эта мысль выражена так:

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает:
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувствие изображает,
Горячую имея кровь.

V

Оставаясь на всем протяжении своей литературной деятельности поэтом дворянским, Сумароков тем не менее проделал заметную эволюцию; сначала он был поэтическим выразителем всего «дворянского корпуса» в целом, был литературным идеологом всего правящего класса, а затем, приблизительно с конца 1750-х годов, в его творчестве, нисколько не утратившем дворянского характера, появляются и все

больше растут черты критицизма по отношению к придворному дворянскому кругу, к заносчивому и наглому «вельможеству». Кончает Сумароков как поэт хотя и дворянский, но, при всех внешних выражениях своей верноподданности, явно враждебно настроенный по отношению к Екатерине II.

В творчестве Сумарокова, как и в других явлениях дворянской культуры тех лет, отразились изменения, которые произошли в русском дворянстве в 1750—1760-е годы.

Период после смерти Петра I характеризуется частой сменой правителей, большей частью происходившей путем дворцовых переворотов. В докладе на II съезде профессиональных союзов в 1919 году В. И. Ленин, говоря о характере переворотов, предшествовавших Великой Октябрьской социалистической революции, сказал: «Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».[1]

Дворцовые перевороты XVIII века нисколько не затрагивали социальной основы крепостнического государства, а приводили только к смене «кучек» правящего класса. Переворот 1741 года, устранивший от власти большую группу придворных немцев и связанных с ними русских вельмож и возведший на престол Елизавету, представлялся современникам торжеством всего русского дворянства в целом, хотя власть захватила «кучка» придворных дельцов, возглавлявшихся Бестужевым, Шуваловыми, Воронцовыми и отчасти Разумовскими. В течение очень короткого времени при дворе Елизаветы из перечисленных участников «кучки» образовалось новое сильное «вельможество», оттеснившее среднее дворянство от власти и опиравшееся на быстро росший бюрократический аппарат (подьячих). Хищения, которые производили в 1740-е, в особенности 1750-е годы Шуваловы, Воронцовы, Чернышевы и другие вельможи, высокомерие, чванство этой придворной верхушки сильно восстанавливали против нее культурное дворянство. Взяточничество и самоуправство чиновников также вызывали возмущение.

С другой стороны, превращение дворян из служилого сословия в сословие, не имеющее никаких обязанностей и обладающее только правами и привилегиями, развитие роскоши в дворянской среде, мотовство, непомерное усиление эксплуатации крепостного крестьянства — все это вызывало возмущение Сумарокова и некультурным поместным и столичным дворянством.

Именно поэтому в творчестве Сумарокова даже раннего периода,

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 397.

когда он еще ощущал себя выразителем интересов всего дворянства, уже встречалась критика придворного, «гордого, раздутого как лягушка» и великосветского щеголя, с одной стороны, и взяточников-подьячих — с другой. С течением времени чем менее отвечал культурный облик правившего слоя дворянства сложившемуся у Сумарокова идеальному образу «сына отечества», тем более чувствовал он себя обязанным выступать против возмущавших его порядков елизаветинского правления.

В конце царствования Елизаветы Сумароков, под воздействием охарактеризованных обстоятельств, переносит свои политические симпатии на жену наследника престола Екатерину Алексеевну, будущую Екатерину II, вокруг которой группировались более культурные придворные, недовольные Елизаветой и правившей от ее имени «кучкой». В 1759 году Сумароков издает журнал «Трудолюбивая пчела», который демонстративно посвящает Екатерине. Журнал, изобиловавший нападками на вельмож и подьячих, по истечении года был закрыт. В разных формах Сумароков продолжал борьбу в последующие годы.

Вступление на престол Екатерины II разочаровало Сумарокова. Новая «кучка» дворян, совершившая переворот и возглавлявшаяся братьями Орловыми, грубая, малокультурная и наглая, еще больше претила Сумарокову. «Политика» Екатерины оказалась направленной не на «общее благо», как понимал последнее Сумароков, а на удовлетворение личных интересов императрицы и ее окружения. Видя резкое несоответствие тогдашней действительности своему дворянскому идеалу, Сумароков решительно становится в оппозицию Екатерине и новой придворной «кучке». Чуть ли не с самого момента захвата Екатериной престола он проявляет свое недовольство ею, отражая позицию многих своих культурных дворянских современников. По ряду личных и общественных причин особенно усилилось отрицательное отношение Сумарокова к императрице в конце 1760-х — начале 1770-х годов и ярко выразилось в трагедии «Димитрий Самозванец». И даже восстание Пугачева, чрезвычайно взволновавшее Сумарокова и толкнувшее его на создание произведений, в которых в наибольшей степени проявились его дворянские взгляды — станс «Городу Синбирску на Пугачева» и «Стихи на Пугачева», — не заставило его изменить свое отношение к Екатерине: во втором стихотворении ее имя не упоминается вовсе, а в первом оно сопровождено холодными, официальными комплиментами.

В произведениях Сумарокова отразилась треть века истории русского дворянства перед восстанием Пугачева. Вместе с тем без знакомства с историей России этого периода нельзя понять и ряда особенностей поэтического творчества Сумарокова.

VI

Характерное для классицизма требование следовать «правилам» привело к тому, что, наряду с общепризнанным в это время поэтическим кодексом, «Посланием к Пизонам» («Об искусстве поэзии») римского поэта Горация, в каждой крупной европейской литературе XVII—XVIII веков возник свой свод правил искусства классицизма. В связи с особенным значением в то время французской культуры, всеобщим авторитетом пользовалось «Поэтическое искусство» Буало, которое было достаточно широко популярно и в России: в 1752 году оно вышло в свет в не вполне удачном переводе Тредиаковского.

Однако еще за несколько лет до этого Сумароков, едва ли имея за спиной десять лет поэтической работы, выступил с теоретико-литературным документом, сыгравшим большую роль в истории русской поэзии. Это была изданная им в 1748 году брошюра «Две эпистолы Александра Сумарокова. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве».

В своих эпистолах Сумароков решал важный для той эпохи и кажущийся сейчас непонятным вопрос: может ли быть использован в качестве языка литературы русский язык? Историческое значение этой проблемы может быть правильно понято, если вспомнить, что в течение нескольких столетий литературным языком в России был язык, который одни ученые считают церковнославянским, хотя и сильно подвергшимся влиянию разговорного русского языка, а другие — древнерусским, усвоившим огромное количество церковнославянизмов.

Всего лишь за двадцать лет до появления эпистол Сумарокова начал свою литературную деятельность сатирик А. Д. Кантемир, произведения которого были написаны на таком церковнославяно-русском языке.

В 1731 году Тредиаковский опубликовал свой перевод популярного французского романа «Езда в остров любви», представлявший первый образец этого литературного жанра на русской почве. В предисловии к переводу Тредиаковский указывал, что в этом своем труде он делает опыт использования разговорного русского языка в качестве языка литературного произведения. Это был сознательный отказ от архаистических языковых традиций.

Стихийное использование разговорного русского языка в литературных целях на практике имело место и до появления «Езды в остров любви», в особенности у переводчиков иностранных авантюрных повестей и сочинителей русских оригинальных произведений этого жанра. Тредиаковский же подчеркивал сознательный характер своего начина-

ния. Попытка Тредиаковского, с нашей сегодняшней точки зрения, представляется малоудачной. Историческое же значение ее было огромно. С этого времени русская художественная литература и в теории отказывается от церковнославянского языка как единственно допустимого в поэтическом творчестве, но на практике русский язык применяется в 1730—1740-е годы только в высоких лирических жанрах. Проза (ораторская) в подавляющем большинстве случаев пишется на церковнославянском языке.

Ставя своей целью, вслед за Тредиаковским и Ломоносовым, обосновать и доказать возможность применения русского языка в литературе, Сумароков не отбрасывает нигилистически всего созданного в русской культуре на славянском языке; он, с обычной для него точки зрения «разума», утверждает:

Коль «аще», «точию» обычай истребил,
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины осталось неотменно,
То может быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
Которых мы с тобой нерусскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь,
Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.

Хотя в обеих эпистолах Сумароков рассматривает много разнообразных вопросов, однако через всю брошюру проходит основная мысль, завершающая все это единое произведение:

Прекрасный наш язык способен ко всему.

Вместе с тем Сумароков требовал, чтобы писатель не просто писал:

Кто пишет, должен мысль прочистить наперед
И прежде самому себе подать в том свет...
Нет тайны никакой безумственно писать.
Искусство — чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.

Сумароков считал, что

Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей, —

писатель должен обладать природным дарованием и много и внимательно читать:

Нам в оном <в творчестве. — *П. Б.*> счастлива
природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.

Считая природное дарование непременным условием плодотворной деятельности писателя, Сумароков в то же время уделяет исключительно большое внимание и специальному литературному образованию:

А если естество тебя тем одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство украсило.

И на первое место он выдвигает усвоение начинающим писателем основных правил теории литературных жанров и соответствующего им стиля:

Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом, —

то есть не отступай от принятых литературных принципов.

Следующая затем часть второй сумароковской эпистолы представляет самостоятельную и очень интересную переработку «Поэтического искусства» Буало. Чтобы правильно понять отношение Сумарокова к своему французскому образцу, следует помнить, что дидактическая поэма Буало, состоящая из четырех песен, только в двух средних песнях посвящена характеристике литературных жанров. Обе эти песни содержат 604 стиха; соответственный раздел второй эпистолы Сумарокова состоит всего лишь из 294 стихов, то есть он вдвое меньше. Поэтому очень показательно количество стихов, отводимое обоими поэтами характеристике одних и тех же жанров, последовательность рассмотрения жанров и наличие у Сумарокова характеристик жанров, отсутствующих у Буало, и наоборот. Это сопоставление показывает, что у Сумарокова мы не имеем простого подражания, а что его отступления от Буало были вызваны состоянием и потребностями русской литературы того времени.

Как и французский литературный законодатель, Сумароков начинает рассмотрение литературных родов с характеристики идиллии и эклоги (у него 22 стиха, у Буало — 37); далее следуют элегия (16—12) и ода (44—20); затем у Буало идет ряд литературных форм, которым Сумароков отводит место в конце своего «поэтического

искусства», уделяя им неизмеримо меньше внимания. Так, чрезвычайно распространенный во Франции и тогда и позднее сонет, который Буало поставил на четвертое место и которому посвятил 21 стих, у Сумарокова находится на десятом месте и, вместе с характеристикой рондо, баллады и мадригала, получил всего 8 стихов, а собственно сонету уделена одна строчка:

В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.

Эпиграмме (она стоит у Сумарокова на седьмом месте) он отвел 5 стихов, Буало — 32; сатире (у Сумарокова — на шестом месте) — примерно одинаковое количество стихов (31—36); зато песенке, о которой с явным пренебрежением говорит Буало (14 стихов, среди которых собственно о песенке — 4), Сумароков посвятил 38 строк. Различно отношение обоих авторов к драматическим жанрам: у Сумарокова они идут сразу же после оды, у Буало им специально посвящена почти вся третья песнь; русский теоретик посвятил трагедии 60 стихов (в двух местах эпистолы), комедии — 26; французский соответственно — 155 и 86.

Наконец, у каждого из рассматриваемых авторов есть жанры, отсутствующие у другого; наличие одних и отсутствие других, как уже сказано выше, объясняется историческими условиями развития французской и русской литератур.

Так, у Сумарокова пропущен водевиль (у Буало — 10 стихов), роман (у Буало — попутно с трагедией), эпопея (у Буало — 175 стихов, у Сумарокова — беглые упоминания, характеристики нет). В то же время Сумароков уделяет басне 10 стихов, героической поэме — 30; Буало, автор ирои-комической поэмы «Налой» и современник великого французского баснописца Лафонтена, не нашел места для характеристики названных жанров. У обоих отсутствуют характеристики «духовной оды», послания, «надписи», дидактической поэмы и т. д.

Самостоятельность Сумарокова проявилась и в понимании сущности ряда проблем. Хотя он местами использует текст Буало, но порою полемизирует со своим предшественником («Поэм больших сонет ведь стоит совершенный... Не дался никому сей феникс дорогой» — Буало; «Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно... Состав их хитрая в безделках суета: мне стихотворная приятна простота» — Сумароков). В ряде случаев он развивает более глубоко и обоснованно некоторые положения Буало, например о сущности и значении мифологии в оде и эпопее (см. выше, стр. 18).

Таким образом, «Две эпистолы» Сумарокова, при всей своей общей и частной зависимости от «Поэтического искусства» Буало, представляли несомненный результат самостоятельного развития рус-

ской литературы и именно поэтому сыграли, как уже нами отмечено, исключительную роль в последующее время. Стоит отметить, что через четверть века после выхода в свет «Двух эпистол» Сумароков объединил их, значительно сократив, в одно произведение, которое издал в 1774 году под названием «Наставление хотящим быти писателями».

Помимо своего общего значения для русской литературы и в особенности ее дворянской части, «Две эпистолы» интересны тем, что хорошо поясняют литературную деятельность самого Сумарокова. В известной мере можно сказать, что здесь поэтом была напечатана литературная программа, которой он в дальнейшем следовал без сколько-нибудь значительных отклонений.

VII

В ранний период своей литературной деятельности молодой Сумароков не обращался еще к политической тематике. Хотя в конце 1730 — начале 1740-х годов он написал несколько торжественных од, то есть произведений с политическим содержанием, но не они были жанрами, характерными для тогдашнего этапа его деятельности.

Адъютант фаворита императрицы, избалованный вниманием женщин светского круга, Сумароков чувствовал себя тогда прежде всего поэтом «нежной страсти». Он в большом количестве сочинял — впрочем, не только в это время, но и позднее — модные тогда любовные песенки, выражавшие от лица как мужчины, так и женщины, различные оттенки любовных чувств, в особенности ревность, томление, любовную досаду, тоску и т. д. В 1740-х годах песни пелись не на специально написанные для них мотивы, а, как указывал сам Сумароков, на «модные минаветы» (менуэты). Песни Сумарокова, особенно «пасторальные», в которых, в соответствии с общеевропейской модой, слащаво изображалась жизнь идеализированных пастушков (см. песню «Негде, в маленьком леску»), имели также большой успех. Позднее, в 1760 году, Ломоносов, ставивший перед литературой совершенно иные цели, иронизировал по этому поводу над Сумароковым: «Сочинял любовные песни и тем весьма счастлив, для того что вся молодежь, то есть пажи, коллежские юнкера, кадеты и гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походил». Общее число песен, сочиненных Сумароковым, превышает 150.

Отвечая на литературные потребности светского общества, в котором он вращался, Сумароков стал писать не менее модные тогда идиллии и эклоги. Пасторальная живопись, росписи дворцовых стен и потолков сценами из античной и французской идиллической поэзии, гобелены на пастушеские сюжеты, статуэтки, изображавшие условных

пастухов и пастушек, — все это делало жанр эклоги очень популярным в дворянском столичном обществе. Поэтому не удивительно, что Сумароков писал эклоги с 1740-х годов и до начала 1770-х и в общем написал 65 эклог и 7 идиллий.

Выше приводились слова Пушкина о «цинической свирели» Сумарокова — речь в них идет именно об эклогах («свирель» в поэтическом языке XVIII, начала XIX века — условное обозначение «пастушеских» жанров).

Характеризуя последние и указав на их достаточно откровенную эротичность, Белинский все же отметил: «И несмотря на это, Сумароков и не думал быть соблазнительным или неприличным, а, напротив, он хлопотал о нравственности».[1] В доказательство своей точки зрения Белинский полностью привел посвящение из «эклог» Сумарокова; основная идея этого посвящения сформулирована Сумароковым в следующих словах: «В эклогах моих возвещается нежность и верность, а не элопристойное сластолюбие, и нет таковых речей, кои бы слуху были противны». Сумароков, по-видимому, все же понимал относительность подобных слов: в одной своей, почти неприличной, басне он иронически заметил: «Я скромности всегда был крайний почитатель».

Несмотря на то что Сумароковым было написано большое число эклог, все они более или менее однообразны. Почти каждая начинается большим «пейзажным» введением, изображающим условную пастушескую, счастливую страну. Пейзаж сумароковских эклог обычно мирный, безоблачный, с обязательным «источником», «дубровой» или «густым кустарником», чаще всего залитый солнцем, иногда осеребренный луной:

К раскрытию очей и к услажденью взора
Выходит из-за гор прекрасная Аврора,
Сияет на лугах приятная весна...

(«Дафна»)

Дни зимние прошли, на пастве нет мороза,
Выходит из пучка[2] едва прекрасна роза,
Едва зеленостью покрылися леса,
И обнаженные оделись древеса,
Едва очистились по льдам от грязи воды,
Зефиры — на луга, пастушки — в короводы...

(«Меланида»)

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. 6, М., 1955, стр. 316.
[2] Бутона, почки.

Далее либо герой, либо героиня сообщают своим друзьям или поверяют источнику свою тайну — любовь к пастушке или пастуху. Содержание дальнейшей части каждой эклоги — борьба между страстью и стыдом, всегда завершающаяся «цитерскими утехами», о которых, хотя и коротко, но всегда с несомненным удовольствием говорит Сумароков в последних стихах:

И лишь коснулися они дубравы той,
В минуту овладел он всею красотой,
Лип были ветвия наместо им покрова,
А что там делалось, то знает та дуброва.

(«Цения»)

О вы, страдания, дошедшие к концу!
Касайтеся, горя, любовному венцу,
Насытьтеся теперь цитерскою забавой
И наслаждайтеся победою и славой.

(«Флориза»)

В готовом шалаше осталися одни
И, вместо прежния любовныя отравы,
Там чувствовали все цитерские забавы.

(«Октавия»)

В эклоге «Целимена» герой, пастух Оронт, произносит панегирик в честь любовной страсти:

...нет такия силы
Минуты описать, которы столько милы,
В которы человек не помнит сам себя...

В другой эклоге:

Вкусив дражайший плод, любовник говорит:
«Ах, мало человек судьбу благодарит,
Имея таковы во младости забавы,
Важнейшие стократ величия и славы!»

(«Ликориса»)

И далее:

Природа таковых плодов не извела,
Которы б превзошли любовные дела,

И что бы быть могло во самом лучшем цвете
Любовной нежности прелестнее на свете?

(«Целимена»)

Однако было бы ошибкой повторять слова Пушкина-лицеиста о «цинической свирели» Сумарокова. Для Сумарокова изображаемый им мир пастухов и пастушек — это сладостный вымысел, это золотой век, о котором он говорит в предисловии к своей книге «Эклог»; это та пасторальная утопия, которая должна увести и поэта и его читателей из мира прозы, мира страшных и безобразных сцен действительности, из душного, чумного города (большая часть эклог, изданных Сумароковым в 1774 году, была, по его свидетельству, написана в Москве во время чумной эпидемии 1771 года). Весьма убедительным подтверждением сказанного является следующий отрывок из эклоги «Эмилия». Пастух Валерий клянется своей недоверчивой возлюбленной в любви и самую страшную клятву приберегает к концу:

И пусть по гроб мой я, коль в этом лицемерю,
Жить буду в городах.[1]

— Но сей я клятве верю, —

отвечает Эмилия и продолжает, как бы предвосхищая реплику Алеко из пушкинских «Цыган» о «неволе душных городов»:

Слыхала я о том, как люди там живут,
Притворство — дружеством, обман — умом зовут,
Что в шуме хитрого и льстивого народа
Преобразилася совсем у них природа,
Что кончилися там златого века дни.
Храним, Валерий, их лишь только мы одни.

Эта мечта о золотом веке на лоне природы и подсказала поэту тематику, образную систему и язык его эклог, являющихся одним из наиболее правоверно-классических жанров в творчестве Сумарокова.

По-видимому, в 1740-х годах Сумароков начал писать и свои элегии, основная цель которых заключалась, как и в песнях, в изобра-

---

[1] Ср. «Пускай я буду жить по саму смерть во граде» («Ликаст»).

жении тонких душевных переживаний, «нежных чувств», как тогда говорили.

Чего ты мне еще, зло время, не наслало,
И где ты столько мук и грустей собирало?..
Опасности и страх, препятствия, беды
Терзали томный дух все вдруг без череды.

(«Элегия 5»)

Я чаял, что свои я узы разрешил,
И мыслил, что любовь я в дружбу пременил,
Уж мысли нежные меня не восхищали,
Заразы глаз драгих в уме не пребывали.

(«Элегия 8»)

Подобно эклогам, элегии Сумарокова строились более или менее одинаково. Первый стих или первые два стиха обычно представляют объяснение того, что вызвало душевные страдания «лирического героя» данной элегии, а затем идет довольно пространный анализ его переживаний.

В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи...

(«Элегия 12»)

Стени ты, дух, во мне! стени, изнемогая!
Уж нет тебя, уж нет, Элиза дорогая!

(«Элегия. На смерть сестры авторовой Е. П. Бутурлиной»)

Некоторые элегии впоследствии были значительно сокращены Сумароковым, который чувствовал их растянутость и стремился придать им бóльшую стройность и компактность. Так, элегия «Уже ушли от нас играния и смехи», имевшая в первой редакции 40 стихов, была сокращена до 12, а элегия «Ты только для того любовь уничтожаешь» при переработке утратила 68 стихов (вместо 96 осталось 28).

Песни, эклоги и элегии Сумарокова 1740-х и последующих годов являлись ответом писателя на потребности того дворянского круга, который в то время с наибольшей силой определял пути формирования дворянской культуры XVIII века. Именно то, что они отвечали тогдашним эстетическим вкусам и потребностям культурного или, точнее, полукультурного дворянства, создавало Сумарокову в дворянских кругах широкую популярность.

Отсутствие точной датировки очень многих произведений Сумарокова лишает нас возможности полностью воссоздать постепенное раз-

витие его поэтического творчества. Несомненно, однако, что усиленное писание песен, эклог и элегий в 1740-е годы помогло Сумарокову выработать относительно легкий, для той поры даже музыкальный, стих, живой язык, близкий к тогдашнему разговорному, уменье довольно верно, хотя и поверхностно, передавать душевные состояния. Сумароков хорошо овладел александрийским стихом (шестистопный ямб с парными рифмами), которым написаны его эклоги и элегии, а также эпистолы, сатиры и девять трагедий. Обычно вызывает удивление гладкость и плавность стиха даже самых ранних трагедий Сумарокова, а также достаточная умелость в передаче психологических состояний героев этих произведений. Однако, если принять во внимание, как много было написано им в этот период песен, эклог и элегий, известная художественная зрелость его трагедий не должна казаться непонятной.

Хотя Сумароков неоднократно заявлял, что у него не было никаких руководителей в поэзии, однако несомненно, что в начале своей поэтической деятельности, во вторую половину 1730-х годов, он был убежденным последователем Тредиаковского. Появление новаторской поэзии Ломоносова Сумароков, по словам последнего, встретил недружелюбными эпиграммами, нам неизвестными. Однако вскоре Сумароков, как, впрочем, и Тредиаковский, усвоил новые принципы версификации и литературного языка, введенные Ломоносовым.

В 1740-е годы, наряду с песнями, эклогами и элегиями, Сумароков писал и оды — торжественные и духовные. Имея перед собой как образец оды Ломоносова, он следовал им, в особенности на первых порах. Так, в своей первой оде 1743 года Сумароков применяет ломоносовские образы и обороты речи:

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?
. . . .
Стенал по нем <Петре. — *П. Б.*>
сей град священный,
Ревел великий океан...
. . . .
Борей, бесстрашно дерзновенный,
В воздушных узах заключенный,
Не смел прервать оков и дуть.

Эти черты ломоносовской одической поэтики сохраняются в одах Сумарокова и более позднего времени. Вот отрывок из оды Елизавете 1755 года:

Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды!
Пойдем пленить или умреть.

Вот строфа из оды о Прусской войне (1758):

Что где российский пламень тронет,
То там трясется и падет;
Земля и воздух тамо стонет,
И море в облаках ревет.
Где русские полки воюют,
Там огненные ветры дуют,
И тучи там текут, горя:
Пыль, дым метаются пред зраком
И землю покрывают мраком,
В полудни в небесах заря.

Внешнее следование Ломоносову не мешало Сумарокову и в 1750-е годы выступать с пародиями на оды своего учителя, демократический характер творчества которого, в сущности, был ему глубоко чужд. Однако эти «вздорные оды» в известной мере могут считаться и автопародиями, так как Сумароков, создавая свои торжественные оды, подчинялся «законам жанра» и пользовался художественными приемами, которые сам же осуждал.

Вместе с тем торжественные оды Сумарокова давали ему возможность высказывать свои политические воззрения. В одах последнего периода, обращаясь к наследнику престола, будущему императору Павлу I, Сумароков предупреждал его об опасностях, которые ждут всякого царя; при этом, рисуя образ отрицательного государя — тирана, поэт давал ясно понять, что имеет в виду Екатерину:

Не сим царь сан свой отличает,
Что льзя разити и пленять,
Что все пред ним стоят со страхом,
Что властвует людьми, как прахом,
И что он может жизнь отнять.
Когда монарх насилью внемлет,
Он враг народа, а не царь...
Нестройный царь есть идол гнусный
И в море кормщик неискусный.

Его надгробье: «Был он яд».
Окончится его держава,
Окончится его и слава,
Исчезнет лесть, душа — во ад.

(«Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года»)

Через три года Сумароков снова писал Павлу Петровичу:

Без общей пользы никогда
Нам царь не может быти нравен.
Короны тьмится блеск тогда,
Не будет царь любим и славен,
И страждут подданны всегда.
Души великой имя лестно,
Но ей потребен ум и труд,
А без труда цари всеместно
Не скипетры, но сан несут.

Вполне понятно, что подобные намеки на Екатерину Сумароков мог себе позволить только в окружении официальных похвал императрице, которые следовало бы, по его же терминологии, обозначить как лесть. Однако Сумароков в ряде своих произведений пытался объяснить, с одной стороны, причины своей лести, с другой, почему он не выступает открыто против тех явлений, которые его возмущали как дворянина — «сына отечества».

Так, в трагедии «Димитрий Самозванец» (1771) Сумароков писал:

Не мни, чтоб истину злодею я открыл...
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело:
Обман усилился на трон его венчать,
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя...

(д. I, явл. 4)

В той же трагедии Сумароков писал:

Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостным лукавцем я подобен.
Вот поступь, если царь неправеден и злобен

(д. II, явл. 1)

Пользу молчания в тогдашних политических условиях Сумароков обосновывал так:

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.

(Притча «Пир у льва»)

А ежели нельзя сказати правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко, — не бесславно.

(Сатира «О честности»)

Поэтому, читая оды Сумарокова, не следует принимать за чистую монету все вынужденные обстоятельствами комплименты Екатерине, от милости которой он, вечно материально стесненный, ежегодно обращавшийся к ней с просьбами выдать ему пенсию вперед, зависел в самом прямом смысле слова. Напомним, что авторского гонорара писатели в то время не получали и доход от продажи книг Сумарокова шел в казну.

Следует обратить внимание еще на один способ выражения Сумароковым своих литературно-политических взглядов в конце 1760 — начале 1770-х годов. Так, например, перепечатывая свои ранние произведения, он сокращал в них, в частности в одах, посвященных Елизавете и Екатерине, строфы, особенно пропитанные лестью. Впрочем, нередко сокращения имели и эстетические основания.

Определенным приемом политической борьбы Сумарокова в это время были вставки злободневного содержания в более ранние произведения. Так, переиздавая в 1768 году, через 21 год после первой публикации, свою трагедию «Хорев», Сумароков в начале V действия заменил прежний связанный с содержанием пьесы монолог Кия новым, совершенно не нужным для развития сюжета и обрисовки характера героя, но представлявшим явный, всем понятный выпад против Екатерины: в это время императрица особенно гордилась своей Комиссией для сочинения проекта Нового уложения, которая должна была дать стране новые законы, а личная жизнь Екатерины, ее непрекращавшиеся любовные связи с фаворитами были хорошо известны в Петербурге и за его пределами. Поэтому понятно, как злободневно звучал в таких условиях новый текст монолога Кия:

О, время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всех трудней его законы.
Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
И превращается в тиранство строга власть...

Потребно множество монарху проницанья,
Коль хочет он носить венец без порицанья
И, если хочет он во славе быти тверд,
Быть должен праведен, и строг, и милосерд,
Уподоблятися правителям природы,
Как должны подражать ему его народы...

(д. V, явл. 1)

Свои морально-политические взгляды Сумароков высказывал и в так называемых «духовных одах».

В европейских литературах XVII—XVIII веков духовная ода была не столько выражением религиозных воззрений, сколько способом решения этических проблем определенного характера. Пользуясь часто формой перевода псалмов или переложения молитв, тогдашние поэты получали возможность касаться таких тем, которые в других случаях могли вызвать цензурные возражения. Сумароков следовал по тому же пути. Он перевел почти всю «Псалтырь», в том числе и известные псалмы 81 и 145, представляющие произведения, критикующие власть царя и поэтому воспринимавшиеся иногда как антимонархические; но в переводе Сумарокова сильно приглушено их идейное звучание. Впоследствии перевод псалма 81, изданный Державиным под названием «Властителям и судиям», навлек на него гнев Екатерины; перевод псалма 145 Ломоносова имел значительно более резкий характер.

Другие «духовные стихотворения» Сумарокова являлись выражением его душевных переживаний, страха смерти, мыслей о бренности человеческой жизни. Возможно, обилие стихотворений на эти темы связано с тем, что Сумароков был масоном; по крайней мере, известно, что одно время (в середине 1750-х годов) он состоял в масонской ложе.

VIII

Во второй половине 1740-х годов Сумароков стал писать стихотворные трагедии, жанр, до того времени отсутствовавший в русской литературе.[1] Внимание к внутреннему миру человека, к его переживаниям, смене чувств, проявившееся в многочисленных песнях, эклогах и элегиях Сумарокова, уверенное владение стихом позволили ему сразу

[1] Всего им было написано девять трагедий: «Хорев» (1747), «Гамлет» (1747), «Синав и Трувор» (1750), «Артистона» (1751), «Семира» (1752), «Димиза» (1756; позднее переработана под названием «Ярослав и Димиза»), «Вышеслав» (1770), «Димитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774).

же создать высокохудожественные для того времени драматические произведения. Политическая позиция Сумарокова этих лет подсказала ему тематику и проблематику трагедий. В своих трагедиях 1740-х—1750-х годов Сумароков пропагандировал идеи подчинения «страстей» — «разуму», «рассудку», «чувства» — «долгу». Монархи в его тогдашних трагедиях изображаются главным образом как «идеальные государи»; отклонение их от идеала, «порабощение» их «страстям», например их подозрительность, недоверчивость, влекут за собой трагическую развязку («Хорев»). Такие трагедии имели в то время несомненное воспитательное значение для дворянского общества, привыкшего к деспотизму своих быстро сменявшихся монархов.

Вместе с тем трагедии Сумарокова 1740—1750-х годов привлекали тогдашнего дворянского зрителя своим умением раскрыть духовный мир героев, в особенности — показать богатую гамму их переживаний, связанных с чувством любви. Для своих учеников и поклонников Сумароков был в начале 1750-х годов

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя «Семиры».

В трагедиях 1760—1770-х годов, сохраняя те же в основном воспитательные цели и ту же драматургическую технику, Сумароков повел борьбу с политикой Екатерины II. Вместо «идеальных государей» своих ранних трагедий, в пьесах последнего периода он стал изображать «тиранов на престоле», с явным намерением вызвать у зрителей сопоставление этих отрицательных героев с Екатериной II. Особенно отчетливо видно это в трагедии «Димитрий Самозванец».

В трагедиях Сумароков не только с особенной строгостью следовал уже существовавшим правилам классицизма, но, как он сам указывал, ставил себе еще и дополнительные.

Прежде всего тут соблюдались знаменитые три «единства» — времени (выбирался такой момент сюжета, когда все развитие действия укладывалось в условные «одни сутки», а на деле — и того меньше), места (при одной и той же декорации) и действия (когда интрига не осложнялась боковыми эпизодами). Затем сохранялось деление действующих лиц на героев (положительных и отрицательных) и наперсников или заменявших их персонажей; делалось это для того, чтобы избежать большого количества монологов и вместе с тем дать возможность героям излагать свои планы, переживания и рассказывать о своих действиях. В трагедиях раннего периода Сумароков пользовался еще фигурами «вестников», обязанностью которых было сообщать героям о событиях, происходивших за сценой.

Неукоснительно следовал Сумароков и правилам композиции трагедий: первое действие, обязательно начинавшееся экспозицией, беседой героя или героини с наперсником или наперсницей (иногда отцом, как в «Синаве и Труворе», или мамкой, как в «Хореве»), являлось завязкой пьесы; второе действие должно было служить обострению конфликта; третье представляло кульминацию драматического содержания пьесы; четвертое подводило итог всему предшествовавшему и намечало развязку, обычно короткую, имевшую место в последнем, пятом акте.

Поскольку задача трагедии была сформулирована Сумароковым в виде положения: «творец находит путь Смотрителей своих чрез действо ум тронýть», он брал сюжеты для своих трагедий разительные, волнующие, но не подавляющие зрителя, не оставляющие мрачного впечатления. Наиболее сильной пьесой Сумарокова в этом жанре считалась трагедия «Димитрий Самозванец». В обрисовке «характеров» своих героев Сумароков в основном следовал положению Вольтера: «Действующие лица всегда должны сохранять свои качества... Искусство состоит в том, чтобы показать весь нрав и все чувства действующего лица посредством <того>, как заставляют его говорить, а не по тому, как сие действующее лицо само от себя говорит».[1] У Сумарокова соблюдается полностью первая часть этой формулы («характеры» остаются неизменными, не развиваются), но не всегда «характер» героя выясняется из действия (из «того, как заставляют его говорить»); часто действующее лицо характеризует самого себя. Так, Димитрий Самозванец с первых же слов говорит о себе:

Зла фурия во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может...
Я ведаю, что я нежалостный зла зритель
И всех на свете сем бесстудных дел творитель.

(д. I, явл. 1)

И этот «злодейский» «характер» героя выдерживается Сумароковым до последней тирады Димитрия, вызывавшей бешеные овации публики в честь любимых актеров-трагиков:

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(Ударяет себя в грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражей.)

О, если бы со мной погибла вся вселенна!

(д. V, явл. последнее)

---

[1] Вольтер. Общие правила театра. Перев. А. Писарева. СПб., 1809, стр. 76.

Соблюдал Сумароков требование, чтобы в репликах героев (чаще всего в монологах) были четкие фразы — формулы, афористически построенные и поэтому легко запоминавшиеся. Кроме приведенных выше отрывков, заслуживают внимания следующие:

Извéрги иногда на пышны всходят троны,
Почтенный человек почтен и без короны.

(«Мстислав», д. III, явл. 6)

Несчастна та страна, где множество вельмож,
Молчит там истина, владычествует ложь.

(«Димитрий Самозванец», д. III, явл. 5)

Я, царствуя, хочу быть больше человеком.

(«Вышеслав», д. V, явл. 2)

Из приведенных материалов явствует, что под пером Сумарокова трагедия, в особенности в последний период его литературной деятельности, представляла средство политической борьбы. Намеки на честолюбивую, не скрывавшую своих любовных связей Екатерину были в трагедиях Сумарокова настолько очевидны, что императрице оставалось только одно — делать вид, что она не понимает их, и разрешать их к постановке и к печати. Благодаря этому трагедии Сумарокова становились средством политического просвещения тогдашнего — опять-таки в первую очередь дворянского — зрителя, а также и более широких, демократических кругов. Этим объясняется большой театральный и читательский успех трагедий Сумарокова: некоторые из них выдержали по 4 и даже по 5 изданий. Можно без натяжки сказать, что трагедии Сумарокова были своего рода политической школой русского зрителя второй половины XVIII века.

Трагедии Сумарокова положили начало политическому направлению в русской драматической литературе. Я. Б. Княжнин со своим «Вадимом Новгородским» и Н. П. Николев с «Сореной и Замиром», трагедиями, содержавшими наиболее резкие антимонархические тирады в русской литературе XVIII века, были только логическим завершением того, что начал Сумароков.

Политический характер имели и многие басни (притчи) Сумарокова. Так, борьба братьев Орловых за место фаворита при Екатерине отразилась в притче «Война Орлов». Басня «Кулашный бой» направлена против гр. А. Г. Орлова, отличавшегося большой физической силой и любившего участвовать в кулачных боях с ямщиками, мясниками и пр. Несомненно политический характер имеет притча «Мид»,

в которой рассказывается предание о царе Мидасе, имевшем ослиные уши; суть этой басни не в сюжете,[1] а в заключительных стихах, «морали», направленной против Екатерины:

Хотя хвала о ком неправо и ворчит,
История о нем иное закричит.

Вероятно, с событиями времени борьбы с Пугачевым связана притча «Совет боярский». Такой же характер, надо полагать, имеют притча «Посол Осел», сюжет и развязка которой звучат как анекдот из дипломатического мира, и эпиграмма (в сущности, такая же басня) «Нетрудно в мудреца безумца претворить», в которой явно чувствуется намек на лицо, удостоенное ордена «Золотого руна».

Однако большее количество басен, эпиграмм и сатир Сумарокова посвящено борьбе с отрицательными явлениями тогдашней русской действительности, в основном — дворянской. Главными предметами сатирического осмеяния Сумарокова были невежество, неуважение к родному языку и предпочтение ему языка французского, мотовство дворянских молодых людей, разорительное модничанье, взяточничество чиновников, проделки откупщиков, жадность к деньгам, несоблюдение общепринятых моральных принципов, семейные отношения и т. д.

Заметный раздел в сатирических произведениях Сумарокова, в особенности притчах, составляют темы литературные. Многие басни посвящены его литературным противникам — Тредиаковскому («Жуки и Пчелы», «Сова и Рифмач» и др.), Ломоносову («Осел во львовой коже», «Обезьяна-стихотворец», «Неосновательное самолюбие»), Д. В. Волкову («Притча о несмысленных писцах»), М. Д. Чулкову («Парисов суд») и пр. Иногда Сумароков обращал притчи и против своих подражателей («Портной и Мартышка»). Но есть у него ряд басен, по-видимому, лишенных полемической направленности и решающих, так сказать, исключительно теоретические вопросы. Таковы, например, притча «Учитель поэзии», в которой Сумароков объясняет принципиальную допустимость рифм в любовной поэзии, и «Коршун», предметом которой являются также и вопросы стилистические.

При сопоставлении с баснями Крылова, кстати сказать часто обращавшегося к тем же сюжетам, что и Сумароков, притчи последнего обычно представляются слабыми и, во всяком случае, более бледными. Если же стать на историческую точку зрения и вспомнить, что литературными предшественниками и современниками Сумарокова в разработке этого жанра были слабые как баснописцы Кантемир и Тредиа-

[1] Возможно, «ослиные уши» Мида, которые якобы «впоследствии» стали всем известны, — это фавориты Екатерины II.

ковский (Ломоносову принадлежат всего три басни), позже А. А. Ржевский, М. М. Херасков и др., станет понятно, почему в XVIII и начале XIX века басни Сумарокова пользовались огромным успехом. «Притчи его почитаются сокровищем Российского Парнаса», — писал о Сумарокове Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772).

В баснях Сумароков, с одной стороны, давал волю своему сатирическому дарованию, не стесняемому никакими жанровыми «правилами» классицизма (напомним, что Буало обошел басню в своем «Поэтическом искусстве»), с другой — проявлял хорошее знание языка и исключительное умение владеть им. Советский исследователь истории русской басни Н. Л. Степанов пишет: «Самобытность и национальный характер русской басни особенно полно сказались в творчестве А. Сумарокова. Сумароков решительно восстал против басенной манеры Лафонтена и других западноевропейских баснописцев, обратившись к созданию басни на основе народной, фольклорной традиции. «Гротескность», натуралистичность басен Сумарокова являлись во многом полемическими по отношению к западноевропейской басне, опирались на лубочную и комическую народную литературу и фольклор». [1]

При несомненной верности этих наблюдений, они не исчерпывают характерных черт басенной манеры Сумарокова. Можно с полным основанием утверждать, что в своих притчах Сумароков шел по пути, очень близкому к тому, который в XIX веке стал называться реалистическим. У него почти на каждом шагу встречаются образы-обобщения, имеющие социально-типический смысл. Так, в басне, имеющей двойное заглавие «Мышь и Кошка. — Боярин и Боярыня», мы находим поразительно емкую, экономную, но исчерпывающую характеристику дворянина, напоминающую портреты помещиков в классической литературе XIX века:

Боярин был, боярыня была...
Боярин ел, боярин пил, боярин спал,
А если от труда устал,
Для провождения он времени зевал.

В басне «Счастие и Сон» Сумароков рисует образ фаворита или вообще неожиданно разбогатевшего ничтожества:

---

[1] Н. Л. Степанов. Русская басня XVIII и XIX века; в кн: Русская басня, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., «Советский писатель», 1949, стр. XVII.

Всего довольно он имел:
Не зная азбуки, и грамоте умел
И славою по всей подсолнечной гремел,
А лучше и всего — любовницу имел
Прекраснейшую саму, —
Такую даму,
Каких десяток нет у нас и на Руси.
Нагнувшися пред ним, покорствуй и труси
И милости себе у идола проси.
Имел еще болван повадку,
Когда кого невзлюбит он,
Тому соделать тяжкий стон,
А иногда и лихорадку.

Встречаются в притчах Сумарокова замечательно живые картинки русской народной жизни, в которых видна большая, и вовсе не в духе классицизма, наблюдательность поэта. В басне «Два прохожие» изображается пропажа топора в деревне:

По всей о топоре деревне шум.
Крестьяне завсегда в таких случаях дружны.
Хозяин топора в то время всем был кум,
Все стали кумовья, и куму все услужны,
А бабы все — кумы.

Еще более колоритна другая деревенская сценка, по-видимому, не раз происходившая на глазах Сумарокова:

По всей деревне шум,
Нельзя собрати дум,
Мешается весь ум:
Шумят сердиты бабы.
Когда одна шумит,
Так кажется тогда, что будто гром гремит.
Известно, голоса сердитых баб не слабы.
Льет баба злобу всю, сердитая, до дна.
Несносно слышати, когда шумит одна
(В деревне слышится везде Ксантиппа древня),
И зашумела вся от лютых баб деревня.

(«Деревенские бабы»)

Уже из приведенных примеров видно, что Сумароков любил в притчах подробности, неторопливое повествование, сопровождаемое авторскими оценками и размышлениями. Однако это не мешало и сжатости и афористичности его стиха в очень многих случаях. Во мно-

гих его притчах встречается краткий вывод — афоризм, нередко очень удачный. Вот несколько примеров: «Науки и умы мешков не победят» («Два скупые»), «Мала у разума, у силы больше власть» («Надутый гордостью Осел»), «Чего не получил, того своим не числь: То разно, — что в руке, и чем владеет мысль» («Собака с куском мяса») и пр.

Метрика басен Сумарокова заслуживает особенно подробного изучения. Во всех прочих жанрах стих Сумарокова был более или менее однообразен. Это, как уже указывалось ранее, александрийский стих в элегиях, эклогах, трагедиях; четырехстопный ямб или хорей в одах и дифирамбах. В притчах, почти всегда написанных ямбом (из исключений заслуживает внимания притча «Мужик с котомой», один из редчайших случаев применения в поэзии XVIII века анапеста), Сумароков пользовался стихом, содержавшим от двенадцати слогов до одного («Коршун», «Попугай», «Кораблекрушение»). Обращал он особое внимание на рифму (см. басню «Тщетная предосторожность», состоящую из одиннадцати стихов с одной рифмой). В трагедиях и одах у Сумарокова были постоянные рифмы («минуты» — «люты», «расшибла» — «погибла», «Екатерины» — «крины»), в притчах он всегда изобретателен, всегда ищет, и порою в ямбическом стихе допускает редкую дактилическую рифму («побытом» — «хоботом» — басня «Коршун»).

Н. Л. Степанов, характеризуя стиль басен Сумарокова, писал: «Это не рационалистический ясный и закономерный мир классицизма, а живой, грубовато-правдоподобный быт, гротеск, напоминающий присказки и прибаутки».[1] Верные наблюдения исследователя о месте фольклора в баснях Сумарокова должны быть уточнены: надо отдать больше справедливости личному творчеству Сумарокова, надо понять, что он мог не только подражать (классицизму ли, фольклору ли, — все равно), но и творить самостоятельно. И творил он в направлении, по которому после него пошли другие, в том числе и великий Крылов. Поэтому надо прямо сказать: Сумароков (и вслед за ним Хемницер) прокладывал путь для Крылова, без Сумарокова Крылову было бы много труднее.

Из всех литературных жанров, в которых писал Сумароков, меньше всего ценил он сам и его современники его комедии. В поэтическом кодексе классицизма комедии отводилось место в самом нижнем ряду, комедия пользовалась обычно успехом наименее просвещенной и взыскательной театральной публики. Сумароков смотрел на свои комедии как на необходимый, традиционный привесок к серьезной части спектакля: после трагедии обязательно должен был ставиться «нахшпиль»

---

[1] Н. Л. Степанов. Цит. статья, стр. XXIII.

или «петипьеса» — одноактная, редко двухактная комедия. Таковы и были первые комедии Сумарокова — «Тресотиниус», «Ссора у мужа с женою», «Третейный суд». Все они больше напоминали балаганные фарсы, чем классические комедии. Комедии более позднего периода Сумароков писал уже с учетом новых театральных вкусов и веяний. Он откровенно признавал, что «Мельпомена» (муза трагедии) ему «любезнее», чем «Талия» (муза комедии). Комедии Сумарокова имели еще одну черту, ронявшую их в глазах современников, — они были портретны и памфлетны: в «Тресотиниусе» он изобразил Тредиаковского, в «Приданом обманом», «Опекуне» и «Лихоимце» — своего зятя А. И. Бутурлина (под именем «Кащея» Сумароков выводит последнего и в сатирах и в притчах), в «Нарциссе» — И. И. Шувалова.

Тем не менее свое положительное значение имели и комедии Сумарокова, хотя бы тем, что они послужили отправной точкой для формулировки новых эстетических требований у молодых драматургов — В. И. Лукина, Д. И. Фонвизина и пр.

Следует упомянуть, что Сумароков выступал и как журналист-прозаик У него есть недурные для того времени статьи по философии, экономическим вопросам, истории, филологии, вопросам воспитания и т. д. Это был разносторонний, достаточно образованный по тому времени писатель. Он гордился своей библиотекой, которая дала ему возможность восполнить пробелы в скудных знаниях, приобретенных в Сухопутном шляхетном корпусе.

Существенное значение для развития русской литературы имело и то, что Сумароков писал в самых различных жанрах, разнообразными метрами, создавал оды сафические, горацианские, анакреонтические, стансы, сонеты, пытался писать эпическую поэму и т. д. Он уделял большое внимание вопросам стиха: старался сделать его гибче, музыкальнее и выразительнее. Александрийский стих Сумарокова, наиболее часто употреблявшийся им, вовсе не монотонен. Сумароков передвигал цезуру, допускал ее и после четвертого, пятого, седьмого и даже восьмого слога. Наряду с вызывавшими возражения его противников дактилическими ударениями перед цезурой в первом полустишии александрийского стиха (вроде «Неожидаемый. . .», «А беспрепятственно. . .»), в конце своей деятельности (в «Эклогах» 1774 года) Сумароков совершенно сознательно стал применять в первом полустишии ударения на втором слоге от начала стиха (например, «Задумывалася», «Усиливалася», «Нежалостливейший», «Мной чувствуемые» и т. д.). [1] Допускал он и «переносы» (enjambement).

---

[1] Единичные случаи подобных ударений встречаются и в «Хореве» (1747) и в «Двух эпистолах» (1748).

В противоположность принципам «громких од» Ломоносова, Сумароков развивал учение о «приличной простоте», «естественности» поэзии. Однако кажущаяся правильность его суждений не должна скрывать от советского читателя дворянского, условного содержания их и основанной на них поэтической практики Сумарокова. Борьба его с Ломоносовым по внешности касалась вопросов теории литературы, а по существу это было отстаивание дворянского содержания поэзии против общенационального, демократического ломоносовского.

Ломоносов пропагандировал идеи государственности, национальной культуры, просвещения; для таких больших вопросов он выбирал соответствующую лексику, грандиозные образные построения, величественные, фантастические картины. Сумароков, касаясь тех же проблем, решал их с чисто дворянских позиций, он стремился воспитать своей поэзией «сынов отечества», дворянских патриотов, которые как по своей «природе», происхождению, так и по своей культурности должны занимать руководящие места в государственном аппарате. У «сынов отечества» «разум», «рассудок» всегда управляет «страстями». «Ум трезвый, — говорит Сумароков в «Оде В. И. Майкову», — завсегда чуждается мечты».

Так под внешне правильными теоретическими положениями Сумароков на практике проводил классово ограниченные дворянские воззрения. В борьбе его с Ломоносовым историческая правота была не на стороне Сумарокова.

При всем этом в литературе середины XVIII века Сумароков был наиболее крупным представителем русского дворянского классицизма. Эта разновидность классицизма имела ряд черт, делавших ее непохожей на классицизм французский, как, например, приятие некоторых сторон народного творчества (в песнях), отказ от чопорности языка и бытовые зарисовки реалистического характера (в притчах), обращение к русской истории (в трагедиях) и т. д.

IX

Будучи от природы очень раздражительным, нервным (у него был нервный тик), Сумароков в житейском отношении был личностью не очень приятной. Эти черты наложили известный индивидуальный отпечаток на его литературную деятельность. Этим, по-видимому, можно объяснить большое количество полемических выступлений Сумарокова, его эпиграммы и пародии. Однако несомненно, что в целом позиция Сумарокова — политическая и литературная — была определена требованиями, выдвинутыми в середине XVIII века историей перед дворянством России как правящим классом. Именно эта истори-

ческая необходимость продиктовала дворянскую «идейность» поэзии Сумарокова, внушила ему критическо-сатирическое отношение к дворянско-бюрократической русской действительности, угрожавшей прочности позиций дворянства как господствующего класса.

В тогдашних условиях классовой борьбы в России критика крепостнического государства, даже с тех ограниченных позиций, на которых стоял Сумароков, имела положительное значение. Читатели Сумарокова из числа передовых дворян и из демократических слоев вкладывали в его критику более глубокое содержание, переосмысливали в демократическом направлении его дворянскую идейность. Новиков, издавая свои антиекатерининские сатирические журналы, брал для них эпиграфы из притч Сумарокова, — «Они работают, а вы их труд ядите» и «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много», — вкладывая в эти стихи, имевшие у Сумарокова чисто литературное содержание (см. ниже примечания к притчам «Жуки и Пчелы» и «Сатир и Гнусные люди»), более резкий, антикрепостнический смысл. Радищев вообще очень высоко ставил Сумарокова, называл его «отменным стихотворцем»; говоря о заслугах Ломоносова перед русской культурой, Радищев с особенной подчеркнутостью отметил: «Великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова».[1]

Горячо любя родной язык и гордясь его красотой и богатством, Сумароков искренне негодовал, видя со стороны дворян пренебрежение к русскому языку и предпочтение языка французского. Он написал на эту тему ряд притч («Шалунья», «Порча языка» и др.), сатиру «О французском языке»; в комедии «Пустая ссора» поместил карикатурно-пародийный диалог «петиметра» Дюлижа и «петиметерки» Деламиды, представляющий резко сатирическое осмеяние русско-французского жаргона придворного дворянства 1740—1750-х годов.

Большое значение имела обработка Сумароковым русского литературного языка. Не обладая той школьной образованностью, которая отличала Тредиаковского и Ломоносова и которая основывалась на глубоком и серьезном изучении церковных книг, Сумароков пользовался в своем творчестве обыкновенным разговорным языком культурного столичного дворянства. Он свободно нарушал устаревшие к тому времени нормы церковнославянского языка, ставил русские ударения и окончания там, где, по мнению Тредиаковского, это было проявлением литературной необразованности и «площадного употребления». Тредиаковский упрекал Сумарокова за то, что он писал «даль-

[1] А. П. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (Слово о Ломоносове). Избранные сочинения. М., ГИХЛ, 1952, стр. 196.

не́йший», а не «да́льнейший», «разру́шен», а не «разруше́н», «кля́ну», а не «клену», «красы безвестной», а не «красы безвестныя» и т. д. Когда читаешь произведения Сумарокова, в особенности его стихи, создается впечатление, что они написаны более близким к нашему времени литературным языком, чем даже язык Ломоносова, не говоря уже о языке Тредиаковского.

Пушкин, при всем своем отрицательном отношении к художественной ценности наследия Сумарокова, писал: «Сумароков прекрасно знал по-русски, лучше, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны».[1] В этом противопоставлении Сумарокова Ломоносову есть, несомненно, элемент преувеличения, но в одном отношении Пушкин был прав: живой литературный русский язык Сумароков знал прекрасно, и изучение языка Сумарокова небесполезно и сейчас.

Справедливо считая, что

Прекрасный наш язык способен ко всему,

Сумароков практически стремился доказать это, писал, как уже указывалось выше, во всех возможных в то время литературных жанрах, ставя своей целью обогащение русской литературы. Много было в этом ребяческого желания во всем быть первым, быть «отцом российского стихотворства». Однако в основе этого тщеславия лежала глубокая оценка Сумароковым общественного значения литературы, глубокое понимание ее воспитательной роли. Пушкин как заслугу его отмечал, что в ту пору невежества и пренебрежения к литературе «Сумароков требовал уважения к стихотворству».[2]

В творчестве Сумарокова, во всей его литературной деятельности было много противоречий, в классово ограниченном, порою реакционном содержании его поэзии были значительные прогрессивные элементы. Не закрывая глаза на эти противоречия, на дворянскую классовую ограниченность наследия Сумарокова, советская литературная наука берет положительное в его литературном творчестве и дает ему должную историческую оценку.

П. Н. Берков

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. 11. М., 1949, стр. 59.
[2] Там же.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Е. И. В. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ОДЫ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА 1740, ОТ КАДЕТСКОГО КОРПУСА СОЧИНЕННЫЕ ЧРЕЗ АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА

I

1

Как теперь начать Анну поздравляти,
Не могу когда слов таких сыскати,
Из которых ей похвалу сплетати,
Иль неволей мне будет промолчати?
Но смолчать нельзя! Что ж мне взять за средство,
Не умея ж петь, чтоб не впасти в бедство,
Тем, что ей должна похвала толика,
Коль она славна в свете и велика?

2

Хочется начать, трепещу, немея,
Страхом поражен, приступить не смея.
Я боюсь, когда ту начну хвалити,
Песнью чтоб простой ту не прогневити.
О, сберися смысл, сколько ти возможно,
И трудись, трудись, только осторожно,
Чтобы мне не впасть в винность несказанну,—
Поздравлять хочу ведь велику Анну.

3

Что ж, предприиму ону поздравляти.
То меня одно может извиняти,
Что и никому ту хвалить не можно,
Но хвалити так, как хвалити должно,
Тем, что ведь нельзя одному языку
Точно прославлять Анну толь велику.
Так, несмелость прочь, — начинаю пети,
Больше силы нет промолчать умети.

4

Корпус наш тебя чрез мя поздравляет
С тем, что новый год ныне наступает.
Ты ж, России всей матерь предрагая,
В оный управляй, храбро побеждая,
Или чтоб враги то, смирясь, сказали,
Что они тобой побежденны стали,
И чтоб, кинув меч, дале отбегали,
Мы ж бы вновь тебе «виват!» воскричали.

5

Провождай сей год, все и прочи лета,
Будучи красой так, как ныне, света,
Для того что ты помощь христианска.
Уж падет тобой Порта Оттоманска,
А коль храбро ту, Анна, побеждаешь,
Монархиня, то и сама ты знаешь.
Так тебе не льстим, тя как прославляем,
Что с тобой самой мы все обще знаем.

6

Только ль же хвалы, ты что побеждаешь?
Вспомним, мудро как ты и управляешь,
В совершенство всё, зрим, тобой приходит,
В лучший цвет твоя мудрость нас приводит,
На победы зреть, те врагом злы муки.
Взглянем же когда мы и на науки,
Не всегда ль их здесь ширятся границы,
Спросим: «От кого?» — от императрицы.

7

Милость ли мала? Малы ль той приметы?
Не довольно ль той кажут и кадеты?
Вопят те всегда, воздевая руки:
«Анна, мы с тобой видим свет науки!
Анна, нам и впредь матерь буди, буди!
Мы из ничего становимся люди.
Ты ж бы здесь когда, матерь, не владала,
Жизнь бы наших лет даром пропадала.

8

Ты нам, Анна, мать, мать всего подданства,
Милостью же к нам мать всего дворянства!
Чрез сие так нам можно ль же сдержаться,
Чтоб тебе детьми трижды не назваться?
Трижды ж мы когда ставимся сынами,
Трижды воскричим громко голосами:
Здравствуй в новый год, матерь о избранна,
И владей, владей ты три века, Анна!»

<1739>

II

1

О Россия, веселись, монархиню видя,
Совершенную в дарах на престоле сидя,
И, играя, возопий: «Анна мной владеет!
Чем против мя устоять никто не умеет,
Храбро имя всех от стран ею получаю.
Так я, льстя ли, сим ее ныне прославляю,
Прославляя ж, мне нельзя громко не вскричати:
Анна, о изволь вовек мною ты владати!

2

Чрез тебя мой меч остер в поле как сверкает,
И по воле им твоей Марс как управляет,
Марс сечется за тебя, войском управляя,
Марс, с тобою и меня храбро защищая.

Бомбы в воздухе летят небо достигати,
Чтоб небесна на врагов грому там достати
И, на землю что падут, ад тем растворяти.
Анна, о изволь вовек мною ты владати.

3

Люди, земли, города ти к ногам валятся,
И под именем моим, поваляся, зрятся,
Расширяешь рубежи к жизни безопасной,
Чрез упадок что тобой злых врагов несчастной,
Мне ж довольно тя нельзя, Анна, величати,
За победы чем ты мя тщишься возвышати.
Молвлю ж громко я опять, — нельзя бо смолчати, —
Анна, о изволь вовек мною ты владати!

4

Марс с Минервой мя красят и без всякой лени,
Марс с Минервой, разделясь, кажут мне ступени,
По которым я иду всходы через скоры,
И уж вижу, что взошла на высоки горы;
Вправо ль, влево ль посмотрю — всё себя зрю ниже,
Вскину очи к небесам — к небесам всех ближе.
Так возможно ль перестать речь ту повторяти:
Анна, о изволь вовек мною ты владати!?

5

Чем, монархиня, тебе милость ту платити,
Что возводишь мя на верх, всем меня чтоб зрити,
А когда от всех сторон мя стоящу видно,
Мне, показываясь им, там стоять не стыдно,
Для того что я тобой всюду украшенна
И в твои дни не была ни раз побежденна.
Всякой час мне те слова должно подтверждати:
Анна, о изволь вовек мною ты владати!

6

То, что начал Петр во мне, тщишься ты свершати,
Злость, лукавство и обман тщишься истребляти.
Анна, Петр не умирал, хоть лежит и в гробе,

Как, монархиня, в тебе зрю персоны обе,
И великого Петра и великой Анны,
К счастью вечну моему, мне от бога данны,
Так не следственно ль вскричать сей от благодати:
Анна, о изволь вовек мною ты владати!?

7

Сколько, Анна, ты полков новых сочинила?
Самодержица, не ты ль тем мя украсила?
Полк Минервы вить тобой в Петербурге зрится,
Где с Минервою и Марс уже не делится.
Всем, монархиня, твоя милость чем известна,
Всем известно, что и песнь тем тебе нелестна.
Мне ж за милости тебя как не прославляти?
Анна, о изволь вовек мною ты владати!»

8

Не забудь же, между тем, ту как прославляешь,
Что, Россия. ты теперь Анну поздравляешь.
Возгреми к ней, возгреми, торжествуя ныне,
И с почтением скажи «Здравствуй!» к монархине, —
«Здравствуй, славно проводя год тридцать девятый,
Проводи ж, о матерь, так четыредесятый!»
И скажи, что: «дай ти бог вечно пребывати!
Анна, о изволь вовек мною ты владати!»

9

Ну, Россия, чрез слова полно утруждати,
Анне есть о чем и так много помышляти,
Ты ж, кончая, к предрагой молви велегласно,
Не умолкнешь прославлять что ее всечасно,
А теперь ты возопий: «О златые веки!»
Что от той в тебя текут славы чисты реки.
Наконец, не позабудь ты опять сказати:
«Анна, о изволь вовек мною ты владати!»

<1739>

ОДА, СОЧИНЕННАЯ В ПЕРВЫЕ ЛЕТА МОЕГО ВО СТИХОТВОРЕНИИ УПРАЖНЕНИЯ

Вперяюся в премены мира
И разных лет и разных стран:
Взыграй сие, моя мне лира,
И счастья шаткого обман,
И несколько хотя исчисли
Людей тщеславных праздны мысли,
Тех смертных, коих праха нет,
Которы в ярости метались
И только в книгах лишь остались,
Поделав миллионы бед.

Царя прославити навеки,
Себе достойной ждуще мзды,
Идут в концы вселенной греки
В Семирамидины следы,
И где войск храбрых сила зрится,
Тут и победа с нею мчится.
Как воздух молния сечет
И пламень громы предвещает,
Так острый меч в полях сверкает,
И Азия попранья ждет.

Тя гордость, суеты любитель,
В страны Индийски позвала,
Тебя, покоя разоритель,
Тщета в край света завела.
Коль смерть бы мало опоздала
Скончать твой век, земля бы стала
Театром греческих темниц.
Ты б из последних стран сих вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ.

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны,
Себе б поставил олтари.
Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?

«Здесь под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру, в снедь червям, зарыт».

Забудь заразы Брисеиды,
Уставы исполняй судьбин!
Дай зрети, что ты сын Фетиды,
Прогневанный богинин сын!
Пусть гордый Илион валится,
Пускай Скамандрин брег дымится
И хищник примет горьку часть!
Коль спартская княжна прекрасна,
Ты толь, о Фригия, несчастна!
Твоя неправдой пала власть!

Отец героев, муз любитель,
Честь вечна жителям своим,
Всея вселенной повелитель,
О ты, великолепный Рим!
Рождайся и главу подъемли!
Ликуйте, Италийски земли!
Се муж, с Эолом брань творящ,
Гонимый яростью Юноны,
Несет на Тибр свои законы,
Средьземно море преходящ.

Пришел, его оружье блещет,
Кладет начало ваших сил.
Весь мир так нами вострепещет,
Как Турка трепет поразил.
До разрушения покоя
Что ты была, огромна Троя?
Была всей Азии краса.
Но как стопы в валы направил,
Эней, каков сей град оставил
Ты после грозного часа?

Там башни пеплом покровенны,
Дом царский грудами лежит,
Жилищи, храмы разрушенны,
И Ксанф в пустых местах шумит.

Когда, о Троя, ты пылала
И искры в облака бросала,
Вещая миру свой конец,
Вверх огненные реки льючи,
Вещала ль ты сквозь дымны тучи
Любовь двух дерзостных сердец?

Морями Тибр повелевает,
Венчан величеством с тобой,
От гор твоих устав внимает,
О Рим! страшась, весь круг земной.
Дидонины низверглись стены,
И пала область Карфагены,
Где прежде воздыхал Эней.
Он, сердце покорив царицы,
Простер за понт свои границы,
В потомках возвратился к ней.

Не странствуя блудящ водами,
Любовник твой к тебе пришел,
Не ищет суши меж волнами,
К жилищу обрести предел,
Разверзя глубины утробу,
Не плакать шествует ко гробу,
Где твой, Дидона, тлеет прах.
Скончалося его стенанье:
Идет твое рассыпать зданье
И пышный град погресть в валах.

Тебе прехвальные победы,
Италия, приносят плод.
В тех были днях твои соседы —
Один Нептун и дик народ.
Взнесенна на престол высоко,
Куды ни простирала око,
Всё зрела ниже ты себя,
Все царства зрела под ногами.
Римлян род смертных чтил богами
И матерью богов тебя.

Филиппов сын, когда корона
Сияла на главе его,

Слыть сыном восхотел Аммона
Среди народа своего.
Навходоносор в счастье многом
Возмнил себя почтити богом.
До звезд ты, гордость, возросла!
О лесть, душ подлых жертва смертным,
Куды ты прославленьем тщетным
Геройски имена взнесла!

Когда вселенна трепетала,
Со страхом твой храня устав,
Так мнила, как хвалы сплетала,
Римлян богами почитав.
Твой град победой украшался
И ложных сих имен гнушался,
Которы мир ему давал,
Его судьбиной ослепленный,
Он, внемля глас сей дерзновенный,
Ту честь на небо воссылал.

Дух слабый прямо помышляет:
«То так!», зря в счастье тьму чудес,
И робость сильну власть равняет
С превышней властию небес.
Там Македонин — сын Аммона,
Там бог — владыко Вавилона.
Сбылся царя стран Мидских сон,
На дщерь его причина гнева:
Восток покрылся тенью древа, —
И пал великий Вавилон.

Ерусалима разоритель,
Воззри, где твой престол стоял!
Ты мертв, о гордый повелитель,
Божественный твой трон упал.
Израиль плен свой покидает
И храм свой паки созидает.
Когда лишился ты венца
И с жизнью власть твоя скончалась,
Куды лесть грубая девалась,
Которой не было конца?

Народ стран, прежде неизвестных,
Живущ при солнечных вратах,
Ты мнил, что жителей небесных
В крылатых градах на водах,
Что молнией повелевают
И гром из рук своих бросают,
Твои смятенны очи зрят!
Не распознал людей с богами,
Которы вашими брегами
И вами овладеть хотят.

Касаются бессмертны суши,
Котору лютость им дала,
Хотят очистить смертных души
И поражают их тела.
В руке святые держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смиренным мзду и казни злым,
В другой остр меч и возвещают,
Что ближним счастия желают,
Подобно как себе самим.

Прибытка, счастия и славы
Основан в истине предел,
Блаженства твердыя державы,
Благих побед, великих дел, —
Не сила, ум един содетель,
Хранящий в сердце добродетель.
Пусть меч рвет области из рук,
Огнь в пепел грады рассыпает
И крепки горы разрывает, —
В неправде то единый звук.

Между 1740—1743 (?)

ОДА Е. И. В. ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, В 25 ДЕНЬ НОЯБРЯ 1743

Оставим брани и победы,
Кровавый меч приял покой.
Покойтесь, мирные соседы,
И защищайтесь сей рукой,

Которая единым взмахом
Сильна повергнуть грады прахом,
Как дерзость свой подымет рог.
Пускай Гомер богов умножит,
Сия рука их всех низложит
К подножию монарших ног.

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?
Елисавет изображаешь.
Ея дел славных громкий шум
Гремит во всех концах вселенны,
И тщетно мысли восхищенны.
Известны уж ея хвалы,
Уже и горы возвещают
Дела, что небеса пронзают,
Леса и гордые валы.

Взгляни в концы твоей державы,
Царица полунощных стран,
Весь Север чтит твои уставы
До мест, что кончит океан,
До края областей безвестных,
Исполнен радостей всеместных,
Что ты Петров воздвигла прах,
Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх.

Стенал по нем сей град священный,
Ревел великий океан,
Впоследний облак восхищенный,
Лишен, кому он в область дан
И в норде флот его прославил,
В которых он три флота правил,
Своей рукой являя путь.
Борей, бесстрашно дерзновенный,
В воздушных узах заключенный,
Не смел прервать оков и дуть.

Ударом нестерпима Рока
Бунтует воин в страшный час:

«Отдай Петра, о смерть жестока,
И воружись противу нас.
Хотя воздвигни все стихии
И воружи против России, —
Пойдем против громовых туч!»
Но тщетно горесть гнев рождала,
И ярость воинов терзала:
Сокрыло солнце красный луч.

Тобой восшел наш луч полдневный
На мрачный прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт.
Ты днесь фортуну нам пленила
И грозный рок остановила,
В единый миг своей рукой
Объяла все свои границы.
Се дело днесь одной девицы
Полсвету возвратить покой.

Отверзлась вечность, все герои
Предстали во уме моем,
Падут восточных стран днесь вои,
Скончавшись в мужестве своем,
Когда Беллона стрелы мещет
И Александр в победах блещет,
Идущ в Индийские страны,
И мнит, достигнув край вселенны,
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

На Вавилон свой меч подъемлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток и правит мир.
Се ищет Греция Елены
И вержет Илионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает
И емлет в область свет и Рим.

Не вижу никакия славы,
Одна реками кровь течет,
Алчба всемирныя державы
В своих перунах смерть несет,
Встают народы на народы,
И кроет месть Пергамски воды:
Похвальный греков главный царь,
Чего гнушаются и звери,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщения багрит олтарь.

Но здесь воинский звук ужасный,
Подвластен деве, днесь молчит,
Един в победе вопль согласный
С Петровым именем гремит.
В покое град, леса и горы,
С покоем нимфы ждут Авроры.
Едина лишь Елисавет,
Исполненная днесь любови,
Брежет своих подданных крови
И в тихости свой скиптр берет.

Еще тень небо покрывает,
Еще луна в звездах горит,
Прекрасно солнце отдыхает,
И луч его в валах сокрыт.
Россия ж вся уже встречает
Владычицу, что бог венчает.
Се бурный вихрь реветь престал,
Теперь девическая сила
Полсвета скиптру покорила,
Ниспал из облак гневный вал.

Великий понт, что мир объемлет
И вполы круг земный делит,
Тобою нашу славу внемлет
И уж в концах земли гремит.
Балтийский брег днесь ощущает,
Что морем паки Петр владает
И вся под ним земля дрожит.
Нептун ему свой скиптр вручает

И с страхом Невский флот встречает,
Что мимо Белтских гор бежит.

На грозный вал поставив ногу,
Пошел меж шумных водных недр
И, положив в морях дорогу,
Во область взял валы и ветр,
Простер премудрую зеницу
И на водах свою десницу,
Подвигнул страхом глубину,
Пучина власть его познала,
И вся земля вострепетала,
Тритоны вспели песнь ему.

Тобою правда днесь сияет,
И милосердие цветет,
Щедрота скипетром владает
И всех сердца к тебе влечет.
Тобой дал плод песок бесплодный,
И камень дал источник водный,
Ты буре повелела стать
И тишину установила,
Когда волна брега ломила
И возвратила ветры вспять.

Твоя хвала днесь возрастает,
Подобно как из земных недр
До облак всходит и скрывает
Высоки горы тенью кедр,
До рек свой корень простирая
И листвие в валы бросая.
Твой гром колеблет небеса,
И молнья сферу рассекает,
Послушный ветр моря терзает,
Дают путь горы и леса.

Ты все успехи предварила,
Желанию подав конец,
И плач наш в радость обратила,
Расторгнув скорби днесь сердец.
О вы, места красы безвестной,
Склоните ныне верх небесной,

Да взыдет наш гремящий глас
В дальнейшие пространства селы,
Пронзив последние пределы,
К престолу божьему в сей час.

О боже, восхотев прославить
Императрицу ради нас,
Вселенну рушить и восставить
Тебе в один удобно час,
Тебе судьбы суть все подвластны.
Внемли вопящих вопль согласный —
Перемени днесь естество,
Умножь сея девицы леты,
Яви во днях Елисаветы,
Колико может божество.

<1743>

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРЬВОЙ
НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета.
Ликуй, блаженная страна!
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуя судьбине,
Возрадуйтесь, народы, ныне,
Где сей царицы щедра власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи
Тобою славят нашу часть.

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы
И грады превращати в прах?
Седящия на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истины храня:
«Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня,
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою,
Покрою войском горизонт;
Увидит чувствующе вскоре
Петровой дщери силу море:
Покрою бурный флотом понт».

Над ними будешь ты царица,
Наложишь на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай ты молнию и гром.

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень тот явится
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды!
Пойдем пленить или умреть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
Пучину бурну возмутим.
Иныя от тебя награды
За ревность мы не восхотим,
Чтоб ты лишь перстом указала
И войску своему сказала:
«Достойны россами вы слыть».
О дщерь великому Герою!

Готовы мы идти под Трою
И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
Се бомбы в облака летят,
Подкопы воздымают башни,
На воздух преисподню мчат.
Куда ни хочет удалиться,
Не может враг переселиться,
На суше смерть и на водах.
Врагов я вижу усмиренных.
Уже россиян разъяренных
На градских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
Ты в мысли пребывай иной:
Забудь могущее быть время
И наслаждайся тишиной.
Вспевайте, птички, песни складно,
Дышите, ветры, вы прохладно,
Целуй любезную, зефир;
Она листочки преклоняет,
Тебя подобно обоняет,
Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пелепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны громы здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуяся частью,
Живя под милосердой властью,
О, коль ты счастлив, россов род!

С разверстием свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Диана, иль Петрова дщерь;
Девица красотою блещет
И мужественно стрелы мещет.

Но кое здание зрю там!
И что, мои пленяя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Диана, твой Эфесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных ты чертогах сих
И, в тишине увеселенна,
Покойся по трудах своих,
Полночны ветры, отлетайте,
Луга, вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
«Мы счастливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас».

Оттоль, монархиня, взираешь
На град Петров, на свой престол,
И как ты взоры простираешь,
Твои слова сей слышит дол:
«В сем месте было прежде блато,
Теперь сияет тамо злато
На башнях счастия творца;
Нева средь пышна града льется,
Отколе эхо раздается
О славе моего отца».

<1755>

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ
НА ДЕНЬ ЕЯ ТЕЗОИМЕНИТСТВА 1762 ГОДА НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Во все пространные границы
К Екатерининым сынам
Воззри с горящей колесницы,
Воззри с небес, о солнце, к нам;
Будь нашей радости свидетель,
И кая ныне добродетель
Российский украшает трон;
Подобье види райску крину,

Красу держав, красу корон,
Премудрую Екатерину.

И, луч пуская раскаленный,
Блистая, прогоняя тень,
Лети и возвещай вселенной
Сей полный радостию день!
О день, день имени преславна!
Да будет радость наша явна
Везде, где солнце пролетит,
Куда ни спустит быстры взоры
И где оно ни осветит
Моря, леса, долины, горы!

Ликуй, Российская держава!
Мир, наше счастие внемли!
А ты, Екатерины слава,
Гласись вовек по всей земли!
Чего желать России боле?
Минерва на ея престоле,
Щедрота царствует над ней!
Астрея с небеси спустилась
И в прежней красоте своей
На землю паки возвратилась.

Лучом багряным землю кроя,
Судьба являет чудеса:
Разверзлось небо, зрю Героя,
Восшедшего на небеса;
Российский славный обладатель
И града Невского создатель
Уставы чтет судьбины там;
Богиня таинство вверяет;
Монарх ту тайну сим местам
В восторге духа повторяет.

Среди осмьнадесята века
Россия ангела найдет,
А он во плоти человека
На славный трон ея взойдет
И в образе жены прекрасной
Возвысится хвалой согласной

И действом до краев небес:
Екатериной наречется.
Бог ангела на трон вознес —
По всей вселенной слух промчется.

Горят и верностью пылают,
Пылают наши к ней сердца;
Уста молитвы воссылают
Ко трону господа-творца:
«Благословляй Екатерину!»
— «Я сей молитвы не отрину», —
Вещает царь небесных стран.
Природа бурей восшумела,
Потрясся вихрем океан,
Подсолнечная возгремела.

<1762>

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 21 ДНЯ

Возыграйте, струны лиры;
Возбуждает Феб от сна.
Вейте, тихие зефиры;
Возвращается весна:
День предшествует огромный,
Оживляя воздух томный,
Флора, царству твоему.
Как тебе, богиня, крины,
Так дела Екатерины
Счастье Северу всему.

Ты в сей день, императрица,
Зрела в первый раз на свет,
И всевышняя десница
Орошала райский цвет;
Злоба челюсти терзала,
Как судьбина отверзала
Двери во Фортуны храм;
Растворились двери пышны,
В небе восклицанья слышны:
«Россы, дар сей бог дал вам!»

Бог пречудно помогает
Нам во злейши времена
И с отчаянных слагает
Возложенны бремена;
Тако, бурю ненавидя,
Мореплаватель, увидя
Пристань и покойный брег,
Сколько в море он тоскует,
Столько в пристани ликует,
Окончав опасный бег.

Разум мой восторжен ныне,
Любопытствие пленя:
В сердце зря Екатерине,
Извещает он меня,
Что она на троне мыслит,
Как часы владенья числит,
Жертвуя своей судьбе.
Душу зря необычайну,
Я сию, Россия, тайну
Открываю днесь тебе.

Мыслит так о славе трона:
«Мне обширная страна
К исправлению закона
От небес поручена.
Я во дни моей державы
Не ищу иной забавы,
Кроме счастия людей.
Всё, что можно, в них исправлю,
Пользу им и честь оставлю
Диадиме я своей.

Океана ветром волны
Взносятся превыше гор;
Мысли, общей пользы полны, —
Нашей высоты подпор;
Скипетр — дело невелико,
Если оного владыко
Благом ставит только блеск;
Царско имя устрашает:

Коль оно не утешает —
Тщетен и народный плеск.

Мне сие в трудах отрада,
Сей хочу я плеск примать,
Что в России все мне чада,
Что в России всем я мать.
О мои любезны дети!
То ласкает мя владети:
Все вы любите меня;
В чем вам польза, то мне славно;
Вас и я люблю вам равно,
Должность матери храня».

Се, что сердце в ней находит,
В утро, в вечер, в день и в ночь
На минуту не отходит
Мысль от ней такая прочь.
В нашем ты внемли ответе:
Для тебя мы жить на свете,
Для тебя умреть хотим.
За свою мы мать любезну,
В пламень, в пропасти и в бездну,
Яко Курций, полетим.

Ты, Россия, побеждала
Неприятелей своих,
Тверды грады осаждала,
Претворяя в пепел их.
Кровь тогда лилась реками,
Дым казался облаками,
Воздух выл, и трясся понт,
Стрелы Зевсовы летали,
Молнии во мгле блистали,
Колебался горизонт.

Соответствуй общей доле,
Сонм достойнейших людей,
И монаршей мудрой воле
К наставлению судей,

О сладчайше упованье,
Соверши скоряй желанье
Наших алчущих сердец:
Украси сию державу,
Вознеси богини славу
Выше солнца наконец!

<1768>

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ
НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА И ПОКОРЕНИЕ МОЛДАВИИ

В далеки в высоте пределы
Я дерзостно мой дух вознес;
Куда влететь не могут стрелы,
Я зрю себя в краях небес.
Я слышу ангелов просящих
И тако к вышнему гласящих:
«Правитель естества! Внемли,
Исторгни скипетр оттомана!
Достойна такового сана
Екатерина на земли».

Екатерина! Пред тобою
Пошлет архистратига бог.
Твоею счастливой судьбою
Воздымется Палеолог.
Тогда Византия взыграет,
Что грек оковы попирает
И изгнана Агарь из врат.
Романия, скорбя, не дремлет,
Главу восточный Рим подъемлет.
Европа видит новых чад.

Преклонят пред тобой колена
Страны, где сад небесный был,
И, игом утесненный плена,
Восплещет радостию Нил.
А весть быстрее аквилона
До стен досяжет Вавилона,
Подвигнет волны Инда страх.

Мы именем Семирамиды
Рассыплем пышны пирамиды.
Каир развеем, яко прах.

Разверзлось огненное море,
Дрожит земля, и стонет твердь,
В полках срацинских страх и горе,
Кипяща ярость, казнь и смерть.
Минерва росска громы мещет,
Стамбул во ужасе трепещет,
Трясутся нивы и луга.
От горизонта раздраженна,
От неба жарко разозжженна,
Вал сохнет, тлеют берега.

Не сферу ль буря разрывает,
Иль огненный спустился понт?
В дыму Днестр очи закрывает,
Горящий видя горизонт?
Не ад ли в оной скорби стонет,
Не род ли смертных паки тонет,
Не разрушается ли свет?
В густой и освещенной ночи
Возводит Днестр на небо очи
И тако к солнцу вопиет:

«Пошли, о солнце, мне отраду,
Не дай мне зреть последних дней!
Или ты паки горду чаду
Вручило пламенных коней?»
— «Молчи! — ему вещает слава. —
Не гордая разит держава.
А то участье не твое;
Не злоба естеством играет,
Но злобу истина карает,
Восставшу нагло на нее».

Хотин опустошает домы,
И в степи жители бегут.
Зря молнии и слыша громы,
Живот единый берегут,

Но слава им с кровава бою
Гласит российскою трубою:
«Ты тщетно кроешься, народ!
Екатерина гнев подвигнет,
Ея рука тебя достигнет
И в бездне Ахеронских вод».

Россия наглу презирает
Твою державу, оттоман,
И тако Порту попирает,
Как Пико гордый океан.
Гора от молнии спасенна
И выше облак вознесенна,
Спокойно видя под собой
Воюющего с ней Эола
И внемля шумы грозна дола,
Пренебрегает ветров бой.

Великого земель округа,
Которым пышен весь Восток,
Брега с Египтом жарка Юга
И струй Евфратовых поток
Мечем российским сокрушатся,
Селенья их опустошатся.
Мой слава повторяет глас:
«Где зрятся днесь высоки башни,
Там будет лес, луга и пашни,
Плен, смерть оттоль исторгнут вас!»

Хотя ты в ярости злей ада
Стремишься против нас, Стамбул,
Хотя бы из обширна града
На россов ты геенной дул,
Попрем ток вод, дубравы, камень,
Пройдем сквозь пыль, сквозь дым и пламень.
Услышится твой вопль и стон,
Тогда раскаешься, но поздно;
Уже настало время грозно,
Трясется оттоманов трон.

И се Молдавские долины,
Лес, горы и потоки вод

Под областью Екатерины.
Славенский к ней бежит народ,
К Неве Европа взоры мещет,
На троне Мустафа скрежещет,
И Порта гордая дрожит;
Низвержется султан со трона,
Увидим нова фараона:
Он морем в Азию бежит.

<1769>

ОДА ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ
В ДЕНЬ ЕГО ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИЮНЯ 29 ЧИСЛА 1771 ГОДА

Взойди, багряная Аврора,
Спокойно в тихи небеса!
В лугах цветы рассыпли, Флора,
Цветами украси леса!
Победоносных войск успехом
Раздайся по долинам эхом,
Приятный, вожделенный глас:
«Войну судьбина окончала
И новым лавром увенчала
Монархиню и с нею нас!»

Ея оружья, музы, славу
Возмогут ли позабывать,
Хотя и кроткую державу
Всечасно будут воспевать?
Трофеем Бендер вечным будет,
Перикла росска не забудет,
Вспомянется российский флаг.
Дней наших слава не увянет,
Доколе сушею не станет
Попранный днесь Архипелаг.

Се, князь, войны преславны виды,
Ужасны Порте времена.
Герои наши, как Алькиды,
Светят российски племена.

Но я победу оставляю,
Не тем Россию прославляю,
Тебя воспети я хочу:
Петрополь буди мне свидетель.
Бессмертну в смертном добродетель
Я ныне свету возвещу.

Ко должности монарша сана
Внимает он о божестве
И, слыша нова Феофана,
Зрит бога он во естестве.
С законом басен не мешает
И разум правдой украшает,
Пренебрегая сказки жен,
Не внемля наглу лицемерству,
Не повинуясь суеверству,
Которым слабый дух возжжен.

Пряма в Эдем сия дорога,
Сии довольны чудеса.
«Люби ты ближнего, чти бога,
Бог создал землю, небеса.
В едином том ищи блаженства», —
Достойный муж первосвященства
Ему на всяк вещает день,
Зимы не емля вместо лета,
И, вместо полудневна света,
Не внидет полуночна тень.

А Ментор то же утверждает,
Что предписует нам закон.
Страстей волненье побеждает
Во Телемаке Фенелон.
Мужей толь мудрых и избранных,
И Павлу к наставленью данных,
С почтением Россия зрит.
Великая Екатерина!
Тебя за таковаго сына
Россия вся благодарит.

Прешли младенчеству уроки
Для будущих геройству дел.

Не прикоснулися пороки,
И дух божественно созрел.
Сквозь тьму незнания князь ночи
В небесны круги взводит очи:
Премудрости не зрит конца.
Он видит малость человека,
И в человеке краткость века,
А в боге мудрого творца.

Планеты, шар земной — пылинки,
Копышемся и мы, как прах.
Империи — кусочки глинки.
Но как он мыслит о царях,
Вселенна коих величает?
Не сим царь сан свой отличает,
Что льзя разити и пленять,
Что все пред ним стоят со страхом,
Что властвует людьми, как прахом,
И что он может жизнь отнять.

Когда монарх насилью внемлет,
Он враг народа, а не царь.
И тигр и лев живот отъемлет,
И самая последня тварь.
Змея презренья не умалит,
Когда кого, ползя, ужалит,
Пребудет та ж она змея.
Вот так о венценосцах мыслит,
Которых даром божьим числит,
Великая душа сия.

И что на троны возведенны
Не для себя они одних.
Хотя и для себя рожденны,
Но для и подданных своих.
Нестройный царь есть идол гнусный
И в море кормщик неискусный;
Его надгробье: «Был он яд».
Окончится его держава,
Окончится его и слава,
Исчезнет лесть, душа — во ад.

Не сносят никогда во гробы
Цари сияния венца,
Сиянье царския особы
Есть имя подданных отца.
Прейдут шумящи вечно реки,
Дела останутся навеки
И честь до солнца вознесут.
Преходят лета скоротечны,
Но души в нас, конечно, вечны,
Как вечен правый божий суд.

Не пременяй сея ты мысли,
Так будешь нам покров и щит.
И дни свои щедротой числи,
Как числил оны щедрый Тит.
Простресь по Северу зеницу
И на морях свою десницу,
Главу возвысишь, яко кедр.
Прекрасней будешь райска крина.
Таков, как нам Екатерина
Или каков великий Петр.

Российская Фетида вскоре
Восколебала горы, лес.
Подвигла Средиземно море.
Ты будь российский Ахиллес,
Но только к нужной обороне.
В други дни будь Сократ на троне
Ко счастью полуночных стран.
Тогда явишься ты в порфире,
Как солнце среди лета в мире,
Таков велик, каков твой сан.

<1771>

ОДА ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ
НА ПЕРВЫЙ ДЕНЬ 1774 ГОДА

О сын великия жены!
Великого ты правнук мужа,
Наставника сея страны,
Ты, коему неправда чужа

И многой истина цены.
Рожден от крови ты преславной,
А участи твоей предел —
Во всей природе жребий главный.
Он дан тебе для славных дел.

Явилась нам душа твоя.
То зря, Россия веселится,
Уже надежда ты ея.
Драгой твой богом век продлится
Ко счастью области сея.
Тебя судьба на свет пустила
России счастье умножать,
Тебя Минерва возрастила
Екатерине подражать.

Превозвышенный человек
Себя превозвышенным числит,
И, не гордясь ничем вовек,
Он больше о себе не мыслит,
Льстец мерзкий что б ему ни рек.
Великий муж не любит лести,
Противна, князь, она тебе,
А ты своей бессмертной чести
Не в лести ищешь, но в себе.

Велик твой дух, велик твой сан.
Мы знаем то, и ты то знаешь,
Но, что от бога нам ты дан,
Ты только то воспоминаешь,
И что ты счастье многих стран.
Своей породою ты знатен,
Но тщетно б было то для нас,
И не был бы довольно внятен
Единственный сей громкий глас.

Конечно, глас сей был бы сух,
Князей им слава не спасется.
Не сей один о Павле слух
По всей Европе днесь несется.
Гласим: «Велик во Павле дух!»
Гласим единодушно ныне,

Друг другу объявляя днесь:
«Подобен он Екатерине»,
И повторяет Север весь.

Пресчастлив обладатель тот,
Кто тверд во правде пребывает,
И крайне мерзостен народ,
Который правду забывает,
Храня прибытки, как живот.
Когда отечества мы члены,
А мудрые цари главы,
Для пользы дóлжны без отмены
И члены быти таковы.

Без общей пользы никогда
Нам царь не может быти нравен.
Короны тьмится блеск тогда,
Не будет царь любим и славен,
И страждут подданны всегда.
Души великой имя лестно,
Но ей потребен ум и труд,
А без труда цари всеместно
Не скипетры, но сан несут.

Твоя, о князь, и наша мать
Своей во нашей ищет славы,
Россию тщится воздымать
И все свои велит уставы
Из уст от истины внимать.
Не тяготят они природы:
Щадит бог силы естества.
Благополучны те народы,
Царь коих образ божества.

<1773>

ОДА ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ
1774 ГОДА

Спеша к первопрестольну граду,
В котором мудрый Петр рожден,
Где росские поднесь монархи
Взлагают на главу венец,

Прощаюся с тобой, Потемкин,
В Москве тя зреть желая здрава,
Российский любяща язык,
Словесны чтущего науки,
Подобно как дела воински,
В которых твой велик успех.

Граждански и духовны правы
До сама центра ты проник,
А войска нашего вещанье
Сплетало похвалы тебе.
Последуй к нам императрице,
Узрети с ней Кремлевы стены,
Возвел которы Иоанн,
Княженья росски совокупший
И иго варваров отвергший,
Покорствующих россам днесь.

Уже Москва врата отверзла,
Народ во сретенье готов
И венценосицу увидеть
Стремится всей своей душой.
Гласит: «Войди во град, о матерь!
Твои возлюбленные чада
Сего дня ждали многи дни.
Твое отсутствие казалось
Не временем немноголетным,
Семь лет нам были целый век».

Смерть алчна коих поразила, —
Двум летам в предыдущий год, —
Мне мнится, из земной утробы
Глаза подъявше, вопиют:
«Когда б была здесь матерь наша,
Мы были бы поныне живы
И зрели бы лицо ея.
Сего мы зрелища лишились,
Но души наши днесь возносят
О ней молитвы к небеси».

Гласят: «Нас больше нет на свете, —
Исчезли наши телеса,

Но души наши не исчезнут,
Доколе всемогущий жив.
Он будет жив во бесконечность,
И мы подобно живы будем,
Хоть солнца больше и не зрим;
Не сходно с божией щедротой
Произвести на кратко время
И погубити вечно нас».

То глас умерших, а живущих
В веселье эхо глас твердит:
«Мы дожили до вожделенных
И долго ожиданных дней:
Узрит Москва Екатерину,
Струи московских рек взыграют,
Воскликнут радостно брега,
Пути устелются цветами,
Огни торжественны зажгутся,
И плеск проникнет облака».

<1774>

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы взносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действа мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не знав для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает;
Как змея, мое сердце съядает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

<1759>

МОЛИТВА

Не терпи, о боже, власти
Беззаконных ты людей,
Кои делают напасти
Только силою своей!

Сколько злоба возвышенна,
Столько правда устрашенна.

Не на то даны дни века,
Чтоб друг друга нам губить;
Человеку человека,
Творче, ты велел любить.
Кто как титлами ни славен,
Пред тобой с последним равен.

Титла громкого содетель
Часто развращенный свет.
Лишь едина добродетель
Преимущества дает,
И она всего дороже;
Защищай ее ты, боже!

<1759>

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

<1759>

ЧАС СМЕРТИ

О мысли люты!
Кончается мое
На свете бытие,
Преходит житие,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:
Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашною судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.

<1759>

ОДА О ДОБРОДЕТЕЛИ

Всё в пустом лишь только цвете,
Что ни видим, — суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;
Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стоики! Не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу
И, когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите о́но право,
Утверждайтеся на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда — судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем и жизнью — чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внемли:

Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

<1759>

ЗРЯЩЕ МЯ БЕЗГЛАСНА

Непреминуемой повержена судьбою,
Безгласна зря меня лежаща пред собою,
Восплачите о мне, знакомые, друзья,
Все сродники мои, все, кем любим был я!
Вчера беседовал я с вами,
И вдруг я смерть узрел перед очами:
Пришел ко мне престрашный смертный час,
Навек лишаюсь вас.
Но приидите все пред вечным расставаньем,
Целуйте мя уже последним целованьем,
Не буду с вами я сообщества иметь,
Ниже́ беседовати впредь.
Душа престала в тленном теле:
Уже отселе
Иду
К нелицемерному суду,
Где вкупе предстоят владыко, раб, царь, воин,
Богат или убог, где равно всяк достоин,
От дел бо только всяк награду получит
И славу там и стыд.
Но всех прошу, молю, чтоб очи возносили
К небесной стороне
И чтобы обо мне
Все господа просили,
Чтоб я не свержен был
По дни от вас моей разлуки
За согрешения мои на место муки,
Но чтобы я вступил
В сие жилище вечно,
Где жизни свет, веселье бесконечно!

<1760>

ПЛАЧУ И РЫДАЮ

Плачу и рыдаю,
Рвуся и страдаю,
Только лишь воспомню смерти час
И когда увижу потерявша глас,
Потерявша образ по скончаньи века
В преужасном гробе мертва человека.
Не постигнут, боже, тайны сей умы,
Что к такой злой доле
По всевышней воле
Сотворенны мы
Божества рукою.
Но, великий боже! ты и щедр и прав:
Сколько нам ни страшен смертный сей устав,
Дверь — минута смерти к вечному покою.

<1760>

ГИМН О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОЛНЦЕ

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лицо твое воззрети оку;
Трудняе нам еще постигнути тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился,
Лишь только в вышине подвигнулся с небес,
Горящею стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огнь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хваля творца по всей земли.

<1760>

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

Ты ямбический стих во цвете
Жестоких к изъясненью дел
Явил, о Архилох, на свете
И первый слогом сим воспел!
Я, зляся, воспою с тобою,
Не в томной нежности стеня;
Суровой возглашу трубою:
Трохей, сокройся от меня!
О нравы грубые! О веки!
Доколе будут человеки
Друг друга мучить и губить,
И станут ли когда любить,
Не внемля праву мыслей злобных,
Свой род и всем себе подобных,
Без лести почитая в них
Свой образ и себя самих?
В пустынях диких обитая,
Нравоучений не читая,
Имея меньшие умы,
Свирепы звери, нежель мы
Друг друга больше почитая,
Хотя не мудро говорят,

Всё нас разумнее творят.
Ни страшный суд, ни мрачность вечна,
Ни срам, ни мука бесконечна,
Ни совести горящей глас
Не могут воздержати нас.
Злодеи, бойтесь, бойтесь бога
И всемогущего творца!
Страшитеся судьи в нем строга,
Когда забыли в нем отца!

<1760>

ОДА НА СУЕТУ МИРА

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей,
Что всё сие, как дым, преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Воспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И всё, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон,
И, исходя отсель ко гробу,
Исходишь ты, стеня, и вон;
Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость
И всё бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И всё непостоянно в нем,
И всё составлено из тлена:
Не зрим мы твердости ни в чем;

Пременой естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет — только образ колеса.
Не грянет гром, и ветр не дохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со брегом,
Творя из струй крепчайший мост;
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет миляе.
И нет на свете смерти зляе, —
Но смерть — последняя беда.

<1763>

О СТРАШНОМ СУДЕ

Когда придет кончина мира,
Последний день и страшный суд,
Вострубят ангелы, восплещет море,
Леса и горы вострепещут,
И спящи во гробах восстанут из гробов,
От мрачного забвения воспрянут
И паки свет узрят,
Не зрели коего иные многи веки
И коих плоть рассеяна была
Малейшим и очам непостижимым прахом, —
И се на облаках
И окружаемый огнем светлее солнца
Вселенныя правитель
Явится жителям земли.
Я слышу глас его:
«О беззаконники!
Вы видели мою премудрость
Во устроённом мной пространстве
И в распорядке вещества.
Вы видели мою и силу:
Рука моя вселенну держит;
Вы видели мою и милость:
Я вас кормил, поил и огревал
И многочисленны я вам давал успехи,
Из ничего я вас во бытие привел,
Дал разум вам и волю,
Не сделав только вас богами,
Вам не дал совершенства.
Не требуйте даров противу естества,
Против согласия рассудка,
Противу разума, противу всех понятий.
Не могут отрасли быть корнем,
Ни человеки богом.
Хотя судеб моих и свойства моего
Всех точностей и не постигли вы,
Но видели меня;
Вы видели меня
И слышали мой глас, вам совестью вещанный,
Но вы ему внимати не хотели.
За ложь имели счастье вы, —

За истину страдайте,
Ступайте в вечный огнь!
А вы, мои любезны чада,
Которы истину хранили на земли,
Ступайте в райское селенье
И будьте моего веселия и славы
Причастны вечно!
Откроется вам часть судеб моих и таинств,
И всё постигнете, что ведать вам потребно
К успокоению сердец и любопытства,
Узнаете причину
Непостижимости моей;
Узнаете вину своей вы краткой жизни
И слабого состава;
Узнаете вину, почто я смертных род
Подверг болезням и печалям,
И, не входя
Во глубину судеб моих,
На совершенстве утверждаясь,
Довольны будете своим несовершенством.
Ступайте в вечну жизнь и в бесконечну радость!»

<1768>

О ЛЮБЛЕНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ

О люты человеки!
Преобратили вы златые веки
В железны времена
И жизни легкости в несносны бремена.
Сокроюся в лесах я темных
Или во пропастях подземных.
Уйду от вас и убегу,
Я светской наглости терпети не могу,
От вас и день и ночь я мучуся и рвуся,
Со львами, с тиграми способней уживуся.
На свете сем живу я, истину храня:
Не трогаю других, не трогай и меня;
Не прикасайся мне, коль я не прикасаюсь,
Хотя и никого не ужасаюсь.
Я всякую себе могу обиду снесть,
Но оной не снесу, котору терпит честь.

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ
АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1769 году.

Я ею совести грызения спасаюсь,
А ежели она кем тронута когда,
Не устрашусь тогда
Я всей природы,
Иду
На всякую беду:
Пускай меня потопят воды,
Иль остры стрелы грудь мою насквозь пронзят;
Пусть молния заблещет,
И изо мрачных туч мя громы поразят,
Мой дух не вострепещет,
И буду я на смерть без огорченья зреть,
Воспомня то, что мне за истину умреть.
Великий боже! ты души моей свидетель,
Колико чтит она святую добродетель,
Не гневайся, что мне противен человек,
Которого течет во беззаконьи век.
Мы пленны слабостьми, пороки нам природны,
Но от бесстыдных дел и смертные свободны,
И, ежели хотим,
Бесстыдно жить себе удобно запретим.

<1768>

ИЗ 145 ПСАЛМА

Не уповайте на князей:
Они рожденны от людей,
И всяк по естеству на свете честью равен.
Земля родит, земля пожрет;
Рожденный всяк, рожден умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести те,
Которы данны суете
И чем гордилися бесстыдно человеки;
Скончаются их кратки дни,
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,

Лежащих у земли бесчувственно в утробе;
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титла все сокроются во гробе.

<1773>

ПОСЛЕДНИЙ ЖИЗНИ ЧАС

Я тленный мой состав расстроенный днесь рушу.
Земля, устроив плоть, отъемлет плоть мою,
А, от небес прияв во тленно тело душу,
Я душу небесам обратно отдаю.

<1773>

ОДЫ РАЗНЫЕ

ДИТИРАМБ

Вижу будущие веки:
Дух мой в небо восхищен.
Русских стран, играйте, реки;
Дальний океан смущен:
В трепет приведен он нами,
В ужас вашими водами.

Ваше суетно препятство,
Ветры, нашим кораблям.
Рассыпается богатство
По твоим, Нева, брегам.
Бедны, пред России оком,
Запад с Югом и Востоком.

Горы злато изливают,
К нам сокровищи текут.
Степь народы покрывают,
Разны там плоды растут.
Где, леса, вы непроходны?
Где, пустыни, вы безводны?

Там, где звери обитали,
Обитают россы днесь.
Там, где птицы не летали,
Градами покрыт край весь.
Где снега вовек не тают,
Там науки процветают.

Тщетно буря возвевает
Дерзкий рев из глубины.
Море новы открывает
Нам среди валов страны.
Наступают россы пышно,
Имя их и тамо слышно.

Очи как ни обратятся,
Вижу страх, и россы тут.
Стены твердые валятся,
Башни гордые падут.
Только солнце где блистает,
Наша слава там летает.

Разверзается мне боле
Высоты небесной вид:
Петр Великий к нам оттоле
Превеселым ликом зрит.
Зри, исполненны утехи,
В мире, Петр, свои успехи!

Основатель нашей славы,
О творец великих дел!
Зри в конце своей державы
И на счастливый предел;
Веселись своей судьбою,
Будем таковы тобою.

Петр Великий просвещает
Вдохновение сие:
«Сбудется, — с верхов вещает, —
Привидение твое.
Трон мой тако вознесется,
И вселенна потрясется».

Воспеваю безопасно,
Вся подсолнечна, внемли.
Простирайся велегласно,
Речь моя, по всей земли!
Я глашу России тайну,
Честь народа чрезвычайну.

Насыщайся, россов племя,
В оный век ты частью сей.
Зрите предсказанно время,
О потомки наших дней,
Плеском мир весь проницайте,
Радуйтесь и восклицайте!

<1755>

ГИМН ВЕНЕРЕ

(сафическим стопосложением)

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ли изъяснить сии утехи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Тёмно вещает.

Из сего мне века не сделай слезна;
Паче мне драгая всего любезна:
Я для той, единой лишь кем пылаю,
Жизни желаю.

Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюбленным взором тает,
Я живу подвластен в такой неволе
Счастливым боле.

Всё тогда, как с ней, веселясь, бываю,
Удаленный шума, позабываю,
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.

Кем горю, я мышлю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею,
Тою владею.

<1755>

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна.
Всё любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно:
Мной бесчисленно целован
Всякий рук твоих и палец.

<1755>

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Завидны те мне розы,
Которы ты срываешь.
К чему тебе уборы:
Прекрасней быть не можешь!
Хотя не украшайся,
Дурняй ты быть не можешь!
Да что в твоем пригожстве,
Когда любви не знаешь
И знать ее не хочешь?
На то ль ты мне знакома,
Чтоб я любил так слепо,
А ты б была сурова,

А ты бы презирала
Того, который любит
Тебя всего на свете
И самой жизни боле?

<1755>

ОДА ГОРАЦИАНСКАЯ

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,
Что сталося за счастие сей стране?
Здесь молния, играя, блещет,
Радостны громы селитра мещет.

Глашу по всем местам, разнося трубой
Вселенной нову весть, о Нева, с тобой:
Простерлося Петрово племя,
Россам продлится блаженно время.

Петров Екатерина умножить род
России принесла предражайший плод.
Ликуй, супруг, ликуй, супруга,
Радуйтесь, жители полукруга!

А ты, Елисавет, от земных сих мест
Благодарение воссылай до звезд:
Родитель твой остался с нами,
Царствовать Русскими ввек странами.

Благослови сей дар с небеси, наш бог,
Возвысь России чад славы ввеки рог,
Взнеси российскую корону
Ближе еще к своему ты трону!

Россия, торжествуй и хвали сей день:
Он превысокая для тебя степень;
Взлетай на верх огромной славы
С скипетром пышной твоей державы.

И ныне только ты рассмотри себя,
Увидишь ты, как Петр украсил тебя,
Хоть дни Петровы скоротечны,
Только заслуги пребудут вечны.

Взлетай полночных стран в облака, орел;
Враждебные народы, страшитесь стрел,
Которы россов защищают
И дерзновение отомщают.

Оружие свое через горы, лес,
Чрез степи и моря Петр отсель пренес;
Разите с именем Петровым
Новою молнией, громом новым.

Посеянные им, возрастайте вы,
Науки, на брегах чистых вод Невы,
Труды Петровы, процветайте,
Музы, на Севере обитайте.

Расти, порфирородный младенец, нам,
Расти, надежду вечну подай странам,
Расти в объятиях Елисаветы,
Вечной надежды сверши обеты.

Внимай родителей к наставленью глас,
Елисаветин ты исполняй приказ,
Читай Петрово ты владенье;
Будешь империи услажденье.

<1758>

ОДА САФИЧЕСКАЯ

Долго ль мучить будешь ты, грудь терзая?
Рань ты сердце сильно, его пронзая.
Рань меня ты, только не рань к несчастью,
Пленного страстью.

Зрак твой в мысли, властвуя, обитает,
Непрестанно сердце тобою тает;
Весь наполнен ум мой тобой единой,
Муки причиной.

Будь причиной, вместо того, утехи,
Воздыханья ты преврати мне в смехи,
Люты преврати мне печали в радость,
Горести — в сладость!

Дай надежды сердцу, драгая, боле,
Облегченье тяжкой моей неволе.
Иль надежды тщетно себе желаю,
Тщетно пылаю.

Отгони ты прочь беспокойно время,
Сбрось с меня тобой возложенно бремя,
Премени, сложив сей тяжелый камень,
Хлад свой ты в пламень!

Будь хоть мало жару сему причастна,
Будь хоть меньше мной, как тобой я, страстна,
Тай, моей ты нежности отвечая,
Взоры встречая.

Нет терпети больше страданья мочи;
Обрати ко мне дорогие очи
И введи меня ты из жизни слезной
В мысли любезной!

<1758>

ОДА

Долины, Волга, потопляя,
Себя в стремлении влечешь,
Брега различны окропляя,
Поспешно к устию течешь.

Ток видит твой в пути премены,
Противности и блага цепь;
Проходишь ты луга зелены,
Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
Различные в пути следы:
То время к радости способно,
Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
Преславна мати многих рек,
И тамо в море пропадаешь, —
Во вечности и наш так век.

<1760>

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
К ЕЛИСАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХЕРАСЬКОВОЙ

Прелетите ко Московским
Вы, сии стихи, селеньям,
В дом Хераськова войдите
И предстаньте вы пред очи
Стихотворице московской.
Не сердитеся вы, музы,
Что дерзну, стихи слагая,
Подражать Анакреонту,
Сладкому Анакреонту,
И писать его словами,
И его писати складом,
И его писати духом,
Грации его учили
Украшаться простотою,
О прекрасные богини,
Три прелестные девицы!
И меня вы научите
Простотою украшаться.
А московскому Парнасу
Вы Хераськовой устами
От меня скажите это:
Чисти, чисти сколько можно
Ты свое стопосложенье,
И грамматики уставы
Наблюдай по крайней силе.
Чувствуй точно, мысли ясно,
Пой ты просто и согласно.
Я не критике касаюсь,
Не к тому мои слова,
Только то другим вещаю,
Что вещаю я себе.
Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнасу,
В Петровой области Парнас.
А ты, Хераськова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай россам Сафу нову.
Когда воспеть героев,
Когда гласить победы

Другому оставляешь,
Поди в луга зелены,
Поди к потокам водным,
Гуляй в приятных рощах
И слушай песни птичек,
Когда они аврору
Согласно воспевают.
Воспой весну прекрасну
И сладкую свободу,
Воспой любви заразы,
Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила
Свое ты нежно сердце,
Свою цветущу младость.
С тобой игры и смехи,
С тобой веселье, радость,
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.

<1762>

ОДА

Разумный человек
Умеренностию препровождает век,
К восторгу счастие премудрого не тронет,
В печалях он не стонет.

Хотя кто слёз отерть,
Не тщится в горести вкусить, — и плача, — смерть:
Хотя кто в радости свой сладкой век проводит,
От смерти не уходит.

Смерть кончит наши дни,
Вселяются во гроб не бедные одни;
Богатства и чинов она не разбирает;
Всяк равно умирает.

Имея в головах
Подушки мягкие, на мягких муравах,
Доволясь овощми и вин Арарских соком, —
Скосимся общим роком.

Цветы пестрят луга,
И орошают вод потоки берега;
В сии места, доколь мы крепки и здоровы,
Сосуды нам готовы.

Наполним их вином.
Доколе мы еще на свете не ином,
И мыслей от себя гоня о смерти бремя,
Почтим нам данно время.

Когда придет мороз,
Минется красота благоуханных роз.
Пусть время завсегда утехи нам приносит,
Доколе смерть не скосит.

Зеленые леса,
Долины чистые и ясны небеса,
Пригорки и сады, источники и реки
Оставим мы навеки.

Вода Невы течет
И в море навсегда свои струи влечет.
Струи сии от нас в минуту укатятся
И уж не возвратятся.

Что видим мы своим,
Не наше это всё, достанется другим.
Не будет больше нас, и будто бы нимало
Здесь нас и не бывало.

Героев и царей,
За добродетели достойных олтарей,
И в бедной хижине живущего убога
Берет отсель смерть строга.

Необходим сей страх,
И без изъятия в песке истлеет прах
Зарытого в лубках тогда в земной утробе
И в позлащенном гробе.

Когда судьба велит
И жребий нам во гроб идти определит —
Хотя сие и всем нам, смертным, неприятно, —
Отходим невозвратно.

И не спасет ничто
От смерти никого, родился только кто,
Кто прожил мало лет или жил лета многи —
Не обойдет сея дороги.

ОДА

Снимешь ли страстей ты бремя,
Радости подав странам?
Прийдешь ли, драгое время,
Ты когда обратно к нам?
Скрылись вы от человека,
Времена златого века.

Злобой сердца в притупленьи
Омрачает мысли яд,
Я в сладчайшем исступленьи
Зрю минувший век назад.
Вижу время óно ясно, —
Кое зрелище прекрасно!

Смертных ко открытью взора
Убегает ночи тень,
Солнце всходит, и аврора
Предваряет красный день.
Только очи лишь воззрели,
Слышу нежный глас свирели.

Тихи ветры повевают,
В рощах голосы звенчат.
Птички сладко воспевают,

В берегах струи журчат,
Благовонные цветочки
Растрепляют там листочки.

Былие тогда и крины
Красоту свою брегут,
Чисты с гор ключи в долины
Со стремлением бегут.
Роз зефиры бодро ищут,
Соловьи, не дремля, свищут.

ДИМИТРИЯДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Пою оружие и храброго героя,
Который, воинство российское устроя,
Подвигнут истиной, для нужных оборон
Противу шел татар туда, где плещет Дон,
И по сражении со наглою державой
Вступил во град Москву с победою и славой.

О муза, всё сие ты миру расскажи
И повести мне сей дорогу покажи,
Дабы мои стихи цвели, как райски крины,
Достойны чтения второй Екатерины!

Великий град Москва сияти начала
И силы будущей надежду подала:
Смиренным Калитой воздвиженные стены
На хладном севере готовили премены;
Во Скандинавии о них разнесся слух,
И в Польше возмущен народа ими дух;
Молва о граде сем вселенну пролетала,
Услышал то весь свет, Орда вострепетала,
И славу росскую, на сей взирая град,
В подземной глубине уже предвидел ад.
И се из пропастей во скважины отверсты
Зла адска женщина, свои грызуща персты,
Котора рыжет яд на всех во все часы,

Из змей зияющих имущая власы
И вдоль по бледному лицу морщины, жилы,
Страшняе мертвеца, восставша из могилы,
Оставив огненный волнующийся понт,
Из преисподния взошла на горизонт.

Зачато ноября 20 дня 1769
Москва

К СТОЛПУ НА ПОЛТАВСКОМ ПОЛЕ

На сих полях имел сраженье с Карлом Петр
И шведов разметал, как прах бурливый ветр,
Вселенну устрашил Российскою державой
И шел отселе вспять с победою и славой.

<1756>

К ДОМИКУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В пустынях хижинка состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.

<1756>

* * *

Гора содвигнулась, а место пременя
И видя своего стояния кончину,
Прешла Бальтийскую пучину
И пала пóд ноги Петрова здесь коня.

* * *

Сия гора не хлеб — из камня, не из теста,
И трудно сдвигнуться со своего ей места,
Однако сдвинулась, а место пременя,
Упала ко хвосту здесь медного коня.

ДВЕ ЭПИСТОЛЫ

(В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве)

ЭПИСТОЛА I

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощию слов пространна языка
Всё можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем всё, и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки;
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!
Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного числа на нем писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ея берет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,

По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает писцам в законы.
Хоть знает, что ему во мзду смеется всяк,
Однако он своих не хочет видеть врак.
«Пускай, — он думает, — меня никто не хвалит.
То сердца моего нимало не печалит:
Я сам себя хвалю, на что мне похвала?
И знаю то, что я искусен до зела».
Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне, спроси хотя у всех:
Всяк скажет, что тебе пером владети грех.
Но только ли того? Не можно и помыслить,
Чтоб враки мне писцов подробно все исчислить.
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многие писцы о том не рассуждают,
Довольны только тем, что речи составляют.
Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И, разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою.
Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство — чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет,
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто не научен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить.
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышняе сложены,

И риторски б красы в них были включены,
Которые в простых словах хоть необычны,
Но к важности речей потребны и приличны
Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает ввек;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Не то, — творцов мне дух яви и силу точно.
Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат,
Но скупо вносим мы в него хороший склад.
Так чтоб незнанием его нам не бесславить,
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.
Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но льзя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать «Бову», «Петра Златы ключи».
Подьячий говорит: «Писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно!»
И я то думаю, что будешь человек,
Однако грамоте не станешь знать вовек.
Хоть лучшим почерком, с подьяческа совета,

Четыре литеры сплетай ты в слово «лета»
И вычурно писать научишься «конец»,
Поверь, что никогда не будешь ты писец.
Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщание искусству ревновало
И показало им, коль мысль сия дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
«Когда книг русских нет, за кем идти в степени?»
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что он не выучил тебя.
А если б юность ты не прожил своевольно,
Ты б мог в писании искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
И, посещающа благоуханну розу,
Берет в свои соты частицы и с навозу.
Имеем сверх того духовных много книг;
Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
И, бегучи по ней, как в быстром море судно,
С конца в конец раз сто промчался безрассудно.
Коль «аще», «точию» обычай истребил,
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины поныне неотменно,
То может быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
Которы мы с тобой нерусскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь
Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.
Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно,
А мысли выражать знать надобно, конечно.

<1747>

ЭПИСТОЛА II

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,

Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Делафонтен и где им следует Вольтер.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил
И, правильно письма не смысля сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Преславного Депро прекрасная сатира
Подвигла в Севере разумна Кантемира
Последовать ему и страсти охуждать;
Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
Пермесских голос нимф был ввек его утеха,
Стремился на Парнас, но не было успеха.
Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
Однако был Пегас всегда под ним ленив.
Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой словенского народа,
Что в красноречии касалось до него,
Достойного в стихах не создал ничего.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться, где велят.
Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно всё, когда искусства нет,
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает
Противу сил своих и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,

За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл, Анакреон, Софокл и Еврипид.
Менандр, Аристофан и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Виргилий несравненный,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Руссо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный,
Там Тасс и Ариост, там Ка́моенс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп.
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким.
Всё то, что дерзостно невежа сочинит,
Труды его ему преобращает в стыд.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас, и слог твой принужден.
А если естество тебя тем одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство украсило.
Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка за сребро и злато на лугах
Имеет весь убор в единых лишь травах.
Луг камней дорогих и перл ей не являет, —
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь в стихах пастуших склад.
В них гордые слова, сложения высоки
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор,

Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы, опять, придворным кавалером.
Воспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи;
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает,
Когда она в любви власы свои терзает,
Но весь ея восторг свой нежный склад красит
Единым только тем, что сердце говорит:
Любовник в сих стихах стенанье возвещает,
Когда аврорин всход с любезной быть мешает,
Или он, воздохнув, часы свои клянет,
В которые в глазах его Ирисы нет,
Или жестокости Филисы вспоминает,
Или своей драгой свой пламень открывает,
Иль, с нею разлучась, представив те красы,
Со вздохами твердит прешедшие часы.
Но хладен будет стих и весь твой плач — притворство,
Когда то говорит едино стихотворство;
Но жалок будет склад, оставь и не трудись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись!
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Хребет Рифейских гор далеко превышает,
В ней молния делит наполы горизонт,
То верх высоких гор скрывает бурный понт,
Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов Балтийских мещет,
Российский меч во всех концах вселенной блещет.
Творец таких стихов вскидает всюду взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад,
И, мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих крася
И глас эпический до неба вознося,
Летай во облаках, как в быстром море судно,

Но, возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно,
Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум;
В эпическом стихе порядочен есть шум.
Глас лирный так, как вихрь, порывами терзает,
А глас эпический недерзостно взбегает,
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветр,
Бунтующ многи дни, восшед из земных недр.
Сей стих есть полн претворств, в нем добродетель
смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит, — Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет, —
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением, но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт терзал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры
И ветрам растворил глубокие пещеры.
Посем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель:
Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр; творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум тронýть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум.
Ругается, смотря, единого он страстью
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.

Не тщись глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не бренчи в стихах пустыми мне словами,
Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой, зря, имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину:
Всмотрясь в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любови,
Пред Арисиею, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся греки, чтоб сын Андромахин им
По возрасте своем не стал отцом своим.
Трепещут имени Гекторова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,
Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огнь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити
И в отрасли весь корнь Приамов истребити;
Пирр хочет спасть его (защита немала!),
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении, низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать при выборе напасти.
Богинин сын против всех греков восстает
И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнью похищает,
Возлюбленный ея от яда умирает;
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблюсти,

Под защищение статуи прибегает
И образ Августов слезами омывает,
И, после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
«Аталья» Франции и Мельпомене слава.
«Меропа» без любви тронýла всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ея нашел богатство Геликона.
«Альзира», наконец, — Вольтерова корона.
Каков в трагедии Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех «Федра» и «Меропа»,
Не меньше и творец прославлен «Мизантропа».
Мольеров «Лицемер», я чаю, не падет
В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
«Женатый философ», «Тщеславный» воссияли
И честь Детушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши:
Смешить без разума — дар подлыя души.
Не представляй того, что мне на миг приятно,
Но чтоб то действие мне долго было внятно.
Свойство комедии — издевкой править нрав;
Смешить и пользовать — прямой ея устав.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без «ерго» ничего.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!»
О тáинственник муз! уставов их податель!
Разборщик стихотворств и тщательный писатель,
Который Франции муз жертвенник открыл
И в чистом слоге сам примером ей служил!
Скажи мне, Боало, свои в сатирах правы,
Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!

В сатирах должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное в смешное превращать,
Страстям и дуростям, играючи, ругаться,
Чтоб та игра могла на мысли оставаться
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
Тщеславный лицемер святым себя являет
И в мысли ближнему погибель соплетает.
Льстец кажется, что он всея вселенной друг,
И отрыгает яд во знак своих услуг.
Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник,
И, что противу прав, заграбив, получит,
С неправедным судьей на части то делит.
Богатый бедного невинно угнетает
И совесть из судей мешками выгоняет,
Которы, богатясь, страх божий позабыв,
Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:
Наука, честность, ум, по их, — среди богатства.
Охотник до вестей, коль нечего сказать,
Бежит с двора на двор и мыслит, что́ солгать.
Трус, пьян напившися, возносится отвагой
И за робятами гоняется со шпагой.
Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты;
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де Лафонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал,
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел;
Парнасски девушки пером его водили
И в простоте речей искусство погрузили.
Еще есть склад смешных геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:

Он в подлу женщину Дидону превращает
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк.
Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектóр не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не пром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поэм искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян, — не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Робенка баба бьет — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.
В эпистолы творцы те речи избирают,
Какие свойственны тому, что составляют,
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них и в слоге чистота.
Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно,
Но должно в них играть разумно и проворно.
В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.
Рондо — безделица, таков же и баллад,
Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
Хорóши вымыслы и тамо благородны,
Состав их хитрая в безделках суета:
Мне стихотворная приятна простота.
О песнях нечто мне осталося представить,
Хоть песнописцев тех никак нельзя исправить,
Которые, чтó стих, не знают, и хотят
Нечаянно попасть на сладкий песен лад.
Нечаянно стихи из разума не льются,
И мысли ясные невежам не даются.

Коль строки с рифмами — стихами то зовут.
Стихи по правилам премудрых муз плывут.
Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно; он сам собой прекрасен;
Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;
Не он над ним большой — имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера
И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет»,
Скажи, прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут вображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятные минуты.
Прости в последний раз и помни, как любил».
Кудряво в горести никто не говорил:
Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадется.
Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,
Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? Да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят всё, что в разум ни попало.
О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно,
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно,
Когда не льстит тебе всегдашний града шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора
И обоняния ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут
И птички сладостно Аврорин всход поют,

Однюю щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой.
Пускай на верх горы взойдет твоя нога
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера́, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.
Когда ты ревешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремящу лиру
И с пышным Пи́ндаром взлетай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.
Имея важну мысль, великолепный дух,
Пронзай воинскою трубой вселенной слух:
Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут русской славой,
Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
Чувствительней всего трагедия сердцам,
И таковым она вручается творцам,
Которых может мысль входить в чужие страсти
И сердце чувствовать других беды, напасти.
Виргилий брани пел, Овидий воздыхал,
Гораций громкий глас при лире испускал
Или, из высоты сходя, страстям ругался,
В которых римлянин безумно упражнялся,
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что, сладко пев, они прославились все три.
Всё хвально: драма ли, эклога или ода —
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

<1747>

ПРИМЕЧАНИЯ
НА УПОТРЕБЛЕННЫЕ В СИХ ЭПИСТОЛАХ СТИХОТВОРЦЕВ ИМЕНА

Анакреон, греческий лирик. Жил во время Поликрата, мучителя самосского, за 500 лет до рождества Христова, и был современник Киру, Крезу, Солону и Есопу. Писал оды или, лучше сказать, песни любовные и пьянственные, которые высоко поставляются.

Аристофан, греческий комик, современник Еврипиду, Демосфену и Сократу. Жил за 437 лет до рождества Христова. Плутарх его Менандру предпочитает. Платон, глава академиков, ученик Сократов и учитель Аристотелев, сочинения его много почитал. Сократу и Еврипиду был Аристофан великий неприятель. Из комедий его осталось одиннадцать.

Ариост, феррарец, стихотворец италиянский. Умер июля 13 дня в 1533 году, 69 лет. Сочинил поэму, называемую «Роланд».

Виргилий, знатнейший римский стихотворец, родом мантуанин. Родился 15 октября, в 684 году от создания города. Был в милости у Августа, любим Меценатом и Поллионом. В «Эклогах» своих подражал он Феокриту, в «Георгиках» Гесиоду, в «Энеидах» Гомеру. «Энеиды», которым весь свет удивляется, приказал он при смерти своей после себя сжечь как труд еще не исправленный; однако, по повелению Августа, два хорошие стихотворцы, друзья Виргилиевы, Тукк и Варий, их просмотрели и, ничего от себя не прибавляя, их исправили одним только отсечением того, что им по справедливости не показалось. Все Виргилиевы сочинения преславны, а особливо «Энеиды», которые почитаются лучшим на свете стихотворством.

Вольтер, великий стихотворец и преславный французский трагик; лучшие его трагедии суть: «Альзира», «Меропа», «Брут» и «Мариамна». «Генрияда», героическая его поэма, есть некое сокровище стихотворства. Как «Генрияда», так и трагедии его важностью, сладостью, остротой и великолепием наполнены. Склад его летуч, слова избранны, изъяснения проницательны, а всё то купно показывает в нем великого стихотворца.

Галл, стихотворец латинский. Был у цесаря Августа в великой милости и сделан от него губернатором Египта; однако за строгость свою и прочие неприятные народу поступки оттуда изгнан и во отчаянии сам себя умертвил, в 728 году города, на 43 века своего. Виргилий и Овидий ему друзья были.

Гинтер, немецкий стихотворец последнего времени, которого тщательно составленные и вычищенные им стихи, хотя таковых и гораздо меньше, нежели других, превеликой похвалы достойны.

Гомер, славнейший греческий стихотворец, творец «Илиады» и «Одиссеи». Думают, что он жил спустя 302 года после Троянской войны, за 207 лет до рождества Христова. В «Илиаде» воспевает он Ахиллесов гнев, или паче троянскую брань, а в «Одиссее» путешествие Улиссово. Какой он был уроженец, того никто подлинно не ведает — а Геродот называет его эолянином. Семь городов о его урожении спорили. Александр Великий содержал письмы его в превеликом почтении. Греки его почти боготворили, и называется он отцом стихотворцев.

Гораций, лирик и сатирик римский. Родился в 689 году от

создания города. Был у Августа и Мецената в милости. Умер 57 лет. От него имеем мы «Наставление стихотворцам», которому подражал Боало. Оды, сатиры и эпистолы, все его сочинения содержатся в великом почтении.

Депро-Боало, преславный стихотворец, сатирик французский. Родился в Париже 5 декабря 1636 года. Умер 13 марта в 1711 году на 74 века своего. Сочинения его суть: «Наставление стихотворцам», 12 сатир, 12 эпистол и поэма героическая шуточная. Слава его, к чести французского стихотворства, по всей Европе распростерта.

Детуш, знатный французский комик. Комедии его «Тщеславный» и «Женатый философ» безмерно хороши.

Еврипид, славный греческий трагик, родился в Саламине во 2 году 75 Олимпиады, в 275 году от создания Рима, за 479 лет до рождества Христова. Был современник Софоклу и друг Сократу. Из трагедий его осталось осьмнадцать, которые почти в таком же содержатся почтении, как и Софокловы.

Ешилл <Эсхилл>, греческий трагик и установитель прямыя трагедии, родился в 1 году 60 Олимпиады, за 540 лет до рождества Христова. Умер 65 лет. Из трагедий его поныне семь осталось.

Камоенс, славный стихотворец португальский, или Виргилий тамошний, творец эпической поэмы «Лусияды». Умер в 1579 году, за 50 лет века своего.

Кантемир, сын волосского господаря, был, как сказывают, человек весьма разумный и притом ученый. Сочинял на русском языке сатиры, в которых он подражал духу Боалову; только, будучи чужестранным, не знал истинной красоты нашего языка. Разум его и в стихотворстве гораздо виден, ежели сочиненные им сатиры стихотворством назвать можно; однако нет в стихах его ни порядочного в речах сопряжения, ни свободных и надлежащих рифм, ни меры стоп, ни пресечения, ни наблюдения грамматических правил, и нет ничего в них, чего красота языка и стихотворство требует, и хотя разумные его мысли и видны, но повсюду нечистым, неправильным, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются.

Кино, творец французских опер, стихотворец нежной лиры, уроженец парижский. Родился в 1633 году. Умер в 1688 ноября 26 дня.

Корнелий, нареченный «Великий», преславный трагик французский. Родился в Руане, в 1606 году, июня 6 дня. Умер в 1684 году. Великим назван он не столько от хорошего стихотворства, как от великого духа и высоких мыслей. Лучшие его трагедии суть: «Цинна», «Родогуна», «Гораций», «Цид», «Полиевкт», «Помпей» и «Ираклий».

Ломоносов, русский стихотворец, хороший лирик. Петербургской Академии наук и исторического собрания член и профессор химии.

Лоп <Лопе де Вега>, славный испанский комик. Умер августа 24 дня в 1635 году на 72 века своего. Был кавалер Малтийского ордена. Сочинил триста комедий.

Лукан, латинский стихотворец. Родился в Испании в 39 году от рождества. В Рим привезен он осьми лет. Был у Нерона в великой милости, а потом от славного сего мучителя умерщвлен растворе-

нием жил. Сочинил поэму о Фарсальской между Цесарем и Помпеем брани.

Лукреций, стихотворец римский. Родился в 657 или в 658 году Рима, сочинил поэму в шести книгах, «О естестве вещей».

Малгерб, французский стихотворец, славный лирик. Родился около 1555 году. Умер в Париже в 1628 году.

Менандр, лучший греческий комик. Родился в Афинах в 109 Олимпиаде, ученик Феофрастов. Был в превеликом почтении, и некоторые государи к нему посольства присылали с прошением, чтоб он приехал быть при них; однако он от того отрекся. Был в прочем весьма нежен, а особливо в платье, а притом и влюбчив. Терентий, римский комик, ему подражал и переводил комедии его.

Мильтон, преславный аглинский стихотворец, творец эпической поэмы «Потерянного рая». Родился в Лондоне в 1606 году, умер в 1674 году.

Мольер, преславный французский комик, или паче славнейший изо всех комиков на свете. Родился в Париже в 1620 году, умер на 53 века своего, в 1673 февраля 17 дня. Лучшие его комедии суть: «Мизантроп», «Лицемер», «Школа жен», «Школа мужей», «Ученые женщины» и «Амфитрион».

Овидий, знатный римлянин и великий стихотворец. Родился в 711 году от создания города. Был у Августа-цесаря в милости, но после сослан в ссылку, которыя причины подлинно никто не знает. Некоторые из составлений его пропали, между которыми и последние книги «Фастов» и трагедия «Медея», которую Тацит, Квинтилиян и другие похваляют. Все его сочинения, как «Превращения», «Героиды», «Элегии», так и прочие, содержатся в великом почтении.

Персий, сатирик римский. Жил во время императора Нерона. Умер на 28 году жизни своей.

Пиндар, греческий стихотворец и глава лириков, родом февании. Жил до рождества Христова с лишком за 470 лет. Его составления было много книг, однако остались только оды, которые он сочинил при Олимпийских, Истмисских, Пифисских и Немейских играх. Был в Греции в превеликой чести, и не только он, но и потомки его в почтении содержались. Александр Великий, больше ста лет после смерти сего великого стихотворца, разоряя Фебанский город, дому тому, в котором жил сей стихотворец, не прикоснулся из почтения.

Плавт, римский комик. Умер в 570 году от создания города. Из комедий его осталося двадцать. Был человек разума острого.

Поп, остроумный аглинский писатель, стихотворец последнего времени.

Проперций, латинский стихотворец. Был любим Меценатом и Корнелием Галлом. Казнен по повелению Августа отсечением головы за то, что он прилепился к стороне Антониевой. Сочинения его суть стихотворствы любовные.

Расин, великий стихотворец, преславный трагик французский. Родился в 1639 году. Умер в 1699 апреля 22 дня на 59 году жизни своей. Стихотворство его всякую похвалу превосходит. Лучшие его трагедии суть: «Аталия», «Федра», «Ифигения», «Митридат», «Андромаха», «Британик».

Руссо, французский стихотворец последнего времени, славный лирик.

Сафо, стихотворица из Митилина, столичного города острова Лесбоса. Жила лет за 600 до рождества Христова. Сочинения ее состояли в 9 книгах од, во многих книгах эпиграмм. Делала элегии, стихи эпиталамические и много других стихотворств составляла; однако все ея сочинения, кроме двух од и двух эпиграмм, пропали. Сократ, Аристотель, Страбон, Дионисий Галикарнасский, Лонгин и император Иулиян ей похвалу приносят. Сверх того ставится, что и Овидий в лучших своих стихах, которые трогают сердца, подражал сей стихотворице.

Софокл, знатнейший греческий трагик, ученик Ешиллов, которого он далеко превзошел. Родился во 2 году 71 Олимпиады в Колоне, городке аттическом. Умер в 349 году от создания Рима, в 90 лет века своего, за 405 лет до рождества Христова. Из трагедий его поныне только семь осталось.

Сюз (де ла), графиня, французская стихотворица. Писала элегии.

Тасс, славнейший итальянский стихотворец, творец эпической поэмы «Освобожденного Ерусалима» и пастушьей поэмы «Аминта». Родился в королевстве Неаполитанском. Умер 1595 году, на 51 века своего.

Терентий, лучший римский комик, родом африканец из Карфагена. Был прежде невольник Терентия Лукана и получил свободу за разум. Подражал Менандру, а ему подражал Мольер. Умер в 595 году от создания города. Из комедий его осталось шесть.

Тибулл, римлянин времени цесаря Августа и стихотворец латинский, родился в 711 году Рима, в одном году с Овидием, за 43 года до рождества Христова. Гораций и Овидий были ему друзья. Умер очень молод, за 17 лет до рождества. Сочинял элегии, которые в почтении содержатся. Овидий смерть его в прекрасной элегии оплакивает.

Фонтен (де ла), славный французский стихотворец. Сочинения его суть: «Притчи» и «Сказки», которые от погруженного в простоте искусства, самыми музами сочинены быть кажутся. Умер на 74 году века своего, в 1695 году апреля 13 дня.

Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень худого и чрезвычайно хорошего очень много. Умер 23 дня апреля, в 1616 году, на 53 века своего.

Ювенал, сатирик римский. Жил во время первого века по рождестве.

Феокрит, греческий стихотворец, урожением сиракузец. Жил при дворе Птоломея Филадельфа в Египте. Сочинял идиллии, которым Виргилий подражал в своих эклогах.

Фондель, славный голландский стихотворец, или Виргилий тамошний, трагик хороший. Жил в 17 веке. Умер 5 дня февраля, в 1679 году, на 92 века своего.

<1747>

* * *

Желай, чтоб на брегах сих музы обитали,
Которых вод струи Петром преславны стали.
Октавий Тибр вознес, и Сейну — Лудовик.
Увидим, может быть, мы нимф Пермесских лик
В достоинстве, в каком они в их были леты,
На Невских берегах во дни Елисаветы.
Пусть славит тот дела героев Русских стран
И громкою трубой подвигнет океан,
Пойдет на Геликон неробкими ногами
И свой устелет путь прекрасными цветами.
Тот звонкой лирою края небес пронзит,
От севера на юг в минуту прелетит,
С Бальтийских ступит гор ко глубине Японской,
Сравняет русску власть со властью македонской.
В героях кроючи стихов своих творца,
Пусть тот трагедией вселяется в сердца:
Принудит чувствовать чужие нам напасти
И к добродетели направит наши страсти.
Тот пусть о той любви, в которой он горит,
Прекрасным и простым нам складом говорит,
Плачевно скажет то, что дух его смущает,
И точно изъяснит, что сердце ощущает.
Тот рощи воспоет, луга, потоки рек,
Стада и пастухов, и сей блаженный век,
В который смертные друг друга не губили
И злата с серебром еще не возлюбили.
Пусть пишут многие, но зная, как писать:
Звон стоп блюсти, слова на рифму прибирать —
Искусство малое и дело не пречудно,
А стихотворцем быть есть дело небеструдно.
Набрать любовных слов на новый минавет,
Который кто-нибудь удачно пропоет,
Нет хитрости тому, кто грамоте умеет,
Да что и в грамоте, коль он писца имеет.
Подобно не тяжел пустой и пышный слог, —
То толстый стан без рук, без головы и ног,
Или издалека являющася туча,
А как ты к ней придешь, так то навозна куча.
Кому не дастся знать богинь Парнасских прав.

Не можно ли тому прожить и не писав?
Худой творец стихом себя не прославляет,
На рифмах он свое безумство изъявляет.

<1755>

К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ

О вы, хранители уставов и суда,
Для отвращения от общества вреда
Которы силою и должностию власти
Удобны отвращать и приключать напасти
И не жалеете невинных поражать!
Случалось ли себе вам то воображать,
Колико тягостно вам кланяться напрасно,
Молитвы принося, как богу, повсечасно,
Против вас яростью по правости кипеть
И в сердце то скрывать, сердиться и терпеть?
Иль вы не помните, в ожесточеньи тверды,
Что вышний справедлив, а вы немилосерды?
Иль вы не верите, что бог неправду мстит
И вам стенание невинных отплатит?
Иль вы забыли то, что время скоротечно
И что и на земли нам счастие не вечно?
Неправду видит бог и внемлет бедных стон;
Что вы ни мыслите, о всем известен он,
А что творите вы, так то и люди знают,
Которые от вас отчаянно стонают.

<1759>

ЭПИСТОЛА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО 1761 ГОДА СЕНТЯБРЯ 20 ЧИСЛА

Любовь к отечеству есть перва добродетель
И нашей честности неспо́римый свидетель.
Не только можно быть героем без нея,
Не можно быть никак и честным человеком.
Премудрая судьба довольствует мя веком,

Чтоб жил и приносил народу пользу я.
Член члена помощи ежеминутно просит,
И всяки тягости всё тело обще носит.
Всем должно нам любить отечество свое,
А царским отраслям любити должно боле:
Благополучие народа на престоле.
Известно, государь, на свете нам сие,
Что счастье йнако от стран не убегает,
Как только если царь свой долг пренебрегает.
Кто больше носит сан, тот пользы и вреда
Удобней обществу соделати всегда.
Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет,
К тому родился он и гласу долга внемлет;
Но польза оная совсем не такова,
Какую учинит венчанная глава.
Оратель дремлющий, имея мысль лениву,
Со небрежением посеяв семена,
Убыток понесет, утратя времена,
Со небрежением одну испортит ниву,
И лягут на него не только бремена;
А если государь проступится, так горе
Польется на народ, и часто будто море.
Сия причина есть, венчанныя крови
Имети более к отечеству любви.
Вторая важная любви сея причина,
Что вашего уж нет на свете больше чина,
Отечество дает утехи больше вам;
Так долг его любить вам больше, нежель нам.
Причина первая из должности единой,
А в воздаяние вам мы и наш живот;
Из благодарности другая вам причиной
За приношенье жертв любити свой народ.
Судьбами таковы порядки учрежденны:
Рожденны мы для вас, а вы для нас рожденны.
Благополучными одним нельзя вам быть:
Коль любите себя, вы дóлжны нас любить.
Льстецы не обществу работать осужденны,
Льстецы боготворят ласкательством царей,
О пользе не его пекутся, о своей;
Не сын отечества — ласкатель, но злодей.
Коль хочет наказать царя когда создатель,
Льстецами окружит со всех сторон его,

Не зрит он верного раба ни одного,
И будет он врагам своим щедрот податель,
Которые за тьму к себе его наград,
Ругаяся ему, влекут его во ад
И, разверзая всю геенскую утробу,
Сынам отечества влекут его во злобу.
В ласкательстве сию имеет пользу он.
Таков Калигула был в Риме и Нерон:
Все жители земли гнушаются их прахом.
Царь мудрый подданных любовию, не страхом,
Имея истину единую в закон,
К повиновению короны привлекает
И сходны с естеством уставы изрекает.
Елисавета — мать, а Петр нам был отец:
Они правители душ наших и сердец.
Правительствовати едины те довлеют,
В сердца которые повиновенье сеют,
Чьи собственны сердца наполнены щедрот,
Которы жалости в себе плоды имеют
И больше, как карать, нас миловать умеют,
То помня, сколько слаб и страстен смертных род.
Но с слабостию я злодейства не мешаю,
И беззаконников я сим не утешаю:
Рождаются они ко общему вреду
И подвергаются строжайшему суду.
Муж пагубный грешит от предприятья злаго,
Царь праведный грешит, ему являя благо,
И тако тяжкий грех злодея извинить,
Но тяжче грех еще за слабости казнить.
Который человек преступку не причастен?
Един бесстрастен бог: кто смертен, тот и страстен.
Не мог Тит слез своих во оный час отерть,
Когда подписывал сей муж великий смерть.
Владычица сих стран, родившися беззлобна,
На оно и руки подняти неудобна.
Блажен такой народ, которому приязнь
Соделать может то, что сделать может казнь,
И счастлив будешь ты, когда тебя порода
Возвысит на престол для счастия народа.

<1761>

НАСТАВЛЕНИЕ ХОТЯЩИМ БЫТИ ПИСАТЕЛЯМИ

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощию слов пространна языка
Всё можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем всё: и чувствие, и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу объявляем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки.
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим.
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, ближе объявить, каков способен русский.
Довольно наш язык себе имеет слов,
Но нет довольного на нем числа писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
В Германию влечет Российскую Палладу.
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ея сотрет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает, пиша, в законы.
Кто пишет, должен мысль очистить наперед
И прежде самому себе подати свет,
Дабы писание воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.

По сем скажу, какой похвален перевод.
Имеет склада всяк различие народ:
Что очень хорошо на языке французском,
То может скаредно во складе быти русском.
Не мни, переводя, что склад тебе готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
Ты, путаясь, как твой творец письмом ни славен,
Не будешь никогда, французяся, исправен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он,
Коль речи и слова поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает ввек,
Хотя и все слова исправно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Во переводе мне яви ты силу точно.
Мысль эта кажется гораздо мне дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердися: мало книг у нас, и делай пени.
Когда книг русских нет, за кем идти в степени?
Однако больше ты сердися на себя:
Пеняй отцу, что он не выучил тебя.
А если б юности не тратил добровольно,
В писании ты б мог искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
И, посещающа благоуханну розу,
В соты себе берет частицы и с навозу.
А вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музы́ка вам прямая неизвестна!
Стихосложения не зная прямо мер,
Не мог бы быть Мальгерб, Расин и Молиер.
Стихи писать — не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно всё, когда искусства нет,
Хотя творец, пиша, струями поты льет.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет, иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас, и слаб, и принужден.

А если естество тебя и одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство повторило.
Во стихотворстве знай различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка моется на чистом берегу,
Не перлы, но цветы сбирает на лугу.
Ни злато, ни сребро ее не утешает —
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно, каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь стихов пастушьих склад.
В них громкие слова чтеца ушам жестоки,
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих,
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан кроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор —
Чтоб не был ни учтив, ни грубым разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером,
И не был бы, опять, придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи.
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыти всю мирскую суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает,
Когда она, в любви стоная, восклицает,
Но весь ее восторг — Эрата чем горит, —
Едино только то, что сердце говорит.
Противнее всего элегии притворство,
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него не углубись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Кавказских гор верхи и Альпов осязает.
В ней молния делит наполы горизонт,
И в безднах корабли скрывает бурный понт.
Пресильный Геркулес злу Гидру низлагает,

А дерзкий Фаетон на небо возбегает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов Балтийских мещет,
Екатеринин меч на Геллеспонте блещет.
В эпическом стихе Дияна — чистота,
Минерва — мудрость тут, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю возмущает.
Когда в морях шумит волнение и рев,
Не ветер то ревет, ревет Нептуна гнев.
И эха голосом отзывным лес не знает, —
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением; но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт ломал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за почести Венеры
И ветрам растворил глубокие пещеры.
По сем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель.
Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр: творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум трону́ть.
Коль ток потребен слез, введи меня ты в жалость,
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ моих на смеси дум:
Смотритель к одному тогда направит ум,
Ругается, смотря, единого он страстью
И беспокойствует единого напастью.
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись мои глаза различием прельстить
И бытие трех лет во три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,

Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не греми в стихах, летя под небесами;
Скажи мне только то, что страсти скажут сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб я, зря, твой театр имеючи за Рим,
В Москву не полетел, а из Москвы к Пекину:
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Для знающих людей не игрищи пиши:
Смешить без разума — дар подлыя души.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, не знающа, что писано в указе.
Комедией писец исправить должен нрав:
Смешить и пользовать — прямой ея устав.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого: лезет он в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!»
В сатире ты тому ж пекись, пиша, смеяться,
Коль ты рожден, мой друг, безумных не бояться,
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
А эпиграммы тем единым лишь богаты,
Когда сочинены остры и узловаты.
Склад басен Лафонтен со мною показал,
Иль эдак Аполлон писати приказал.
Нет гаже ничего и паче мер то гнусно,
Коль притчей говорит Эсоп, шутя невкусно.
Еще мы видим склад геройческих поэм,
И нечто помяну я ныне и о нем.
Он подлой женщиной Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем возвещает,
Являя рыцарьми буянов, забияк.
Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
Или богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не в брань ведет, но во кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Иль пучится буян: не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец во кузнице Вулькан,
А лужа от дождя не лужа — океан.

Робенка баба бьет, — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна, — то стены Илиона.
Невежа, верь ты мне и брось перо ты прочь
Или учись писать стихи и день и ночь.

<1774>

ДОРИЗА

Еще ночь мрачная тьмы в море не сводила,
Еще прекрасная Аврора не всходила,
Корабль покоился на якоре в водах,
И земледелец был в сне крепком по трудах,
Сатиры по горам не бегали лесами,
А нимфы спали все, храпя под древесами.
И вдруг восстал злой ветр и воды возмущал,
Сердитый вал морской пучину восхищал,
Гром страшно возгремел, и молнии сверкали,
Луна на небеси и звезды померкали.
Сокрыли небеса и звезды и луну,
Лев в лес бежал густой, а кит во глубину,
Орел под хворостом от страха укрывался.
Подобно и Дамон во страх тогда вдавался.
Рекою падал дождь в ужасный оный час,
А он без шалаша свою скотину пас.
Дамон не знал, куда от беспокойства деться,
Бежал сушить себя и вновь потом одеться.
Всех ближе шалашей шалаш пастушкин был,
Котору он пред тем недавно полюбил,
Котора и в него влюбилася подобно.
Хоть сердце в ней к нему казалося и злобно,
Она таила то, что чувствовал в ней дух.
Но дерзновенный вшел в шалаш ея пастух.
Однако, как тогда зла буря ни сердилась,
Прекрасная его от сна не пробудилась
И, лежа в шалаше на мягкой мураве,
Что с вечера она имела в голове,

То видит и во сне: ей кажется, милует,
Кто въяве в оный час, горя, ее целует.
Проснулася она: мечтою сон не лгал.
Пастух вину свою на бурю возлагал.
Дориза от себя Дамона посылала,
А, чтобы с ней он был, сама того желала.
Не может утаить любви ея притвор,
И шлет Дамона вон и входит в разговор,
Ни слова из речей его не примечает
И на вопрос его другое отвечает.
«Драгая! не могу в молчании гореть,
И скоро будешь ты мою кончину зреть».
— «Но, ах! Вещаешь ты и громко мне и смело! ..
Опомнися, Дамон, какое это дело!
Ну, если кто зайдет, какой явлю я вид,
И, ах, какой тогда ты сделаешь мне стыд?
Не прилагай следов ко мне ты громким гласом
И, что быть хочешь мил, скажи иным мне часом.
В пристойно ль место ты склонять меня зашел!
Такой ли, объявлять любовь, ты час нашел!»
Дамон ответствовал на нежные те пени,
Перед любезной став своею на колени,
Целуя руку ей, прияв тишайший глас:
«Способно место здесь к любви, способен час,
И если сердце мне твое не будет злобно,
Так всё нам, что ни есть, любезная, способно».
Что делать ей? Дамон идти не хочет прочь!
Взвела на небо взор: «О ночь, о темна ночь!
Усугубляй свой зрак; жар разум возмущает,
И скрой мое лицо!» вздыхаючи, вещает.
«Дамон! Мучитель мой! Я мню, что мой шалаш
Смеется, зря меня и слыша голос наш.
Глуша его слова, шумите вы, о рощи,
И возвратись покрыть нас, темность полунощи!»
Ей мнилося, о них весть паством понеслась,
И мнилося, что вся под ней земля тряслась.
Не знаючи любви, «люблю» сказать не смеет.
Сказала... Множество забав она имеет,
Которы чувствует взаимно и Дамон.
Сбылся, пастушка, твой, сбылся приятный сон.
По сем из волн морских Аврора свет рождала
И спящих в рощах нимф, играя, возбуждала,

Зефир по камешкам на ключевых водах
Журчал и нежился в пологих берегах.
Леса, поля, луга сияньем освещались,
И горы вдалеке Авророй озлащались.
С любезной нощию расссталася луна,
С любезным пастухом рассталась и она.

<1768>

КЛАРИСА

С высокия горы источник низливался
И чистым хрусталем в долине извивался,
Он мягки муравы, играя, орошал;
Брега потоков сих кустарник украшал.
Клариса некогда с Милизой тут гуляла
И, седши на траву, ей тайну объявляла:
«Кустарник сей мне мил, — она вещала ей, —
Свидетелем мне он всей радости моей;
В него любовник мой скотину пригоняет
И мнимой красоте Кларисиной пеняет;
Здесь часто сетует, на сердце жар храня,
И жалобы свои приносит на меня;
Здесь имя им мое стенание вперяло,
И эхо здесь его стократно повторяло.
Не ведаешь ты, я колико весела:
Я вижу, что его я сердцу впрямь мила.
Селинте Палемон меня предпочитает,
И только лишь ко мне одной любовью тает.
Мне кажется, душа его ко мне верна:
И если так, так я, конечно, недурна.
Намнясь купаясь я в день тихия погоды,
Нарочно пристально смотрела в ясны воды;
Хотя казался мне мой образ и пригож,
Но чаю, что в воде еще не так хорош».
Милиза ничего на то не отвечала
И, слыша о любви, внимала и молчала.
Клариса говорит: «Гора сия виной,
Что мой возлюбленный увиделся со мной:
На месте сем моим пастух пронзился взглядом,
С горы сея сошед с своим блеящим стадом,
Коснулся жаром сим и сердца моего,

Где я влюбилася подобно и в него,
Когда я, сидячи в долине сей безблатной,
Взирала на места в пустыне сей приятной,
Как я еще любви не зрела и во сне,
Дивяся красотам в прелестной сей стране.
Любовны мысли в ум мне сроду не впадали,
Пригожства сих жилищ мой разум услаждали,
И веселил меня пасомый мною скот,
Не знала прежде я иных себе забот.
Однако Палемон вэложил на сердце камень,
Почувствовала я в себе влиянный пламенъ,
Который день от дня умножился в крови
И учинил меня невольницей любви.
Но склонности своей поднесь не открываю
И только оттого в веселье пребываю,
Что знаю то, что я мила ему равно.
Уже бы я в любви открылася давно;
Да только приступить к открытию стыжуся
И для ради того упорною кажуся,
Усматривая, он такой ли человек,
Который бы во весь любил меня свой век.
Кто ж подлинно меня, Милиза, в том уверит,
Что будет он мой ввек? Теперь не лицемерит,
Покорствуя любви и зраку моему;
А если я потом прискучуся ему?
Довольно видела примеров я подобных:
Как волки, изловя когда овец беззлобных,
Терзают их, когда из паства унесут,
Так часто пастухи, язвя, сердца сосут».
— «Клариса, никогда я в сем не провинюся
И в верности к тебе по гроб не пременюся», —
Вещал перед нее представший Палемон.
Пречудно было то, взялся отколе он:
«Не куст ли, — мнит она, — в него преобратился,
Иль он из облака к очам ее скатился?»
А он, сокрывшися меж частых тут кустов,
Влюбившейся в него к ответу был готов.
Она со трепетом и в мысли возмущенной
Вскочила с муравы, цветками изгущенной,
И жительницам рощ, прелестницам сатир,
Когда препархивал вокруг ее зефир
И быстрая вода в источнике журчала,

Прискорбным голосом, вздыхая, отвечала:
«Богини здешних паств, о нимфы рощей сих,
Из обиталищей ступайте вы своих!
Зефир, когда ты здесь вокруг меня порхаешь,
Мне кажется, что ты меня пересмехаешь,
Лети отселе прочь, оставь места сии,
Спокой журчащие в источнике струи!»
И се любовники друг друга услаждают,
А поцелуями знакомство утверждают.
Милиза, видя то, стыдиться начала,
И, зря, что тут она ненадобна была,
Их тающим сердцам не делает помехи,
Отходит; но смотреть любовничьи утехи
Скрывается в кустах сплетенных и густых,
Внимает милый взгляд и разговоры их.
Какое множество прелестных тамо взоров!
Какое множество приятных разговоров!
Спор, шутка, смех, игра их тамо веселит,
Творящих тамо всё, что им любовь велит.
Милиза, видя то, того же пожелала;
Затлелась кровь ея, вспыхну́ла, запылала;
Пришла пасти овец, но тех часов уж нет,
Какие прежде шли: любовь с ума нейдет.
Луга покрыла ночь; пастушке то же мнится.
Затворит лишь глаза, ей то же всё и снится,
Лишается совсем ребяческих забав,
И пременяется пастушкин прежний нрав.
Подружкина любовь Милизу заражает,
Милиза дней чрез пять Кларисе подражает.

<1768>

КАЛИСТА

Близ паства у лугов и рощ гора лежала,
Под коей быстрых вод, шумя, река бежала,
Пустыня вся была видна из высоты.
Стремились веселить различны красоты.
Во изумлении в луга и к рощам зряща
Печальна Атиса, на сей горе сидяща.
Ничто увеселить его не возмогло;
Прельстившее лицо нещадно кровь зажгло.

Тогда в природе был час тихия погоды:
Он, стоня, говорит: «О вы, покойны воды!
Хотя к тебе, река, бывает ветер лих,
Однако и тебе есть некогда отды́х,
А я, кого люблю, нещадно мучим ею,
Ни на единый час отды́ха не имею.
Волнение твое царь ветров укротил,
Мучителей твоих в пещеры возвратил,
А люту страсть мою ничто не укрощает,
И укротить ее ничто не обещает».
Альфиза посреди стенания сего
Уединение разрушила его.
«Я слышу, — говорит ему, — пастух, ты стонешь,
Во тщетной ты любви к Калисте, Атис, тонешь;
Каких ты от нее надеешься утех,
Приемлющей твое стенание во смех?
Ты знаешь то: она тобою лишь играет
И что твою свирель и песни презирает,
Цветы в твоих грядах — простая ей трава,
И песен жалостных пронзающи слова,
Когда ты свой поешь неугасимый пламень,
Во сердце к ней летят, как стрелы в твердый камень.
Покинь суровую, ищи другой любви
И злое утоли терзание крови!
Пускай Калиста всех приятнее красою,
Но, зная, что тебя, как смерть, косит косою,
Отстань и позабудь ты розин дух и вид:
Всё то тебе тогда гвоздичка заменит!
Ты всё пригожство то, которо зришь несчастно,
Увидишь и в другой, кем сердце будет страстно,
И, вспомянув тогда пастушки сей красы,
Потужишь, потеряв ты вздохи и часы;
Нашед любовницу с пригожством ей подобным,
Стыдиться будешь ты, размучен сердцем злобным».
На увещение то Атис говорит:
«Ничто сей склонности моей не претворит.
Ты, эхо, таинства пастушьи извещаешь!
Ты, солнце, всякий день здесь паство освещаешь
И видишь пастухов, пасущих здесь стада!
Вам вестно, рвался ль так любовью кто когда!
Еще не упадет со хладного снег неба
И земледелец с нив еще не снимет хлеба,

Как с сей прекраснюю пустыней я прощусь
И жизнию своей уж больше не польщусь.
Низвергнусь с сей горы, мне море даст могилу,
И тамо потоплю и страсть и жизнь унылу;
И если смерть моя ей жалость приключит,
Пастушка жалости пастушек научит,
А если жизнь моя ко смеху ей увянет,
Так мой досады сей дух чувствовать не станет».
— «Ты хочешь, — говорит пастушка, — век пресечь?
Отчаянная мысль, отчаянная речь
Цветущей младости нимало не обычны.
Кинь прочь о смерти мысль, к ней старых дни приличны,
А ты довольствуйся утехой живота,
Хоть будет у тебя любовница не та,
Такую ж от другой имети станешь радость,
Найдешь веселости, доколе длится младость,
Или вздыхай вокруг Калистиных овец
И помори свою скотину наконец.
Когда сия гора сойдет в морску пучину,
Калиста сократит теперешну кручину,
Но если бы в тебе имела я успех,
Ты вместо здесь тоски имел бы тьмы утех:
Я стадо бы свое в лугах с твоим водила,
По рощам бы с тобой по всякий день ходила,
Калисте бы ты был участником всего,
А шед одна, пошла б я с спросу твоего,
Без воли бы твоей не сделала ступени
И клала б на свои я Атиса колени.
Ты, тщетною себе надеждою маня,
Что я ни говорю, не слушаешь меня.
От тех часов, как ты в несчастну страсть давался,
Ах, Атис, Атис, где рассудок твой девался?»
Ей Атис говорит: «Я всё о ней рачил,
Я б сердце красоте теперь твоей вручил,
Но сердце у меня Калистой взято вечно,
И буду ею рван по смерть бесчеловечно.
Любви достойна ты, но мне моя душа
Любить тебя претит, хоть ты и хороша.
Ты песни голосом приятнейшим выводишь
И гласы соловьев сих рощей превосходишь.
На теле видится твоем лилеин вид,
В щеках твоих цветов царица зрак свой зрит.

Зефиры во власы твои пристрастно дуют,
Где пляшешь ты когда, там грации ликуют.
Сравненна может быть лишь тень твоя с тобой,
Когда ты где сидишь в день ясный над водой.
Не превзошла тебя красой и та богиня,
Которой с паством здесь подвластна вся пустыня;
А кем я мучуся и, мучася, горю,
О той красавице тебе не говорю,
Вещая жалобы пустыне бесполезно
И разрываяся ее красою слезно.
Ты волосом темна, Калиста им руса,
Но то ко прелести равно, коль есть краса».
Альципа искусить Калиста научила,
А, в верности нашед, себя ему вручила.

<1768>

МЕЛИТА

Пастушки некогда купаться шли к реке,
Которая текла от паства вдалеке.
В час оный Агенор дух нежно утешает
И нагу видети Мелиту поспешает.
Снимают девушки и ленты, и цветы,
И платье, кроюще природны красоты,
Скидают обуви, все члены обнажают
И прелести свои, открывся, умножают.
Мелита в платии прекрасна на лугу,
Еще прекраснее без платья на брегу.
Влюбленный Агенор Мелитою пылает
И более еще, чего желал, желает.
Спускается в струи прозрачные она:
Во жидких облаках блистает так луна.
Сие купание пастушку охлаждает,
А пастуха оно пыланьем побеждает.
Выходят, охладясь, красавицы из вод
И одеваются, спеша во коровод
В растущие у стад березовые рощи.
Уже склоняется день светлый к ясной нощи,
Оделись и пошли приблизиться к стадам.
Идет и Агенор за ними по следам.

Настало пение, игры, плясанье, шутки,
Младые пастухи играли песни в дудки.
Влюбленный Агенор к любезной подошел
И говорил: «Тебя ль в сей час я здесь нашел
Или сей светлый день немного стал ненастней,
Пред сим часом еще твой образ был прекрасней!»
— «Я та ж, которая пред сим часом была,
Не столько, может быть, как давече, мила.
Не знаю, отчего кажусь тебе другою!»
— «Одета ты, а ту в струях я зрил нагою».
— «Ты видел там меня? Ты столько дерзок был?
Конечно, ты слова вчерашние забыл,
Что ты меня, пастух, давно всем сердцем любишь».
— «Нагая, ты любовь мою еще сугубишь.
Прекрасна ты теперь и станом и лицем,
А в те поры была прекрасна ты и всем».
Мелита, слыша то, хотя и не сердилась,
Однако пастуха, краснеяся, стыдилась.
Он спрашивал: «На что стыдишься ты того,
Чьему ты зрению прелестнее всего?
Пусть к правилам стыда девица отвечает:
„Меня к тебе любовь из правил исключает"...»
Мелита нудила слова сии пресечь:
«Потише, Агенор! Услышат эту речь,
Пастушки, пастухи со мною все здесь купно».
— «Но сердце будет ли твое без них приступно?»
— «Молчи или пойди, пойди отселе прочь,
И говори о том... теперь вить день, не ночь».
— «Но сложишь ли тогда с себя свою одежду?»
Во торопливости дает она надежду.
Отходит Агенор, и, ждущий темноты,
Воображал себе прелестны наготы,
Которы кровь его сильняе распалили
И, нежностью томя, все мысли веселили.
Приближилася ночь, тот час недалеко,
Но солнце для него гораздо высоко.
Во нетерпении он солнцу возглашает:
«Доколе океан тебя не утушает?
Спустись во глубину, спокойствие храня,
Престань томиться, Феб, и не томи меня!
Медление твое тебе и мне презлобно,
Ты целый день горел, — горел и я подобно».

Настали сумерки, и меркнут небеса,
Любовник дождался желанного часа,
И погружается горяще солнце в бездну,
Горящий Агенор спешит узрить любезну.
Едва он резвыми ногами не бежит.
Пришел, пастушка вся мятется и дрожит,
И ободряется она и унывает,
Разгорячается она и простывает.
«Чтоб ты могла солгать, так ты не такова.
Я знаю, сдержишь ты мне данные слова.
Разденься!» — «Я тебе то в скорости сказала».
— «Так вечной ты меня напастию связала,
Так давешний меня, Мелита, разговор
Возвел на самый верх превысочайших гор
И сверг меня оттоль во рвы неисходимы,
Коль очи мной твои не будут победимы».
Пастушка жалится, переменяя вид,
И гонит от себя, колико можно, стыд
И, покушаяся одежды совлекати,
Стремится, чтоб его словами уласкати.
Другое пастуху не надобно ничто.
Пастушка сердится, но исполняет то,
И с Агенором тут пастушка ощущала
И то, чего она ему не обещала.

<1774>

* * *

Мучительная мысль, престань меня терзати
И сердца больше не смущай.
Душа моя, позабывай
Ту жизнь, которой мне вовеки не видати!
Но, ах! драгая жизнь, доколе буду жить
В прекрасной сей пустыне,
Всё буду унывать, как унываю ныне.
Нельзя мне здесь, нельзя любезныя забыть!
Когда я в роще сей гуляю,
Я ту минуту вспоминаю,
Как в первый раз ее мне случай видеть дал.
При токе сей реки любовь моя открылась,
Где, слыша то, она хотя и посердилась,
Однако за вину, в которую я впал,
Казать мне ласки стала боле.
В сем часто я гулял с ней поле.
В сих чистых ключевых водах
Она свои мывала ноги.
На испещренных сих лугах
Все ею мнятся быть протоптаны дороги;
Она рвала на них цветы,
Подобие своей прелестной красоты.
Под тению сего развесистого древа,
Не опасаясь больше гнева,
Как тут случилось с ней мне в полдни отдыхать,
Я в первый раз ее дерзнул поцеловать.
Потом она меня сама поцеловала
И вечной верностью своею уверяла.

В дуброве сей
Я множество имел приятных с нею дней.
У сей высокой там березы
Из уст дражайших я услышал скорбный глас,
Что приближается разлуки нашей час,
И тамо проливал горчайшие с ней слезы,
Шалаш мой мук моих в ночи свидетель был.
На сей горе я с нею расставался
И всех своих забав и радостей лишался,
На ней из глаз моих драгую упустил.
Но здешняя страна наполнилася ею
И оттого полна вся горестью моею.

<1755>

* * *

Свидетели тоски и стона моего,
О рощи темные, уж горьких слов не ждите
И радостную речь из уст моих внемлите!
Не знаю ничего,
Чего б желати мне осталось.
Чем прежде сердце возмущалось
И утеснялся пленный ум,
То ныне обратилось в счастье,
И больше нет уже печальных дум.
Когда пройдет ненастье,
Освобождается небесный свод от туч,
И солнце подает свой видеть красный луч, —
Тогда природа ободрится.
Так сердце после дней, в которые крушится,
Ликует, горести забыв.
Филиса гордой быть престала,
Филиса мне «люблю» сказала.
Я верен буду ей, доколе буду жить.
Отходит в день раз пять от стада,
Где б я ни был,
Она весь день там быти рада.
Печется лишь о том, чтоб я ее любил.
Вспевайте, птички, песни складно,
Журчите, речки, в берегах,

Дышите, ветры, здесь прохладно,
Цветы, цветите на лугах.
Не докучайте нимфам вы, сатиры,
Целуйтесь с розами, зефиры,
Престань, о Эхо, ты прекрасного искать,
Престань о нем стенать!
Ликуй, ликуй со мною.
Филиса мне дала венок,
Смотри, в венке моем прекрасный сей цветок,
Который, в смертных быв, был пленен сам собою.
Тебе венок сей мил,
Ты видишь в нем того, кто грудь твою пронзил,
А мне он мил за то, что та его сплетала
И та мне даровала,
Которая мою свободу отняла,
Но в воздаяние мне сердце отдала.
Пастушки, я позабываю
Часы, как я грустил, стеня,
Опять в свирель свою взыграю,
Опять в своих кругах увидите меня.
Как солнечны лучи полдневны
Поспустятся за древеса,
И прохладятся жарки небеса,
Воспойте песни здесь, но песни не плачевны.
Уже моя свирель забыла томный глас.
Вспевайте радости и смехи
И всякие в любви утехи,
Которы восхищают вас.
Уже нельзя гласить, пастушки, мне иного,
А радости играть свирель моя готова.

<1755>

* * *

Пойте, птички, вы свободу,
Пойте красную погоду;
Но когда бы в рощах сих,
Ах, несносных мук моих
Вы хоть соту часть имели,
Больше б вы не пели.

Мчит весна назад прежни красоты,
Луг позеленел, сыплются цветы.
Легки ветры возлетают,
Розы плен свой покидают,
Тают снеги на горах,
Реки во своих брегах,
Веселясь, струями плещут.
Всё пременно. Только мне
В сей печальной стороне
Солнечны лучи не блещут.

О потоки, кои зрели радости мои,
Рощи и пещеры, холмы, все места сии!
Вы-то видели тогда, как я веселился,
Ныне, ах! того уж нет, я тех дней лишился.
Вы-то знаете одни,
Сносно ль без Клярисы ныне
Пребывать мне в сей пустыне
И иметь такие дни.

Земледелец в жаркий полдень отдыхает
И в тени любезну сладко вспоминает,
В день трудится над сохой,
Ввечеру пойдет домой
И в одре своей любезной
Засыпает по трудах;
Ах! а мне в сей жизни слезной
Не видать в своих руках
Дорогой Кларисы боле,
Только тень ея здесь в поле.

Древеса, я в первый раз
Жар любви познал при вас;
Вы мне кажетеся сиры,
К вам уж сладкие зефиры
С смехами не прилетят,
Грации в листах сплетенных,
Глаз лишася драгоценных,
Завсегда о них грустят.

Ах, зачем вы приходили,
Дни драгие, ах, зачем!

Лучше б вы мне не манили
Счастием в жилище сем.
За немногие минуты
Дни оставши стали люты,
И куда я ни пойду, —
Ни в приятнейшей погоде,
Ни в пастушьем короводе
Я утехи не найду.

Где ты, вольность золотая,
Как Кларисы я не знал,
А когда вздыхати стал,
Где ты, где ты, жизнь драгая!

Не смотрю я на девиц,
Не ловлю уже силками
Я, прикармливая, птиц,
Не гоняюсь за зверями
И не ужу рыб; грущу,
Ни на час не испущу,
Больше в сих местах незримой,
Из ума моей любимой.

<1756>

ИДИЛЛИЯ

Без Филисы очи сиры,
Сиры все сии места;
Отлетайте вы, зефиры,
Без нея страна пуста;
Наступайте вы, морозы,
Увядайте, нежны розы!

Пожелтей, зелено поле,
Не журчите вы, струи,
Не воспевайте ныне боле
Сладких песней, соловьи;
Стонь со мною, эхо, ныне
Всеминутно в сей пустыне.

С горестью ль часы ты числишь
В отдаленной стороне?

Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь,
Дорогая, обо мне?
Тужишь ли, воспоминая,
Как расстались мы, стоная?

В час тот, как ты мыться станешь,
Хоть немного потоскуй,
И когда в потоки взглянешь,
Молви ты у ясных струй:
«Зрима я перед собою,
Но не зрима я тобою».

<1759>

НА СМЕРТЬ СЕСТРЫ АВТОРОВОЙ Е. П. БУТУРЛИНОЙ

Стени ты, дух, во мне! стени, изнемогая!
Уж нет тебя, уж нет, Элиза дорогая!
Во младости тебя из света рок унес.
Тебя уж больше нет. О день горчайших слез!
Твоею мысль моя мне смертью не грозила.
О злая ведомость! Ты вдруг меня сразила.
Твой рок судил тебе в цветущих днях умреть,
А мой сказать «прости» и ввек тебя не зреть.
Как я Московских стен, спеша к Неве, лишался,
Я плакал о тебе, однако утешался,
И жалость умерял я мысленно судьбой,
Что я когда-нибудь увижуся с тобой.
Не совершилось то, ты грудь мою расшибла.
О сладкая моя надежда, ты погибла!
Как мы прощалися, не думали тогда,
Что зреть не будем мы друг друга никогда,
Но жизнь твоя с моей надеждою промчалась.
О мой несчастный век! Элиза, ты скончалась!
Оставила ты всех, оставила меня,
Любовь мою к себе в мученье пременя.
Без утешения я рвуся и рыдаю;
Но знать не будешь ты вовек, как я страдаю.
Смертельно мысль моя тобой огорчена;
Элиза, ты со мной навек разлучена.
Когда к другой отсель ты жизни прелетаешь,
Почто уже в моей ты мысли обитаешь

И представляешься смятенному уму,
К неизреченному мученью моему?
Чувствительно в мое ты сердце положенна,
И живо в памяти моей изображенна:
Я слышу голос твой, и зрю твою я тень.
О лютая напасть! презлополучный день!
О слух! противный слух! известие ужасно!
Пролгися; ах, но то и подлинно и ясно!
Крепись, моя душа! Стремися то снести!
Элиза, навсегда, любезная, прости!

<1759>

ЭЛЕГИЯ

В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютый, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзенна грудь моя, и расточен весь ум.
О яростны часы! Жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайшия разлуки,
Когда зла смерть... И я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стеня.
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

<1760>

К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресеклися часы.
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный!
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!

Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о россы, вам;
Богиня, а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды!
Что, Дмитревский, зачнем мы с сей теперь судьбою?!
Расстался Волков наш со мною и с тобою,
И с музами навек. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет!
Переломи кинжал; театра уж не будет.
Простись с отторженным от драмы и от нас,
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним играний прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
«Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!»

<1763>

* * *

Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!
Несчастливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился
И от рождения о нем не суетился;
Спокойствием души одним себе ласкал:
Не злата, не сребра, но муз одних искал.
Без провождения я к музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался.
Преодолел я труд, увидел Геликон;
Как рай, моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом,
А днесь тебя зову, Парнас, я мрачным адом;
Ты мука фурий мне, не муз ты мне игра.
О бедоносная, противная гора,
Подпора моея немилосердой части,
Источник и вина всея моей напасти,

Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!
Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе.
Крылатый мне там конь был несколько упорен,
Но после стал Пегас обуздан и покорен.
Эрата перва мне воспламенила кровь,
Я пел заразы глаз и нежную любовь;
Прелестны взоры мне сей пламень умножали,
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада и пастухов, и чистые луга.
Ко Мельпомене я впоследок обратился
И, взяв у ней кинжал, к теятру я пустился.
И, музу лучшую, к несчастью, полюбя,
Я сей, увы! я сей кинжал вонжу в себя,
И окончаю жизнь я прежнею забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,
Которой слышати не буду никогда.
Прожив на свете век, я сетую всегда,
Когда лишился я прекрасной Мельпомены
И стихотворства стал искати перемены,
Де-Лафонтен, Эсоп в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид;
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет.
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне нимало нет.
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не сыщешь, Еврипид, в моем ты сердце места,
Аристофан и Плавт, Терентий, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете,
Но всё уж для меня кончается на свете.
Не буду драм писать, не буду притчей плесть,
И на Парнасе мне противно всё, что есть.
Не буду я писать! Но — о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля?
Против хотения мя музы привлекут
И мне решение другое изрекут.

Хочу оставить муз и с музами прощаюсь,
Прощуся с музами и к музам возвращаюсь:
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о музы, ваша власть!
О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила!
Спокойство от меня ты вечно отлучила,
Но пусть мои стихи презренье мне несут,
И музы кровь мою, как фурии, сосут,
Пускай похвалятся надуты оды громки,
А мне хвалу сплетет Европа и потомки.

<1768>

* * *

Все меры превзошла теперь моя досада.
Ступайте, фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я терзаюсь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора достойно прославляют:
«Играйте, — говорят, — во мзду его уму,
Играйте пакостно за труд назло ему!»
Сбираются ругать меня враги и други.
Сие ли за мои, Россия, мне услуги?
От стран чужих во мзду имею не сие.
Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров;
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона,
О боже, видишь ты, колика скорбь моя,
Зришь ты, в коликом днесь отчаянии я,
Терпение мое преходит за границы,
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!

Избави ею днесь от варварских мя рук
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.
О вы, кропящие Петрополь невски волны,
Сего ли для, ах, Петр храм музам основал.
Я суетно на вас, о музы, уповал!
За труд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я наук злодеям жертва.

<1770>

КО СТЕПАНУ ФЕДОРОВИЧУ УШАКОВУ, ГУБЕРНАТОРУ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ,
НА ПРЕСТАВЛЕНИЕ ГРАФА АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКОГО

Пущённое тобой письмо ко сей стране,
Мой друг, уже дошло, уже дошло ко мне.
Дошло, и мне во грудь и в сердце меч вонзило,
Как молнией меня и громом, поразило.
Хочу ответствовать, ничто на ум нейдет.
Примаюсь за перо, перо из рук падет.
Одну с другою мысль неволею мешаю
И током горьких слез бумагу орошаю.
Прощаюся, о граф, с тобою навсегда
И не увижуся с тобою никогда!
Три месяца прошло, как я с тобой расстался,
Три месяца мне ты в очах моих мечтался,
В болезни, в слабости, сто в день стенящий раз,
И сей в Петрополе последний самый час,
В который у тебя был я перед глазами.
Ты очи наполнял, прощаяся, слезами,
Вручая о себе ко памяти мне знак,
Хотя бы поминал тебя я, граф, и так.
Взирая на него, колико слез я трачу!
Рыдаю и стеню, терзаюся и плачу.
О мой любезный граф! Ты весь свой прожил век,
Как должен проживать честнейший человек.
Любимцы царские, в иных пределах света,
Пред вышним предстают нередко без ответа.
О тайные судьбы! Сего уж мужа нет.
И, может быть, еще какой злодей живет

В глубокой старости, в покое и забаве,
Во изобилии и в пышной мнимой славе,
Не числя, сколько он людей перегубил
И сколько он господ, ругаясь, истребил,
Не внемля совести ни малыя боязни,
И кровью их багрил места от смертной казни,
Во удивление, что бог ему терпел
И весь народ на то в молчании смотрел.
А сей умерший муж тиранством не был страстен
И сильной наглости нимало не причастен,
С презрением смотря, когда ему кто льстил,
И собственной своей досады он не мстил,
Степе́нью высоты вовек не величался
И добродетелью единой отличался.
Екатериною он был за то храним,
И милости ея до гроба были с ним.
Не требовал ему никто от бога мести,
Никто б его, никто не прикоснулся чести.
Как разве некто бы носящий в сердце яд,
Какого б варвара изверг на землю ад.
Но уж, любезный граф, и он тебя не тронет.
Прости! .. падет перо, и дух мой горько стонет.

<1771>

* * *

Уже ушли от нас играния и смехи...
Предай минувшие забвению утехи!
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи!
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя вооползчились
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случаи лютые стремятся здесь на мя
И множат сердца боль во неисцельной ране.
Так ветры шумные на гордом океане
Ревущею волной пресильно в судно бьют.
И воду с пеною в него из бездны льют.

<1774>

* * *

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда преходит мысль восторгнута в претворство,
А я действительной терзаюся тоской:
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь, мой друг, тревожит,
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти в страсть,
Природа над умом приемлет полну власть;
Но тщетен весь мой гнев: ее ли ненавижу?!
Она не винна в том, что я ее не вижу,
Сержуся, что не зрю! Но кто виновен тем?!
Причина мне случай в несчастии моем.
Напрасно на нее рождается досада;
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Я верен ей, но что имею из того?!
Я днесь от беспокойств терпенья моего,
Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь,
Стараюсь волен быть и больше побеждаюсь,
В отчаяньи, в тоске терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду,
Хожу, таская грусть чрез горы, долы, рощи,
И с нетерпением желаю темной нощи,
Брожу по берегам и прехожу леса,
Нечувственна земля, не видны небеса.
Повсюду предо мной моей любезной очи,
Одна она в уме. Дождався тихой ночи,
Глаза хочу сомкнуть во тихие часы,
Сомкну, забудуся. Но, ах! ея красы
И очи сомкнуты сквозь веки проницают
И с нежностью мое там имя восклицают.
Проснувся, я ловлю ея пустую тень
И, осязая мрак, желаю, чтоб был день.
Лишася сладка сна и моя́ся слезами,
Я суетно ищу любезную глазами.
Бегу во все страны, во всех странах грущу,
Озлюсь и стану полн лютейшия досады,
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту, я когда сержусь, как лютый лев,
В нежнейшую любовь преходит пущий гнев.

<1774>

К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ ТАТИАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ТРОЕПОЛЬСКОЙ, ПЕРВОЙ АКТРИСЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРИДВОРНОГО ТЕАТРА

В сей день скончалася, и нет ея теперь,
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладели уж ея младые члены,
И Троепольской нет, сей новыя Ильмены.
Элиза да живет на свете больше лет,
Она осталася, но Троепольской нет.
Живущие игрой к увеселенью света,
Ей память вечная, Элизе многи лета!
Да веселит она игрою наш народ;
И чтобы мир изрек: «Элизе сотый год!»
А ты, мой верный друг, игравший нам Мстислава,
Кем днесь умножилась моя в России слава,
Старайся, чтобы наш театр не пал навек.
А так — как жалостный и добрый человек —
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли все на свете окончались!

18 июня 1774

ГЕРОИДА

ОСНЕЛЬДА К ЗАВЛОХУ

Котора воздухом противна града дышет,
Трепещущей рукой к тебе, родитель, пишет.
Какими таинство словами мне зачать?
Мне трудно то, но, ах, еще трудней молчать!
Изображай, перо, мои напасти люты.
О день, плачевный день! Несносные минуты!
Пиши, несчастная, ты, дерзости внемля,
И открывай свой стыд. О небо, о земля,
Немилосердый рок, разгневанные боги!
Взвели вы в верх мя бед! А вы, мои чертоги,
Свидетели тоски и плача моего,
Не обличайте мя и стона вы сего!
Без обличения в печальном стражду граде,
И так я мучуся, как мучатся во аде.
Терзают фурии мою стесненну грудь,
И не могу без слез на солнце я взглянуть.
Внимай, родитель мой, внимай мою ты тайну,
Услышишь от меня вину необычайну:
Оснельда твоему... о злейшая напасть! — — —
Врагу любовница. Вини мою ты страсть,
Вини поступок мой и дерзостное дело,
Влеки из тела дух и рви мое ты тело,
Вини и осуждай на казнь мою любовь
И проклинай во мне свою преславну кровь,
Которая срамит тебя, твой род и племя.
Как я пришла на свет, кляни то злое время

И час зачатия несчастной дщери сей,
Котора возросла к досаде лишь твоей!
Не столько Кию сей наш град сопротивлялся,
Хореву сколько мой упорен дух являлся,
Воображала я себе по всякий час,
Непреходимый ров к любви лежит меж нас,
И чем сладчайшая надежда мя прельщает,
Что мне имети долг то вечно запрещает.
Бессонных множество имела я ночей
И удалялася Хоревовых очей.
Хотела, чтобы он был горд передо мною
И чел мя пленницей; он чел меня княжною.
Вражда твердила мне: Оснельде он злодей,
Любовь твердила мне, что верный друг он ей.
Встревоженная мысль страданьем утешалась,
И нежная с судьбой любовь не соглашалась.
С любовию мой долг боролся день и ночь.
Всяк час я помнила, что я Завлоху дочь,
Всяк час я плакала и, обмирая, млела,
Но должности борьбу любовь преодолела.
Словами князь любви мне точно не являл
И таинство сие на сердце оставлял.
Но в сей, увы! в день сей, ища себе отрады,
Иль паче своея лютейшия досады,
Как он известие свободы мне принес,
Вину мне радости, вину и горьких слез,
Что любит он меня, открыл сие мне ясно,
И что он знает то, что любит он напрасно
И для единого мучения себе,
Когда противно то, родитель мой, тебе.
А если то твоей угодно отчей воле,
В себе я кровь твою увижу на престоле
И подданных твоих от уз освобожду.
Оставь, родитель мой, оставь сию вражду,
Которой праведно Завлохов дух пылает,
Когда во дружество она прейти желает.
Преобрати в друзей ты мной своих врагов,
Для подданных своих, для имени богов
И для стенания отчаянныя дщери!
Не презри слез моих и скорбь тою измери,
Котора много лет в отеческой стране
Без облегчения крушила дух во мне!

На высочайшие взошла она степени;
Вообрази меня ты падшу на колени
И пораженную ужасною судьбой,
В отчаяньи своем стенящу пред тобой,
Рожденья час и день клянущу злом тревоги
И омывающу твои слезами ноги!
Во образе моем представь ты тени мрак,
Ланиты бледные и возмущенный зрак!
Воспомни ты, что я почти рожденна в бедстве
И бедность лишь одну имела я в наследстве!
Колико горестей Оснельда пренесла!
На троне родилась, во узах возросла.
Довольно счастие Оснельде было злобно.
Скончай ея беды! Сие тебе удобно.
Прими в сих крайностях рассудок ты иной
И сжалься, сжалься ты, родитель, надо мной!
А если пред отцом Оснельда тщетно стонет,
Так смерть моя твое удобней сердце тронет.

<1768>

ГЕРОИДА

ЗАВЛОХ К ОСНЕЛЬДЕ

Несчастливый Завлох ответствует тебе.
Когда угодно то Оснельде и судьбе,
Чтоб он при старости, пришед ко гроба двери,
Лишась почти всего, еще лишился дщери,
Последней отрасли князей пределов сих,
Которы отняты мечем из рук моих,
Что в том не спорит он со злобой части твердой
И подвергается судьбе немилосердой;
Но если хочешь ты, чтоб был я твой отец,
Бори свою любовь и сделай ей конец.
Ты бедствие мое и горести сугубишь.
Подумай ты сама, кого, Оснельда, любишь?
Врага и моего, врага сынов моих.
Брат зла губителя он братиев твоих,
Лишившего меня рукою наглой трона.
Сия против любви мала ли оборона?
Я мню, ты слышала о дни довольно том,

В который поражал Завлоха страшный гром,
Когда по строгости несчастия устава
Кончалося мое спокойствие и слава,
Когда Хоревов брат мою корону брал
И острый меч людей нещадно пожирал.
Когда я в памяти сие возобновляю,
Усугубляю скорбь и раны растравляю.
Дни многи защищал я мужественно град;
Но в день последний весь на нас разверзся ад:
В часы великия на свете перемены
Кий собрал силы все и, приступив под стены,
Махиной тяжкою во стены ударял,
Хотя и множество народа он терял.
Град был со всех сторон в сражении, в осаде.
Пришел последний час; был слышен вопль во граде:
«Помрем, друзья, помрем, иль князя защитим,
За град и за него мы все умреть летим
И презираем смерть; такая смерть приятна,
Превратно счастие; но слава не превратна.
Когда-нибудь умрешь; отбросим смертный страх
И за отечество умрем с мечми в руках!»
Дралися, будто львы, кровь лили, будто воду,
За град и за меня, за честь и за свободу;
Но тщетна мужества рок силы утомил;
Враги вошли во град, Кий стены проломил,
Но я, мои сыны, раби еще дралися,
И силы в мужестве в последний раз бралися.
Трех братиев твоих он пленных умертвил,
Четвертого он сам — и младшего — ловил,
Гнался, как лютый тигр, за ним в отцовом граде
Иль как за агнцем волк без пастыря во стаде,
И, не можа догнать, догнал его стрелой,
Которая его повергла предо мной.
Он пал и обагрил младою кровью землю.
Еще его я глас, еще, увы! я внемлю.
Он томной речию вопил ко мне, стеня:
«Прости, родитель мой, и погреби меня,
Где рок определит тебе дожити время.
Кончается во мне твое, мой отче, племя.
При смерти мне одно на свете только льстит:
Сестры моей супруг злодеям отомстит,
И что Завлохов род Оснельдой обновится!»

Не то, мой сын, не то в сестре твоей явится,
И погребенье ты иное получил:
Кий трупы ваши здесь конями волочил
И на снедение зверям их дал и птицам.
Увы! пристойна ли княжим честь óна лицам?
На то ли, ах! на то ль я, чада, вас родил?
А ты, злодей, на то ль, на то ли победил?
Когда вшел Кий во град к паденью нашей чести
И как до матери твоей дошли те вести,
Слезами горькими омыв она тебя,
Упала, умертвив своей рукой себя.
Как наше счастье всё судьбина зла расшибла
И вся спасения надежда уж погибла,
Когда решение послали небеса,
Бежал из города я в темные леса.
Оставше воинство со мною утекало,
Надежду потеряв, убежища искало.
Когда желанныя мы смерти не нашли,
Не со бесчестьем мы, но от бесчестья шли,
И славы мужества мы оным не отринем.
Я странствовал в лесах, шатался по пустыням.
Впоследок предприял оставший мой народ
Идти противу бурь и новых непогод,
Тебя освободить от тяжкия неволи.
Такой ли ожидал Завлох несчастной доли?
И мог ли вобразить когда я то себе,
Что вражью я сыщу любовницу в тебе?
Когда ты дочь моя — так будь великодушна!
А если ты мне враг — Хореву будь послушна!

<1768>

СОНЕТ

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил,
Как рос, в младенчестве, влекомый к добру нраву,
Со плачем пременял младенческу забаву.
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Возрос, познал себя, влюблялся и любил
И часто я вкушал любовную отраву.
Я в мужестве хотел имети честь и славу,
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство,
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, а стонаю,
Что скончевается сей долгий страшный сон.
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

<1755>

СОНЕТ

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что век прошел несчастно.

Любися в младости, доколе сердце страстно:
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.

Плети себе венки, покамест есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда когда уже завял ея листок:
И красота твоя, подобно ей, завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты нестара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

<1755>

СОНЕТ

О существа состав, без образа смешенный,
Младенчик, что мою утробу бременил,
И, не родясь еще, смерть жалостно вкусил
К закрытию стыда девичества лишенной!

О ты, несчастный плод, любовью сотворенный!
Тебя посеял грех, и грех и погубил.
Вещь бедная, что жар любви производил!
Дар чести, горестно на жертву принесенный!

Я вижу в жалобах тебя и во слезах.
Не воображайся ты толь живо мне в глазах,
Чтоб меньше беспокойств я, плачуща, имела.

То два мучителя старались учинить:
Любовь, сразивши честь, тебе дать жизнь велела,
А честь, сразив любовь, велела умертвить.

<1755>

СОНЕТ
НА ОТЧАЯНИЕ

Жестокая тоска, отчаяния дочь!
Не вижу лютыя я жизни перемены:
В леса ли я пойду или в луга зелены,
Со мною ты везде и не отходишь прочь.

Пугаюся всего, погибла сердца мочь.
И дома, где живу, меня стращают стены.
Терзай меня, тоска, и рви мои ты члены,
Лишай меня ума, дух муча день и ночь!

Препровождаю дни единою тоскою;
К чему ж такая жизнь, в которой нет покою,
И можно ли тогда бояться умереть?

Я тщетно в жалобах плоды сыскать желаю.
К тебе, о боже мой, молитву воссылаю,
Не дай невинного в отчаянии зреть!

<1768>

БАЛЛАД

Смертельного наполнен яда,
В бедах младой мой век течет.
Рвет сердце всякий день досада
И скорбь за скорбью в грудь влечет,
Подвержен я несчастья власти,
Едва креплюся, чтоб не пасти.

Ты в жизни мне одна отрада,
Одна утеха ты, мой свет!
За горести мне ты награда,
Котору счастье мне дает,
Мне в жизни нет иныя сласти.
Тобой сношу свирепство части.

В крови твоей, драгая, хлада
Ко мне ни на минуту нет.
Бодрюсь одним приятством взгляда,
Как рок все силы прочь берет.
Пускай сберутся все напасти,
Лишь ты тверда пребуди в страсти.

<1755>

РОНДО

Не думай ты, чтоб я других ловила
И чью бы грудь я взором уязвила.
Напрасно мне пеняешь ты, грубя.
Я та же всё. Не возмущай себя,
Хотя твое я сердце растравила.
Любовь меня еще не изрезвила,
Неверности мне в сердце не вдавила.
И что горю другим я кем, любя,
Не думай ты.
Изменою я мыслей не кривила,
Другим любви я сроду не явила,
Свободу кем и сердце погубя,
Твой страхом дух я тщетно удивила,
Но, чтоб любить я стала и тебя,
Не думай ты.

<1759>

СТАНСЫ

СТАНС

Сам себя я ненавижу,
Не страшуся ничего;
Окончания не вижу
Я страданья моего.
Сердце стонет,
Взор мой тонет
Во слезах и день и ночь.
Дух томится,
Солнце тьмится,
В полдень убегая прочь.

Скройся, солнце, ты навеки,
Скройся, солнце, от меня!
Проливайтеся, слез реки,
Горький ток из глаз гоня!
Я несчастен,
Всем причастен
Мукам, кои в свете есть!
Все имею;
Не умею
Более терзанья несть.

Разрываются все члены,
И теснится грудь моя.
Я не зрю бедам премены
И не жду уже ея.
И такою
Злой тоскою
Во отчаянье введен,

Что я люту
Ту минуту
Проклинаю, как рожден.

Во стенании и плаче
Я еще тужу о том,
И тужу всего я паче,
Что родился не скотом;
Кроме славы,
Все б забавы
Были в области моей.
Гнанный псами,
Я б лесами
Сокрывался от людей.

Ах, а ныне где сокрыться
От злодеев я могу?
Разве в землю мне зарыться,
Коль от них не убегу?
Иль, о горе!
В бурно море
Мне низвергнуться к водам
И в пучине,
В сей кручине,
Обрести конец бедам!

Что во славе, коль покою
Я не вижу никогда,
И несносною тоскою
Я терзаюся всегда?
Что в отраду,
Мне в награду,
Вечной славы ожидать
Тьмы в утробе,
Мне во гробе,
Коей вечно не видать?

Поспешай, драгая вечность,
Узы ты мои претерть!
И в покойну бесконечность
Воведи меня ты, смерть!

Сердцу больно,
Так довольно
Злому счастию служить.
Если в скуке
Жить и в муке,
Так на что на свете жить?

О тебе одной болею,
Дорогая, тя любя,
И тебя одной жалею.
Я жалею лишь тебя.
Я крушуся,
Что лишуся
Я любезной навсегда,
И судьбою
Я с тобою
Не увижусь никогда.

<1768>

СТАНС
ГРАДУ СИНБИРСКУ НА ПУГАЧЕВА

Прогнал ты Разина стоявшим войском твердо,
Синбирск, и удалил ты древнего врага,
Хоть он и наступал с огнем немилосердо
На волгины брега!

А Разин нынешний в твои падет оковы,
И во стенах твоих окованный сидит.
Пристойные ему возмездия готовы,
Суд злобы не щадит.

Москва и град Петров и все российски грады,
Российско воинство, и олтари, и трон
Стремятся, чтоб он был караем без пощады,
Гнушается им Дон.

Сей варвар не щадил ни возраста, ни пола,
Пес тако бешеный что встретит, то грызет.
Подобно так на луг из блатистого дола
Дракон, шипя, ползет.

Но казни нет ему довольныя на свете,
Воображенье он тиранством превзошел,
И все он мерзости, и в силе быв и цвете,
Во естестве нашел.

Рожденна тварь сия на свет бессильной выдрой,
Но, ядом напоясь, который рыжет Нил,
Сравняться он хотел со баснословной гидрой, —
Явился крокодил.

Сей дерзостный Икар ко солнцу возлетает
И тщится повредить блаженный жребий росск.
Под солнце подлетев, жжет крылья он и тает,
И растопился воск.

Осетил Пугачев себе людей безумных,
Не знающих никак нимало божества.
Прибавил к ним во сеть людей, пиянством шумных,
Извéргов естества.

Такой разбойничьей толпою он воюет,
Он шайки ратников составил из зверей,
И, как поветрием, во все страны он дует
Во наглости своей.

Противен род дворян ушам его и взору.
Сей враг отечества ликует, их губив,
Дабы повергнути престола сим подпору,
Дворянство истребив.

Они мучения, стеня, претерпевали,
Но он от верности возмог ли их оттерть?
Младенцев Ироду терзати предавали,
Чад видя злую смерть.

Падут родители и сами, им губимы,
Предшествующую терпев в домах боязнь,
Но, в верности своей они неколебимы,
Вкушают люту казнь.

Покрыты сединой главы со плеч валятся.
Он тигра превзошел и аспида, ярясь.
Не тако фурии во преисподней злятся,
Во исступленьи зрясь.

Убийца сей, разив, тираня благородных,
Колико погубил отцов и матерей!
В замужество дает за ратников негодных
Почтенных дочерей.

Грабеж, насилье жен, пожары там и муки,
Где гнусный ты себя, разбойник, ни яви!
И обагряются мучительские руки
В невиннейшей крови.

Но сколько всем сердцам ты, новый Разин, мерзок,
Колико духом подл и мужеством ты мал
И сколько страшен был, нежалостлив и дерзок,
Толь сильно свержен стал.

Тебе ль укрыться льзя от глаз того героя,
Который взять возмог и неприступный град?
Трепещешь ты теперь, лице во мраке кроя,
Готовяся во ад.

Граф Панин никогда пред войском не воздремлет,
И сбросил он тебя, взлетевша, с высоты.
И силой и умом мучителя он емлет.
Страдай теперь и ты!

Уже геенна вся на варвара зияет,
И тартар на тебя разверз уже уста.
А Панин на горах вод волгиных сияет,
Очистив те места.

Ликует под венцем Российская Астрея,
Скончав несчастье чад державы своея
И злое пиршество свирепого Атрея
В местах страны тоя.

Восходит веселей из моря солнце красно
По днях жестокости на волгин оризонт.
Взыграли Дон, Яик со Волгою согласно,
И с ней Каспийский понт.

Народы тамошни гласят Екатерине:
«О матерь подданных, спасла от зол ты нас!»
Она рекла: «Всегда готова я, как ныне,
Спасати, чада, вас!»

<1774>

МАДРИГАЛ

Арая изъяснил любовны в драме страсти
И общи с Прокрисой Цефаловы напасти
Так сильно, будто бы язык он русский знал,
Иль, паче, будто сам их горестью стенал.

<1756>

МАДРИГАЛ

Любовны Прокрисы представившая узы,
Достойная во всем прехвальныя дочь музы,
Ко удовольствию Цефалова творца
Со страстью ты, поя, тронула все сердца
И действом превзошла желаемые меры,
В игре подобием преславной Лекувреры.
С начала оперы до самого конца,
О Белоградская! прелестно ты играла,
И Прокрис подлинно в сей драме умирала.

<1756>

МАДРИГАЛ

Я в драме пения не отделяю
От действа никогда;
Согласоваться им потребно завсегда.
А я их так уподобляю:

Музы́ка голоса коль очень хороша,
Так то прекрасная душа,
А действо — тело.
Коль оба хороши, хвали ты сцену смело.
С противным образом и разум суета,
Когда не о ином, но о любови дело.
С безумною душой противна красота,
А Карестини ум с красой соединяет,
И тьмы сердец он сей красавицей пленяет.

<1756>

МАДРИГАЛ

Анюта на себе алмазов не имела,
Но души попленить смотрителей умела.
Анюта выросла, сказали мне, в лесах.
Неправда, выросла она на небесах.

КРИВОЙ ТОЛК

Не видим никогда мы слабостей своих,
Нам мнится всё добро, что зрим в себе самих.
Пороки, кои в нас, вменяем в добродетель,
Хотя тому один наш страстный ум свидетель.
Лишь он доводит то, что то, конечно, так,
И добродетелен и мудр на свете всяк.
Пороки отошли, невежество сокрылось,
Иль будет так, когда того еще не зрилось.
Буян закается по улицам летать,
А петиметер вздор пред дамами болтать.
Не будет пьяница пить, кроме только квасу,
Подьячий за письмо просить себе запасу,
Дьячкам, пономарям умерших будет жаль,
Скупой, ущедрившись, состроит госпиталь.
Когда ж надеяться премене быть толикой?
Когда на Яузу сойдет Иван Великой,
И на Неглинной мы увидим корабли,
Волк станет жить в воде, белуга на земли,
И будет омывать Нева Кремлевы стены.
Но скоро ль таковой дождемся мы премены?
Всяк хочет щеголять достоинством своим,
И думает он: всё изящнейшее с ним.
Льстец мыслит никогда, что он безмерно гнусен,
Он мыслит то, что он как жить с людьми искусен.
Коль нужда в комаре, зовет его слоном,
Когда к боярину придет с поклоном в дом,
Сертит пред мухою боярской без препоны
И от жены своей ей делает поклоны.
Скупой с усмешкою надежно говорит:

«Желудку что ни дай, он всё равно варит».
Вина не любит он, здоровее-де пиво,
Пить вины фряжские, то очень прихотливо,
Отец-де мой весь век всё мед да пиво пил,
Однако он всегда здоров и крепок был.
Безумец, не о том мы речь теперь имеем,
Что мы о здравии и крепости жалеем.
Сокровище свое ты запер в сундуки
И, опираяся, безножен, на клюки,
Забыв, здоров ли ты теперь или ты болен,
Кончая дряхлый век, совсем бы был доволен,
Когда бы чаял ты, как станешь умирать,
Что льзя с собой во гроб богатство всё забрать.
Здоровье ли в уме? Мешки ты в мысли числишь,
Не спишь, не ешь, не пьешь, о деньгах только мыслишь,
В которых, коль ты их не тратишь, нужды нет,
Ты мнительно богат; так мысли твой весь свет.
Что ж мыслит о себе безмозглый петиметер?
Где в людях ум живет, в нем тамо пыль и ветер.
Он думает, на том премудрость состоит,
Коль кудри хороши, кафтан по моде сшит,
И что в пустой его главе едина мода,
Отличным чтит себя от подлого народа.
Старуха, своея лишенна красоты,
Ругается, смотря на светски суеты.
Вступила девушка с мужчиной в речь свободно,
Старухе кажется то быть неблагородно.
Ей мнится: «Доведут до худа те слова.
Я, — мнит, — во младости была не такова».
То станется, что ты поменьше говорила,
Но молча, может быть, и больше что творила.
Невежа говорит: «Я помню, чей я внук,
По-дедовски живу, не надобно наук.
Пускай убытчатся, уча рабяток, моты,
Мой мальчик не учен, а в те ж пойдет вороты.
Наприклад: о звездах потребны ль вести мне,
Иль знать Ерусалим в которой стороне,
Иль с кем Темираксак имел войны кровавы?
На что мне, чтобы знать чужих народов нравы,
Или вперятися в чужие языки?
Как будто без того уж мы и дураки».
Что он невежествен живет, о том не тужит,

И мнит он, то ему еще ко славе служит,
А если, что наук не должно людям дать,
Не вскользь, довбдами захочет утверждать,
Тогда он бредит так: «Как может быть известно
Живущим на земли строение небесно?
Кто может то сказать, что на небе бывал?
До солнца и сокол еще не долетал.
О небе разговор ученых очень пышен,
Но что? То только вздор, и весь их толк излишен.
Мы ведаем то все, как верен календар:
От стужи стынет кровь, а там написан жар».
Но ты, не ведая ни малых сил науки,
Лишася и того, что́ будет честь от скуки?
Ищи тут правды, где не думано о ней,
И проклинай за то ученых ты людей.
О правах бредит так: «Я плюю на рассказы,
Сплетенны за морем, потребно знать указы».
Не спорю, но когда сидишь судьею где,
Рассудок надобно ль иметь тебе в суде?
Коль темен разум твой, темно и воображенье,
Хоть утром примешься сто раз за Уложенье.
Обманщик думает: «То глупый человек,
Который никого не обманул вовек,
Погибнет-де тем честь, да это дело мало,
Во мне-де никогда ея и не бывало.
Когда-де по ея нам правилам ходить,
Так больше̏ нам уже и кур не разводить».
Тот, гордостью надут, людей в ничто вменяет,
В пустой себя главе с Июлием равняет
И мыслит, если б он на свете был его,
Герой бы сей пред ним не стоил ничего.
Что ж гордости сея безмерныя причина?
Не знаю: гордый наш детина как детина.
С чего ж он сходен с ним? На сей скажу вопрос,
Что есть и у него, и в том же месте, нос.
Иному весь титул — что только благороден,
Красися тем, мой друг, что обществу ты годен.
Коль хочешь быть почтен за свой высокий род,
Яви отечеству того достойный плод!
Но, зрящу мне в тебе перед собой урода,
Прилично ли сказать: высокого ты рода?
Ты честью хвалишься, котора не твоя.

Будь пращур мой Катон, но то Катон — не я.
На что о прадедах так много ты хлопочешь
И спесью дуешься? Будь правнук, чей ты хочешь,
Родитель твой был Пирр, и Ахиллес твой дед,
Но если их кровей в тебе и знака нет,
Какого ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о них, себя ты пуще обесславишь.
Такой ли, скажут, плод являет нам та кровь!
Посеян ананас, родилася морковь.
Не победителя клячонка возит — воду,
Хоть Буцефалова была б она приплоду.
Но чем уверить нас о прабабках своих,
Что не было утех сторонних и у них?
Ручаешься ли ты за верность их к супругам,
Что не был ни к одной кто сбоку взят к услугам,
Что всякая из них Лукреция была
И каждая поднесь всё Пирров род вела?
Прерви свой, муза, глас, престань пустое мыслить!
Удобнее песок на дне морском исчислить,
Как наши дурости подробно перечесть...
Да и на что, когда дается вракам честь?

<1759>

ПИИТ И ДРУГ ЕГО

Д. Во упражнении расхаживая здесь,
Вперил, конечно, ты в трагедию ум весь;
В очах, во всем лице теперь твоем премена.
И ясно, что в сей час с тобою Мельпомена.

П. Обманываяся, любезный друг, внемли!
Я так далек от ней, как небо от земли.

Д. Эклогу...

П. Пастухи, луга, цветы, зефиры
Толико ж далеки; хочу писать сатиры;
Мой разум весь туда стремительно течет.

Д. Но что от жалостных тебя днесь драм влечет?

П. В Петрополе они всему народу вкусны,
А здесь и городу и мне подобно гнусны:
Там съедутся для них вни́мати и молчать,

А здесь орехи грызть, шумети и кричать,
Благопристойности не допуская в моду,
Во своевольствие преобратя свободу:
За что ж бы, думают, и деньги с нас сбирать,
Коль было бы нельзя срамиться и орать.
Возможно ль автору смотреть на то спокойно:
Для зрителей таких трудиться недостойно.

Д. Не всех мы зрителей сим должны обвинить,
Безумцев надобно одних за то бранить;
Не должно критики употребляти строго.

П. Но зрителей в Москве таких гораздо много, —
Крикун, как колокол, единый оглушит
И автора всего терпения лишит;
А если закричат пять дюжин велегласно,
Разумных зрителей внимание напрасно.

Д. Сатиры пишучи, ты можешь досадить
И сею сам себя досадой повредить.
На что мне льстить тебе? Я в дружбе не таюся.

П. А я невежества и плутней не боюся,
Против прямых людей почтение храня;
Невежи как хотят пускай бранят меня,
Их тесто никогда в сатиру не закиснет,
А брань ни у кого на вороте не виснет.

Д. Не брань одна вредит; побольше брани есть,
Чем можно учинить своей сатире месть:
Лжец вымыслом тебя в народе обесславит,
Судья соперника неправедно оправит,
Озлобясь, межевщик полполя отрядит,
А лавочник не даст товару на кредит,
Со съезжей поберут людей за мостовую,
Кащей тебе с родней испортит мировую.

П. Когда я истину народу возвещу
И несколько людей сатирой просвещу,
Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу.
Невежество меня ничем не возмутит,
И росская меня Паллада защитит;

Немалая статья ея бессмертной славы,
Чтоб были чищены ея народа нравы.

Д. Но скажет ли судья, винил неправо он?
Он будет говорить: «Винил тебя закон».

П. Пускай винит меня, и что мне он ни скажет,
Из дела выписки он разве не покажет?

Д. Из дела выписки, во четверти земли,
Подьячий нагрузит врак целы корабли,
И разум в деле том он весь переломает;
Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
Удобней проплясать, коль песенка не в такт,
Как мыслям вобразить подьяческий экстракт.
Экстракт тебя одной замучит долготою,
И спросят: «Выпиской доволен ли ты тою?»
Ты будешь отвечать: «Я дела не пойму».
Так скажут: «Дай вину ты слабому уму,
Которым ты с толпой вралей стихи кропаешь
И деловых людей в бесчестии купаешь».
А я даю совет: ты то предупреди
Или, сатирствуя, ты по миру ходи.

П. Где я ни буду жить — в Москве, в лесу иль поле,
Богат или убог, терпеть не буду боле
Без обличения презрительных вещей.
Пускай злодействует бессмертный мне Кащей,
Пускай Кащеиха совсем меня ограбит,
Мое имение и здравие ослабит,
И крючкотворцы все и мыши из архив
Стремятся на меня, доколе буду жив,
Пускай плуты попрут и правду и законы, —
Мне сыщет истина на помощь обороны;
А если и умру от пагубных сетей,
Монархиня по мне покров моих детей.

Д. Безделье на тебя отраву усугубит:
Изморщенный Кащей вить зеркала не любит.
Старухе, мнящейся блистати, как луна,
Скажи когда-нибудь: изморщилась она
И что ея краса выходит уж из моды;

Скажи слагателю нестройной самой оды,
Чтоб бросил он ее, не напечатав, в печь, —
Скоряе самого тебя он станет жечь.
Неправедным судьям сказать имей отвагу,
Что рушат дерзостно и честность и присягу,
Скажи откупщику жаднейшему: он плут,
И дастся орденом ему ременный жгут.
Скажи картежнику: он обществу отрава, —
Не плутня-де игра, он скажет, но забава.
Спроси, за что душа приказная дерет, —
Он скажет: то за труд из чести он берет.
За что ханжа на всех проклятие бросает, —
Он скажет: души их проклятием спасает.
Противу логики кто станет отвечать,
Такого никогда нельзя изобличать.
А логики у нас и имя редким вестно;
Так трудно доказать, бесчестно что иль честно.

П. Еще трудняй того бездельство зря терпеть
И, видя ясно всё, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану.

Между 1770—1774

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот — земли одушевленный ком.
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский также сын, хотя и слаще жрет

И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единой шествуя, вдали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень;
По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста, едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем,
А всей премудрости цель дальную имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти,
Но можем на пути сокровищи найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нея нам правду разбирать.
Мне мнится, на слепца такой судья походит,
Младенец коего, куда похочет, водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им навек своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят,
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле — в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется;
Но скажем: для чего дворянство так дается?
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил,
А я задаток сей, заслугой взяв чужею,
Не должен класть его достоинства межею.

И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать
И сей империей премудро обладать,
А нам осталося во дни ея державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек, не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает,
А если у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова,
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся.
Сей Павла воспитал, достойного корон,
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым валы Орловы пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают;
Голицын гонит рать, Румянцев — наш Тюренн,
А Панин — Мальборуг у неприступных стен;
Подобно Еропкин в час бдения не дремлет,
И силу дерзкия Мегеры он отъемлет.
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная, не жеманься
И, что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род, —
Когда прекрасна мать, а дочь ея урод,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
И не собой еще ты сверх того гордишься, —
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам,
А если ни к какой я должности не годен, —
Мой предок дворянин, а я не благороден.

<1771>

О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Взращен дитя твое и стал уже детина,
Учился, научен, учился, стал скотина;
К чему, что твой сынок чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книг?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют,
Но больше ничего они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет;
Солому пальею, обжектом вид зовет,
И речи русские ему лишь те прелестны,
Которы на Руси вралям одним известны.
Коль должно молвити о чем или о ком,
«На основании совсем не на таком», —
Он бредит безо сна и без стыда, и смело:
«Не на такой ноге я вижу это дело».
И есть родители, желающи того,
По-русски б дети их не знали ничего.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь веку принеся, они в котором жили,
Язык их вычищен, но всяк ли Молиер
Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
Во всех землях умы великие родятся,
А глупости всегда ж и более плодятся,
И мода стран чужих России не закон:
Мне мнится, всё равно — присядка и поклон.
Об этом и́нако Екатерина мыслит:
Обряд хороший нам она хорошим числит,
Стремится нас она наукой озарить,
А не в французов нас некстати претворить,
И неоспо́риму дает на то надежду,
Сама в российскую облекшися одежду.
Безмозглым кажется язык российский туп:
Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
Иль соус, просто сос, нам по́ливки вкусняе?
Или уж наш язык мордовского гнусняе?
Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни чалма
Не могут умножать нам данного ума.
Темноволосая, равно и белокура,
Когда умна — умна, когда глупа — так дура.
Не в форме истина на свете состоит;
Нас красит вещество, а не по моде вид;

По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы,
Однако люди те ткачи, не философы.
А истина нигде еще не знала мод,
Им слепо следует безумный лишь народ.
Разумный моде мнит безделкой быть покорен,
В длине кафтана он со прочими бесспорен,
А в рассуждении он следует себе,
Оставив дурака предписанной судьбе;
Кто русско золото французской медью медит, —
Ругает свой язык и по-французски бредит.
Языки чужды нам потребны для того,
Чтоб мы читали в них, на русском нет чего;
Известно, что еще книг русских очень мало,
Колико их перо развратно ни вломало.
Прекрасен наш язык единой стариной,
Но, глупостью писцов, он ныне стал иной.
И ежели от их он уз не свободится,
Так скоро никуда он больше не годится.
Пиитов на Руси умножилось число,
И все примаются за это ремесло.
Не соловьи поют, кукушки то кукуют,
И врут, и враки те друг друга критикуют;
И только тот из них поменее наврал,
Кто менее еще бумаги замарал.
А твой любезный сын бумаги не марает,
В библиотеку книг себе не собирает.
Похвален он и тем, что бредит на речах,
Парнаса и во сне не видев он в очах.
На русском прежде был языке сын твой шумен;
Французского хватив, он стал совсем безумен.

Между 1771—1774

О ЧЕСТНОСТИ

Везде и всякий день о чести говорят,
Хотя своих сердец они не претворят.
Но что такое честь? Один победой льстился,
И, пьян, со пьяным он за честь на смерть пустился;
Другой приятеля за честь поколотил,
Тот шутку легкую пощечиной платил,
Тот, карты подобрав, безумного обманет

И на кредит ему реванж давати станет
И, вексельно письмо с ограбленного взяв,
Не будет поступать по силе строгих прав
И подождет ему дни три великодушно.
Так сердце таково бесчестию ль послушно?
Иной любовнице вернейшей изменил,
Однако зрак ея ему и после мил,
И если о любви своей кому что скажет,
Он честностью о том молчать его обяжет.
Оправив ябеду, судья возносит честь;
Благодеяния нельзя не превознесть
И добродетели сыскати где толикой,
Коль правда продана ценою невеликой?
Почтен и ростовщик над деньгами в клети,
Что со ста только взял рублев по десяти
И другу услужил, к себе напомнив службу,
Деревню под заклад большую взяв за дружбу.
Пречестный господин слуг кормит и поит,
Хотя его слуга и не довольно сыт;
Без нужды не отдаст он лишнего в солдаты,
Как разве что купить иль долга на заплаты;
Однако и за то снабдит его жену
И даст ей куль муки за ту свою вину.
Да чем детей кормить? За что ж терпеть им голод?
Так их во авкцион боярин шлет под молот.
Премерзкий суевер шлет ближнего во ад
И сеет на него во всех беседах яд.
Премерзкий атеист создателя не знает,
Однако тот и тот о чести вспоминает.
Безбожник, может ли тебя почтити кто,
Когда ты самого чтишь бога за ничто?
И может ли в твоем быть сердце добродетель?
Не знаешь честности, незнаем коль содетель,
Который ясно зрим везде во естестве,
И нет сумнения о божьем существе.
Скупой несчастными те годы почитает,
В которы мир скирды числом большим считает,
И мыслит: «Не могу продати хлеба я;
Земля везде добра и столько ж, как моя».
А истинная честь — несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды;
Любити ближнего, творца благодарить,

И что на мысли, то одно и говорить;
А ежели нельзя сказати правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко, — не бесславно.
Творити сколько льзя всей силою добро,
И не слепило б нас ни злато, ни сребро;
Служити ближнему, колико сыщем силы,
И благодетели б нам наши были милы,
С злодеем никогда 'собщенья не иметь,
На слабости людски со сожаленьем зреть;
Не мстити никому, кто может быть исправен:
Ты мщением своим не можешь быти славен.
Услужен буди всем, держися данных слов,
Будь медлен ко вражде, ко дружбе будь готов!
Когда кто кается, прощай его без мести,
Не соплетай кому ласкательства и лести,
Не ползай ни пред кем, не буди и спесив;
Не будь нападчиком, не буди и труслив,
Не будь нескромен ты, не буди лицемерен,
Будь сын отечества и государю верен!

Между 1771—1774

О ЗЛОСЛОВИИ

Мы негде все судьи и всех хотим судить.
Причина — все хотим друг друга мы вредить.
В других и доброе, пороча, ненавидим,
А сами во себе беспутства мы не видим.
Поносишь этого, поносишь ты того,
Не видишь только ты бездельства своего.
Брани бездельников, достойных этой дани,
Однако не на всех мечи свои ты брани!
Не делай бранью ты из денежки рубля,
Слона из комара, из лодки корабля.
Почтенный человек бред лютый отвращает,
Который в обществе плут плуту сообщает.
Один рассказывал, другой замелет то ж,
Всё мелет мельница, но что молола? Ложь.
Пускай и не твое твоих рассказов зданье,
Но можешь ли сие имети в оправданье,
Себе ты честностью в бесчестии маня,
Когда чужим ножом зарежешь ты меня?

Противно мне, когда я слышу лживы вести,
Противнее еще неправый толк о чести.
А толки мне о ней еще чудняе тем,
Здесь разных тысяч пять о честности систем.
И льзя ль искать ума, и дружества, и братства,
Где множество невеж и столько ж тунеядства?
О чем же, съехався, в беседах говорить?
Или молчать, когда пустого не варить?
В крику газетчиков и драмы утопают,
И ложи и партер для крика откупают.
Всечасно и везде друг друга мы вредим,
Не только драм одних, обеден не щадим.
Ругаем и браним: то глупо, то бесчестно,
Хотя и редкому о честности известно.
Тот тем, а тот другим худенек или худ,
Ко фунту истины мы лжи прибавим пуд,
А ежели ея и нет, так мы нередко
И ложью голою стреляем очень метко.
Немало знаю я достойных здесь людей,
Но больше и того хороших лошадей.
Так пусть не надобны для некоих науки,
Почтенье принесут кареты им и цуки.

Между 1771—1774

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Вещал так некто, зря свою кончину слезну,
К единородному наследнику любезну:
«Мой сын, любезный сын! Уже я ныне стар;
Тупеет разум мой, и исчезает жар.
Готовлюся к суду, отыду скоро в вечность
И во предписанну нам, смертным, бесконечность,
Так я тебе теперь, как жить тебе, скажу,
Блаженства твоего дорогу покажу.
Конец мой близок,
А ты пойдешь путем, который очень склизок.
Хотя и всё на свете суета,
Но льзя ли презирать блаженство живота?
Так должны мы о нем всей мыслью простираться
И, что потребно нам, о том всегда стараться.
Забудь химеру ту, слывет котора честь;

На что она, когда мне нечего поесть?
Нельзя в купечестве пробыти без продажи,
Подобно в бедности без плутни и без кражи.
Довольно я тебе именья наплутал,
И если б без меня ты это промотал,
На что ж бы для тебя свою губил я душу?
Когда представлю то, я всё спокойство рушу.
Доходы умножай, гони от сердца лень
И белу денежку береги на черный день.
Коль можно что украсть, — украдь, да только скрытно,
И умножай доход
Ты всеми образы себе на всякий год!
Вить око зрением вовеки ненасытно.
Коль можешь обмануть,
Обманывай искусно;
Изобличенным быти гнусно,
И часто наш обман — на виселицу путь.
Не знайся ты ни с кем беспрочно, по-пустому,
И с ложкой к киселю мечися ты густому.
Богатых почитай, чтоб с них имети дань,
Случайных похвалять, их выся, не устань,
Великим господам ты, ползая, покорствуй!
Со всеми ты людьми будь скромен и притворствуй!
Коль сильный господин бранит кого,
И ты с боярином брани его!
Хвали ты тех, кого бояре похваляют,
И умаляй, они которых умаляют!
Глаза свои протри
И поясняй смотри,
Большие на кого бояре негодуют!
Прямым путем идти —
Так счастья не найти.
Плыви, куда тебе способны ветры дуют!
Против таких господ,
Которых чтит народ,
Не говори ни слова,
И чтоб душа твоя была всегда готова,
Не получив от них добра, благодарить!
Стремися, как они, подобно говорить!
Вельможа что сказал, — знай, слово это свято,
И что он рек,

Против того не спорь: ты малый человек!
О черном он сказал — красно; боярин рек, —
Скажи и ты, что то гораздо красновато!
Пред низкими людьми свирепствуй ты, как черт,
А без того они, кто ты таков, забудут
И почитать тебя не будут;
Простой народ того и чтит, который горд.
А пред высокими ты прыгай, как лягушка,
И помни, что мала перед рублем полушка!
Душища в них, а в нас, любезный сын мой, душка.
Благодари, когда надеешься еще
От благодетеля себе имети милость!
А ежели не так, признание — унылость,
И благодарный дух имеешь ты вотще.
Не делай сам себе обиды!
Ты честный человек пребуди для себя,
Себя единого ты искренно любя!
Не делай ты себе единому обиды;
А для других имей едины только виды,
И помни, свет каков:
В нем мало мудрости и много дураков.
Довольствуй их всегда пустыми ты мечтами:
Чти сердцем ты себя, других ты чти устами!
Вить пошлины не дашь, лаская им, за то.
Показывай, что ты других гораздо ниже
И будто ты себя не ставишь ни за что;
Но помни, епанчи рубашка к телу ближе!
Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру свою без хитрости ты мертву,
Не принеси другим себя, играя, в жертву!
А этого, мой сын, не позабудь:
Играя, честен ты в игре вовек не будь!
Пренебрегай крестьян, их видя под ногами,
Устами чти господ великих ты богами
И им не согруби;
Однако никого из них и не люби,
Хотя б они достоинство имели,
Хотя бы их дела в подсолнечной гремели!
Давай и взятки сам и сам опять бери!
Коль нет свидетелей, — воруй, плутуй, сколь можно,
А при свидетелях бездельствуй осторожно!

Добро других людей во худо претвори
И ни о ком добра другом не говори:
Какой хвалою им тебе иметь нажиток?
Явлённое добро другим — тебе убыток.
Не тщися никому беспрочно ты служить;
Чужой мошной себе находки не нажить!
Ученых ненавидь и презирай невежу,
Имея мысль одну себе на пользу свежу!
Лишь тем не повредись:
В сатиру дерзостным писцам не попадись!
Смучай и рви родства ты узы, дружбы, браков:
Во мутной вить воде ловить удобней раков.
Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай
И только о себе едином вспоминай!
Для пользы своея тяни друзей в обманы,
Пускай почувствуют тобой и скорбь и раны!
Везде сбирай плоды.
Для пользы своея вводи друзей в беды!
Бесчестно, бредят, то, а этого не видно,
Себя мне только долг велит любить.
Мне это не обидно,
Коль нужда мне велит другого погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай в отечество мое беда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится,
Чужое гибни всё, лишь был бы мне покой.
Не забывай моих ты правил!
Имение тебе и разум я оставил.
Живи, мой сын, живи, как жил родитель твой!»
Как это он изрек, ударен он был громом
И разлучился он с дитятею и с домом,
И сеявша душа толико долго яд
Из тела вышла вон и свергласся во ад.

Между 1771—1774

О ХУДЫХ РИФМОТВОРЦАХ

Одно ли дурно то на свете, что грешно?
И то нехорошо, что глупостью смешно.
Пиит, который нас стихом не утешает, —
Презренный человек, хотя не согрешает,

Но кто от скорби сей нас может исцелить,
Коль нас бесчестие стремится веселить?
Когда б учились мы, исчезли б пухлы оды
И не ломали бы язы́ка переводы.
Невеже никогда нельзя переводить:
Кто хочет поплясать, сперва учись ходить.
Всему положены и счет, и вес, и мера,
Сапожник кажется поменее Гомера;
Сапожник учится, как делать сапоги,
Пирожник учится, как делать пироги;
А повар иногда, коль стряпать он умеет,
Доходу более профессора имеет;
В поэзии ль одной уставы таковы,
Что к ним не надобно ученой головы?
В других познаниях текли бы мысли дружно,
А во поэзии еще и сердце нужно.
В иной науке вкус не стоит ничего,
А во поэзии не можно без него.
Не все к науке сей рожденны человеки:
Расин и Молиер во все ль бывают веки?
Кинольт, Руссо, Вольтер, Депро, Де-Лафонтен —
Плоды ль во естестве обычны всех времен?
И, сколько вестно нам, с начала сама света,
Четыре раза шли драги к Парнасу лета:
Тогда, когда Софокл и Еврипид возник,
Как римский стал Гомер с Овидием велик,
Как после тяжкого поэзии ущерба
Европа слышала и Тасса и Мальгерба,
Как жил Депро и, жив, он бредни осуждал
И против совести Кинольта охуждал.
Не можно превзойти великого пиита,
Но тщетность никогда величием не сыта.
Лукан Виргилия превесити хотел,
Сенека до небес с Икаром возлетел,
«Евгении» ли льзя превесить «Мизантропа»,
И с «Ипермнестрою» сравнительна ль «Меропа»?
Со Мельпоменою вкус Талию сопряг,
Но стал он Талии и Мельпомене враг;
Нельзя ни сей, ни той театром обладати,
Коль должно хохотать и тотчас зарыдати.
Хвалителю сего скажу я: «Это ложь!»

Расинов говорит, француз, совместник то ж:
«Двум разным музам быть нельзя в одном совете».
И говорит Вольтер ко мне в своем ответе:
«Когда трагедии составить силы нет,
А к Талии речей творец не приберет,
Тогда с трагедией комедию мешают
И новостью людей безумно утешают.
И, драматический составя род таков,
Лишенны лошадей, впрягают лошаков».
И сам я игрище всегда возненавижу,
Но я в трагедии комедии не вижу.
Умолкни тот певец, кому несвойствен лад,
Покинь перо, когда его невкусен склад,
И званья малого не преходи границы.
Виргилий должен петь в дни сей императрицы,
Гораций возгласит великие дела:
Екатерина век преславный нам дала.
Восторга нашего пределов мы не знаем:
Трепещет оттоман, уж россы за Дунаем.
Под Бендером огнем покрылся горизонт,
Колеблется земля и стонет Геллеспонт,
Сквозь тучи молния в дыму по сфере блещет,
Там море корабли турецки в воздух мещет,
И кажется с брегов: морски валы горят,
А россы бездну вод во пламень претворят.
Российско воинство везде там ужас сеет,
Там знамя росское, там флаг российский веет.
Подсолнечныя взор империя влечет.
Нева со славою троякою течет, —
На ней прославлен Петр, на ней Екатерина,
На ней достойного она взрастила сына.
Переменится Кремль во новый нам Сион,
И сердцем северна зрим будет Рима он:
И Тверь, и Искорéст, и многи грады новы
Ко украшению России уж готовы;
Дом сирых, где река Москва струи лиет,
В веселии своем на небо вопиет:
Сим бедным сиротам была бы смерть судьбиной,
Коль не был бы живот им дан Екатериной.
А ты, Петрополь, стал совсем уж новый град —
Где зрели тину мы, там ныне зрим Евфрат.
Брег невский, каменем твердейшим украшенный

И наводнением уже не устрашенный,
Величье новое показывает нам;
Величье вижу я по всем твоим странам,
Великолепные зрю домы я повсюду,
И вскоре я, каков ты прежде был, забуду.
В десятилетнее ты время превращен,
К Эдему новый путь по югу намощен.
Иду между древес прекрасною долиной
Во украшенный дом самой Екатериной,
Который в месте том взвела Елисавет.
А кто ко храму здесь Исакия идет,
Храм для рождения узрит Петрова пышный:
Изобразится им сей день, повсюду слышный.
Узрит он зрак Петра, где был сожженный храм;
Сей зрак поставила Екатерина там.
Петрополь, возгласи с великой частью света:
Да здравствует она, владея, многи лета.

1771 или 1774

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жуки
Впюлзли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон
И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите!»

1752(?)

СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова,
В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
И вот ея слова:
«Я перва изо птиц в сей роще песни пела,
А ныне я — за то — пускаю тщетный стон;
Попев, я выбита из этой рощи вон:
За сладко пение и бедство претерпела».

Ответствовал Сове какой-то Стихоткач,
Несмысленный Рифмач:
«Сестрица! я себе такую ж часть наследил,
Что первый в городе на рифмах я забредил».

1752(?)

МУЖИК С КОТОМОЙ

Без разбору ты ври про чужие дела,
Та работа не так, как твоя, тяжела.
Нет, не дивно нимало и мне, как тебе,
Что миляе на свете всего ты себе.
Да чужого труда ты не тщись умалять,
И чего ты не знаешь, не тщись похулять.
Если спросишь меня,
Я скажу, не маня,
Что честной человек
Этой гнусности сделать не может вовек.
Посмотри
И держи то в уме:
Нес мужик пуда три
На продажу свинцу в небольшой котоме,
Нагибается он, да нельзя и не так:
Ведь не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется мужик;
Свинценосца не кажется труд им велик.
Им мужик отвечал:
«Труд мой кажется мал.
Только бог это весть,
Что в котомишке есть,
Да известно тому,
Кто несет котому».

<1758>

КОКУШКА

Грач вырвался из рук, из города домой.
Кокушка говорит: «Скажи, дружочек мой,
Какая в городе молва о песнях наших?»
Он ей ответствует: «Из жителей там ваших

Прославлен соловей, о нем везде слова,
О нем великая там носится молва».
Кокушка говорит: «О жаворонке известно?»
Грач ей: «И жаворонка там пение прелестно».
Кокушка говорит: «Во славе ль там скворец?»
Грач ей: «И он у них известный там певец».
Кокушка говорит: «С тобой жила я дружно.
Для дружбы той скажи, что знать еще мне нужно,
Да только ничего, дружок, не утаи.
Какие речи там про песенки мои?»
Грач ей: «О том людей на речь не позывало,
Как будто бы тебя на свете не бывало».
Кокушка говорит: «Коль люди без ума,
Так я могу сплести хвалу себе сама».

<1759>

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад,
Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
«Дай милостынку кто мне, для́ ради Христа,
Подайте ради бога;
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога:
Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».

Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я сперва злился,
И на безногого я, смотря, веселился:
Идти ко всенощной была тогда пора;
Купецкая жена была уже стара
И очень богомольна;
Была вдова и деньгами довольна:
Она с покойником в подрядах клад нашла;
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набожно:
Все дни ей пятница была и середа,
И мяса в десять лет не ела никогда,
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того всегда
Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал,
И то ж ворчал.
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды
И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, всё отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

<1759>

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ

С лягушками войну, злясь, мыши начинали —
За что?
И сами воины того не знали;
Когда ж не знал никто,
И мне безвестно то,

То знали только в мире,
У коих бороды пошире.
Затворник был у них и жил в голландском сыре:
Ничто из светского ему на ум нейдет;
Оставил навсегда он роскоши и свет.
Пришли к нему две Мышки
И просят, ежели какие есть излишки
В имении его,
Чтоб подал им хотя немного из того,
И говорили: «Мы готовимся ко брани».
Он им ответствовал, поднявши к сердцу длани:
«Мне дела нет ни до чего.
Какия от меня, друзья, вы ждете дани?»
И как он то проговорил,
Вздохнул и двери затворил.

<1759>

ЗАЯЦ И ЛЯГУШКИ

Испуган Заяц и дрожит,
И из кустарника к болоту он бежит.
Тревожатся Лягушки,
Едва осталися в них душки,
И становятся в строй.
Великий, думают, явился к ним герой.
Трусливый Заяц их хотя не побеждает,
Однако досаждает:
«Я трус,
Однако без войны я дал лягушкам туз».
Кто подлым родился, пред низкими гордится,
А пред высокими он, ползая, не рдится.

Около 1760 (?)

ФИЛИН

В павлиньих перьях Филин был
И подлости своей природы позабыл.
Во гордости жестокой
То низкий человек, имущий чин высокой.

Около 1760 (?)

ОСЕЛ ВО ЛЬВОВОЙ КОЖЕ

Осел, одетый в кожу львову,
Надев обнову,
Гордиться стал
И, будто Геркулес, под оною блистал.
Да как сокровищи такие собирают?
Мне сказано: и львы, как кошки, умирают
И кожи с них сдирают.
Когда преставится свирепый лев,
Не страшен левий зев
И гнев;
А против смерти нет на свете обороны.
Лишь только не такой по смерти львам обряд:
Нас черви, как умрем, ядят,
А львов ядят вороны.
Каков стал горд Осел, на что о том болтать?
Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянем
На мужика
И почитати станем
Мы в нем откупщика,
Который продавал подовые на рынке
Или у кабака,
И после в скрынке
Богатства у него великая река,
Или, ясняй сказать, и Волга и Ока,
Который всем теснит бока
И плавает, как муха в крынке,
В пространном море молока;
Или когда в чести увидишь дурака,
Или в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.
Ворчал,
Мичал,
Рычал,
Кричал,
На всех сердился, —
Великий Александр толико не гордился.
Таков стал наш Осел.
Казалося ему, что он судьею сел.

Пошли поклоны, лести
И об Осле везде похвальны вести:
Разнесся страх,
И всё перед Ослом земной лишь только прах,
Недели в две поклоны
Перед Ослом
Не стали тысячи, да стали миллионы
Числом,
А всё издалека поклоны те творятся;
Прогневавшие льва не скоро помирятся;
Так долг твердит уму:
Не подходи к нему.
Лисица говорит: «Хоть лев и дюж детина,
Однако вить и он такая же скотина;
Так можно подойти и милости искать;
А я-то ведаю, как надобно ласкать».
Пришла и милости просила,
До самых до небес тварь подлу возносила,
Но вдруг увидела, все лести те пропев,
Что то Осел, не лев.
Лисица зароптала,
Что, вместо льва, Осла всем сердцем почитала.
<1760>

ЛИСИЦА И ТЕРНОВНЫЙ КУСТ

Стоял Терновный куст.
Лиса мошейничать обыкла
И в плутни вникла.
Науку воровства всю знает наизуст,
Как сын собачий
Науку о крючках,
А попросту бессовестный подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в Терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки.
Терновный куст
Как ягодой, так шильем густ
И колется. Лиса ярится,
Что промысел ея без добычи варится.
Лисица говорит Терновнику: «Злодей!
Все лапы исколол во злобе ты своей».

Терновник отвечал: «Бранись, как ты изволишь:
Не я тебе колю, сама себя ты колешь».
Читатель! знаешь ли, к чему мои слова?
Каков Терновный куст, сатира такова.

<1760>

КОРШУН В ПАВЛИНЫХ ПЕРЬЯХ

Когда-то убрался в павлинья Коршун перья
И признан ото всех без лицемерья,
Что он Павлин.
Крестьянин стал великий господин
И озирается гораздо строго,
Как будто важности в мозгу его премного.
Павлин мой чванится, и думает Павлин,
Что эдакий великий господин
На свете он один.
И туловище всё всё гордостью жеребо,
Не только хвост его; и смотрит только в небо.
В чести мужик гордится завсегда,
И ежели его с боярами сверстают,
Так он без гордости не взглянет никогда;
С чинами дурости душ подлых возрастают.
Рассмотрен наконец богатый господин,
Ощипан он, и стал ни Коршун, ни Павлин.
Кто Коршун, я лишен такой большой догадки,
Павлинья перья — взятки.

<1760>

КОРШУН

Брюхато брюхо, — льзя ль по-русски то сказать?
Так брюхо не брюхато,
А чрево не чревато,
Таких не можно слов между собой связать.
У Коршуна брюшко иль стельно, иль жеребо,
От гордости сей зверь взирает только в небо.
Он стал Павлин. Не скажут ли мне то,
Что Коршун ведь не зверь, но птица?
Не бесконечна ли сей критики граница?
Что
Худого в том, коль я сказал «жеребо»?

Для рифмы положил я слово то, для «небо».
А, это приискав, и несколько был рад.
Остался в точности, как должно быти, склад.
То шутки, каковы рондо, сонет, баллад...
От этого писцы нередко отбегают,
Однако то они когда пренебрегают.
«Жеребо» положил не ради ль рифмы я?
Но сим испорчена ль хоть мало мысль моя?
Напрасно, кажется, за то меня ругают,
Что я неслыханну тут рифму положил,
Я критики за то себе не заслужил.
«Жеребо» слово я ошибкой не считаю,
А вместо басни той сию теперь сплетаю.
Был Коршун горд,
Как черт,
Да только он смотрел не в ад, но в небо,
А черти смотрят в ад.
(Не мните критикой мне сею дати мат.
Не зрю ошибки я, что я сказал «жеребо».
Но к притче приступлю.) Стал Коршун быть Павлин,
В его он перьях был великий господин.
Но птицы прочие безумца ощипали,
Так брюхо гордое и горды мысли пали.
Кто хочет, может он писателя винить,
Однако должно ли писателя бранить,
А это слышали мои исправно уши.
Но кто переведет на свете подлы души!

<Октябрь — ноябрь 1760>

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку.
Был — идол, попросту: Болван.
И зачали Болвану все молиться,
Слезами пред Болваном литься
И в перси бить.
Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»

Всяк помощи великой чает.
Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает Болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра
И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду
И бросили Болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

<1760>

ПОРТНОЙ И МАРТЫШКА

Портной кроил,
Мартышка это примечает
И чает,
Искусства своего Портной не утаил.
Зачем-то он,
Скроив, и то и то оставив, вышел вон.
Мартышка ножницы Портного ухватила
И без него,
Не зная ничего,
Изрядно накутила,
И мнила так она, что это ремесло
От знания ея не уросло.
Зверок сей был ремеслоборец,
Портной пиит, а он негодный рифмотворец.

1760

ЛИСИЦА И СТАТУЯ

К Елисавете Васильевне Херасковой

Я ведаю, что ты парнасским духом дышишь,
Стихи ты пишешь.
Не возложил никто на женский разум уз.
Чтоб дамам не писать, в котором то законе?
Минерва — женщина, и вся беседа муз
Не пола мужеска на Геликоне.
Пиши! Не будешь тем ты меньше хороша,
В прекрасной быть должна прекрасна и душа,
А я скажу то смело,
Что самое прекраснейшее тело
Без разума — посредственное дело.
Послушай, что тебе я ныне донесу
Про Лису:
В каком-то Статую она нашла лесу;
Венера то была работы Праксителя.
С полпуда говорит Лисица слов ей, меля:
«Промолви, кумушка!» — Лисица ей ворчит,
А кумушка молчит.
Пошла Лисица прочь, и говорит Лисица:
«Прости, прекрасная девица,
В которой нет ни капельки ума!
Прости, прекрасная и глупая кума!»
А ты то ведаешь, Хераскова, сама,
Что кум таких довольно мы имеем,
Хотя мы дур и дураков не сеем.

<1761>

ЗМЕЯ И ПИЛА

Не устремляйтеся того критиковать,
Кого немножечко трудненько подкопать,
Все ваши сборы
И наплетенны вздоры
Не сделают ему малейшего вреда,
А вам наделают премножество стыда.
Змея нашла Пилу: зверок ея то взгляду.

Змея не думает усердно ни о ком
И не скупится тратить яду,
Грызет Пилу и лижет языком.
Что больше вкруг Пилы она яряся вьется,
То больше крови льется,
И, проливая кровь потоком из себя,
Пилу губя,
Кровь собенну за кровь чужую почитает
И кровью тает,
Пилу пилит,
Язык болит,
Истрескалися губы.
Увидела Змея, переломавши зубы,
Что тронута она была,
А не Пила.

<1761>

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А львы живут нескудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу;
Волк это объявил в беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут.

И смеют ли в такие толки
Входить о львовом доме волки?»
А чтобы бредить Волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут:
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести,
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.
«Скажи, Лисица, ты, — хозяин вопрошал, —
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег сегодни нос».

<1762>

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака Кошку съела,
Собаку съел Медведь,
Медведя — зевом — Лев принудил умереть,
Сразити Льва рука Охотничья умела,
Охотника ужалила Змея,
Змею загрызла Кошка.
Сия
Вкруг около дорожка,
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что всё на свете коловратно.

<1762>

ПРОТОКОЛ

Украл подьячий протокол,
А я не лицемерю,
Что этому не верю:
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века,
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю;
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да Правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то, конечно.
У Правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек;
Да лишь во весь он век
Не выучил ни одного указа,
Однако осудил за протокол
Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся
И извинялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попутал черт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.
Я, право, этого, мой друг, не дожидался.
За протокол
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро черта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай,
Да этого на кол сажай.

<1762>

ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла кастальских вод напиться обезьяна,
Которые она кастильскими звала,
И мыслила, сих вод напившися допьяна,
Что, вместо Греции, в Ишпании была,
И стала петь, Гомера подражая,
Величество своей души изображая.
Но как ей петь!
Высоки мысли ей удобно ли иметь?
К делам, которые она тогда гласила,
Мала сей твари сила:
Нет мыслей; за слова приняться надлежит.
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Горам дает она толчки.
Зевес надел очки
И ноздри раздувает,
Зря пухлого певца,
И хочет истребить нещадно до конца
Пустых речей творца,
Который дерзостно героев воспевает.
Однако, рассмотрев, что то не человек,
Но обезьяна горделива,
Смеяся, говорил: «Не мнил во весь я век
Сему подобного сыскать на свете дива».

<1763>

ВОЙНА ОРЛОВ

Дрались Орлы,
И очень были злы.
За что?
Того не ведает никто.
Под самыми они дралися небесами;
Не на земли дрались, но выше облаков,
Так, следственно, и там довольно дураков.
Деремся вить и мы, за что, не зная сами;

Довольно, что Орлы повоевать хотят,
А перья вниз летят.
Дерутся совестно они, без лицемерья.
Орлы поссорились, стрелкам орлины перья.

Между 1762—1765(?)

ДВА ПОВАРА

Виргилий, Цицерон,
Бургавен, Эйлер, Локк, Картезий и Невтон,
Апелл и Праксnúmerитель, Мецен и Сципион.
О треблаженная божественная мода!
Зайди когда в приказ —
Где столько, как у нас,
Бумаги в день испишут?
А то, что грамота, писцы едва и слышут.
Кто срода никогда солдатом не бывал,
С Невы до Одера, стреляя, доставал.
Сапожник медик был, дая цельбы пустые.
Муж некто знаменит
Молчанием одним попался во святые.
О дни златые!
Но скоро всё сие Минерва пременит,
Которая Россией обладает,
От коей мрачный ум сиянья ожидает,
А лира между тем мне басенку звенит,
Был некий господин, сын дьячий, иль боярин,
Иль выезжий татарин, —
Герольдия сама не ведает о том.
Так как же знать и мне в России здесь о ком?
Однако дворянин, вот то известно свету.
Причина — что имел ливрею и карету,
Перед каретою всегда впряжен был цук,
А за каретою был егерь и гайдук.
Ковчег его творил по камню громкий стук,
А где не мощены по улицам дороги,
Карета тяжкая в грязи была по дроги.
Гостей имел боярин завсегда,
Да то беда,
Кухмистра не имеет,
А стряпать не умеет.

Дал двух молодчиков учиться в повара,
И стали в год они в поварне мастера.
Хозяин делает беседу,
Зовет гостей к обеду,
Не тех, которых он простым питьем поит,
Да где по праздникам в передних он стоит.
Кухмистры стол устраива́ют,
Большие ко столу наедут господа.
В большом котле кипит капуста и вода,
Кухмистры над котлом зевают
И все в один котел потравы зарывают,
Чего не слыхано поныне никогда.
Что выльется за штука,
Сварившися, оттоль,
Где сахар был и соль,
Каплун и щука?
На что такой вопрос?
Сварился, вылился хаос.
Кричит хозяин мой, хватается за шпагу,
Однако повара с поварни дали тягу.
Хозяин чешет лоб и нос.
Вот пятница страшной недели!
Бояре съехались и ничего не ели.

<1765>

БЛОХА

Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поносит,
На воеводство просит:
«Достойна я, — кричит, — во мне всё барска кровь».
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

<1769>

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И, неподмазанна, кричит.
А Бык, который то везет, везя молчит,
Изображает Ось господчика мне нежна,

Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А Бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.
<1769>

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако для ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы златаго века,
Когда еще наук премудрость не ввела
И в свете истина без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель.
И, словом, я скажу вот это наконец:
Реченны пастухи вчера пасли овец,
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка.
И, словом, так:
Из паства сделали они себе кабак —
Во глотку,
И в брюхо, и в бока
На место молока
Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством,

От водки голова болит,
Но водка сердце веселит,
Молошное питье не диво,
Его хмельняй и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира
И бьют сего —
Без милосердия — невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого.
Однако Пан пришел спасти Сатира бита;
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте,
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

<1769>

АРАП

Чье сердце злобно,
Того ничем исправить не удобно;
Нравоучением его не претворю;
Злодей, сатиру чтя, злодействие сугубит;
Дурная бабища вить зеркала не любит.
Козицкий! правду ли я это говорю?
Нельзя во злой душе злодействия убавить.
И так же критика несмысленным писцам
Толико нравится, как волк овцам;
Не можно автора безумного исправить:
Безумные чтецы им сверх того покров,
А авторство неисходимый ров;

Так лучше авторов несмысленных оставить.
Злодеи тщатся пусть на свете сем шалить,
А авторы себя мечтою веселить.
Был некто в бане мыть искусен и проворен.
Арапа сутки мыл, Арап остался черен.
В другой день банщик тот Арапа поволок
На полок;
Арапа жарит,
А по-крестьянски то — Арапа парит
И черноту с него старается стереть.
Арап мой преет,
Арап потеет,
И кожа на Арапе тлеет:
Арапу черным жить и черным умереть.
Сатира, критика совсем подобны бане:
Когда кто вымаран, того в ней льзя омыть;
Кто черен родился, тому вовек так быть,
В злодее чести нет, ни разума в чурбане.

<1769>

ИСТИНА

Хотя весь свет
Изрыщешь,
Прямыя Истины не сыщешь;
Ея на свете нет;
Семь тысяч лет
Живет
Она высоко,
В таких местах, куда не долетает око,
Как быстро взор ни понеси,
А именно — живет она на небеси.
Так я тебе скажу об этом поученье:
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой недолог век
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты,
Так ясно видишь ты,
Что всё на свете сем мечты,
А наша жизнь не жизнь, но горесть и мученье.

<1769>

СТРЯПЧИЙ

Какой-то человек ко Стряпчему бежит:
«Мне триста, — говорит, — рублей принадлежит».
Что делать надобно тяжбою, как он чает?
А Стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дьяку рублей пятьсот».

<1769>

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей:
Смотри в подобии на истину ты в ней
И отвращение имей
От тех людей,
Которые ругаются собою,
Чему смеюся я с Козицким и с тобою.
В дремучий вшодши лес,
В чужих краях был Пес
И, сограждан своих поставив за невежей,
Жил в волчьей он стране и во стране медвежей,
Не лаял больше Пес; медведем он ревел
И волчьи песни пел.
Пришед оттоль ко псам обратно,
Отеческий язык некстати украшал:
Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал
И почал говорить собакам непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоих нам новеньких музык;
Ты портишь ими наш язык»,
И стали грызть его и уморили,
А я надгробие читал у Пса сего:
«Вовек отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».

<1769>

КУЛАШНЫЙ БОЙ

На что кулашный бой?
За что у сих людей война между собой?
За это ремесло к чему бойцы берутся?
За что они дерутся?
За что?
Великой тайны сей не ведает никто,
Ни сами рыцари, которые воюют,
Друг друга кои под бока
И в нос и в рыло суют,
Куда ни попадет рука,
Посредством кулака
Расквашивают губы
И выбивают зубы.
Каких вы, зрители, здесь ищете утех,
Где только варварство — позорища успех?

1760-е годы

КУКУШКИ

Наместо соловьев кукушки здесь кукуют
И гневом милости Диянины толкуют.
Хотя разносится кукушечья молва,
Кукушкам ли понять богинины слова?
В дуброве сей поют безмозглые кукушки,
Которых песни все не стоят ни полушки.
Лишь только закричит кукушка на суку,
Другие все за ней кричат: куку, куку.

<1770>

СОВЕТ БОЯРСКИЙ

Надежных не было лесов, лугов и пашни,
Доколе не был дан
России Иоанн,
Великолепные в Кремле воздвигший башни.
В России не было спокойного часа,

Опустошались нивы,
И были в пламени леса.
Татары, бодрствуя несясь под небеса,
Зря, сколь ленивы
Идти во праздности живущие на брань,
И те с нас брали дань,
Которые уже воззреть тогда не смеют,
Как наши знамена явятся и возвеют.
Они готовы ныне нам,
Как мы им были, во услугу.
Не всё на свете быть единым временам.
Несут татара страх российским сторонам,
И разорили уж и Тулу и Калугу,
Пред россами они в сии дни грязь и прах,
Однако нанесли тогда России страх.
Уже к Москве подходят
И жителей Москвы ко трепету приводят.
Татара многажды с успехами дрались.
Бояра собрались
Ко совещанию на разные ответы
И делают советы. . .
В совете том боярин некий был;
От старости сей муж, где Крым лежит, забыл.
Бояра
Внимают мужа стара,
А он спросил у них: «Отколь идут татара?»
— «С полудни», — говорят. — «Где полдень?
Я не знаю».
— «От Тулы их поход». — «Я это вспоминаю;
Бывал я некогда с охотой псовой там,
И много заяцов весьма по тем местам.
Я вам вещаю
В ответ
И мнение свое вам ясно сообщаю.
В татарской мне войне ни малой нужды нет,
И больше ничего сказать не обещаю.
Меня татарин не сожжет
И мне не сделает. . . увечья
Среди Замоскворечья.
Распоряжайте вы, а мой совет такой:
Мой дом не за Москвой-рекой».

Между 1773—1774

ПРИТЧА НА НЕСМЫСЛЕННЫХ ПИСЦОВ

Вши в самой древности читать, писать умели
И песни пели.
Всползла,
Во удивленье взору,
На ту священну гору,
Где музы, Вошь, была котора зла,
И стала возглашать во злобе и роптаньи
О правде, честности, о добром воспитаньи.
Не слушает никто, что там поет та Вошь,
Известно, что у Вши нет песней ни на грош.
Когда бы пела мышь, мышь кошка б изловила,
А вшам таких угроз природа не явила,
Так музы, рассердясь и в жалобах своих,
Хотя Вши голос тих
И пела Вошь не шумно,
Ко Зевсу кликнули, соткав прекрасный стих.
Со Вшами музам брань имети и безумно,
Но Зевс недвижим пребывал
И говорил: «Я вшей и сроду не бивал,
А если мне убить ее за гнусны песни,
В которых ничего нет, кроме только плесни,
Так лучше мне побить безмозглых тех,
Которы мнят искать во гнусности утех.
Да это строго,
В ином селе людей останется немного.
А на срамную Вошь не брошу грома я,
Не осквернится ввек рука моя».
О музы! Должно вам отныне вечно рдиться,
Что вы могли на тварь гнуснейшу рассердиться.
Воспела Вошь; но что?
Не ведает никто.
Но кто хвалили то?
Хвалили те одни, кто сами все ничто.
Которые сей Вши хвалили безделушки,
Не стоят гады те и все одной полушки.

<1774>

ПАРИСОВ СУД

У парников сидели три богини,
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни.
Российской то сказал нам древности толмач
И стихоткач,
Который сочинил какой-то глупый плач
Без склада
И без лада.
Богини были тут: Паллада,
Юнона
И матерь Купидона.
Юнона подавилась,
Парису для того прекрасной не явилась;
Минерва
Напилась, как стерва;
Венера
Парису кажется прекрасна без примера,
Хотя и все прекрасны были:
Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вера.
А сидя обнажась, весь стыд они забыли.
Парис на суд хоть сел,
Однако был он глуп, как лось или осел.
Кокетку сей судья двум бабам предпочел,
И рассердил он их, как пчельник в улье пчел;
И Дию он прочел
Экстракт и протокол.
Дий за это его не взрютил чуть на кол.
Венера возгордилась,
Дочь мозгова зардилась,
Юнона рассердилась,
Приама за это остригла и обрила
И Трою разорила.

1769(?) или 1775(?)

ШАЛУНЬЯ

Шалунья некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего.
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,

Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистати
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: «Я еду делать кур».
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор! кур делают наседки».

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Российская держава
И долго паки не цвела,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великого в Европе царства,
И завсегда
Была вражда
У множества князей едина государства.
Я это в притче подтвержу,
Которую теперь скажу,
Что россов та была падения причина —
Была пучком завязана лучина;
Колико руки ни томить,
Нельзя пучка переломить,
Как россы, так она рассыпалась подобно,
И стало изломать лучину всю удобно.

НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Жив праздности в уделе,
И в день ни во един
Не упражнялся в деле
Какой-то молодой и глупый господин.
Гораздо, кажется, там качества упруги,
Где нет отечеству ни малыя услуги.
На что родится человек,
Когда проводит он во тунеядстве век?
Он член ли общества? Моя на это справка,
Внесенная во протокол:
Не член он тела — бородавка;

Не древо в роще он, но иссушенный кол;
Не человек, но вол,
Которого не жарят,
И бог то ведает, за что его боярят.
Мне мнится, без причин
К таким прилог и чин.
Могу ль я чтить урода,
Которого природа
Произвела ослом?
Не знаю, для чего щадит таких и гром,
Такой и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг,
Но ту свою вину на Время возлагает,
Он только говорит: сегодня недосуг.
А что ему дела во тунеядстве бремя,
На Время он вину кладет,
Болтая: Времени ему ко делу нет.
Пришло к нему часу в десятом Время;
Он спит,
Храпит,
Приему Время не находит
И прочь отходит.
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит
И ничего не говорит.
Так Времени его способный час неведом.
В двенадцать он часов пирует за обедом,
Потом он спит,
Опять храпит.
А под вечер, болван, он, сидя, убирает —
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет, гад,
И после в карты проиграет.
Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскерад.

ПРОХОЖИЙ И БУРЯ

Едва прохожий Бурю сносит
И Зевса тако просит:
«Ты больше всех богов, Зевес,
Уйми ты ярости прогневанных небес!

Гремит ужасный гром и молния блистает,
Во мрачных облаках по сфере всей летает,
А мрак, дожди и град на землю низметает,
А из земных исшедший недр
Шумит, ревет повсюду ветр.
Иль буду я в сей день судьбине злой ловитва?»
Пренебрегается молитва,
И глас его сей пуст и празден небесам.
Что делает Зевес, то ведает он сам.
Разбойник в оный час в кустах от Бури скрылся
И будто в хижину подземную зарылся,
Но, видя из куста Прохожего в пути,
Не может он никак на добычу нейти,
Не помня святости, он мысль имеет смелу,
И на Прохожего напряг он остру стрелу,
Пустил; но сей удар погиб, —
Ее противный ветр отшиб.
Без Бури бы душа Прохожего из тела,
Конечно, в воздух полетела.

АЛЕКСАНДР И ПАРМЕНИОН

Войск вождю греческих царь перский дщерь давал,
Пол-Азии ему приданым обещает,
Чтоб он ему спокойство даровал,
И чрез послов его об этом извещает.
Парменион такой давал ему совет:
«Когда бы Александр я был на свете,
Я взял бы тотчас то, что перский царь дает».
Во Александровом сей слышит муж ответе,
Ответствовал ему на слово это он:
«А я бы взял, когда б я был Парменион».

КРАСИЛЬЩИК И УГОЛЬЩИК

Худых людей знакомства убегай
И сердце к чистоте единой прилагай.
От них ты можешь очерниться
И вечно оскверниться
От их бесед.

Красильщику был Угольщик сосед,
Красильщика карает,
Запудрил у него весь дом,
И, вьяся пудра та столпом,
Все краски у него марает.

ВОЗНИЦА ПЬЯНЫЙ

Возница пьян, коней стегает,
До самых их ушей он плетью досягает.
А Лошади его за то благодарят
И говорят:
«За что ты лупишь нас? К чему тебе то нравно?
Везем и без того карету мы исправно,
Насилу здесь сидишь, напитки ты любя,
И оттого-то ты противу нас бесчинен,
Не мы, да ты, напився, винен,
Так должно бить тебя».

ПОСОЛ ОСЕЛ

В Венеции послом шалун какой-то был,
Был горд, и многим он довольно нагрубил.
Досадой на него венециане дышут,
И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тьме посольских врак.
Ответствуют: «Его простите, он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь ослами,
Однако мы ослов не делаем послами».

ХВАСТУН

Шел некто городом, но града не был житель,
Из дальних был он стран,
И лгать ему талант привычкою был дан.
За ним его служитель,
Слуга наемный был, и города сего,
Не из отечества его.

Вещает господин ему вещанья новы
И говорит ему: «В моей земле коровы
Не менее слонов».
Слуга ему плетет и сам рассказен ков:
«Я чаю, пуда в три такой коровы вымя,
Слонихой лучше бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней один полпуда хвост,
А мы имеем мост,
К нему теперь подходим,
По всякий день на нем диковинку находим.
Когда взойдет на середину,
Кто в оный день солжет, мост тотчас разойдется,
Лишь только лжец найдется,
А лжец падет во глубину».
Проезжий говорит: «Коровы-то с верблюда,
А то бы очень был велик коровий хвост.
Слоновьего звена не врютишь на три блюда.
А ты скажи еще, каков, бишь, ваш-то мост?»
— «А мост-ат наш таков, как я сказал, конечно».
— «Такой имети мост,
Мой друг, бесчеловечно.
Коровы-то у нас
Поболе, как у вас.
А мост-ат ваш каков?» — «Сказал уже я это,
У нас же и зимой рекам весна и лето.
Мосты всегда потребны по рекам».
— «Коровы-то и здесь такие ж, как и там,
Мне только на́ этот час ложно показалось,
А оттого-то всё неловко и сказалось.
А мост-ат ваш каков?»
— «Как я сказал, таков».
Проезжий говорил: «Коль это без обману,
Так я через реку у вас ходить не стану».

ОТЧАЯННАЯ ВДОВА

Скончался у жены возлюбленный супруг;
Он был любовник ей и был ей верный друг.
Мечталась
И в ночь и в день
Стенящей в верности жене супружня тень,

И только статуя для памяти осталась
. . . .
Из дерева супружнице его:
. . . .
Она всегда на статую взирала
И обмирала.
От жалости ее тут некто посещал
И утешения различны ей вещал.
Не должно принимать безделкой важну службу;
Так с ним за то Вдова установила дружбу,
Которую хранить он вечно обещал.
А дружба день от дня меж ними возрастала
И превеликой дружбой стала.
Потребно Вдовушке на чай воды согреть.
Что ж делать? Иль не пить, не есть и умереть?
И дров сыскать не можно,
. . . .
Хозяйка говорит: «Сыщу дрова, постой!»
И сколько муженька хозяйка ни любила,
У статуи его тут руку отрубила.
Назавтра тут руке досталося и той.
Прокладены дороги, —
На третий день пошли туда ж и мужни ноги.
Осталась голова,
Однако и она туда же на дрова.
Погрет любезный муж гораздо в жаркой бане.
Какое ж больше ей сокровище в чурбане?
Она его велела бросить вон,
А после ей на чай и весь годился он.

ДЕРЕВЕНСКИЕ БАБЫ

Во всей деревне шум,
Нельзя собрати дум,
Мешается весь ум.
Шумят сердиты бабы.
Когда одна шумит,
Так кажется тогда, что будто гром гремит.
Известно, голоса сердитых баб не слабы.
Льет баба злобу всю, сердитая, до дна,
Несносно слышати, когда шумит одна.

В деревне слышится везде Ксантиппа древня,
И зашумела вся от лютых баб деревня.
Вселенную хотят потрясть.
О чем они кричат? — Прискучилось им прясть,
Со пряжей неразлучно
В углу сидети скучно
И в скуке завсегда за гребнем воздыхать.
Хотят они пахать.
Иль труд такой одним мужчинам только сроден?
А в поле воздух чист, приятен и свободен.
«Не нравно, — говорят, — всегда здесь быть:
Сиди,
Пряди
И только на углы избы своей гляди.
Пряди и муж, когда сей труд ему угоден».
Мужья прядут,
А бабы все пахать и сеяти идут.
Бесплодны нивы, будто тины,
И пляшет худо вертено.
В сей год деревне не дано
Ни хлеба, ни холстины.

МИД

Цырюльник, Мида брив, под колпаком осетил,
Чего никто попрежде не приметил:
Имеет пышный Мид
Ушей ословых вид.
Болклив цырюльник был, молчати не умеет,
А людям óб этом сказати он не смеет:
Когда б он молвил им, легко бы и пропал,
Но чтоб о том болкнуть, он ямку прокопал,
И ямке то болкнул! Взросло велико древо
С ослóвыми ушми направо и налево,
В листах изобразив: «Имеет пышный Мид
Ушей ословых вид».
Не могут быть у тех людей велики души,
Которы и в чести ословы имут уши.

Хотя хвала о ком неправо и ворчит,
История о нем иное закричит.

ВОЛОСОК

В любови некогда — не знаю, кто, — горит,
И никакого в ней взаимства он не зрит.
Он суетно во страсти тает,
Но дух к нему какой-то прилетает
И хочет участи его переменить,
И именно — к нему любезную склонить,
И сердцем, а не только взором,
Да только лишь со договором,
Чтоб он им вечно обладал.
Детина на́ это рукописанье дал.
Установилась дружба,
И с обоих сторон определенна служба.
Детину дух контрактом обуздал,
Нерасходимо жить, в одной и дружно шайке,
Но чтоб он перед ним любовны песни пел
И музыкальный труд терпел,
А дух бы, быв при нем, играл на балалайке.
Сей дух любил
Забаву
И любочестен был,
Являть хотел ему свою вседневну славу,
Давались бы всяк день исполнити дела,
Где б хитрость видима была.
Коль дела тот не даст, а сей не исполняет,
Преступника контракт без справок обвиняет.
Доставил дух любовницу ему,
Отверз ему пути дух хитрый ко всему.
Женился молодец, богатства в доме тучи
И денег кучи,
Однако он не мог труда сего терпеть,
Чтоб каждый день пред духом песни петь,
А дух хлопочет
И без комиссии вон выити не хочет.
Богатством полон дом, покой во стороне,
Сказал детина то жене:
«Нельзя мне дней моих между блаженных числить,
От песен не могу ни есть, ни пить, ни мыслить,
И сон уже бежит, голубушка, от глаз.
Что я ни прикажу, исполнит дух тотчас».
Жена ответствует: «Освободишься мною,

Освободишься ты, душа моя, женою,
И скажешь ты тогда, что я тебя спасла».
Какой-то волосок супругу принесла,
Сказала: «Я взяла сей волос тамо;
Скажи, чтоб вытянул дух этот волос прямо.
Скажи ты духу: «Сей ты волос прими,
Он корчится, так ты его спрями!»
И оставайся с сим ответом,
Что я не ведаю об этом».
Но снят ли волос тот с арапской головы,
Не знаю. Знаете ль, читатели, то вы?
Отколь она взяла, я это промолчу,
Тому причина та, сказати не хочу.
Дознайся сам, читатель.
Я скромности всегда был крайний почитатель.
Пошел работать дух и думает: «Не крут
Такой мне труд».
Вытягивал его, мня, прям он быти станет,
Однако тщетно тянет.
Почувствовал он то, что этот труд высок;
Другою он себя работою натужил,
Мыл мылом и утюжил,
Но не спрямляется нимало волосок.
Взял тяжкий молоток,
Молотит,
Колотит
И хочет из него он выжать сок.
Однако волосок
Остался так, как был он прежде.
Дух дал поклон своей надежде,
Разо́рвался контракт его от волоска.
Подобно так и я, стихи чужие правил,
Потел, потел и их, помучився, оставил.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на́ дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.

Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок!
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».
«Здорово, — говорит Лисица, —
Дружок, Воронушка, названая сестрица!
Прекрасная ты птица!
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша!
И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее стократ твои павлиньих перья!»
(Нелестны похвалы приятно нам терпеть).
«О, если бы еще умела ты и петь,
Так не было б тебе подобной птицы в мире!»
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем,
«А сыру, — думает, — и после я поем.
В сию минуту мне здесь дело не о пире!»
Разинула уста
И дождалась поста.
Чуть видит лишь конец Лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела,
Хотела есть, не ела.
Причина та тому, что сыру больше нет.
Сыр выпал из роту, — Лисице на обед.

РЕЦЕПТ

Худые нам стихи нередко здесь родятся.
Во северных странах они весьма плодятся,
Они потребны; вот они к чему годятся:
Чертей из дома выгонять.
Не будет никогда чертями там вонять,
То правда, и стихи такие пахнут худо,
Однако запах сей и истреблять не чудо,
Почаще надобно курить,
А черт от курева престанет ли дурить?
И не боится он явиться и в соломе,

Его никто нигде дубиной не побьет,
Известно, у него костей и тела нет.
В каком-то доме
Какой-то Черт орал,
И все там комнаты он сажей измарал.
К хозяину принес стихи Пиит невкусный,
А попросту, стихи принес Пиит прегнусный.
Как худы те стихи, толь ими был он горд,
А в те часы пришел к хозяину и Черт.
Толико писаны стихи его нескладно,
Что уж и Черту стало хладно,
И тотчас побежал оттоле он
Большою рысью вон.
На завтра дня того тут были гости те же.
Не лучше ль таковых гостей имети реже?
Пиит бумагу развернул,
А дьявол... в ученого швыркнул
И говорит: «Ты ту ж опять подносишь брагу,
Сложи свою бумагу»,
И вопит он, стеня:
«Не мучь, Пиит, не мучь стихами ты меня,
Я выйду без того, я выйду вон отсюду
И впредь сюда не буду».

ПИИТ И БОГАЧ

Богатый человек прославлен быть желал,
Отличным тщася быть отечества в народе.
Он сроду не служил, и хочет быти в моде,
И не трудясь ни в чем. Пиита звать послал
И на него свою надежду славы клал:
«Пожалуй, освяти мое ты имя в оде!»
Но что воспеть Пииту об уроде?
«Будь ты отличностей моих, Пиит, свидетель!
Воспой, мой друг, воспой святую добродетель!»
— «Я петь ее готов.
Пристойных приберу к тому немало слов.
Но как, дружочек мой, ее тогда прославлю,
Когда твое я имя вставлю?
Да я же никогда не хваливал ослов».

ГОЛУБИ И КОРШУН

Когда-то Голуби уговорились
Избрати Коршуна царем,
Надежду утвердив на нем,
И покорились.
Уж нет убежища среди им оных мест,
Он на день Голубей десятка по два ест.

ГОРШКИ

Себя увеселять,
Пошел гулять
Со Глиняным горшком горшок Железный.
Он был ему знаком, и друг ему любезный.
В бока друг друга стук,
Лишь только слышен звук.
И искры от горшка Железного блистались,
А тот недолго мог идти,
И более его нельзя уже найти,
Лишь только на пути
Едины черепки остались.
Покорствуя своей судьбе,
Имей сообщество ты с равными себе.

ПОРОСЯЧИЙ КРИК

Безумцев более в народе,
Так и безумство больше в моде,
Оно же и легко, и легче тяжких дум.
Пошел великий шум:
«Свиньей хитрец визжать умеет,
Но только голосок свиняток он имеет».
Народ бежит,
Друг друга в тесноте всяк сильно угнетает,
И мужа мудрого со плеском почитает,
А он визжит.
Мужик тут некакий хохочет

Й хочет
Искусна мудреца искусством превзойти.
Не чают голоса естественней найти.
Визжит мужик, народ согласно вопит: «Худо!
А то визжанье чудо».
— «Смотрите, — говорит мужик, — не я визжал,
Прямого в пазухе свиненка я держал
И уши поросячьи жал».
Так могут ли сказать народы,
Что нечто в свете есть естественней природы?

СОБАЧЬЯ ССОРА

Когда подходит неприятель,
Так тот отечества предатель,
Кто ставит это за ничто,
И другом такову не должен быть никто.
Собаки в стаде собрались
И жестоко дрались.
Волк видит эту брань
И взяти хочет дань,
Его тут сердце радо.
Собакам недосуг, так он напал на стадо.
Волк лих,
Ворвался он к овцам и там коробит их.
Собаки, это видя
И волка ненавидя,
Домашню брань оставили тотчас
И устремили глаз
Ко стаду на проказ,
Друзьям не изменили
И волка полонили,
А за его к овцам приязнь
Достойную ему собаки дали казнь.
А россы в прежни дни татар позабывали,
Когда между собой в расстройке пребывали,
И во отечестве друг с другом воевали,
Против себя самих храня воинский жар,
И были оттого под игом у татар.

РЕМЕСЛЕННИК И КУПЕЦ

Был некий человек не от больших ремесел,
Варил он мыло, был ежеминутно весел,
Был весел без бесед,
А у него богач посадский был сосед.
Посадский торгу служит
И непрестанно тужит,
Имеет новый он на всякий день удар:
Иль с рук нейдет товар,
Иль он медлеет,
Или во кладовых он тлеет, —
Посадский день и ночь болеет
И всяку о себе минуту сожалеет.
К соседу он принес на именины дар
И дал ему пятьсот рублей посадский златом.
Во состоянии Ремесленник богатом
Уж песен не поет, да золото хранит,
И золото одно в ушах его звенит,
Не спит, как спал он прежде,
Ко пропитанию нимало быв в надежде.
И может ли быть сон,
Когда о золоте едином мыслит он?
Одно его оно лишь только утешает
И есть и пить ему мешает,
И песни петь.
Сей жизни мыловар не может уж терпеть,
И как ему житье то стало неприятно,
К посадскому отнес он золото обратно.

ПРОСЬБА МУХИ

Старуха
И горда Муха
Насытить не могла себе довольно брюха,
И самого она была гордейша духа.
Дух гордый к наглости всегда готов.
Взлетела на Олимп и просит там богов —
Туда она взлетела с сыном, —
Дабы переменить ея Мушонка чином,
В котором бы ему побольше был доход:

«Кот
В год
Прибытка верного не меньше воевод
Кладет себе на счет.
Пожалуйте Котом вы, боги, мне Мушонка,
Чтоб полною всегда была его мошонка!»
На смех
Прошением она богов тронýла всех.
Пожалован; уже и зубы он готовит,
И стал Коток
Жесток,
И вместо он мышей в дому стал кур ловить,
Хотел он, видно, весь курятник истребить
И кур перегубить,
Велели зá это Кота убить.
Смерть больше всякия на свете сем прорухи,
Не должны никогда Котами быти Мухи,
Нижé вовек
Каким начальником быть подлый человек.

ПИИТ И УРОД

Пиит,
Зовомый Симонид,
Был делать принужден великолепну оду
Какому-то Уроду.
Но что писать, хотя в Пиите жар кипел?
Что ж делать? Он запел,
Хотя ко помощи и тщетно музу просит.
Он в оде Кастора и Поллукса возносит,
Слагая оду, он довольно потерпел.
А об Уроде
Не много было в оде.
Урод его благодарит,
Однако за стихи скупенько он дарит
И говорит:
«Возьми задаток,
А с Кастора и Поллукса остаток,
Туда лежит твой след,
А ты останься здесь, дружочек, на обед,

Здесь будет у меня для дружества беседа,
Родня, друзья и каждый мой сосед».
Пируют
И рюмочки вина пииту тут даруют.
Пииты пьют
И в рюмки так вино, как и другие, льют.
Довольно там они бутылки полизали,
Но Симониду тут слуги сказали:
«Прихожие хотят с ним нечто говорить
И сверх того еще его благодарить».
За что, Пиит того не вспоминает,
Слуга не знает,
А он о Касторе и Поллуксе забыл,
Хотя и тот и тот перед дверями был.
«Пойди, — сказали те, — доколе дух твой в теле,
Пойди, любимец наш, пойди скорей отселе!»
Он с ними вышел вон
И слышит смертный стон:
Упал тот дом и сокрушился,
Хозяин живота беседою лишился,
Пошел на вечный сон,
Переломалися его господски кости,
Погиб он тут, его погибли с ним и гости.

ПИИТ И РАЗБОЙНИК

Пиита Ивика Разбойники убили,
А он вопил, когда они его губили:
«О небо, ты мой глас, о небо, ты внемли,
И буди судиею
Над жизнию моею!»
Он тако вопиял, толпой терзаем сею.
В тот самый час летели журавли.
Он вопил: «Вы моей свидетелями будьте
Кончины лютыя и не забудьте
Того, что я вещаю вам,
А я мой дух предам
В надежде сей богам
И душу испущу с небесныя границы».
Летят сии когда-то птицы.

Разбойник вспомнил то убийство и разбой,
Сказал товарищу, караемый судьбой,
Не мня, что их перехватают:
«Вот смерти Ивика свидетели летают!»

УЧИТЕЛЬ ПОЭЗИИ

Для рифмотворства
Потребно множество проворства,
И рифме завсегда хорошей должно быть,
Иль должно при стихах совсем ее забыть.
То можно доказати ясно:
О страсти некто пел,
В которой он кипел,
И думаючи, мня на рифмах петь согласно.
Любезная ему с усмешкой говорила
И будто как журила:
«Ты жарко в холоде к любви поешь маня,
А если станешь ты и впрямь любить меня,
Так рифмы позабудешь
И о любви вещать ты рифмами не будешь».
С поэзией любви судьба не разлучила,
Любовь
Воспламеняет кровь
И многих жаром сим стихи слагать учила.
А я скажу, что часто ведь и той
Любовь дорогой рыщет.
Разумный красотой
Скоряе всех певцов хорошу рифму сыщет,
Не станет он худые рифмы класть,
Любви и стихотворства сласть
Имеет над певцом неразделиму власть.

ТЩЕТНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Страшился я всегда любовных оку встреч
И тщился я свою свободу уберечь,
Чтоб сердце суетно любовью не зажечь.
Однако я не мог себя предостеречь:
Сложил Венерин сын колчан с крылатых плеч,

И стрелу он вонзил в меня, как острый меч,
Чтоб сим вонзеньем мог меня в беду вовлечь,
Приятные глаза, уста, приятна речь
Могли навек мое спокойствие пресечь,
Велели дням моим в лютейшей грусти течь
И прежде срока мне, горя, во гробе лечь.

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Единовластие прехвально,
А многовластие нахально.
Я это предложу
Во басенке, которую скажу.
При множестве хвостов, таская их повсюду,
Стоглавный был Дракон.
Согласья не было законов ниоткуду,
Глава главе тьму делает препон,
Хвосты, лежат они, ни в избу и ни вон,
Лежат они, куда занес Дракона сон.
При множестве хвостов, подобно как и он,
Единоглавый был Дракон,
Согласен был закон.
Я крепко в том стояти буду,
Что счастья...
И праведного там не может быть указа
Между людей,
Где равных множество владеющих судей.
Где много мамушек, так там дитя без глаза.
Не о невольниках я это говорю,
Но лишь о подданных во вольности царю.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк ел — не знаю, что, — и костью подавился,
Метался от тоски, и чуть он не вздурился.
Увидел журавля и слезно стал просить,
Чтоб он потщился в том ему помощник быть,
И всю он на него надежду полагает.
Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает

И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой спас злой его беды.
«Довольствуйся ты тем, — зверь хищный отвечает, —
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел».
Тот права честности немало собрегает,
Кто людям никогда худым не помогает.

МАСКАРАД

Брал мальчика отец с собою в маскарад,
А мальчик узнавать умел людей под маской
Пляской,
Какой бы кто ни вздел сокрыть себя наряд.
Неладно прыгая, всей тушей там тряхнулся,
Упал, расшиб он лоб, расквасил мозг, рехнулся,
Но выздоровел бы по-прежнему плясать,
Когда бы без ума не стал стихов писать.
Склад был безмерно гнусен,
Не видывал еще никто подобных врак.
О мальчик! узнавать ты был людей искусен,
Но знаешь ли теперь, что ты парнасский рак?
Ты в масках прежде знал людей по виду пляски,
А ныне сам себя не знаешь и без маски.
Брось музу, если быть не хочешь ты дурак.

СКАЗКА 1

Мужик у мужика украл с двора корову
И, в городе продав, камку себе купил.
Купил и к празднику скроил жене обнову.
С другого он двора быка себе стащил
И, ласку показав хозяюшке сугубу,
Сшил бострок, а теперь купил ей куныо шубу.
Молодка, на себя надев такой наряд,
Уж не работала, прелестна быть старалась
И двум детинушкам угодна показалась.
Они нечаянно нашли как будто клад.
Подпали молодцы, она не покрепилась.
На что же и наряд, когда бы не склонилась?
Один из них был тот, чей бык намнясь пропал,
Другой, — корова чья намнясь с двора пропала.
Молодка таинства в себе не удержала,
Как тот, так и другой про воровство спознал,
Перед судьею тать подробно обличился.
Не знал, как вышло то, однако повинился.
Побит. И велено, как суд определил,
Чтоб тотчас он быка с коровой заплатил.
Как не тужить ему? Он плакал без отрады,
Пришло на рынок несть все женины наряды.
«Не плачь, любезный муж, — речь женина была, —
Тебя мне только жаль, а я свое взяла».

<1755>

СКАЗКА 2

Жил некакий мужик гораздо неубого,
Всего, что надобно для дому, было много,
И, словом, то сказать: сыта была душа.
Хотя он был и стар, однако не скрепился
И в старости своей на девушке женился,
А девушка была гораздо хороша.
Ему понравилось при старости приятство,
А ей понравилось при младости богатство,
И так желанье их в один попало лад.
Женился старичок, хотя и невпопад.
Прискучилося ей и день и ночь быть с дедом,
И познакомилась молодушка с соседом.
Велела некогда, как куры станут петь,
Прийти молодчику повеселиться в клеть,
И, дав ему ключи, ждет полночи утешно.
Старик заснет, так ей всё будет беспомешно.
Пришел молодчик в клеть, а в тот же час на двор,
Как будто сговорясь, пришел за ним и вор,
И, как ни крался он, собаки забрехали,
Хоть двери вору в клеть войти не помешали.
Не надобен обух, замка на дверях нет.
Подумал молодец, что старый хрыч идет.
Насилу вспомнился, как выкрасться оттоле,
А выкравшись, бежал, как уж не можно боле.
Собаки лаяли. «Ах, жонушка, вставай, —
Муж старый говорил, — я слышу в доме лай.
Конечно, на дворе, моя голубка, воры».
Не нравны жонушке те были разговоры.
Она сердилася безмерно на собак
И мужу говоря: «Собаки лают так».
Заснул старик; своя молодке воля стала.
Вскочила, из избы как можно уплетала.
Вбежала в клеть, и в ней соседушка быть мнит,
И говорит ему: «Теперь мой старый спит,
Потешимся с тобою». Изрядные потехи!
Хозяйка вору красть не сделала помехи.
Она пошла назад, а вор пошел домой,
И что он захватил, то всё унес с собой,
И говорил себе: «Хотя мне это странно,
Однако в эту ночь я счастлив несказанно».

<1755>

ЭПИГРАММА

Разбойник некогда хранить устав свой клялся,
Чтоб первым не спускать, кто б встречу ни попался:
Такой у них устав издревле положе́н.
Ан, первый был отец разбойником встрече́н.
Злодей не тронут был отцовыми слезами:
Как клятву ту прейти? А жить не всем с отцами.
Зарезал и потом отважно говорил:
«Душа дороже мне, как мне отец ни мил!»

<1755>

ЭПИГРАММА

Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться,
И льзя ли унимать его ей укрепиться,
Когда он день и ночь без милости мотал?
Уж пол-имения ты, братец, проиграл,
Журила игрока сестра и вопрошала:
«Дождусь ли, чтоб тебе игра противна стала?»
Брат ей ответствовал: «Как станешь отставать,
Сестрица, от любви, закаюся играть,
И в постоянстве жить потом мы будем оба».
Сестра ему на то: «Мотать тебе до гроба!»

<1755>

ЭПИГРАММА

Клавина смолоду сияла красотою,
И многих молодцов она пленила тою,
Но как уже прошел сей век ея златой,
Она и в старости была всё в мысли той,
И что во младости хорошею казалась,
И, сморщася, всегда такою ж называлась,
За что ж ее никто хорошей не зовет?
И Нов-Город уж стар, а Новгород слывет.

<1756>

ЭПИГРАММА

Ты очень ей любим, она в твоей вся воле,
Да только тридцать есть, которых любит боле.

<1756>

ЭПИГРАММА

Она уже твоя, однако не навек:
Пока не встретится с ней кстати человек.

<1756>

ЭПИГРАММА

Знай, тебе я непременна:
Не была тобою, и не буду пленна.

<1756>

ЭПИГРАММА

За что неверною тебе я прослыла?
Я от рождения твоею не была.

<1756>

ЭПИГРАММА

Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала,
Так ищешь тут конца, где не было начала.

<1756>

ЭПИГРАММА

Всем сердцем я люблю и вся горю, любя,
Да только не тебя.

<1756>

ЭПИГРАММА

Милон на многи дни с женою разлучился,
Однако к ней еще проститься возвратился.
Она не чаяла при горести своей,
Что возвратится он опять так скоро к ней,
Хотя ей три часа казались за неделю,
И от тоски взяла другого на постелю.
Увидя гостя с ней, приезжий обомлел.
Жена вскричала: «Что ты, муж, оторопел?
Будь господин страстей и овладей собою;
Я телом только с ним, душа моя с тобою».

<1756>

ЭПИГРАММА

«Я обесчещена», — пришла просить вдова.
Однако знал судья, кто просит такова.
«Чем?» — спрашивал ее. — «Сегодня у соседа, —
Ответствовала та, — случилася беседа.
Тут гостья на меня так грубо солгала:
Уж ты-де во вдовстве четы́рех родила».
Судья ей говорил: «Плюнь на́ эту кручину;
Стал свет таков, всегда приложат половину».

<1756>

ЭПИГРАММА

Клеон при смерти был и был совсем готов
Пустить на небо дух, в подземный тело ров.
Друзья его пред ним писание вещали
И царствие ему небесно обещали.
«Готов ли ты?» — «Готов, я к раю приступил. . .
На брата только я прошенья не скрепил».

<1756>

ЭПИГРАММА

Построил ныне ты пространный госпиталь,
Достойно то хвалы, того лишь только жаль, —
Кого ограбил ты, все в оном быть те льстятся,
Что, бедные, они в нем все не уместятся.

<1756>

ЭПИГРАММА

Кто хвалит истину, достоин лютой казни;
Он в сердце к ближнему не чувствует приязни.
Какое в нем добро, коль так он хулит свет,
Хваля, чего нигде на полполушки нет?

<1756>

ЭПИГРАММА

Ты смирен, мой жених, осанист и прекрасен,
Со всеми ты своим молчанием согласен.
Однако за тебя не выйду я вовек:
Ты статуя, а мне потребен человек.

<1756>

ЭПИГРАММА

Не вознесемся мы великими чинами,
Когда сии чины не вознесутся нами.
Великий человек, великий господин,
Кто как ни думает, есть титул не один.

Епиграмма.

Ты туфли обругалъ, а ихъ бояря носятъ,
Бояря на тебя отмщенія въ томъ просятъ,
Бояря иль паны: зіяетъ всякой панъ,
Держа въ рукѣ большой Венгерскаго стаканъ,
Пышитъ и дуется отъ ярости безмѣрной,
И молитъ: отомстимъ скорѣй сей твари скверной,
Которая на нашъ востать дерзнула санъ,
И нагло плевелы отважилася сѣять.
Преступника въ куски уставъ велитъ изсѣчь,
А тѣло послѣ сжечь,
И сей негодный прахъ по воздуху развѣять.

* * * А. С

Великий господин — кто чин большой имеет,
Великий человек — кто много разумеет,
Локк не был господин великий в весь свой век,
Ни конь Калигулин — великий человек.

<1756>

ЭПИГРАММА

Пеняешь ты мне, муж, тебе-де муж постыл,
А был-де в женихах тебе он очень мил.
С кем я спрягалася, в том вижу то ж приятство:
Я шла не за тебя, но за твое богатство.

<1756>

* * *

Ты туфли обругал, а их бояря носят,
Бояря на тебя отмщения в том просят,
Бояря иль паны. Зияет всякий пан,
Держа в руке большой венгерского стакан,
Пышит и дуется от ярости безмерной
И вопит: «Отомстим скоряй сей твари скверной,
Которая на наш восстать дерзнула сан
И нагло плевелы отважилася сеять.
Преступника в куски устав велит иссечь,
А тело после сжечь
И сей негодный прах по воздуху развеять».

<1757>

ЭПИГРАММА

Два были человека
В несчастии все дни плачевнейшего века.
Метались помощи искать по всем местам,
Куда ни бегали, теряли время там.
Потом отчаянье их день и ночь терзало,
На всё дерзало.
Один бежал,
Схватил кинжал,

Вручил он душу богу,
И сделав сам себе к спокойствию дорогу.
Другой мучение до гроба умножал,
И бога всякий час злословил и дрожал;
Страшася тартара, покаялся при смерти.
Скажите, коего из сих двух взяли черти?

<1759>

ЭПИГРАММА

Нетрудно в мудреца безумца претворить,
Он вдруг начнет о всем разумно говорить:
Премудрость высшая в великом только чине.
Нося его овца, овца в златой овчине,
Когда воздастся честь Златого ей руна,
Тогда в премудрости прославится она.

<1759>

ЭПИГРАММА

Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку,
Рассказывая ей про свадебну науку.
Твердила: «Вытерпи, что ночь ни приключит.
Тебя опричь меня, мою любезну внуку,
При случае таком никто не поучит».
А внучка мыслила, целуя бабку в руку:
«Уж эту, бабушка, я вытерпела муку!»

<1759>

ЭПИГРАММА

Судьи приказных дел у нас не помечали,
Дьяки сей дар писать и взятки брать нашли,
Писать и брать они дворянство обучали,
Но мы учителей далеко превзошли!

<1759>

ЭПИГРАММА

Кто в чем когда-нибудь молвою возвышён,
Достоинством прямым нимало украшен.
Не дивно: похвала и похуленье в воле,
А разум не у всех, — глупцов на свете боле.

<1759>

ЭПИГРАММА

Пожалуй, не зови меня безверным боле
За то, что к вере я не причитаю врак;
Я верю божеству, покорен вышней воле
И верю я еще тому, что ты дурак.

<1759>

ЭПИГРАММА

Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке,
Иль на зеленой ветке?
Которые стихи приятнее текут?
Не те ль, которые приятностью влекут
И, шествуя в свободе,
В прекрасной простоте,
А не в сияющей притворной красоте,
Последуя природе,
Без бремени одежд, в прелестной наготе,
Не зная ни пустого звука,
Ни несогласна стука?
А к этому большой потребен смысл и труд.
Иль те, которые хоть разуму и дивны,
Но естеству противны?
Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут.

<1759>

ЭПИГРАММА

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

<1759>

ЭПИГРАММА

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году
Сто тысячей рублев сбирается доходу,
Честнóй ли человек подьячий тот иль вор?

<1759>

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ САМОЛЮБИЕ

С Нарциссом ты в одной судьбине,
Так будь Нарцисса ныне.
Да для чего ж?
Нарцисс вить был хорош,
Горя безумным жаром,
А ты дурна,
То даром,
Но <ты> в себя не меньше влюблена.

<1759>

ЭПИГРАММА

На что стояти мне, как будто пред богами,
Пред человеками, хотя они велят?
Полезно ль обществу, что ноги заболят?
Да я же головой тружусь, а не ногами.

<1760>

ЭПИГРАММА

По смерти Откупщик в подземную страну
Пришел пред Сатану,
И спрашивает он: «Скажи, мой друг сердечный,
Не можно ль откупить во аде муки вечной?
Как я на свете жил,
Всем сердцем я тебе и всей душой служил,
Пожалуй, дедушка, на откуп это внуку!
Я множил цену там, а здесь умножу муку».

<1760>

ЭПИГРАММА

Окончится ль когда парнасское роптанье?
Во драме скаредной явилось «Воспитанье»,
Явилося еще сложение потом:
Богини дыни жрут, Пегас стал, видно, хром,
А ныне этот конь, шатаяся, тупея,
Не скачет, не летит — ползет, тащит «Помпея».

<1774>

ЭПИГРАММА

Хотя, Марназов, ты и грешен,
Еще, однако, не повешен.
Но болен ты, лежа при смерти;
Так, видно, не палач возьмет тебя, да черти.

ЭПИГРАММА

Грабители кричат: «Бранит он нас!»
Грабители! Не трогаю я вас,
Не в злобе — в ревности к отечеству дух стонет;
А вас и Ювенал сатирою не тронет.
Тому, кто вор,
Какой стихи укор?
Ворам сатира то: веревка и топор.

ЭПИГРАММА

Младенец молоко у матери сосет,
И зá это он мать еще и больше любит;
За что же откупщик бесчестие несет,
Что он отечество сосет?
И он свою любовь к отечеству сугубит.
Младенец матери сосаньем не вредит,
Ни он отечества, что он его цедит.

ЭПИТАФИИ

ЭПИТАФИЯ

На месте сем лежит презнатный дворянин.
Был очень он богат, имел великий чин.
Что здесь ни сказано, всё сказано без лести?
Довольно ли того к его бессмертной чести?

<1755>

ЭПИТАФИЯ

Прохожий! Обща всем живущим часть моя:
Что ты, и я то был; ту будешь то, что я.

<1755>

ЭПИТАФИЯ

Два брата здесь лежат: один во весь свой век
Был честный, а притом несчастный человек.
Другой с бездельствами век прожил неразлучно
И жил по саму смерть свою благополучно.
Не воздан праведник, без казни умер плут, —
Конечно, будет нам еще по смерти суд.

<1756>

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит богатства собиратель,
Который одному богатству был приятель,
Он редко вспоминал, что жизнь его кратка,
И часто вспоминал, что жизнь его сладка.

Осталось на земли его богатство цело,
И съедено в земли его червями тело;
Им нужды нет, каков был прежде он богат.
И тако ничего не снес с собой во ад.

<1758>

ЭПИТАФИЯ

Мужик не позабудет,
Как кушал толокно,
И посажён хоть будет
За красное сукно.

<1759>

ЭПИТАФИЯ

На месте сем лежит безмерно муж велик,
А именно зловредный откупщик.
Реками золото ему стекалось ко́ рту
И, душу озлатив, послало душу к черту.

<1760>

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер,
Который пел, не знав галиматии́ мер.
Великого воспеть он мужа устремился:
Отважился, дерзнул, запел — и осрамился,
Оставив по себе потомству вечный смех.
Он море обещал, а вылилася лужа.
Прохожий! Возгласи к душе им пета мужа:
Великая душа, прости вралю сей грех!

1761(?)

ЭПИТАФИЯ

Подьячий здесь зарыт, нашел который клад;
У бедных он людей пожитков поубавил,
Однако ничего не снес с собой во ад,
Но всё имение на кабаке оставил.

* * *

Благополучны дни
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами:
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи
Увеселяют нас;
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,
Мы золотые веки
Тщимся возобновить,

Ты нас, любовь, прости,
Нимфы твои прекрасны
Стрелы свои внести
В наши пиры не властны;
Ты утех не умножишь
В братстве у нас, любовь,
Только лишь востревожишь
Ревностью дружню кровь.

Только не верь тому,
Что мы твои злодеи:
Сродны ли те уму,
Чистым сердцам затеи?
Мы, приобщая мира
Сладости дар себе,
Только пойдем из пира
Подданны все тебе.

1730-е годы

* * *

О места, места драгие!
Вы уже немилы мне.
　　Я любезного не вижу
　　В сей прекрасной стороне.
　　Он от глаз моих сокрылся,
　　Я осталася страдать
　　И, стеня, не о любезном —
　　О неверном воздыхать.

Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
　　И, отнявши все утехи,
　　Лишь одну оставил страсть.
　　Из очей моих лиется
　　Завсегда слез горьких ток,
　　Что лишил меня свободы
　　И забав любовных рок.

По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,

Как ты клялся быть мне верен,
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкий ветер пролетел,
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю, взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я,
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя!

Мне забыть его не можно
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, всё мне мил.
Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Воображается всегда.

Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть,
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей.

О свидетели в любови
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,
Что, лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!

Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И троний его тем слух.

1740-е годы

* * *

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую льзя сыскать.

<1755>

* * *

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на́ вечер сегодни в лесок меня звала.

О темные дубровы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою.
Под вашими листами я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди, скоряе, ненадобный мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень.
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

<1755>

* * *

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На брегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец, —
Девка говорила, —
Дай мне встать пасти овец, —
Много раз твердила, —
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне пасти стадо».

«Закричу», — стращает вслух.
Дерзкий не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит.
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю,
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
Ай, ай, ай! — знать, они дралися.

<1755>

* * *

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
И вся моя тобой утеха отнята.
Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
Против меня совсем ты стала уж не та.

Мой стон и грусти люты
Вообрази себе
И вспомни те минуты,
Как был я мил тебе.

Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
Все нежности они на память приведут.
Где радости мои? Где страсть твоя девалась?
Прошли и ввек ко мне обратно не придут.

Настала жизнь другая;
Но ждал ли я такой?
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался,
Началом было то, что муки я терплю,
Несчастнее еще, что я тобой прельщался,
Несчастнее всего, что я тебя люблю.

Сама воспламенила
Мою ты хладну кровь.
За что ж ты пременила
В недружество любовь?

Но в пенях пользы нет, что я, лишась свободы,
И радостей лишен, едину страсть храня.
На что изобличать — бессильны все довóды,
Коль более уже не любишь ты меня.

Уж ты и то забыла,
Мои в плен мысли взяв,
Как ты меня любила,
И время тех забав.

<1759>

* * *

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утехи в горесть обратил;
И, к лютейшей муке, ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Воображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

<1759>

ПЕСНЯ

Ты сердце полонила,
Надежду подала
И то переменила,
Надежду отняла.
Лишаяся приязни,
Я всё тобой гублю.
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу —
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

<1760>

ПЕСЕНКА

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Где делись цуки,
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пруд в вертограде,
Сава во аде.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

<1760>

* * *

Где ни гуляю, ни хожу,
Грусть превеликую терплю;
Скучно мне, где я ни сижу,
Лягу, спокойно я не сплю;
Нет мне веселья никогда,
Горько мне, горько завсегда,
Сердце мое тоска щемит,
С грусти без памяти бегу;
Грудь по тебе моя болит,
Вся по тебе я немогу;
Ты завсегда в моих глазах,
Я по тебе всегда в слезах, —
То ли не лютая беда!
То ль не увечье мне, младой!
Плачу я, мучуся всегда,
Вижу тебя я и во сне:
Ты, мою молодость круша,
Сделался мил мне, как душа;
Ты приволок меня к себе,
Ты и любить меня взманил,
Так ли мила я и тебе,
Так ли ты тужишь обо мне;
Весел ли ты, когда со мной,
Рад ли, что виделся с младой.
Сем-ка сплету себе венок
Я из лазуревых цветов,
Брошу на чистый я поток,
Сведать, мой миленький каков,

Тужит ли в той он стороне,
Часто ли мыслит обо мне.
Тонет ли, тонет ли венок,
Или он поверху плывет,
Любит ли, любит ли дружок,
Иль не в любви со мной живет;
Любит ли он, как я его,
Меньше иль вовсе ничего;
Вижу, венок пошел на дно,
Вижу, венок мой потонул:
Знать, на уме у нас одно,
Знать, о мне миленький вздохнул;
Стала теперь я весела:
Знать, что и я ему мила.

<1765>

* * *

О ты, крепкий, крепкий Бе́ндер-град,
О разумный, храбрый Панин-граф!
Ждет Европа чуда славного,
Ждет Россия славы новыя:
Царь турецкий и не думает,
Чтобы Бендер было взяти льзя.
Петр Великий, храбрый мудрый Петр
Дал Петру свой ум и мужество,
И устами самодержицы,
Щедрой, мудрой и великия,
Говорит он графу Панину:
«Не был город Бендер взят никем;
Вижу града стены крепкие,
Вижу множество турецких войск;
Здесь число войск русских малое,
Да в тебе душа великая,
Покажите вы величество
Чад и матери империи,
Будьте славой самодержице,
Будьте пользою отечеству».
Панин на́ это ответствует
От Невы пришедшу голосу:
«Я клянуся перед воинством:

Град возьму, или умру под ним;
Увенчаемся здесь лаврами,
Иль падем под кипарисами».
Слышен голос войска храброго:
«Град возьмем, иль все помрем с тобой».
Наступил уже решенья час,
Приближается ночь темная,
Скрылось солнце в море бурное,
Из-за леса не взошла луна,
Не мешает небо мрачное.
Войска двинулись ко Бендеру,
Загремели громы страшные,
Заблистали светлы молнии,
Зашумели войска русские,
Затряслися стены градские,
Зажигается селение,
Разгораются все здания.
Панин, Панин, то исполнил ты,
В чем ты клялся перед воинством:
Стонут, стонут побежденные,
Торжествуют победители.
Славься, славься, государыня!
Славься, Панин! Славься, воинство!

<1770>

* * *

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
    Хоть бы он меня и пуще стал губить,
    Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

<1770>

* * *

В роще девки гуляли
    Калина ли моя, малина ли моя!
И весну прославляли.
    Калина и пр.
Девку горесть морила,
    Калина и пр.
Девка тут говорила:
    Калина и пр.
«Я лишилася друга.
    Калина и пр.
Вянь, трава чиста луга,
    Калина и пр.
Не всходи, месяц ясный,
    Калина и пр.
Не свети ты, день красный,
    Калина и пр.
Не плещите вы, воды!
    Калина и пр.
Не пойду в короводы,
    Калина и пр.
Не нарву я цветочков,
    Калина и пр.
Не сплету я веночков.
    Калина и пр.
Я веселья не знаю,
    Калина и пр.
Друг, тебя вспоминаю
    Калина и пр.
Я и денно и ночно.
    Калина и пр.
В день и в ночь сердцу тошно.
    Калина и пр.

Я любила сердечно
Калина и пр.
И любить буду вечно.
Калина и пр.
Сыщешь ты дорогую,
Калина и пр.
Отлучився — другую
Калина и пр.
Сыщешь милу, прекрасну
Калина и пр.
И забудешь несчастну.
Калина и пр.
Та прекраснее будет,
Калина и пр.
Да тебя позабудет.
Калина и пр.
Ах, а я не забуду,
Калина и пр.
Сколько жить я ни буду.
Калина и пр.
Не пойдут быстры реки
Калина и пр.
Ко источнику ввеки.
Калина и пр.
Так и мне неудобно
Калина и пр.
Быть неверной подобно».
Калина и пр.

* * *

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки,
Не беда.
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
Завсегда.
Сколько на́ небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных.
Вить не впрямь об вас вздыхают,
Всё один обман.

* * *

Лжи на свете нет меры,
То ж лукавство да то ж.
Где ни ступишь, тут ложь;
Скроюсь вечно в пещеры,
В мир не помня дверей:
Люди зляе зверей.

Я сокроюсь от мира,
В мире дружба — лишь лесть
И притворная честь;
И под видом зефира
Скрыта злоба и яд,
В райском образе ад.

В нем крючок богатится,
Правду в рынок нося
И законы кося;
Льстец у бар там лестится,
Припадая к ногам,
Их подобя богам.

Там Кащей горько плачет:
«Кожу, кожу дерут!»
Долг с Кащея берут;
Он мешки в стену прячет,
А лишась тех вещей,
Стонет, стонет Кащей.

* * *

Всего на свете боле
Страшитесь докторов,
Ланцеты все в их воле,
Хоть нет и топоров.

Не можно смертных рода
От лавок их оттерть,
На их торговлю мода,
В их лавках жизнь и смерть.

Лишь только жизни вечной
Они не продают.
А жизни скоротечной
Купи хотя сто пуд.
Не можно смертных и проч.
Их меньше гривны точка
В продаже николи,
Их рукописи строчка
Ценою два рубли.
Не можно смертных и проч.

* * *

Если девушки метрессы,
Бросим мудрости умы;
Если девушки тигрессы,
Будем тигры так и мы.

Как любиться в жизни сладко,
Ревновать толико гадко,
Только крив ревнивых путь,
Их нетрудно обмануть.

У муринов в государстве
Жаркий обладает юг.
Жар любви во всяком царстве,
Любится земной весь круг.

* * *

Трепещет и рвется,
Страдает и стонет.
Он верного друга,
На брег сей попадша,
Желает объяти,
Желает избавить,
Желает умреть!

Лицо его бледно,
Глаза утомленны;
Бессильствуя молвить,
Вздыхает лишь он!

ХОР САТИР

В сырны дни мы примечали
Три дни и три ночи на рынке.
Никого мы не встречали,
Кто б не коснулся хмеля крынке.
В сырны дни мы примечали:
Шум блистает,
Шаль мотает,
Дурь летает,
Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся, как собаки.
Примиритесь!
Рыла жалейте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Пьяные люди,
Не деритесь!

Конец 1762—январь 1763

ХОР ПЬЯНИЦ

Двоеныя водки, водки скляница!
О Бахус, о Бахус, горький пьяница,
Просим, молим вас,
Утешайте нас.
Отечеству служим мы более всех,

И более всех
Достойны утех:
Всяк час возвращаем кабацкий мы сбор
Под вирь-вирь-вирь, дон-дон-дон, протчи службы вздор.

Конец 1762—январь 1763

ХОР К ОБМАНУ

Пусть мошенник шарит, невелико дело;
Срезана мошонка, государство цело,
Тал лал ла-ла, ра-ра,
Плутишку он пара.

К ябеде приказный устремлен догадкой,
Правду гонит люто крючкотворец гадкой,
Тал лал ла ла ра ра,
И плуту он пара.

Откупщик усердный на Руси народу
В прибыль государству откупает воду,
Тал лал ла ла ра ра,
Плутищу он пара.

К общу благоденству кто прервет дороги,
Ежели приставить ко лбу только роги,
Тал лал ла ла ра ра,
Он дьяволу пара.

Конец 1762—январь 1763

ХОР НЕВЕЖЕСТВА

То же всё в ученой роже,
То же в мудрой коже:
Мы полезного желаем,
А на вред ученья лаем;
Прочь и аз и буки,
Прочь и все литеры с ряда;
Грамота, науки
Вышли в мир из ада.
Лучше жити без заботы,
Убегать работы;

Лучше есть, и пить, и спати,
Нежели в уме копати.
    Трудны к тем хоромам
В гору от земли подъезды,
    В коих астрономам
    Пялиться на звезды.

Конец 1762—январь 1763

ХОР КО МЗДОИМСТВУ

Если староста бездельник, так и земский плут,
И совсем они забыли, что ременный жгут.
    «Взятки в жизни красота,
    Слаще меда и сота».

Так-то крючкотворец мелет,
Как на взятки крюком целит;
Так-то староста богатый,
Сельской насыщаясь платой.

    Так их весь содом:
Крючкотворцова жена
Такова же сатана,
А от эдакой наседки
Таковые же и детки;
С сими тварьми одинаки
Батраки их и собаки;
    Весь таков их дом.

Конец 1762—январь 1763

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Приплыла к нам на берег собака
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Прилетел оттоль и соловейка.
Спрашивали гостью приезжу,
За морем какие обряды.

Гостья приезжа отвечала:
«Многое хулы там достойно.
Я бы рассказати то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я пети не желаю,
Только на пороки я полаю».
Соловей, давай и ты оброки,
Просвищи заморские пороки.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.

Конец 1762—январь 1763

ДРУГОЙ ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
«Всё там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь <не> видаем,
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят,
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят,
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют.
За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
«Завтрем» там истца не питают.

За морем почетные люди
Шеи назад не загибают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут,
Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем старухи не брюзгливы,
Четок они хотя не носят,
Добрых людей не злословят.
За морем противно указу
Росту заказного не емлют.
За морем пошлины не крадут.
В церкви за морем кокетки
Бредить, колобродить не ездят.
За морем бездельник не входит
В домы, где добрые люди.
За морем людей не смучают,
Сору из избы не выносят.
За морем ума не пропивают;
Сильные бессильных там не давят;
Пред больших бояр лампад не ставят,
Все дворянски дети там во школах,
Их отцы и сами учились;
Учатся за морем и девки;
За морем того не болтают:
Девушке-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяна да белилы.
Там язык отцовский не в презреньи;
Только в презреньи те невежи,
Кои свой язык уничтожают,
Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом некстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят.
Вздору там ораторы не мелют;
Стихотворцы вирши не кропают;
Мысли у писателей там ясны,
Речи у слагателей согласны:
За морем невежа не пишет,
Критика злобой не дышит;

Ябеды за морем не знают,
Лучше там достоинство — наука,
Лучше приказного крюка.
Хитрости свободны там почтенней,
Нежели дьячьи закрепы,
Нежели выписки и справки,
Нежели невнятные экстракты.
Там купец — купец, а не обманщик.
Гордости за морем не терпят,
Лести за морем не слышно,
Подлости за морем не видно.
Ложь там — велико беззаконье.
За морем нет тунеядцев.
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работящий там крестьянин,
Нежель господин тунеядец;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежели парик на болване.
За морем почтеннее свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы,
За морем не любятся за деньги:
Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой.
Пьяные по улицам не ходят,
И людей на улицах не режут».

Конец 1762—январь 1763

ХОР КО ГОРДОСТИ

Гордость и тщеславие выдумал бес.
Шерин да берин, лис тра фа,
Фар, фар, фар, фар, люди, ер, арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.

Сатана за гордость низвержен с небес.
Шерин да берин, лис тра фа,

Фар, фар, фар, фар, люди, ер, арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.

Конец 1762—январь 1763

ХОР ИГРОКОВ

Подайте картежникам милостинку:
Черви, бубны, вины, жлуди всех нас разорили
И, лишив нас пропитанья, гладом поморили.

Конец 1762—январь 1763

ХОР КО ЗЛАТОМУ ВЕКУ

Блаженны времена настали
И истины лучом Россию облистали,
Подсолнечна, внемли!
Астрея на земли,
Астрея во странах Российских водворилась,
Астрея воцарилась.
Рок щедрый рек:
«Настани россам ты, златой желанный век,
И се струи российских рек,
Во удивление соседом,
Млеком текут и медом».

Конец 1762—январь 1763

ХОР К ПАРНАСУ

Лейтесь, токи Иппокрены,
Вы с Парнасския горы!
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями,
Кои Греция пила,
И, имея на престоле
Вы Афинскую богиню,
Будьте афиняня вы!

Конец 1762—январь 1763

ХОР К МИНЕРВЕ

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здесь,
Воздух, и земля, и воды!
Веселитеся, народы!
Матерь ваша, россы, вам
Затворила Яна храм.
О Церера, и Помона, и прекрасна Флора!
Получайте днесь,
Получайте здесь
Без препятства дар солнечного взора!
О душевна красота,
Жизни сей утеха, жизни сей отрада,
Раствори врата
Храма своего, Паллада!

Конец 1762—январь 1763

* * *

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
<Ах>, изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь <мою> зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.

Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.
Или ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о, увы, моих злых бед!
Хоть, Климена, исподтиха покажи мне склонный вид
И не делай больше сердцу преобидных ты обид!

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить, ся не губя.

<1750>

* * *

О приятное приятство!
Ти даюсь сама я в власть,
Всё в тебе я зрю изрядство,
Тщусь сама ся дать, ах! в страсть.

Я таилася не ложно,
 Но, однак, открылась ти.
Весь мой дух за невозможно
 Ставит пламени уйти.

О, восхить его, восхити
 Больш еще, любви божок.
Станем друг друга любити,
 О мой слатенький дружок!
Прочь от мя ушла свобода,
 Мой сбег с ней прочь, о! и нрав.
Прочь, любовная невзгода,
 О любезный, будь мой здрав.

Как синицы-птички нежно
 Между любятся собой,
Их любовь как с счастьем смежно
 В драгости живет самой;
В летах так с тобой мы красных,
 И седин мы до своих,
И в сединах желтоясных,
 В мыслях станем жить одних.

Мне зело ты преприятен
 И зело, ах! мя зажег.
Твой ли жар уж весь понятен,
 В том ти сердце вот в залог.
Ты ж не страждь уж больш так ныне,
 Утирая милу бровь,
Будь всегда всё в благостыне,
 Бречь, о, станем, ах, любовь!

Начало 1750-х годов(?)

СОНЕТ,
НАРОЧИТО СОЧИНЕННЫЙ ДУРНЫМ СКЛАДОМ

Вид, богиня, твой всегда очень всем весь нравный,
Уязвляет, оный бы ни увидел кто.
Изо всех красот везде он всегда есть славный,
Говорю без лести я предо всеми то.

Всяко се наряд твой есть весь чистоприправный,
А хотя же твой убор был бы и ничто,
Был, однак, бы на тебе злату он не равный,
Раз бы адаманта был драгоценней сто.

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одета ты иль хотя убого.
Полюби же ты меня, ах! немного хоть.
Объяви, прекрасна бровь, о любви всей прямо,
И на час ко мне хотя, о богиня, подь
Иль позволь прийти к себе поклониться тамо.

<1755>

ДИФИРАМБ

Позволь, великий Бахус, нынь
Направити гремящу лиру
И во священном мне восторге
Тебе воспеть похвальну песнь!

Внемли, вселенная, мой глас,
Леса, дубровы, горы, реки,
Луга, и степь, и тучны нивы,
И ты, пространный океан!

Тобой стал новый я Орфей!
Сбегайтеся на глас мой, звери,
Слетайтеся ко гласу, птицы,
Сплывайтесь, рыбы, к верху вод!

Крепчайших вин горю в жару,
Во исступлении пылаю:
В лучах мой ум блистает солнца,
Усугубляя силу их.

Прекрасное светило дня
От огненныя колесницы
В Рифейски горы мещет искры,
И растопляется металл.

Трепещет яростный Плутон,
Главу во мраке сокрывает:

Из ада серебро лиется,
И золото оттоль течет.

Уже стал таять вечный лед,
Судам дорогу отверзая:
На севере я вижу полдень,
У Колы — Флору на лугах.

Богини, кою Актеон
Узрел, несчастливый, нагую,
Любезный брат! о сын Латоны!
Любовник Дафны! жги эфир!

А ты, о Семелеин сын,
Помчи меня к Каспийску морю!
Я Волгу обращу к вершине
И, утомленный, лягу спать!

<1759>

ОДА ВЗДОРНАЯ I

Превыше звезд, луны и солнца
В восторге возлетаю нынь,
Из горних областей взираю
На полуночный океан.
С волнами волны там воюют,
Там вихри с вихрями дерутся
И пену плещут в облака;
Льды вечные стремятся в тучи
И их угрюмость раздирают
В безмерной ярости своей.

Корабль шумящими горами
Подъемлется на небеса;
Там громы в громы ударяют
И не целуют тишины;
Уста горящих тамо молний
Не упиваются росою
И опаляют весь лазурь;
Борей замерзлыми руками

Из бездны китов извлекает
И злобно ими в твердь разит.

Возникни, лира, вознесися,
Греми во всех концах земли
И песнию великолепной
Умножи славу ты мою!
Эол, пусти на волю ветры
И возложи мои ты мысли
На буреносны крылья их!
Помчуся по всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь эфир.

Не сплю, но в бодрой я дремоте
И наяву зрю страшный сон.
Нептун из пропастей выходит,
Со влас его валы текут,
Главою небесам касаясь,
Пучины топчет пирамид;
Где только ступит, тамо ров.
Под тяжкою его пятою
Свирепы волны раздаются,
Чудовищи ко дну бегут.

Как если я того достоин,
Скажи мне, о Сатурнов сын!
Почто оставил ты чертоги
И глубину ревущих вод?
Отверз уста правитель моря —
Стократ сильняе стала буря,
И океан вострепетал;
Леса и горы затрещали,
Брега морские затряслися,
И устрашился сам Зевес.

«Твоею лирой насладиться
Я вышел из пучинных недр;
Поставь Фебанские ты стены
На мразных северных брегах;
Твои великолепны песни
Подобны песням Амфиона;

Не медли, зижди новый град
И украси храм музам пышно
Мусией, бисером и златом». —
Он рек и скрылся в бездне вод.

<1759>

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мещет из средины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаэтон,
Нептун державу покидает
И в бездне повергает трон;
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей, озлясь, ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшися, другою —
Во грозный льдистый океан.
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

<1759>

ОДА ВЗДОРНАЯ III

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верхах Парнасских, быстры реки,
Цветов царицу вы навеки
Взнесите шумно в небеса!
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы!
Моря, внимайте, и леса!

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мещет, —
К Юпитеру отверзти дверь;
Кавказ на Этну становится,
В сей час со громом гром сразится,
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед.

Пекин горит, и Рим пылает,
О светской славы суета!
Троянски стены огнь терзает,
О вы, ужасные места!
Нынь вся вселенна загорелась,
Вспылала, только лишь затлелась,
Всю землю покрывает дым;
Нарцисс любуется собою
Так, Роза, как Зефир тобою.
Пылай, великолепный Рим!

Мятутся ныне все планеты,
И льва пресильною рукой
Свергаются с небес кометы, —
Премены ждал ли кто такой?
Великий Аполлон мятется,
Что лира в руки отдается
Орфею, Амфиону нынь.

Леса, сей песнью наслаждайтесь,
Высоки стены, созидайтесь,
В эфире лед вечный синь.

В безоблачной стране несуся,
Напившись иппокренских вод,
И, их напившися, трясуся,
Производитель громких од!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы,
О Бахус, та ль награда мне?
Орфей, ты больше не трясися;
Возникни, муза, вознесися,
Греми в безоблачной стране!

Род смертных, Пиндара высока
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предальных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор.
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор.
Из ада вижу Италúю,
Кастильски воды, Остиндúю,
Амур-реку и вечный лед
Прощай, Плутонова держава:
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего миляй, мой свет!

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,

Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, муза, и греми!

О Роза, я пою мятежно,
Согласия в сей оде нет.
Целуйся ты с Зефиром нежно,
Но помни то, что я поэт;
Как если ты сие забудешь,
Ты ввек моей злодейкой будешь;
Не стану я хвалить тебя;
А кто поэта раздражает,
Велико войско воружает
Против несчастного себя!

<1759>

ДИФИРАМВ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочешь быти славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
Гремите, музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса,
Дави эфирными брегами
И бурными попри ногами
Моря, и горы, и леса!

Атлант горит, Кавказ пылает
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает,
Геенна льется из него;
Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тьмится,
От грома в гром, удар в удар.
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжкой Этной стонет,
На вечных лютых льдах пожар.

Тела, в песке лежащи сером,
Проснулись от огромных слов;
Пентезилея с Агасфером
Выходят бодро из гробов,
И более они не дремлют,
Но бдя, музыки ревы внемлют:
Встал Сиф, Сим, Хам, Нин, Кир, Рем, Ян;
Цербера песнь изобразилась;
Луна с светилом дня сразилась,
И льется крови океан.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум;
Пегасу лавры соплетаю,
С предсердьем напрягая ум.
Пегас летит, как Вещий Бурка,
И удивляет перса, турка;
Дивится хинец, готтентот;
Чудится Пор, герой индеян,
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь восходит из-под бедр,
Открыл свои пермесски зубы,
И гриву раздувает ветр;
Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет.
Поверглись горы, стонет лес,
Воздвиглась сильна буря в понте;
Встал треск и блеск на горизонте,
Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком
Вознесся к дну морских я вод,
И в утоплении высоком
Низвергся я в небесный свод,
И, быстротечно мчася вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море,
Но скрылся конь от встречных глаз;
Куда герой крылатый скрылся?

Не в дальних ли звездах зарылся?
В подземных пропастях Пегас.

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никоему коню не вместны,
Себе поставил олтари,
Во мраке непрестанной тени
Металлы пали на колени
Пред холкой движного коня;
Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мещет
И ужасается, стеня.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он.
О конь, о конь пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлостный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном:
«Да здравствует пернатый тигр!»

<1766>

СТИХИ ИВАНУ АФАНАСЬЕВИЧУ ДМИТРЕВСКОМУ

Дмитревский, что я зрел! Колико я смущался,
Когда в тебе Синав несчастный унывал!
Я все его беды своими называл,
Твоею страстию встревожен, восхищался,
И купно я с тобой любил и уповал.
Как был Ильменой ты смущен неизреченно,
Так было и мое тем чувство огорченно.
Ты страсти все свои во мне производил:
Ты вел меня с собой из страха в упованье,
Из ярости в любовь и из любви в стенанье;
Ты к сердцу новые дороги находил.
Твой голос, и лицо, и стан согласны были,
Да, зрителя тронўв, в нем сердце воспалить.
Твой плач все зрители слезами заплатили,
И, плача, все тебя старалися хвалить.
Искусство с естеством в тебе совокупленны
Производили в нас движения сердец.
Ах, как тобою мы остались исступленны!
Мы в мысли все тебе готовили венец:
Ты тщился всех пленить, и все тобою пленны.

1757(?)

АПРЕЛЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО

Апреля в первый день обман,
Забава общая в народе,
На выдумки лукавить дан,
Нагая правда в нем не в моде,

И всё обманом заросло
Апреля в первое число.

Одни шлют радостную весть,
Друзей к досаде утешают,
Другие лгут и чем ни есть
Друзей к досаде устрашают.
Лукавство враки принесло
Апреля в первое число.

На что сей только день один
Обмана праздником уставлен?
Без самых малых он причин
Излишне столько препрославлен,
Весь год такое ремесло,
Так целый год сие число.

<1759>

СПРАВКА

Запрос

Потребна в протокол порядочная справка,
Имеет в оном быть казенный интерес,
Понеже выпала казенная булавка;
Какой по описи булавки оной вес,
Железо или медь в булавке той пропала,
В котором именно году она упала,
В котором месяце, которого числа.
Которым и часом, которою минутой,
Казенный был ущерб булавки помянутой?

Ответ

Я знаю только то, что ты глупяй осла.

<1759>

МОРЕ И ВЕЧНОСТЬ

Впадете вскоре,
О невские струи, в пространное вы море,
Пройдете навсегда,
Не возвратитеся из моря никогда, —

Так наши к вечности судьбина дни преводит,
И так оттоле жизнь обратно не приходит.

<1759>

СЛАВА

Вспоминай, о человек,
Что твой недолог век!
Минется честь, богатство и забава,
Останется одна твоя на свете слава.

<1759>

НЕДОСТАТОК ИЗОБРАЖЕНИЯ

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает;
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувствие изображает,
Горячую имея кровь.
Царица муз, любовь!
Парнасским жителем назваться я не смею.
Я сладости твои почувствовать умею;
Но, что я чувствую, когда скажу, — солгу,
А точно вымолвить об этом не могу.

<1759>

РАССТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли
Во время пущего я жара моего,
И не взойду по смерть я больше на него, —
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.

<1759>

СТИХИ г. ХИРУРГУ ВУЛЬФУ

Во аде злобою смерть люта воспылала,
И две болезни вдруг оттоль она послала,
Единой — дочери моей вон дух извлечь,
Другою — матери ея живот пресечь.
На вспоможение пришел ко мне разитель,
Искусный горести моей преобразитель.
Болезнь он матери одним ударом сшиб,
И жар болезни сей погиб.
Другая, разъярясь, жесточе закипела,
И противление недвижима терпела.
Потом напасть моя готова уж была,
Приближилася смерть и косу подняла,
Как гидра, зашипела,
А я вскричал: «Прости, любезна дочь моя!»
Вульф бросился на смерть и поразил ея.

<1760>

ЦИДУЛКА
К ДЕТЯМ ПОКОЙНОГО ПРОФЕССОРА КРАШЕНИННИКОВА

Несчастного отца несчастнейшие дети,
Которыми злой рок потщился овладети!
Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек,
По гербу вы бы рцы с большим писали крюком,
В котором состоят подьячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы,
И статься бы могло, что б ездили вы цуком,
Потом бы стали вы большие господа;
Однако бы блюли подьячески порядки
И без стыда
Со всех бы брали взятки,
А нам бы сделали пуд тысячу вреда.

<1760>

СОН

Как будто наяву,
Я видел сон дурацкий:
Пришел посадский,

На откуп у судьи взять хочет он Неву
И петербургски все текущие с ней реки.
Мне
То было странно и во сне;
Такой диковинки не слыхано вовеки.
Судья ответствовал: «Потщися претворить,
Искусный альхимист, во злато воду,
Да только б сим питьем людей не поморить!
А впрочем, я хвалю гораздо эту моду
И вижу, что ты друг российскому народу».

<1760>

ВЫВЕСКА

В сем доме жительство имеет писарь Сава.
Простерлася его по всей России слава.
Вдовы и сироты всеместно это врут,
Что он слезами их себе наполнил пруд
И рек пруда ко украшенью
И плачущих ко утешенью:
«Да будет огород у сих моих палат!»
И стал на месте сем великий вертоград.

<1760>

ЕРМОЛКА

Недавно воровать Ермолке запретили,
Да кражи никакой с него не возвратили.
Ермолка мой покойно спит,
На что ему обед? Уже Ермолка сыт.
Ермолка мой за плутни не повешен.
А сверх того Ермолка и не грешен.
Покаялся пред богом он,
А денег у себя имеет миллион,
И златорунный стал ягненок он из волка.
О небо! Кто же вор, когда не вор Ермолка,
И можно ль истину на свете утвердить,
Коль можешь ты Ермолку пощадить?

<1760>

ОТ АВТОРА ТРАГЕДИИ „СИНАВА И ТРУВОРА“ ТАТИАНЕ МИХАЙЛОВНЕ ТРОЕПОЛЬСКОЙ,
АКТРИСЕ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЛЬМЕНЫ НОЯБРЯ 16 ДНЯ 1766 ГОДА

Не похвалу тебе стихами соплетаю,
Ниже́, прельщен тобой, к тебе в любви я таю,
Ниже́ на Геликон ласкати возлетаю,
Ниже́ ко похвале я зрителей влеку,
Ни к утверждению их плеска я теку, —
Едину истину я только изреку.
Достойно росскую Ильмену ты сыграла:
Россия на нее, слез ток лия, взирала,
И зрела, как она, страдая, умирала.
Пуская Дми́тревский вздыхание и стон,
Явил Петрополю красы котурна он:
Проснулся и пришел на Невский брег Барон,
А ты, с приятностью прелестныя Венеры,
Стремяся превзойти похвал народных меры,
Достигни имени преславной Лекуврерьі.

Между 16 и 26 ноября 1766

ПИСЬМО КО КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ,
СЫНУ КНЯЗЯ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА

Примаюсь за перо, рука моя дрожит,
И муза от меня с спокойствием бежит.
Везде места зрю рая.
И рощи, и луга, и нивы здесь, играя,
Стремятся веселить прельщенный ими взгляд,
Но превращаются они всяк час во ад.
Блаженство на крылах зефиров отлетает,
На нивах, на лугах неправда обитает,
И вырвалась тяжба́ их тягостных оков.
Церера мещет серп и горесть изъявляет,
Помона ягоды неспелы оставляет,
И удаляется и Флора от лугов.
Репейник там растет, где было место крина.
О боже, если бы была Екатерина

Всевидица! Так ты где б делся, толк судей,
Гонящих без вины законами людей?
Законы для того ль, чтоб правда процветала
Или чтоб ложь когда святою ложью стала?
Утопли правости в умедленном ответе.
Такая истина бывала ли на свете?
Кричат: «Закон! закон!»
Но исправляется каким порядком он?
Одна хранится форма
Подьячим для прокорма,
И приключается невинным людям стон.
Я прав по совести, и винен я по делу,
Внимать так льзя ль улику замерзелу?
Такую злу мечту, такой несвязный сон?
Закон тот празен,
Который с совестью и с истиною разен.
По окончании суда
Похвален ли судья, коль скажет он тогда:
«Я знаю, что ты прав, и вижу это ясно,
Что мною обвинен и гибнешь ты напрасно,
Но мной учинено то, форму сохраня,
Так ты не обвиняй закона, ни меня!»
Бывает ли кисель в хорошей форме гнусен?
Кисель не формой вкусен.
Я зрю, невозвратим уже златой к нам век.
О небо! На сие ль созижден человек,
Дабы во всякую минуту он крушился
И чтоб терпения и памяти лишился,
Повсюду испуская стон,
И места б не имел убежищем к отраде?
Покоя нет нигде, ни в поле, ни во граде.
Взошло невежество на самый Геликон
И полномочие и тамо изливает.
Храм мудрых муз оно безумством покрывает.
Благополучен там несмысленный творец,
Языка своего и разума борец,
За иппокренскую болотну пьющий воду,
Не чтущий никакой разумной книги сроду.
Пиитов сих ума ничто не помутит,
Безмозгла саранча без разума летит.
Такой пиит не мыслит,
Лишь только слоги числит.

Когда погибла мысль, другую он возьмет.
Ведь разума и в сей, как во погибшей, нет,
И всё ему равно прелестно;
Колико б ни была мысль óна ни плоха,
Всё гадина равна: вошь, клоп или блоха.
Кто, кроме таковых, стихов вовек не видел,
Возможно ли, чтоб он стихов не ненавидел?
И не сказал ли б он: «Словами нас дарят,
Какими никогда нигде не говорят».
О вы, которые сыскать хотите тайну
В словах, услышав речь совсем необычайну,
Надуту пухлостью, пущенну к небесам,
Так знайте, что творец того не знает сам,
А если к нежности он рифмой прилепился,
Конечно, за любовь безмозглый зацепился
И рифмотворцем быть во всю стремится мочь.
Поэзия — любовной страсти дочь
И ею во сердцах горячих укрепилась,
Но ежели осел когда в любви горит,
Горит, но на стихах о том не говорит.
Такому автору на что спокойства боле?
Пригодно всё ему Парнас, и град и поле,
Ничто не трогает стремления его.
Причина та, что он не мыслит ничего.
Спокойство разума невежи не умножит,
Меня против тому безделка востревожит,
И мне ль даны во мзду подьячески крючки?
Отпряньте от меня, приказные сверчки!
Не веселят меня приятности погоды,
Ни реки, ни луга, ни плещущие воды,
Неправда дерзкая эдемский сад
Преобратит во ад.
А ты, Москва! А ты, первопрестольный град,
Жилище благородных чад,
Обширные имущая границы,
Сответствуй благости твоей императрицы,
Развей невежество, как прах бурливый ветр!
Того, на сей земле цветуща паче крина,
Желает мудрая твоя Екатерина,
Того на небеси желает мудрый Петр!
Сожни плоды, его посеянны рукою!

Где нет наук, там нет ни счастья, ни покою.
Не думай ты, что ты сокровище нашла,
И уж на самый верх премудрости взошла!

После 1769(?)

СТИХИ

Всегда болван — болван, в каком бы ни был чине.
Овца — всегда овца и во златой овчине.
Хоть холя филину осанки придает,
Но филин соловьем вовек не запоет.
Но филин ли один в велику честь восходит?
Фортуна часто змей в великий чин возводит.
Кто ж больше повредит — иль филин, иль змея?
Мне тот и пагубен, которым стражду я.
И от обеих их иной гораздо трусит:
Тот даст его кусать, а та сама укусит.

После 1769(?)

ЖАЛОБА

Мне прежде, музы, вы стихи в уста влагали,
Парнасским жаром мне воспламеняя кровь.
Вспевал любовниц я и их ко мне любовь,
А вы мне в нежности, о музы! помогали.
Мне ныне фурии стихи в уста влагают,
И адским жаром мне воспламеняют кровь.
Пою злодеев я и их ко злу любовь,
А мне злы фурии в суровстве помогают.

Начало 1770-х годов(?)

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил.
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнас российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне возглашаю,

Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

Начало 1770-х годов

ПИСЬМО КО ПРИЯТЕЛЮ В МОСКВУ

Знать хочешь ты, где я в Петрополе живу —
О улице я сей еще не известился
И разно для того поднесь ее зову,
А точно то узнать не много я и льстился.
Но должно знать тебе, писать ко мне куда:
Туда.
По окончании его незлобна века,
Сего живу я в доме человека,
Которого мне смерть
Слез токи извлекала,
И, вспомня коего, нельзя мне их отерть.
Ты знаешь то, чья смерть
В Москве сразить меня ударом сим алкала.
Владеет домом сим его любезный брат,
Толико ж, как и он, не зол и добронравен.
То знает весь сей град,
Что честностью сей муж печется быти славен.
Однако у него не этот только дом,
Так я скажу тебе потом
Сему двору приметы,
И после от тебя,
Приятеля любя,
Я буду получать и спросы и ответы.
В вороты из ворот, а улица межа,
Живет почтенна госпожа,
Два коей прадеда, храня нелицемерность
И ко империи свою Российской верность,
За истину окончили живот,
Которых честности в усердии явленны,
Для коей мужи те Мазепой умерщвленны,

Спасая и Петра, и нас, и свой народ,
Чтоб были искры злы, не вспыхнув, утоленны.
К забору этого двора к Фонтанке двор,
С забором о забор,
В котором жительство имеет сенатóр,
Науки коему, художества любезны;
Он ведает, они для общества полезны.
В сем доме у него всегда пермесский глас,
Он сделал у себя в Петрополе Парнас.
Его сын скрипкою успешно подражает
Той лире, коею играет Аполлон.
Искусство он свое вседневно умножает,
И стал уже его прямым любимцем он.
Его сестра играет на тинпане.
Другая тут поет при струнах и органе,
И для того
На сем дворе его
Все слышат восклицанье хора.
Певица же еще притом и Терпсихора.

<1774>

ПИСЬМО К ДЕВИЦАМ г. НЕЛИДОВОЙ И г. БАРЩОВОЙ

Девицы, коим мать — российская Паллада,
Растущи во стенах сего преславна града,
Где Петр
Развеял грубости, как некий бурный ветр,
Где та, когда она на троне возблистала,
Покровом муз и вас и славой росской стала,
Науке с разумом соделала союз,
О вы, питомицы возлюбленные муз,
Парнасским пением доволя нежны слухи
И восхищая в нас умы, сердца и духи,
Примите от меня,
Вещающа хвалу вам, девы, не маня,
Наполненного к вам почтением отличным,
Кто не был никогда на свете двуязычным,
Письмо сие!
Во истине перо омочено мое.
Никто ничем того, конечно, не докажет.
Привычка вас в игре толико вознесла,

Наука никогда привычкой не росла.
И кто то скажет:
Удобно подражать без смысла естеству?
А смыслом мы одним подобны божеству.
И чем его в нас боле,
Тем больше можем мы не покоряться воле,
Без воспитанья в нас
Творящей всякий час
Негодный беспорядок.
И часто человек без воспитанья гадок.
А вы
И все товарищи во воспитаньи ваши,
Живущи на брегах Невы,
Заслуживаете к себе почтенья наши.
Явите и другим
Своим сестрам драгим,
Нелидова, Барщова,
Письмо без лестна слова!
Свидетельствуйте им: кому приятна честь,
Не станет никому стихи тот ложью плесть,
Бесчестен автор той, кто чтит и сеет лесть.
Свидетельствуйте то сестрам своим любезным
И прилепившимся к геройским драмам слезным,
Играющим в трагедии моей,
Хотя мне видети того не удалося,
Со Иппокреною их действие лилося,
Как Рубановская в пристойной страсти ей,
Со Алексеевой входила во раздоры,
И жалостные взоры
Во горести своей,
Ко смерти став готовой,
В минуты лютого часа
С Молчановой и Львовой
Метала в небеса.
Арсеньева, цветя, век старый избирает,
Служанку с живостью Алымова играет,
Под видом Левшиной Заира умирает.
Скажите им,
С почтением моим,
И дщерям Талии и дщерям Мельпомены,
Что если б из земных восстал от гроба недр
И расточенные свои он собрал члены,

Восхитился б, то зря в России, мудрый Петр,
Воздел бы на небо свои тогда он руки,
Во совершенстве зря хитрейший вкус науки,
Возвысил бы герой со радостию глас:
«В России Геликон, на севере Парнас».
С какой бы радостью, подобну райску крину,
Среди дворянских дочерей
Не в образе царей,
Но в виде матерей
Он зрел Екатерину!
Она садила сей полезный вертоград,
Коликих вами ждет с Россиею сей град
И счастья и отрад!
Предвозвещания о вас мне слышны громки,
От вас науке ждем и вкусу мы наград
И просвещенных чад.
Предвижу, каковы нам следуют потомки.
Блаженна часть твоя, начальница Лафон,
Что ты орудие сих дев ко воспитанью
И венценосице к отличному блистанью!
Лафонше это вы скажите без препон.
Скажите Бецкому: сии его заслуги
Чтут россы все и все наук и вкуса други,
И что, трудясь о сем, блажен на свете он.

<1774>

СТИХИ ДЮКУ БРАГАНЦЫ

По всей земле пииты днесь плодятся,
Но редко истинны пииты где родятся,
Не всех на Геликон судьба возводит нас.
Виргилий, и Гомер, и Ариост, и Тасс,
Мильтон и Камоенс, сии пиитов предки
Во всей подсолнечной сколь славны, столько редки.
Иной ученый говорит:
«Климáт горячий нам писцов таких творит»,
Но ложно он вещает.
Ведь солнце так, как юг, и север посещает.
Где Вильманштранд, я там во близости рожден,
Как был Голицыным край Финский побежден.
Пиита ль та страна России обещает?

Не сказывал мне сей весьма холодный край,
Хоть я родился там, и сверх того во мразы:
«От пиитической беги, беги заразы
И, в холоде родясь, на лире не играй!»
Да кто могла из муз когда внести в рассказы
Такое слово мне,
Что наш прикован ум к какой-нибудь стране?
И в прежни веки
И римляне и греки
Ведь были человеки.
Светило солнце то ж, которо зрим и днесь,
И в Португалии и здесь.
Такие ж люди мы над Бельтскими реками,
С такой же головой, с ногами и с руками.
Такие ж души и у нас,
Какие и у вас:
Имеем слух ушей, имеем зренье глаз,
И не климáт тебе дал книги в руки,
Но воспитание, да разум и науки,
Ко добродетели и истине любовь,
Дабы ко чести был ты западна народа
И к показанию, что ты достоин рода,
От коего твоя произвелася кровь.

<1774>

СТИХИ НА ПУГАЧЕВА

Ты подлый, дерзкий человек,
Незапно коего природа
Извергла на блаженный век
Ко бедству многого народа.
Забыв и правду и себя
И только сатану любя,
О боге мыслил без боязни
И шел противу естества,
Отечества и божества,
Не помня неизбежной казни;
Не знал ни малой ты приязни,
В разбой стремясь людей привлечь,
Но днесь отбросил ты свой меч,
И в наши предан ныне руки.

То мало, чтоб тебя сожечь
К отмщению невинных муки.
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечна?
Твоей подобья злобе нет.
И не видал доныне свет
Злодея, толь бесчеловечна.

<*1774*>

НА СТРЕЛЬЦОВ[1]

За пятую степень, быв жарко солнце в понте,
Осьмнадцать перешло шагов на оризонте,
В день тот, как некогда злодей злый грех творил
И кровью царскою град Углич обагрил.
И се стрельцы свое оружие подъяли,
И, шедше ко Кремлю, как тигры, вопияли.
Лишь только ко вратам коснулися они,
Переменилася погода ясна дни.
Воздвигнулся Эол, суровы очи щуря,
Пустил он лютый ветр, и встала страшна буря.
Из ада фурии, казалося, идут,
И основания вселенныя падут.

<*1774*>

---

[1] Сии стихи сделаны для показания, что весьма удобно описать автору день и час, не называя днем и часом того времени, которое потребно, и что пииту и ритору надлежит искусным быти, когда он, наприм<ер>, время возвышенным словом изобразить намерен. А как описал будто некто искуснейшим вымыслом девятый час, время, в которое стрельцы подняли на отечество оружие, я описания сего не читал и о нем не слыхивал; и удивительно мне, как это не дошло до глаз моих, по крайней мере ради любопытства. Здесь и начало девятого часа и мая пятое надесять число изображены. Хорошо это, но не чудно.

З р и

Степень солнечного хода у пиитов час. Мая в 15 день солнце над Москвою восходит в исходе осьмого часа. В тот же день в прежнее время и царевич Димитрий скончался в Угличе; и так изобразить и день и час, не именуя ни числа дня, ни числа часа, я трудности не имел.

ДВАДЦАТЬ ДВЕ РИФМЫ

Потемкин! Не гнусна хорóша рифма взгляду
И слуху не гадка,
Хотя слагателю приносит и досаду,
Коль муза не гладка,
И геликонскому противна вертограду,
Когда свиньей визжит.
И трудно рифмовать писцу, в науке младу,
Коль рифма прочь бежит.
Увидеть можно рифм великую громаду,
Но должно ль их тянуть?
А глупые писцы их ищут, будто кладу,
В кривой тащат их путь.
Что к ним ни прибредет, поставят рифмой сряду,
Так рифма негодна!
А я на рифму ввек некстати не насяду,
Хоть рифма не бедна.
К заросшему она вралей приводит саду,
Где только лес густой,
И ко ощипанну под осень винограду,
Где хворост лишь пустой.
Набрався таковы в избах пииты чаду,
Вертятся кубарем
И ставят хижину свою подобно граду,
Вздуваясь пузырем.
Я ввек ни разума, ни мысли не украду,
Имея чистый ум.
Не брошу рифмою во стихотворство яду
И не испорчу дум.
Не дам, не положу я рифмой порчи складу,
Стихов не поврежу;
Оставлю портить я стихи от рифмы гаду,
Кто гады — не скажу.
Им служит только то за враки во награду,
Что много дураков,
Которые ни в чем не знали сроду ладу,
И вкус у них таков.
Несмысленны чтецы дают писцам отраду,
Толпами хвалят их,

Хотя стихи пищат и спереду и сзаду,
И Аполлон им лих.
Однако скверному такому муз он чаду
Обиды не творит.
Так он не свержется, хотя и врет, ко аду,
И в аде не сгорит.

<1774>

СТИХИ ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ

Румянцов! Я тебя хвалити хоть стремлюся,
Однако не хвалю, да только лишь дивлюся.
Ты знаешь, не скажу я лести ни о ком,
От самой юности я был тебе знаком,

Но ты отечество толико прославляешь,
Что мя в безмолвии, восхитив, оставляешь.
Не я — Европа вся хвалу тебе плетет.
Молчу, но не молчит Европа и весь свет.

<1775>

ОТВЕТ НА ОДУ ВАСИЛЬЮ ИВАНОВИЧУ МАЙКОВУ

Витийство лишнее — природе злейший враг;
Брегися сколько можно
Ты, Майков, оного; витийствуй осторожно.
Тебе на верх горы один остался шаг;
Ты будешь на верхах Парнаса неотложно;
Благоуханные рви там себе цветы
И украшай одними
Ими
Свои поэмы ты!
Труды без сих цветов — едины суеты;
Ум здравый завсегда гнушается мечты;
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты,
Так те стихи лишенны красоты
И полны пустоты.

Когда булавочка в пузырь надутый ре́знет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет.
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожица останется одна.

<1776>

* * *

Жива ли, Каршин, ты?
Коль ты жива, воспеваешь
И муз не забываешь,
Срывающа себе парнасские венцы?

А я стихи читал,
Которы ты слагала.
Ты резко возлетала
На гору, где Пегас крылатый возблистал.

Ум Каршины возрос,
Германии ко чести.
Я то сказал без лести,
Хотя германка ты, а я породой росс.

Германия и мне,
Не бывшу в ней, известна,
Стихов душа всеместна,
Да я ж еще и член в ученой сей стране.

Различных тон музык,
Как автора «Меропы»,
Знаком мне всей Европы,
И столько же знаком германский мне язык.

Я часто воздыхал,
Стихов твоих не видя,
И, на Парнасе сидя,
Довольно я о них хвалы твои слыхал.

Тобой еще зрит свет —
Пииты не годятся,
Которы не родятся
Со музами вступить во дружбу и совет.

И лучшие умы
В стихах холодных гнусны,
Сложенья их невкусны,
Но знаешь ты и я, и все то мы.

В тебе дух бодрый зрю,
Высокость вижу, нежность,
Хороший вкус, прилежность
И жар, которым я, как ты, и сам горю.

Тебя произвела
Средь низости народа
К высокости природа,
И мнится мне, <что> то нам Сафа родила.

Внемли мои слова,
Германска Сафа, ныне:
Воспой Екатерине,
Дабы твои стихи внимала и Нева.

* * *

Не пастух в свирель играет,
Сидя при речных струях.
Не пастух овец сгоняет
На прекрасных сих лугах.
Их свирели не пронзают
Тихим гласом воздух так —
Трубят в роги и взывают
Здесь охотники собак.

Там кустами украси́лся
Берег чистого ключа;
Тут охотник устремился
Возбудить зверей, крича.
В остров гончих псов кидает,
Тщится зайца выгнать вон.
Тут-то громко испускает
Эхо о Нарциссе стон.

Вдруг не стало больше крика,
Резвый заяц поднялся.
Зачинается музыка
Гончих псов, в кустах глася.
Смельства робкий зверь прибавил
Иль от страха обомлел —
Заяц остров свой оставил,
В чисто поле полетел.

Чистым полем ноги смелы
Унести его хотят.
Псы борзые так, как стрелы,
За врагом своим летят.
Ото всех он удалился
Неприятелей своих,
Лишь Меламп за ним катился,
И Сильваж вблизи из них.

И Меламп уж остается
От Сильважа назади.
С зайцем вравне он несется,
Стал у зайца впереди.
Повратил его, с ним мчится
Изо всех обратно сил.
Как опять Меламп ни тщится,
Он Мелампа опредил.

Ввергся заяц устремленный
В весь за ним бежащий полк.
Тут надежды бы лишенный
Задрожал и лютый волк.
Тут Дриопа подхватила,
А Хелапс его поймал,
Чтоб гортань его сразила,
Коль Сильваж бы не угнал.

Бедный ты, Сильваж, трудился,
Зайца ты один сманил.
А Хелопс вдали тащился,
Да и добычь получил.

Хоть от доброго завода
Часть тебя произвела,
Только что дала природа,
То Фортуна отняла.

ВРЕМЯ

Солжет ли земнородно племя,
Коль скажет то: «Всего дороже время»?
Чего поселянин во осень не сожнет,
Того и в житнице его зимою нет.
Вовремя ежели в торги купец не вступит,
Товаров нет, никто товаров и не купит.
Солдат, не выучась ружья в руках держать,
От неприятели не должен ли бежать?
Судящему препона,
Не знающу закона,
А рифмотворца главный вид —
Охота дерзкая и вечный стыд,
Коль он не выучит вовремя аз и буки
И хочет быть Гомер без смысла и науки;
Напрасно ищешь ты без времени затей.
Не тунеядствуй и потей.
Как рожь, так сеется подобно добродетель.
Потребно ко всему и время и труды,
И неусыпный ум, полезного радетель,
И все во всем от времени плоды.
От времени забава,
От времени и слава,
От времени победоносца честь
И благо всякое, какое только есть.
Незапности одна возносит только лесть.
Слепое счастие души не украшает,
И любочестия оно не утешает.
Без основания довольствия мечты
И отрасли единой суеты —
Не розы естеством, но сделанны цветы.
Не во естественной такой цветочек коже,
Не мягок, но жесток
И лишь по имени цветок,
Хотя естественной он розы и дороже.

Под именем добра ища и худа мы,
Способством времени стремим во зло умы.
        Вор тайный только грешен?
        Вор явный столько ж грешен,
А сверх того, еще пойман и повешен;
Так время надобно и добрым и худым.
Одним — как светлый огнь, другим — как темный дым.
Одни стремятся ввек в плену им быти строгом,
        Другие вечно с богом.

ТРАГЕДИИ

ХОРЕВ

Трагедия

ПРЕДСТАВЛЕНА
В ПЕРВЫЙ РАЗ В НАЧАЛЕ 1750 ГОДА
НА ИМПЕРАТОРСКОМ ТЕАТРЕ
В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кий, князь российский
Хорев, брат и наследник его
Завлох, бывший князь Киева-града
Оснельда, дочь Завлохова
Сталвсрх, первый боярин Киев
Велькар, наперсник Хоревов
Астрада, мамка Оснельдина
Два стража
Три воина
Пленник

Действие в Киеве, в княжеском доме

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Оснельда и Астрада.

Астрада

Княжна! Сей день тебе свободу обещает,
Впоследние тебя здесь солнце освещает.
Заглох родитель твой, пришел ко граду днесь,
И вооружаются ко обороне здесь.
Уж носится молва по здешнему народу,
Что Кий, страшася бедств, дает тебе свободу.

Оснельда

О день, когда то так, день радости и слез!
Щедрота поздняя разгневанных небес,
Смешенна с казнию и лютою напастью!
Чрез пущую беду отверзя путь ко счастью!
Астрада! Мне уже свободы не видать,
Я здесь осуждена под стражею страдать.
Хотя я некую часть вольности имею
И от привычки злой претерпевать умею,
А там... увы!..

Астрада

А там остаточный предел,
Где множество еще во власти вашей сел,
Наследие твое, и ты воздвигнешь племя
Бесчадному отцу. Уже приходит время

Тебе достойного супруга получить
И падший род опять от низких отличить.
Ты будешь мать...

Оснельда

Молчи, не представляй мне браков,
Несчастной мне к тому ни малых нет признаков.
Довольно! Я хочу из сих противных мест.
О жалостна страна! О горестный отъезд!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
И сожалей о мне в такой суровой части.

Астрада

Поняти не могу сей тайны твоея.

Оснельда

Теперь откроется тебе душа моя,
Но, ах! Объемлет стыд, все мысли днесь мятутся,
И речи во устах безгласны остаются.

Астрада

Никак постигла я? Любовь...

Оснельда

Прилично ль мне
Ея заразы знать в печальной сей стране?
О том ли помышлять Оснельде надлежало?
Но, ах! Вошло во грудь сие змеино жало.
Ты сказывала мне отцево житие
И многажды притом плачевно бытие,
Как смерть голодная народы пожирала
И слава многих лет в одну минуту пала.
Благополучный Кий победу одержал,
Родитель мой тогда в пустыни убежал,
В отчаяньи своем тревожась, унывая,
Озеры на коне и реки преплывая,
С оставшим воинством лес, горы преходя,
Разбит и побежден из степи в степь блудя.
Моя стеняща мать, сынов своих лишася,
Впоследок и с своим супругом разлучася,
Услыша злую весть, что Кий, как ветер прах,
Народы разметав, во градских уж вратах,

Лице горчайшими слезами омывала
И кровь свою своей рукою проливала
И, лобызаючи впоследние меня,
Скончала бедну жизнь, в сон вечный премея.
А я, в пленение сие низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мне во все шестнадцать лет,
Как помнить я могу, отмщенье вопиет.
Я сказанное мне плачевно время вижу
И рода моего убийцу ненавижу;
Но, ах! Хорев в те дни хотя младенец был,
Он Кию брат, увы! .. а мне, Астрада, мил.

Астрада

Искореняй сей яд, отец тебя желает.

Оснельда

Мне памятен мой долг; пускай сей огнь пылает;
Какие б надобно суровости иметь,
Когда б отца могла и не хотела зреть?
Оснельда только сим единым ныне льстится;
Но дух, мой слабый дух и рвется и мутится.

Астрада

Давно ль, с которых дней ты знаешь эту страсть,
И непорочный дух познал любови власть?

Оснельда

Шесть месяцев уже, Астрада, унываю
И слез в одре моем потоки проливаю.
Достоинства его и искрення любовь
Против желания зажгли незапно кровь.
Я стала на него охотнее смотрети,
Не смысля, что иду в неисходимы сети.
Искала, чтобы мне с ним чаще купно быть
И время горести скоряе проводить.
И стало без него везде впоследок скучно,
Желала, чтоб была с Хоревом неразлучно.
И в то-то время я узнала страсть мою,
Которую еще поныне я таю.
Я злилась на себя за сей преступок грозно
И каялась, но что! Уже то было поздно.

Астрада

А если Кий отдаст отцу тебя назад
И будешь ты должна покинути сей град,
Возрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя!
И только весел сей единый будет час,
Он веселу меня один увидит раз.
Но как то уж ни есть, мне льстит сия минута.
Поди и известись, ужель судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить,
И верь, хотя она стремится приключить
Жестоку мне тоску и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на эту злую муку.

ЯВЛЕНИЕ 2

Оснельда
(одна)

К чему ведет меня моя судьбина зла?!
К таким ли дням, любовь, во мне ты кровь зажгла!
Несчастливым времен жестоки все премены.
О дом отцев моих! О вы, противны стены,
Которыми пришлец сей город оградил!
Земля, в которой Кий кровавы токи лил!
Места, толь много раз слезами орошенны,
Возлюбленным моим Хоревом украшенны,
Печалей и утех собрание и смесь,
Чем слабая душа обремененна днесь!
Отверзи мне врата любезныя темницы
И выпусти меня за Киевы границы!
О честь! О долг! Любовь! Мой князь!
Родитель мой!
Делите сердце днесь и рушьте мой покой!
А ты, о естество! терпи случаев ярость
И бременем своим несчастливую старость
Потщися ободрить, как бедной небеса
Дадут на жительство дремучие леса!

спускается. Радитъ числомъ [illegible] мечей
[illegible] не многимъ.
[illegible]
Ихъ стрелы, такъ какъ градъ падущъ, на насъ неслися,
Казалось что поля отъ ужаса тряслися.
Воспоминаніемъ прешедшія войны,
Тут были чады ихъ, родители, жены,
Они на грозну смерть съ безстрашіемъ взирали,
Мучители помереть и смерть уничтожала.
Князь малое число людей съ собою
[illegible] имелъ.
И противу съ ними [illegible] онъ близко [illegible] шелъ.
Хорева, убійствами безстрашны показали,
Упадали враги и всѣ его познали:
Мечтались на него, но смерть на мѣсте семъ
и ил стала, съ храбростію
Украсил [illegible] мечемъ.
Хотя они его стенами
[illegible] окружали,
Но вихи надъ главой его съ мечьми упали,
Когда ихъ дерзости супротивлялъ ся онъ,
И лился отъ меча [illegible] острейша кровный стонъ.
Се раздается гласъ победнства во градѣ:
Херей спустилъ ся съ стены и у Драгова посады.
Сей гласъ, стенящій гласъ, нашъ игоги новыхъ бедъ,
Воинскіе сердца [illegible] страхъ [illegible].
Приходитъ новая в место ихъ храбрость чины.
И въ мѣсто вратъ творятъ пути себе чрезъ
стены.

ЯВЛЕНИЕ 3

Оснельда и Хорев.

Хорев

Готовься к радостям, княжна, в сей день желанный,
Уж час приближился, тобой толь часто званный,
Уже открылся путь тебе из здешних стен,
Ступай и покидай места сии и плен,
Родитель твой в сей день тебя к себе желает,
А Кий, мой брат, на то уже соизволяет.
Внимай из уст моих желаемый отъезд,
Но, отлучаяся из сих противных мест,
Которые тебя в неволе содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробежали,
Хотя единою утробой я рожден
Со князем, коим твой родитель побежден,
Не ставь меня врагом. Мной, сколько можно было,
Несчастие тебя под стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь, но к чему так сердце отягчать?
Или воспомнила ты Киеву досаду?
Но я противного не подавал и взгляду.

Оснельда

Я плачу, что тебе бессильна отслужить;
Но верь мне, верь, мой князь, где я ни буду жить,
Я милостей твоих вовеки не забуду
И с ними вспоминать тебя по гроб мой буду.
О солнце, кое здесь в последний раз я зрю!
О солнце! Ты то зришь, от сердца ль говорю!
В том ты свидетель будь, что имя милосердо,
Доколе я жива, пребудет очень твердо.

Хорев

Впоследние уже любезный слыша глас
И видя пред собой тебя в последний раз,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердия в уме располагая,
Возмог ли сердце я твое когда тронуть?
И чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой в моей крови произведенный пламень?

Но можно ль воспалить огнем любовным камень?!
Я многажды тебе горячность открывал,
Которою меня твой сильно взор терзал.
Открытие сие мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило.
Но кая красота мне язву подала
И во отчаянном уме моем жила?
Я чаял, я рожден к единой только брани,
Противников карать и налагати дани,
Но бог любви тобой ту ярость умягчил,
Твой взор меня вздыхать во славе научил.
Когда твои глаза надежду мне давали,
А беспристрастные слова мне сердце рвали,
Я слабости своей стыдился и стенал
И в горести моей, что делати, не знал,
Против тебя, против себя вооружался,
И пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много раз, дабы тебя забыть,
И мнился иногда уже свободен быть,
Но, вспомнив, я опять то чувствовал, что страстен.
Сей гордый дух тебе стал вечно быть подвластен.

Оснельда

Ах, князь, к чему уж то, что я тебе мила?
К чему тебе желать, чтоб я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слез реки;
Уж больше не видать тебе меня вовеки.
Когда тебе судьба претит меня любить,
Старайся ты меня из мысли истребить.

Хорев

Коль любишь, так скажи, исполнь мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда

Люблю... Доволен ли? Поди из глаз моих,
Оставь меня в тоске, останься в мыслях сих.
Я все вздыхания свои напрасно трачу.
Мне время отъезжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви. Довольно в свете дев,
Которым будет мил любезный мой Хорев.
Люби, которая иметь то счастье станет,

А та тебя по гроб без слез не воспомянет,
Которой эту часть хотело небо дать,
Чтоб ей тебя по смерть любить и не видать.

Хорев

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отселе отъезжаешь?
О боги! О княжна! Имейте жалость днесь!
Пребудь над градом свет! Княжна, останься здесь!

Оснельда

Мой рок такой, чтоб я Хорева покидала
И чтоб его вовек отныне не видала.

Хорев

Вещаешь о любви ты, только мне маня!

Оснельда

Как я тебя люблю, люби ты так меня
Или не верь, имей неправедные мысли
И мне еще сию беду к бедам причисли.
Каких ты требуешь свидетелей глазам,
Когда не веришь ты ни стону, ни слезам?!

Хорев

Чего желается и что нам толь приятно,
То кажется всегда нам быть невероятно
И зрится, как во сне. Но, о престрашный сон!
Какое множество в сем счастии препон!
Приятные часы! Вы щедры мне и люты.
Какими я могу назвать сии минуты?
Несчастными почесть? Мне много счастья в них!
За счастливы приять? Что зляй минут мне сих?!
Оснельда, если брак любви не разрушает
И должность пламени в крови не угасает,
Почто творити нам друг другу вечный стон
И что препятствует взойти тебе на трон,
Который ждет меня? .. Ты мне не отвечаешь.
Иль скипетр и в моих руках противным чаешь?

Оснельда

Престань себе, мой князь, надеждою сей льстить,
И, ах! престань, престань мой разум сим мутить,

Судьба меня с тобой навеки разделила,
И тщетно нас любовь с тобой соединила.
Как буду я иметь в одре моем того,
Чей с трона брат отца низвергнул моего
И трупы братиев моих влачил бесстыдно,
Взирая на престол Завлохов зверовидно,
Граждан без жалости казнил и разорил,
И кровью нашею весь город обагрил,
Оснельду в пеленах невольницей оставил?
Перун! Почто меня от смерти ты избавил,
А, жизнь оставя, дал ты чувствовати честь?
Или чтоб было мне трудняе иго несть?
Мне б лучше умереть, как жити во невоне,
И зрети хищника на отческом престоле.

Хорев

Сея ли речи я из уст любезных ждал?
Завлоха я еще, еще не побеждал;
Но, может быть? .. Увы! Ты плач усугубляешь.

Оснельда

Какие ты слова со мной употребляешь?!
Довольствуйся моей ты слабостью и рви
Во мне печальный дух, жестокий, в сей любви!
Оставь невольницей Оснельду в жизни слезной,
Терзай меня, дерись с отцем своей любезной!
Оружье я сама против себя дала,
Но вспомни ты, того ль я, чтя тебя, ждала.
Твоя рука еще Оснельду не губила,
Так сделай, чтоб она Хорева не любила.
Разрушь враждой любовь, будь счастлив, побеждай,
Взносись моей бедой; лишь только рассуждай:
Против кого ты, князь, ко брани гнев сугубишь?
Идешь против тоя, которую ты любишь!

Хорев

А если твой отец позволит нам сие? ..
Скончаешь ли, княжна, мучение мое?

Оснельда

Какую область ты имеешь надо мною!
Я злоб не чувствую, мне сказанных тобою.

Хорев

Всесильны небеса! Подайте помощь нам,
Оставьте дух во мне и свет моим очам!
Завлохов будет род тобой опять восставлен,
И твой поносный плен моим венцем прославлен,
А Кий препятствовать не будет нам ни в чем,
И брань окончится любовью, не мечем.

Оснельда

Из наших подданных, стенящих здесь во граде,
Пошли с сей вестию к Завлоховой досаде,
Чтоб ведал он, хоть я преступницей даюсь,
Что я в моей любви врагов его таюсь
И только лишь с тобой единым согласилась.
О небо! Что за мысль в мой слабый ум вселилась?!

Хорев

Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши к родителю, что вложит в ум любовь.
Изобрази отцу, стоящу в ратном поле,
Что кровь его опять здесь будет на престоле
И пленники своих покинут тягость уз,
Когда совокупит желанный нас союз.
Посол тебе в сей час, любезная, предстанет.
Увы, когда моя надежда мя обманет!

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Кий и Сталверх.

Кий

Ужель к отшествию?..

Сталверх

Готово всё теперь.
Но ты обманам сим не верь, о князь, не верь!
С отшествием ея беда во град готова.
Завлох, приявши дочь, не сдержит данна слова
И с тою ж яростью пойдет противу стен.
Брегися, государь, нечаянных измен!

Кий

Любезну зрети дочь чрез таковое средство,
Преобратится лесть ему же в пуще бедство.
Что может, рассуди, изменник учинить?
Народ бесчисленный удобно ль возмутить,
В котором множество мне сердцем покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно,
Меня мои раби непринужденно чтят,
Мне верности давно их внутренну явят.
Хотя моя рука от старости слабеет
И хладна кровь во мне сил прежних не имеет,
Возлюбленный мой брат, наследник мой и сын,
Соизволение прещедрых мне судьбин
Своею силою исполнит и с размаху
Против врагов моих пойдет, как лев, без страху.

Сталверх

Великий государь! Но мужество его
Ты будешь ли иметь наместо своего?

Кий

Сумнения в том нет. Строптивые соседы
По Северу гласят до волн его победы.
Сармация дрожит руки его меча.
Орда, как ветра прах, бежит его плеча.
Недавно от него бесстрашные народы
Текли через леса, чрез горы и чрез воды.
Казалось им, что он всю землю мог потрясть
И всю вселенную России дать под власть.
Или, что знают все, Сталверху неизвестно?
Дела Хоревовы гласятся повсеместно.

Сталверх

Весь Север знает то. Но он велик — себе.
Коль славен мужеством, толь вреден он тебе.

Кий

Хорев?.. мой брат?.. мой сын... Хорев меня
обманет?
Опомнися: Хорев против меня восстанет?

Сталверх

А если будет так, что скажешь ты тогда?
Раскаянье живет и поздно иногда.
Питай водами лавр, доколе не увянет,
И скройся грозных туч, доколе гром не грянет.

Кий

Чем можешь ты меня, Сталверх, уверить в том?
И предвещаешь ты, скажи, какой мне гром?

Сталверх

Внемли, что я внимал, и рассуждай бесстрастно,
Правдиво ли мое сумненье иль напрасно.
Когда я шел сюда, Хорев отселе шел
И из чертогов сих с собой Оснельду вел,
Которая тебя убийцем называла
И, плача, вот какой совет она давала:
«Коль надобна, мой князь, тебе любовь моя,
Так будь Завлоху друг, а я по смерть твоя».
Услыша странное, я тотчас утаился,
Чтоб ясно разговор начатый мне открылся.
Он ей ответствовал: «Что зляй сего сказать?!
Я кровь отцов твоих взнесу на трон опять
И, восприяв с тобой страны сея державу,
Твой род возобновлю, воздвигну падшу славу».

Кий

Сталверх! Ты верен мне, но дело таково
Восходит выше сил понятья моего.
Кому на свете сем вдруг верити возможно?
Хочу равно и ложь и истину внимать
И слепо никого не буду осуждать.
Мятусь, и лютого злодея видя в горе.
Князь — кормщик корабля, власть княжеская — море,
Где ветры, камни, мель препятствуют судам,
Желающим пристать к покойным берегам.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалеке по небу над водами,
Которых кормщику не должно обегать;
Но горы ль то иль нет, искусством разбирать.
Хоть все б вещали мне, там горы, мели тамо,
Когда не вижу сам, плыву без страха прямо.

ЯВЛЕНИЕ 2

Кий и Хорев.

Кий

Примай оружие, се долг тебя зовет,
И слава на полях тебя с победой ждет,
Котора много раз венцы тебе сплетала,
Когда твоя рука в народы смерть метала.
Вели в трубы гласить и на врагов восстань,
Кинь в ветры знамена и исходи на брань,
Ступай и победи и возвратися славно,
Как с Скифския войны под лаврами недавно.

Хорев

Науке бранной ты Хорева сам учил,
Я имя славное тобою получил,
И ты пять лет мне сам свидетель был вседневно,
Страшился ль я когда врагов во время гневно?
Как стал ты немощен, я твой наместник стал
И воинством уже я сам повелевал,
В трудах и подвигах возрос и укрепился
И беспокойствовать бесскучно научился.
Но сколько воинов смерть алчна пожрала?
Возбудит ли вдовам супругов их хвала,
Что в мужестве своем с мечми в руках заснули
И трубы их в крови противничьей тонули!
Колико в снедь зверям отцов, супругов, чад
Повержено мечем? Колико душ взял ад?
Когда на жертву нас злой смерти долг приносит,
Помрем; но жертвы сей теперь она не просит.
Когда народ спасти не можно без нея,
Мы в пропасть снидем все, и первый сниду я;
Но ныне страха нет народу и короне,
А меч дается нам лишь только к обороне.

Кий

Когда Завлох дерзнул сей город осадить,
Так должно воинство ко брани учредить.

Хорев

Он дочери своей одной от нас желает,
А прочее нам всё безбранно оставляет.

Ты сам пред сим часом людей своих щадил.
Что сталося, что вдруг ты мысли пременил?

Кий

Нет, князь, нейти на брань не ту вину имеешь,
Что ты о воинстве печешься и жалеешь, —
Твою я вижу мысль и что в уме твоем,
О чем ты сетуешь в смятении своем:
Ты хочешь, чтоб княжна свободу восприяла.

Хорев

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтоб нам во тишине, а ей во воле жить,
Желаньем сим тебя могу ли прогневить?
Щедрота похвалы в победах умножает
И человечество в душах изображает.
Или подобиться во бранных действах нам
В пустынях у́жасно воюющим зверям,
Которы никакой пощады не имеют?
Не их примеры нам во бранях быть довлеют.
Довольно в варварстве мы кровь свою пием,
Когда по должности друг друга мы бием
И защищение с отмщением мешаем.
Под видом мужества мы зверство возвышаем.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убийство и грабеж геройством назвала!

Кий

Но если мщения Оснельда не забудет
И ежели супруг ея таков мне будет,
Как прежде был Хорев трепещущим ордам,
Текущим от него по блатам и водам?

Хорев

Привыкшие давно народы побеждати
Не могут над собой победы ожидати.
А ты, о государь, не жди моих измен!
В сей час, в сей злейший час иду из градских стен
И, ежели рука не дрогнет среди бою,
Я буду под стеной с Завлоховой главою.

ЯВЛЕНИЕ 3

Кий

(один)

Нельзя поверити, чтоб он изменник был
И чтобы милости родительски забыл.
Противу честности всегда любовь безмочна:
Хорева душа чиста и непорочна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кий и Астрада.

Астрада

Глас трубный с градских стен полки на брань зовет.
Или Оснельде, князь, уже свободы нет,
Котору ты хотел освободити с честью?
Она обманута надежды гневной лестью,
Надеждой усладясь, горчайши слезы льет
И, очи возводя на небо, вопиет,
Чтоб небо сжалилось, чтоб боги смерть послали
И данную б ей жизнь к себе возвратно взяли.
Оставь отмщение, не буди в нем толь тверд
И, сколько счастлив ты, будь столько милосерд,
Отри от глаз ея лиющиеся реки
И вспомни, что и мы такие ж человеки,
Хотя нас брани бог тебе и покорил
И, счастье наше взяв, им Кия одарил.
И если ты его понудишь прогневиться,
Так может и тебе подобное явиться.
Благая смертным часть хвалы не принесет:
И счастье и беды всем небо подает;
Одним лишь тем тебе прославиться удобно,
Что добродетелен и царствуешь незлобно.

Кий

Я ею огорчен. Довольно и того
Блаженства ныне ей от гнева моего,
Что вольности ея оставшей не отъемлю.
Я больше жалобы Оснельдиной не внемлю.

(Отходит.)

Астрада

Пошлите казни все на мя, о боги, вдруг
И выньте из меня стесненный в теле дух!

ЯВЛЕНИЕ 5

Оснельда и Астрада.

Астрада

Нет помощи нигде, спасения не видно;
Кий уши отвратил от жалобы бесстыдно;
Надежды больше нет. Любезный твой Хорев
Сбирает воинство, рыкая так, как лев.

Оснельда

Хорев в ружье! О льстец! И ты встаешь бесчинно
На сердце, кое, ах, ни в чем тебе не винно,
Но винно пред отцем, что ты ему стал мил
Противу совести, когда в том долг претил?
Пускай бы кем иным рвалась моя утроба
И отверзалась мне рукой иной дверь гроба,
А то тобой, тобой, кого я толь люблю.
Последнюю мою надежду я гублю.

ЯВЛЕНИЕ 6

Хорев, Оснельда и Астрада.

Оснельда

Смотри и веселись страданьями моими
И буди восхищен заразами прямыми!
Отдай ту власти часть, котору мне сулил,
Ругаясь надо мной, кто вправду будет мил.

Хорев

Скажи и научи, что мне сказать, драгая,
От повеления мне данна избегая?
Без рассуждения я всё сказать хощу
И меч в влагалище пред войском обращу.

Бесчестье только я бессилен лишь носити:
Сего, дражайшая, мне легче смерть вкусити.
Бесчестием тебе кто станет угождать,
Достоин ли, скажи, тобою обладать?
С бесславьем смешана любовнице услуга,
Помысли, какова́ сулит ей дать супруга.

Оснельда

Ступай и побеждай, не буду я претить
И не стараюся твоих побед затмить;
Но взглянешь ли на лавр веселыми глазами,
Который орошен моими весь слезами?

Хорев

Пошлите, боги, смерть скоряй мой дух извлечь
И выньте из руки моей кровавый меч,
Чтоб слава многих лет мгновенно не упала
И честь моя, к стыду, в любви не утопала,
Иль истребите вы во внутренней любовь
И лишь к одной войне воспламеняйте кровь!

Оснельда

Почто богам, почто о помощи вещаешь?
Уже и без того любви не ощущаешь;
Когда бы рок тебе любить меня велел,
Так ты б тогда меня и слез моих жалел,
Которы пред тобой в отчаянии трачу.
Ты в ярости своей не видишь, как я плачу.

Хорев

Не вижу?! Ах, княжна! Когда б ты зреть могла,
Каким ты пламенем Хоревов дух зажгла,
Как я от сей любви теперь изнемогаю
И что к отчаянью тобою прибегаю!
Я ведаю, что б ты престала гнев иметь
И стала б обо мне, несчастном, сожалеть.
В какой, в который день и коею звездою,
Оснельда, восхищен стал слабый дух тобою?!
И кое варварство мне участь навела,
Что ты в такие дни мне стала быть мила?!

Оснельда

Довольствуйся одним ты мужественным боем
И, если славно быть таким тебе героем,
Чтоб ты, не умягчен любезной током слез,
Оружие свое на кровь ея вознес,
Насыть твой алчный меч, напейся кровью жадно,
И, ежели еще оружье будет гладно,
Вот грудь моя, вонзи меч острый ты в нее
И в гневе извлеки дыхание мое,
То сердце умертвив, тебе которо мило
И, умираючи, еще тебя любило.

Хорев

Когда я в бедственных лютейша дня часах,
Как тигр, кажуся быть, воспитанный в лесах,
Так ведай, что меня во град с кровава бою
Внесут и мертвого положат пред тобою.
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И разделю живот тебе и долгу в дань.

Оснельда

Живи, не погибай воспоминаньем вздоха,
Лишь только пощади в сражении Завлоха
И, если милосерд во брани будет рок,
Как можно уменьшай лиющийся поток
Кровей моих людей, когда прейдет их сила,
И вспомни, что о том с слезами я просила.

Хорев

Имей надежду в том и мысли те имей,
Что я иду на брань по должности своей
И что Хорев сию брань сам уничтожает.
Не ярость, не вражда меня вооружает...
Но, может быти, весть приятна поспешит,
Котора брани гнев в народах утишит...
О время! Ах, за что ты нам толико строго?!

Оснельда

Или за то, что мы друг друга любим много?!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Оснельда

(одна)

Скрывай свою печаль, скрывай и утоляй
И воздыхание, как можешь, удаляй.
Се предсказание сердечно совершилось,
И сердце своея надежды уж лишилось.
Желающа любви, стыжуся уз ея.
Страдай теперь, душа, страдай, душа моя!
Печальный мя ответ родительскою властью
Терзает с стороны, с другия мучусь страстью.
С обеих стран напасть, нет помощи нигде.
Где скрыться? Что начать в несносной сей беде?
Подверженна теперь родительскому гневу,
Какую весть скажу любезному Хореву?
Вот часть Оснельдина. О солнце! О луна!
К чему, увы, к чему родилася она,
Оставленна в стыде, оставленна во гневе?!
О младость! О краса, дающа гордость деве,
Прельщающая тень, вреднейший девам дар!
Мне ты, ах, ты дала жестокий сей удар.
Порок и счастливым бывает в жизни вреден,
А кто несчастлив, тот и без пороков беден.
А я в дни бранные на свет произошла,
Познался в бедах, в неволе возросла,
Стеню беспомощно, крушуся безнадежно,
Лиется в жилах кровь, тревожа дух мятежно,
Терплю и мучуся без всяких оборон;
Ни людям, ни богам не жалостен мой стон.

ЯВЛЕНИЕ 2

Оснельда и Астрада.

Оснельда

Прочти сие письмо, зри новые напасти,
Что я не возмогла преодолети страсти.
Какая это казнь!

Астрада

Покорствуй временам.
Раскается потом родитель твой и сам.
Не сетуй; всё пройдет, когда душа в чем права.

Оснельда

Хотя душа чиста, но погибает слава.
И, может быть, уж я действительно грешу,
Что я в девичестве сим пламенем дышу.
А свет, превратный свет того не рассуждает,
Не праведным судом, но злобой осуждает.
О нравы грубые! О дни! О времена!
Щедрота, истина суть праздны имена.
Злодейство в жизни сей беспрестанно жаждет,
А бедная душа, живуща в теле, страждет.
О чем жалеем мы, — что наша жизнь кратка?
И чем нам кажется она быть толь сладка?
Приди, желанна смерть! Закрой слезящи очи
И раствори врата Оснельде вечной ночи!
Но что сие есть смерть? Порог из света вон,
Живот — мечтание и преходящий сон.
А ты, о счастливых дражайшая утеха,
Любовь! Прости! Мне нет, мне нет в тебе успеха.
Возлюбленнейший зрак! Престань мечтаться мне;
Не пригвождай меня к мучительной стране!
Не пригвождай моих смущенных мыслей к свету
И тщетно не давай приятного обету!
Подите от меня вы, нежны мысли, прочь,
Не представляйте мне бедою тиху ночь,
Не рушьте моего желанного покою,
Да нетрепещущей скончаю жизнь рукою,
А ты родителю дай знать...

(Возносит руку с приготовленным кинжалом.)

Астрада

(отъемлет кинжал из рук ея)

Дай смерть себе,
Коль хочешь, чтоб Хорев последовал тебе.

Оснельда

Какое имя ты, Астрада, вспоминаешь?!
Почто мои стези ко смерти препинаешь?
Иль кажется тебе, что мало в жизни мук?

Астрада

Но срамно умереть своих убийством рук.

Оснельда

Когда нет области над жизнию своею,
Так что ж осталося под властию моею?

Астрада

Хорев, которому сей град и вся страна
Отдастся в власть, когда взойдет его луна
И придут дни его.

Оснельда

Хорев моим не будет
И, упования лишась, меня забудет,
А честь владычества с иною разделит.
Но, ах, не то, не то стонати мне велит.
Не скипетр, не венец мне льстит в отцевом граде,
Я с ним готова б жить была в убогом стаде,
Питаться былием, едину воду пить.
Хотела одного — чтоб только с ним мне быть.
Но что я зрю?! Увы!

ЯВЛЕНИЕ 3

Хорев, Оснельда и Астрада.

Оснельда

Несчастлива я в свете!

Астрада

Взгляни на сей кинжал и мысли, что в ответе
К княжне написано.

Хорев

Того ль я, боги, ждал!

(Читает письмо.)

Астрада

(во время чтения)

Кого любовный жар толико повреждал?!
Надежду окончав в минуты жизни слезной,
Едва не скрылась ты в отчаянии бездной.

Владычица тоя во мрак тебя звала.
К сему ли варварству краса твоя цвела?

О с н е л ь д а

(Хореву)

Мне ты виною в том и склонность запрещенна,
А я по самый гроб, мой князь, тебя лишенна.

Х о р е в

Лишенна? Ах, княжна! Представь себе, кому
Ты это говоришь: Хореву своему.
Ведь нет любовнику сего жесточе слова!

О с н е л ь д а

Не сетуй, помогай!

Х о р е в

О время рока злого!

О с н е л ь д а

Коль любишь ты меня, так честь мою люби;
Коль нет, отъемли честь, отъемли жизнь, губи
Любезную свою. Слез больше не имею
И больше умолять Хорева не умею.

Х о р е в

Какой ты помощи, княжна, желаешь мной?

О с н е л ь д а

Тебя, любезный, зреть мне ставится виной.
Отец мя, дав мне жизнь, утех ея лишает;
Расстанься, князь, со мной, коль рок любви мешает.

Х о р е в

Но коим образом расстаться ты велишь?
Подай скоряе смерть, котору ты сулишь.

О с н е л ь д а

Ах нет, живи! Но днесь оставь надежду дальну
И больше не смущай словами мысль печальну.
Не говори тех слов, которы слабят ум,
И больше не имей о мне любовных дум, —
Оснельду ими ты лишь больше огорчаешь.

Хорев

В которую страну несчастна отлучаешь?
В который света край мя хочешь отдалить?
В какой пустыне мне велишь ты слезы лить,
Которые мужам хотя и неприличны,
Но если горести обымут необычны,
Вздыхание и стон удобно извлекут
И слезы из очей неволей потекут?

Оснельда

Возлюбленный мой князь! Я то ли предприемлю,
Чтоб ты для пленницы свою оставил землю?
Прославлен храбростью, гражданами любим
И в младости своей врагам ужасен зрим,
Останься, где живешь, и защищай границы,
Но подзреваему честь юныя девицы,
Любовницы своей, оправити ей дай:
Пусти меня к отцу!

Хорев

Помысли, рассуждай,
Могу ль я сим тебе свободу приносити?
Что будет обо мне тогда весь град гласити?
Что скажешь ты сама? Какой пример я дам
Державы своея подверженным рабам?
Те люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны.
Ты имя мне мое велишь теперь губить.
Иль можешь ты потом изменника любить?

Оснельда

Ин, мучь без жалости любовницу несчастну
И умертвляй меня, тобой всем сердцем страстну!

Хорев

Я сим величество твое изображу
И после сам тебя на троне посажу.
Потомки возгласят, что я владел страною
И властвовал собой, ты властвовала мною.

Оснельда

Престол мой кажется бежати от меня.
На что обманывать несчастную меня?

Потомки возгласят, что ты меня оставил
В стыде, которым ты, ты сам меня бесславил.
И так погибнет та мечтательная честь,
А я умру в плену. Возможно ли то снесть?!
В стыде влачити жизнь, по смерть порок терпети
И при конце сию мысль лютую имети,
Что я с бесчестием на свете сем жила
И с ним кончаюся?

Хорев

Вина стыда мала.
К чему природа нас безвредно понуждает,
Те страсти в нас одно злодейство охуждает.

Оснельда

Сей страсти всё претит. Когда родитель мой
Для дщери своея разрушил свой покой,
Пришел из дальных стран к потерянному граду
Найти при старости последнюю отраду,
Ни блата, озера́, ни степи, ни леса,
Ни горы каменны, ни мрачны небеса
Остановить его не возмогли в походе, —
И таковую ль мзду воздам своей природе?
Такие ли, увы, произрастят плоды
Желанию его подъятые труды?
За то, что он родил, его врагом я стала?
Когда он был в трудах, я в роскоши дерзала,
С кем он вступает в брань, того теперь люблю.
Колико бед я вдруг, возлюбленный, терплю!

Хорев

О время! О часы!

Оснельда

О вы, случаи люты!
Скончайте мне скоряй толь горькие минуты!

Хорев

Се слышу глас трубы, зовущия на брань.

Оснельда

О небо! Отврати свой гром иль праздно грянь!

ЯВЛЕНИЕ 4

Хорев, Оснельда и Велькар.

Велькар

Полки все собраны к течению из града,
Завлох у самых стен, и зачалась осада.
Скрежущая смерть взмахнула уж косу.
Оставь теперь, оставь возлюбленну красу!
Во всем стремленьи смерть ко граду приближенна
И всё являет то на нас вооруженна,
Что только может жен ко трепету привлечь
И мужески сердца воздвигнуть и зажечь.
Ступай, о государь, ступай на ратно поле,
Или погибнет всё! Ступай, не медля боле.

Оснельда

Возможно ли сие смятение снести!
Прости, любезный князь, впоследние прости!

Хорев

Надейся, что сие несчастье прекратится
И что к тебе Хорев на радость возвратится.
Жалей сих слез, жалей, которые ты льешь,
А ими из меня стесненный дух влечешь!
Не плачь толь горестно, не сетуй без отрады;
Ах, либо и прейдут часы сея досады.

Оснельда

Могу ль не плакать я в случаях таковых?
И можешь ли жалеть ты больше слез моих,
Когда твой правый гнев против меня пылает
И, ах, против меня ко брани посылает?

Хорев

Прости и умеряй тоску, живот храня!

Оснельда

Разверзися, земля, и поглоти меня!

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Кий и Сталверх.

Кий

Что войско делает?

Сталверх

Хорев пошел из града
И вся российского престола с ним ограда.
Подъяло воинство граждански бремена,
Уже распущены по ветрам знамена.
Зовущие на смерть по накрам громки бои
Являют, каковы российские герои
И что в природе нет такого ничего,
Что б в ужас привести в полках могло кого.
Вы сами скажете, державы сей соседы,
Колики одержал над вами Кий победы.
Которая земля прославилася так?
Здесь воин в брань идет, подобно как на брак.
Как быстрая река, лияся чрез долины,
Что встретит, всё влечет с собой в морски пучины,
И разлиянием вал к устью горделив
Отъемлет брег, топя плоды с далеких нив, —
Таков есть наш народ в сражении жестоком:
Хоть смерть в очах его, он зрит бесстрашным оком.
Но ежели в сей день иная будет весть?
О братство зверское! О пагубная лесть!

Кий

Знать, речь Оснельдина пришла тебе невнятно
И братне слово к ней услышалось превратно.
За малодушие князь видел Киев гнев,
И, быв любовником, стал паки быть Хорев.

Сталверх

Почто, о государь, смягчил ты сердце гневно?
Ты будешь помнити прошедший гнев вседневно.

Кий

Так хочешь ты, чтоб я в вражде с Хоревом был
Или б его на смерть во гневе осудил
И все дни сетовал оставшего мне века?
Довольно слез лила мне смерть любезна Щека.
Ты ведаешь, Сталверх, что средний сей наш брат,
Как сей в осаде был непобедимый град,
Во мужестве своем убитый под стеною,
Мне лютой в торжестве был ярости виною.
Я башни разметал и храмы разорил,
И место, где он гиб, я кровью обагрил.

Сталверх

Теперь, о государь, еще есть нечто ново.
Имею донести тебе важнейше слово.
Темничный некто страж перед меня предстал,
И вот какое мне известие сказал,
С великим говоря усердием и жаром.
Един из пленных был освобожден Велькаром,
Который выпуск сей тобою объявил,
Что будто пленник сей перед тебя зван был.
Потом с Велькаром он опять у них явился
И в узы прежние в темнице заключился.
Но стражи, кои град и стены стерегут,
Изобличение яснейшее дают:
Велькар им дал приказ врата отверзти спешно
И пленника пустил из града беспомешно.
Довольно ли сего ко обличенью дел,
В которых ты, мой князь, мне верить не хотел?

Кий

Представь свидетелей пред княжеские очи
И будем ожидать сея ужасной ночи,
Котора вознесет на небо свой покров,
Покрыть невольников во граде без оков,
В которой блеск венца главы моей затьмится
И кровь невольничья с геройской съединится.
С какою кровию моя смесится кровь!
Что делаешь ты, что, проклятая любовь!
Представь!

ЯВЛЕНИЕ 2

Кий

(один)

Когда Сталверх сказал сие не ложно,
Так трона удержать уж больше невозможно.
Меч росский на себя я ныне изострил,
Врага и воинство из града испустил.
Мечи, которые против врагов блистали,
И стрелы, кои в них в сражении летали,
Герой и брат, о ком толико я рачил
И коего в войне бесстрашию учил,
На мя на самого жестокость обращают
И трону моему паденье возвещают!
Но чтобы предварить толико лютый гром,
Да не низвергнусь в ад Хоревовым рабом,
Лишь только меч его сверкнет на ратном поле,
На Кия возвращен, скончаюсь на престоле.
А сей лютейший яд противных мне кровей,
Оснельду, погублю и сниду купно с ней
В подземные места чрез мрачные степени,
Чрез непреходный путь, во тьму, где дремлют тени.
Не так! Свирепая, коль толь твой вреден взгляд,
Не жди побед, умри, предшествуй мне во ад!
Глаза твои, глаза прелестные сомкнутся,
Доколе на полях победы не зачнутся.
Еще мне время есть представить во тщету
Надежду, молодость, любовь и красоту,
Чтоб счастья ты сего, ликуя, не видала,
Как с Киевой главы корона ниспадала
И что Хорев...

ЯВЛЕНИЕ 3

Кий, Сталверх и два стража.

Сталверх

Они изустно возвестят,
В Хореве каковый таился лютый яд.
Свидетельствуючи нелицемерну службу

И недостойную твою со братом дружбу,
Я жизнь его и час рождения кляну.
Оставь, о государь, от ревности вину!

Кий

От истины сея дрожат мои все члены.
Какие сталися, раби мои, измены?

Страж темниц

Великий государь, нам сказано сие,
Что пленный предстает перед лице твое.

Страж градских ворот

А я, как посланну с письмом отсель тобою,
Не удержав его нимало пред собою,
Отверз ему врата и дал свободный путь.

Кий

Или, Сталверх, сие обман какой-нибудь
От стражей в пагубу невинному Хореву,
Иль впрямь, бессмертные, привел я вас ко гневу?!
О верные раби! Вы, дух мой весь томя,
Коль правду донесли, не сетуйте на мя,
Что я о истине, мне сказанной, сумнелся.
Хорев! Когда таков в очах моих ты зрелся?!
Какую злую мысль ты тщился расплодить?!
Легко ль владетелю с престола нисходить,
Оставить честь и сан, с главы сложить корону,
Лишася области, подвергнуться закону
И повелителю народов быть рабом!
Где скрыть бесчестие? О град! О княжеск дом!
Пустите убежать мне вас, умрети ныне,
В лесах скончати жизнь и смерть приять в пустыне!
Пусть кровию моей напьется вран в лесах
И тело в алчущих истлеет тамо псах!
Но, где невольник сей, мне должно известиться.

Сталверх

(немного отошел)

Войди в чертог сюда пред князем обличиться.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и невольник.

Невольник

Окамененным мя вина моя творит.

Кий

Несчастный, говори! Кто правду говорит,
Того суд праведный щедряе обвиняет:
Кий гневный казнь твою в пощаду пременяет.
Зачем ты послан был во вражеский мне стан?
Какой имел приказ? И кем приказ был дан?

Невольник

Велькаром свобожден нечаянно темницы,
Представлен пред глаза несчастныя девицы,
Котора иногда княжна моя была.
Я грамоту отнес и возвращен с ответом,
А что в них писано, клянусь пред всем я светом,
Что мне того никто, что в ней, не показал.
Клянуся жизнию, что правду я сказал.

Кий

При отправлении какие речи были?

Невольник

Я должен всё сказать то, что ни говорили:
Княжна при отпуске велела объявить,
Что чает сим она на княжеск трон взойтить,
Но чтобы дело то весьма сокрыто было
И чтобы воинство того не ощутило,
Доколе меры все не во́зьмутся к тому.
А князь, ответствуя по слову моему,
Сказати ей велел, во гневе то вещая,
Не знаю, на кого ту ярость ощущая,
Чтоб делала она то, что ей долг велит.
Сей пленник пред тобой всю правду говорит,
А больше, государь, о деле сем не знаю.

Кий

Сталверх, я цепь с него сложить повелеваю.
Сего довольно мне, ток действа виден весь.
Изыдите отсель, а ты останься здесь.

ЯВЛЕНИЕ

Кий и Сталверх.

Кий

Что мы не в строгости Оснельду содержали,
Вот с милости плоды какие мы пожали.
А ты, о лютый зверь, с главы того венец
Снимаешь дерзостно, кто был тебе отец!
Льзя ль чаять было мне, чтоб сделал ты измены!
Падите на меня, о вы, черто́жны стены,
Которы видели младенчество его,
Что я его растил, как сына своего!
Не сына, но змею мне время днесь являет,
Которая меня злым жалом уязвляет.
Ни самый лютый тигр толь жесток может быть,
Но, ах, к чему слова в сей крайности плодить?!
Введи княжну сюда, окованну, с собою,
Да мой умножит гнев жестокою судьбою
И милосердие во злобу претворит,
Которое о ней мне в сердце говорит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кий

(один)

Какую чувствую я в сердце жалость боле!
Или ее хочу оставить на престоле,
Чтоб, область восприяв с Хоревом в сей стране,
За милосердие она ругалась мне?!

ЯВЛЕНИЕ 7

Кий, Сталверх и Оснельда

Оснельда

Спеши, желаемый, ко мне, мрак вечной ночи!
Закройтеся скорей, мои слезящи очи!
Казни, я милости просити не хощу!
Казни, я горький дух бесстрашно испущу!

Кий

Принудив власть мою на мщенье правосудно,
Ты в то меня ввела, что щедролюбцам трудно
И гнусно естеству. Свирепая, твой взгляд
Оставит по тебе потомкам вечный смрад.
Нет, ты не от людей на свет произведенна,
Ты лютой львицею в глухих лесах рожденна
Или воспитана ты тигриным млеком...

Оснельда

Престань, о государь, во гневе быть таком
Или свершай свой гнев, оставя брани, делом
И разлучай мою несчастну душу с телом!
Когда против тебя соделала я что,
Я вся в твоих руках, карай меня за то!

Кий

Не умножай во мне ты больше гнева люта, —
И так твоя пришла последняя минута!
Хотя в Хореве ты изменника нашла,
Не думай, что бы ты на Киев трон взошла.

Оснельда

Хорев изменник стал?! Хорев тебе неверен?!
Ах, князь! Твой жаркий гнев напрасен иль чрезмерен.

Кий

Ты хочешь оправдать изменника сего,
Врага отечества и друга своего?
Страшись!

Оснельда

Не мни, чтоб я свирепств твоих боялась
Или бы с жизнию скорбяща расставалась.
Я в бедности, в плену, я в узах в сей стране,
Но смерть трепещуща приближится ко мне
И робко разлучит мое с душею тело,
Увидючи меня на гроб мой зрящу смело.
Стремися жизнь отнять, стремися, погубляй
И все свирепости свои на мне являй!
Ты можешь покарать, коль хочешь, мя безвинно,
Но, ах, против его вставать тебе бесчинно.

Кий

Но сожаление толикое о нем
Родилось отчего в пленении твоем?

Оснельда

Одна ль его чту я? Он мил всему народу,
А мне, содержанной в плену, давал свободу.
Не сим ли, государь, ты тако прогневлен,
Что сей герой легчил несчастной девы плен?
Но ты всё с нами был и всё то прежде видел.
Что сделалось, что нас ты вдруг возненавидел?
Я — пленница, но в чем виновен сей герой?
Ах, разве в том, что шел против меня на бой?

Кий

Хорев с тобой меня с престола свергнуть тщится,
Но тщетно то ему, к твоей надежде, снится.
Не буду я рабом...

Оснельда

Далеко от того!
Обманываешься.

Кий

Так для́ ради чего
Невольник послан был, Велькаром свобожденный,
К бездельству твоего Хорева учрежденный?

Оснельда

Ты сам себя бранишь, невинного браня.
Довольно и того, что ты винишь меня!
И я молчание невольно оставляю
И таинство души пред всеми объявляю.
Твой брат мне мил, и я мила ему равно,
Любовь сия в сердцах несчастливых давно,
И ежели она во гнев тебя приводит,
Пускай отмщение на мя одну исходит.
Я — дщерь Завлохова, так ты врагом мя числь,
Не мни лишь ты, чтоб он имел толь злую мысль.
За тем к родителю Оснельда посылала,
Что брата твоего в супружество желала,
Но, ах, родитель мя к тому не допустил:
Завлох Хорева мне любити воспретил.

Кий

Яви мне грамоту, я прежде не поверю.

Оснельда

Клянуся всем, что есть, что я не лицемерю,
А грамота сия тогда же раздрана,
Когда печальная мной весть получена,
Чтоб я в продерзости, котору сделать смела,
Изобличенья пред глазами не имела.
Казни меня, казни и смертью затуши
Воспламенения несчастныя души,
Лишь, ах, в отмщении имей ты меру гнева
И сей возжженный огнь оставь в крови Хорева.
Но, о дражайший князь, возможешь ли ты снесть,
Услышав обо мне сию печальну весть?
Уже тебя я зрю слезами окропленна,
В тоске, в беспамятстве, в напасти утопленна.
Снеси, возлюбленный, снеси печаль сию,
Останься жив, прими из ада тень мою,
Вмести мой дух в себе во знак любви нелестной,
И сопряги с собой остаток сей безвестный,
Не дай мне в жалобах на Кия пребывать,
И тени, ах, моей и тамо унывать!

Кий

Но кое слово ты о Кие износила,
Как ты любезного о чем-то там просила?
Мне всё известно то.

Оснельда

Ах, разве томный ум,
Исполнен множеством моих печальных дум,
Прешедшие беды, рабов моих железы
И настоящу брань, мои всегдашни слезы
К смятению души стенящей представлял?
И нечто мой язык в забвении являл.

Кий

(говорит Сталверху нечто на ухо, Сталверх выходит, а Кий потом)

Не жди, лукавая, в обманах сих успеха!
Погибла вся твоя надежда и утеха,
И смерть твоя близка.

Оснельда

Чего мне больше ждать?
Но нечего уже мне смерти злой отдать:
Родительский престол, владычество, держава,
Величество мое и наша прежня слава
Давно в твоих руках. Дух встретить смерть готов,
И взять уж нечего ей, кроме сих оков.
На что мне больше жить? Бесстрашно умираю.
Но, ах, когда о том я мысли простираю,
Что в подозрении останется Хорев!..
Смягчи, о государь, к нему напрасный гнев!

Кий

Ты хочешь мне еще предписывать уставы?

Оснельда

Дела пред светом всем его явятся правы,
И нет опасности мне в том, о чем прошу;
Лишь сим прошением невинность поношу.
Когда придет во град под лавровой короной,
В великолепии на колеснице оной,
За коей пленников несчастных повлекут
И между коими Завлоха нарекут,
Тогда ты варварство соделанно вспомянешь,
Но тщетно обо мне тогда жалети станешь.

Кий

Умри, обманщица! Вступите, стражи, к ней,
Возьмите!

ЯВЛЕНИЕ 8

Кий

(один)

Вы хотя теперь душе моей,
В глубоких пропастях стенящие тираны
И моющие слез потоком оны раны,
Которы на земли приняты суть от вас,
Подайте варварства на сей жестокий час;
Чтоб мог свершити я намерение строго!
О слава! Трон! Венец! Вы стоите мне много!

ЯВЛЕНИЕ 9

Кий и Сталверх с кубком.

Кий

Подай сей кубок ей, скажи: се мзда ея!
К чему приведена теперь душа моя?!
О боги, можете ль сию вы злобу видеть?!
И небо и земля мя должны ненавидеть.
Но можно ли царю бесчестие снести?!
Никак нельзя тебя, Оснельда, мне спасти.
Между какими я уже в числе князьями?!
Я вашими иду, мучители, стезями.
Но льзя ли требовать, чтоб я ее жалел?!
Поди и исполняй, что я тебе велел!

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ 1

Кий
(один)

О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всех трудняй его законы.
Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
И превращается в тиранство строга власть,
А милость винному, преступнику прощенье
Нередко и царю и всем в отягощенье.
Но меры правоты всегда ли льзя найти,
По коей к общему блаженству мочь идти?
Потребно множество монарху проницанья,
Коль хочет он носить венец без порицанья,
И, если хочет он во славе быти тверд,
Быть должен праведен, и строг, и милосерд,
Уподоблятися правителям природы,
Как должны подражать ему его народы.
Но коей радости в победе ныне жду?
Почто в желанный гроб толь медленно иду?

ЯВЛЕНИЕ 2

Кий, Велькар с Завлоховым мечем и несколько воинов с ним.

Кий

Что вижу я?!

Велькар

Се меч Завлоха побежденна,
Отдаться пленником Хореву принужденна.

Кий

(единому из воинов)

Беги скорей к княжне, к владычице своей,
К невесте княжеской, скажи свободу ей
И чтоб Сталверх пришел.

Велькар

Скончавши дня ненастье,
Хорев сугубое в сей день имеет счастье!

Кий

Дай небо, чтоб его он подлинно имел!

Велькар

О если б, государь, дела его ты зрел!
Еще полки на брань не двинулись из града,
Завлох уж был у стен, и началась осада.
Тронýлось воинство, но уж у каждых врат
Спиралися враги, бросая смерть во град.
Что сила мужества собранием поздала,
Победа, ждуща нас, нас страхом обуздала.
И как уже Завлох во град войти хотел,
Хорев, зря бедство то, против него летел,
Встречается, разит со мужеством премногим;
Так средь шумящих вод, волнам противясь строгим,
Корабль, отвсюду ждущ погибелей своих,
Дерзает на валы и попирает их.
Их стрелы так, как град, противу нас неслися.
Казалося, поля от ужасу тряслися.
Воспоминанием прешедшия войны,
Где гибли чада их, родители, жены,

Они на грозну смерть с бесстрашием бежали,
Летели помереть и смерть уничтожали.
Князь малое число людей с собой имел,
И против с ними он великой бури шел.
Хорева действия бесстрашны показали,
Увидели враги. «То он, то он!» — сказали.
Метались на него, но смерть на месте сем
Ужасна им была с Хоревовым мечем.
Хотя они его отвсюду окружали,
Но руки над главой его с мечми дрожали,
Когда их дерзости сопротивлялся рок
И лился от меча острейша кровный ток.
Несется страшный глас по воинству во граде:
«Хорев сражается и у врагов в осаде!»
Сей глас, стенящий глас, как некий новый бог,
Воинские сердца еще жарчае жег.
Приходит новая во все их сила члены,
И, вместо врат, пути творят себе чрез стены.
Стремятся времена продлити дней драгих,
Текут во множестве, где гибнет счастье их,
На копья, на мечи свергаются с размаху,
Не чувствуя в сердцах ни гибели, ни страху.
На избавление к нему весь град предстал;
Смятенный им народ мечами заблистал,
Геройско мужество в отваге войско мчало.
Посем порядок тут приял свое начало.
На зверя яко зверь стремится, на тельца,
Так князь пошел против Оснельдина отца.
Сугубо мужество их воинству являет
И все свои полки далеко оставляет.
И как копье свое в щиты Хорев вонзал,
Два раза конь под ним от стрел вонзенных пал,
От третьей от стрелы упад, не мог встать боле
И всадника на смерть оставил пеша в поле.
Во опасении Хорев вторичном был,
Но, тьмой врагов объят, вокруг себя рубил.
Шелом с главы упал, а он на смерть остался,
Однако на врагов своих, как лев, метался.
Се воинство опять за ним на смерть спешит,
Воинска жара смерть нимало не тушит.
Бегут рассеянно враждебные народы,
Бегут без памяти, падут с коньми с гор в воды.

Имея при себе всё войско и меня,
Хорев вооружен восходит на коня.
Врагов, как ветер прах, он бурно возметает
И, яко молния, в полях с мечем блистает.
Сим новую в полках он силу возбудил
И храброго врага преславно победил.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и посланный к княжне.

Посланный

Скрепися, государь!

Кий

О злое рока жало!

Велькар

Что сделалося здесь?

Посланный

Оснельды, ах, не стало!

Велькар

Какой, увы, удар...

Кий

Почто я в свет рожден?!
К чему, несчастливый, я ныне приведен?!

Велькар

Какие лютости душа твоя имела,
Что в горести ее хранити не умела?!

Кий

Не ведаешь еще несчастий ты моих.

Велькар

Что может, государь, быть больше бед нам сих!
Оснельды нет, Хорев...

Кий

Хорев теперь в покое:
Ах, мнит ли он прийти на зрелище такое?!
Скажи, что видел ты?

Посланный

Я с вестию к ней шел...
О боги! Какову Оснельду я нашел!
Смутился весь мой дух, и сердце задрожало;
То тело на одре бесчувственно лежало,
Увяли красоты, любви заразов нет...

Кий

Сокройся от очей моих противный свет!

Посланный

Астрада во слезах, Астрада огорченна;
Тоской, отчаяньем и стоном отягченна,
Рыдает, мечется и рвется в сей беде:
«О боги! — вопиет, — иль нет суда нигде,
Когда так долго ждет сие злодейство казни?!
Или оставлен свет в неправде без боязни?!
Разите, небеса, бросайте огнь и гром!
Пади над телом сим несчастливый сей дом,
Где праотцы ея так долго обитали
И где родители Оснельду воспитали!»

Кий

Несносных лютостей исполнен сей мне день.
О жалующася во тьме на Кия тень!
Не представляйся мне стеняща предо мною,
Не мучь меня моей ты варварской виною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Хорев и Завлох.

Хорев

Се час желаемый Хоревом совершен;
Победы чаемой Завлох уже лишен.
А мы, прославився, еще себя прославим
И, покорив врагов, друзьями их оставим,

А ты, о храбрый князь, покорствуя судьбам,
Прими подобну мысль и будь союзник нам!

Завлох

В каком ты станешь мя, Оснельда, виде зрети?!
Почто претил тебе в любови я горети?!
И, может быть, я сим толико согрешил,
Ах, если я союз твой с князем разрешил?

Хорев

Мне дщерь твоя мила и ныне так, как прежде.

Завлох

Так буди, дочь моя, ты в сей опять надежде!

Кий

Какой я слышу гром!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Кий, Хорев, Завлох, Велькар и воины.

Единый воин

(вошед)

Сталверх скончал живот,
Низвергшись в глубину Днепровых быстрых вод,
Отчаян, горестно терзаясь и стоная,
И свергся со брегов, Оснельду вспоминая.

Хорев

Оснельду при конце...

Кий

Любезный брат! Увы!
Мы ведали уж то, что с ней любились вы,
Но таинству сему давали толк мы ложно.
О боги! Вымолвить напасти невозможно!
Посольство, грамоты во вражески станы
Тобой к жестокому смятению даны.
Любезнейший Хорев!..

Хорев

Я вижу, все мятутся,
Часы моих побед часами бедства чтутся.
Ты сетуешь, молчишь, ослабевая весь...
Скажи, о государь, что сделалося здесь?
Скажи мне ты, Велькар, скажи, мой друг любезный!
Ты плачешь... ах, княжна!

Велькар

Минуты злы! Рок слезный!

Хорев

О небо!

Кий

Ты, Велькар, не ведаешь того,
Кто был причиною несчастия сего.
Карай меня, Хорев, свергай с высока трону,
Я — твой лютейший враг, снимай с главы корону!

Хорев

Я вижу, государь, что ты меня сразил.

Кий

Рази и ты!.. Я... ах!.. Оснельду умертвил.

Хорев

Что слышу я теперь?!

Завлох

О дщерь! О плод несчастный!

Велькар

К чему такой удар тобою был ужасный?!

Завлох

О превышающа беда мои беды!
Се дружество, мой князь, из прежния вражды?!

Хорев

Не сон ли мя страшит нечаемой судьбою?!.
Оснельда!.. В истину расстался я с тобою?!.

Где я?!.. И что я стал?!.. День злобный! Лютый час!
О боги праведны! Хорев прогневал вас!
Но кая темна ночь вдруг небо покрывает?!
Какая фурия мне сердце разрывает?!
В какие пропасти, дражайшая, падешь?!
В какие мрачные пещеры ты идешь?!
Оснельда!.. Небеса! Иль вы на мя падите,
Или в сей крайности любезну соблюдите!
Велькар! Лишаюся красот ея драгих;
Уже скрывается она от глаз моих.
Влеките из меня мою вы душу страстну!..
Бегите, бросьтеся спасти княжну несчастну!..
Прости, любезная!.. Но, ах, ея уж нет!
Прости!.. Увы!.. Совсем померк уже мой свет.
О нестерпима казнь! О рок ожесточенный!

Велькар

Сбери, о государь, свой разум расточенный!
Ты чувств лишаешься.

Хорев

Оснельда! Где ты? Где?..
Ея пресекся век, а я в сей жив беде!
На что мне лавры, сан, наследственна держава?
Погибни всё теперь, величество и слава.
На что мне уж и жить на свете сем, стеня?
Уж нет того, уж нет, что льстило в нем меня.
Великодушствовать потребно неотложно,
Но мысли горькие преодолеть не можно:
Оснельда во слезах пред очи предстает,
Которые она о мне при смерти льет.
Воображаются мне все ея заразы,
Воспоминаются последние приказы,
И представляются мне все утехи те,
Искал которых я в любви и красоте!
К какой я радости с победой возвратился?!
Где делися вы, дни, которыми я льстился?!

Завлох

Ты сделала, о дщерь, хотя упал наш трон,
И победителям и побежденным стон.
И, если в аде глас Хоревов дух твой тронет,

Внемли, как сей тобой герой великий стонет!
Плененной не почтет тебя, нисшедшу, ад,
Заплачет по тебе с Хоревом весь сей град.

Хорев

Какая польза в том несчастному Хореву?!
Уже не возвратит сей плач несчастну деву.
Не временно лишен ея, но навсегда,
И уж не буду зреть Оснельды никогда.

Кий

Карай мя, я твое сокровище похитил.

Хорев

Пускай сей кровию тебя твой гнев насытил,
Который толь тебя на мя ожесточил,
Но если ты о мне когда-нибудь рачил,
Так сделай только то, о чем напоминаю!
Сие прошение исполнишь ты, я знаю:
Отдай Завлоху меч, свободу возврати,
И воинство всё с ним из града испусти.

(Кий отдает Завлоху меч, а Хорев говорит Завлоху.)

А ты, несчастный князь, возьми с собой то тело,
С которым сердце быть мое навек хотело,
И, плачем омочив лишенное души,
Предай его земле, над гробом напиши:
«Девица, коей прах в сем месте почивает,
И в аде со своим Хоревом пребывает,
Которого она любила в жизни сей, —
Хорев, ея лишась, последовал за ней!»

(Закололся.)

Конец трагедии

СЕМИРА

Трагедия

ПРЕДСТАВЛЕНА
В ПЕРВЫЙ РАЗ В САНКТПЕТЕРБУРГЕ
НА ИМПЕРАТОРСКОМ ТЕАТРЕ
В ИСХОДЕ 1751 ГОДА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Олег, правитель Российского престола
Оскольд, князь Киевский
Семира, сестра его, любовница Ростиславова
Ростислав, сын Олегов
Возвед, сродник Оскольдов
Витозар, наперсник Олегов
Избрана, наперсница Семиры
Вестник
Воины

Действие в Киеве, в княжеском доме

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Семира и Избрана.

Семира

Что к горести меня любовь воспламеняла,
Я часто то тебе, Избрана, предвещала.
Сбылось ли то теперь? Рок муки те принес.
Где помощи искать?! . Правители небес,
В тоске и жалости мой дух изнемогает,
И сердце томное крушится и страдает!
С предальной высоты воззрите к сей стране
И, унывающей, подайте крепость мне!
Избрана, я хочу любовника оставить
И, одолев себя, навек себя прославить.

Избрана

Но будешь ли иметь толико много сил?

Семира

Хотя возлюбленный мне больше жизни мил,
Но помню то, что им отец мой свержен с трона
И наша отдана им Игорю корона.
Когда Оскольд, мой брат, надежды не имел
Вселенной показать своих геройских дел,
Я сердца своего тогда не побеждала,
А ныне часть моя совсем пременна стала.

Олег невольников от уз освободил
И щедро из темниц невольных испустил,
Чтоб нашим подданным, отдав им их свободу,
Явить себя отцом плененному народу
И, покорив сердца, искати новых стран.
Но брату моему на то ль дух гордый дан,
Чтоб он был раб и чтоб он пребыл во неволе
И видел Игоря на Киевом престоле?
На то ли Кий сей град стенами окружил,
Чтоб сродник в нем его рабом Олегу был?

Избрана

Князь млад, отцу врученный Ростислава.
Олегом правится и войско и держава.
Он — сродник Руриков, им к чести сей взведен,
И Игорь от отца Олегу поручен,
Отцом его зовет, его уставы внемлет.
Оскольда сыном же правитель здесь приемлет,
Оскольд не в бедности, — в почтении живет,
Твоя подобно жизнь во славе здесь плывет...

Семира

Во славе?!.. В горестях!

Избрана

Олегов сын вздыхает...

Семира

Сие мне пущее мученье приключает.

Избрана

Коль вы оставите намеренье свое,
Во счастие прейдет несчастие твое:
Противу Игоря ослабла ваша сила,
И вас ему судьба навеки покорила.

Семира

Когда освобожден подвластный нам народ,
Довольно сил у нас: уже мы третий год
Бесплодными в сердцах досады оставляем
И к рабству суетно так долго привыкаем.

Избрана

Не к рабству вспалена твоя, Семира, кровь...

Семира

Оскольда не взведет на трон сия любовь.
Отец наш жизнь свою скончал не на престоле,
Дир, младший брат его, погиб на ратном поле,
Он трона отчужден. Семира всякий час
Возносит к небесам прежалобный свой глас.
Вот обстоятельства, в которые мы впали,
И льзя ль, чтоб с братом мы спокойны пребывали?

Избрана

Но что он с воинством толь малым учинит?

Семира

О нашем воинстве Олег не тако мнит.
Почто он Игоря отсель пред сими днями
Отправил на Ильмень и не оставил с нами?
Сея щедроты он при нем не совершил
И узы без него плененным разрешил.

Избрана

Олег, как дочь свою, Семиру почитает.

Семира

Он прямо гордости моей еще не знает,
Иль мнит, когда мне стал любезен Ростислав,
Что страстью умягчен во мне геройский нрав?
Обманывается: хоть пленна я и сира,
Хоть я любовница, но та же всё Семира.
Когда бы страсть могла мой нрав переменить,
Бесчестно было бы герою мя любить.

Избрана

Какие ж от любви плоды имети чаешь?

Семира

На что ты больше мне о том напоминаешь?
Иль малодушием ты мнишь меня прельщать?
О страсти ли уже любовной нам вещать?

ЯВЛЕНИЕ 2

Оскольд, Семира, Избрана, Возвед и воины.

Оскольд

Настал нам день искать иль смерти, иль свободы.
Умрем иль победим, о храбрые народы!
Надежда есть, когда остался в нас живот,
Бессильным мужество дает победы плод.
Не страшно всё тому, кто смерти не боится.
Пускай хотя на нас природа ополчится,
Что может больше нам несчастье приключить,
Как только в храбрости нас с жизнью разлучить?
О град родительский, отечество драгое,
Где взрос я в пышности, в веселии, в покое!
Могу ли я забыть, что я в тебе рожден
И что от твоего престола отчужден!
О верные раби, отвержем плена бремя!
Настало то судьбой назначенное время,
В которо должны мы вселенной показать,
Что нам несродственно под игом пребывать.
Коль наши храбростью оковы разорвутся,
Какие радости по граду раздадутся!
А ежели судьба нам смерть определит,
Падение сие дел наших не затьмит.
Пусть потеряние свободы невозвратно,
Мне в долг отечества и смерть вкусить приятно.
Кончина такова с победою равна,
И ею наша жизнь пребудет ввек славна.
Намеряся свой долг исполнить непреступно,
Спасем отечество или погибнем купно.

Воин

Не пощадим себя, куда велишь, пойдем
И за отечество всю кровь свою прольем.
Хотя бы звезды все на нас ожесточали
И небеса б на нас гром, молнию бросали,
Не устрашимся мы, воюя, ничего,
Погибель всякая легка, любя того,
Кто ныне к праведной нас брани посылает
И с нами в должности умрети сам желает.

Другой воин

Пойдем, о государь, пойдем против врагов!
Подай то свету знать, что тягости оков,
В темницах как они нас вредно ни тягчили,
Отважности в сердцах нимало не смягчили.

Оскольд

На то судьбина вам свободу отдала.
Нам сей назначен день свои явить дела.
Близ града множество в хранилищах подземных
Лежит оружия поднесь в дубровах темных.
Вы знаете места, где то сохранено.
Из града исходить вам всем позволено.
Невооруженных вас граждане не боятся,
И к подозрению их мысли не стремятся:
Гуляньем выход ваш отсель они почтут,
Сокрытых во лесах не скоро вас найдут.
Где быть собранию, Возвед вам то покажет,
А как вам действовать, то сам Оскольд вам скажет.
Недолго будете меня вы тамо ждать.
О други, время нам оружие поднять!

Первый воин

Всё войско, государь, к оружию готово,
И полетим на смерть, лишь выговоришь слово.

Семира

Природа! Для чего я девой рождена?
Я тщетно к бодрости теперь возбуждена.
Хоть с вами в равные вдаюся я напасти,
Не буду в храбрости иметь с вами части.

Оскольд

Непобедиму страсть стесняешь ты в себе, —
Довольно мужества, сестра моя, в тебе.

Семира

Довольно — для меня, но для народа — мало.

Оскольд

Для общества! Оно твой дух восколебало!..

(Возведу)

Поди уготовляй мне воинство в лесах
И возвратись потом.

ЯВЛЕНИЕ 3

Оскольд, Семира и Избрана

Оскольд

Княжна! На сих часах
Во граде скоро всё совсем переменится:
Иль паки наш народ в темницы возвратится,
Иль Игорев престол с величеством падет,
И град, подъяв главу, высоко вознесет.
Мне много верности раби мои являют,
С безмерным жаром мой престол восстановляют,
Но ты усердия мне кажешь больше всех,
Мне жертвуя, своих лишаешься утех,
Ты, благо общее любви предпочитая, —
Владычица страстей, себя одолевая.

Семира

От знатной крови я на свет изведена.
Должна ль я тако быть страстьми побеждена,
Чтоб делали они премены те в Семире,
Какие свойственны другим девицам в мире?
Где жизни хвальные примеры находить,
Коль в княжеских сердцах пороки будут жить?
Иль преимущество имеем пред другими
Одними титлами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горит, но бодрствует мой ум
И противляется отраве нежных дум.
Бессильствует любовь, ей сердце покоренно,
Но сил лишилося своих не совершенно,
И столько я еще во оном сил брегу,
Что я противиться любви легко могу.

Оскольд

Сия твоя любовь Оскольду преполезна.
Коль Ростиславу ты угодна и любезна,
Любовник без меня Семиру сохранит,
Под стражей сей тебя ничто не повредит.
С собой тебя отсель мне взять неосторожно,
Любезныя сестры мне там хранить не можно,
Где шум оружия подвигнет воздух весь,

Куда стремится рок в своем суровстве днесь,
В свирепстве воин где не знает женска пола,
Ни рода знатного, ни самого престола;
Где алчущая смерть, когда она разит,
Невинных иногда младенцев не щадит.
Коль буду счастлив я, увидишься со мною;
Когда в полях паду, ты братнею виною
К себе любовничьих покорств не истребишь,
Олега другом зреть ты будешь так, как зришь.
Не служит ни к чему твоя погибель ныне,
Отважности твои не надобны судьбине.

Семира

Благополучна б я на свете сем была,
Когда б тебе собой я помочь дать могла.
Но что?! Последую тебе, хоть я и дева,
Увидишь ты меня среди воинска гнева,
Не почитаему ни от кого женой,
Текущую с мечем повсюду за тобой.

Оскольд

Присутствием твоим там дух бы мой терзался,
Мне малый бы упор погибелью казался,
Остановляла б ты во всех путях меня.
Я б тамо, твой живот и здравие храня,
Позабывал себя и долг воинска дела,
Тебя б едину мысль моя в себе имела.

Семира

Останусь и тебя не возмущу ничем,
Не сделаю препятств в сражении твоем.
Но сколько без тебя подам я страху дани!
С немногим воинством отходишь ты ко брани,
А ежели тебя судьбина и спасет
И славно на престол родительский вознесет,
Я буду, может быть, еще стенать всечасно.
И о любовнике воспомнити ужасно!

Оскольд

Прешли уже часы веселья твоего.

Семира

О том не думаю я больше ничего,
Оставити его намерилась я твердо;
Но смерти не хочу ему немилосердо.

Оскольд

Не будет поврежден ничьею он рукой.

Семира

А если о тебе он в мысли не такой?

Оскольд

Ко исполнению Оскольдова желанья,
Коль смерть меня сразит, не испускай стенанья,
Не много плачь о мне, не много сожалей,
Великодушие ты то же возымей,
С которым очи я, во брани пад, закрою,
И тени моея не встревожь тоскою!

Семира

Воображение того мятет мой дух,
Едина речь о том, как гром, пронзает слух.
На что родители Семиру воспитали,
Коль жизни моея дни адской мукой стали?!

Оскольд

Любовник твой идет, скрепися перед ним.

Семира

Претягостен уже он стал очам моим.
Я скроюсь от него.

ЯВЛЕНИЕ 4

Оскольд и Ростислав.

Ростислав

Поступок мне сей дивен.
За что сестре твоей толико я противен?
Повсюду от моих скрывается очей.

Скажи, любезный друг, чем винен я пред ней?
Как я, Олег тебя своим имеет другом
И позволяет мне Семире быть супругом.
В темницах пленникам он узы разрешил,
Народу скованну свободу возвратил.
Я всё употребил вам сделать облегченье,
И за сие ли я ввергаюся в мученье?

Оскольд

Что ею ты любим, свидетель я тому.

Ростислав

Любим?!. Возможно ли спокоиться уму,
Когда мой ныне взор иное мне являет?!
Я вижу, что меня Семира оставляет.

Оскольд

Узря своих граждан, смущается она.
Представился сей день, когда сия страна
И пышный город сей впадали в ваши руки,
Возобновилися ея тогдашни муки.
Вообрази себе, коль горько было нам
Покорствовать таким сердитым временам.
Разбито воинство от тучи стрел бежало,
И множество людей в Днепре живот кончало;
Родитель побежден, трон гордый покидал,
Изранен, по лесам убежища искал.
Горяще здание всю сферу освещало
И в пламени свою кончину возвещало.
Состановлялися от дыма облака,
По улицам текла кровавая река.
Я брань творил еще, доколь держали ноги,
И, изъязвлен, в крови, взнесен в свои чертоги,
Я тамо зрел тебя, возъемлющего грудь,
Творящего себе из тел сраженных путь.
Семиру видел я перед тобой стенящу
И, падшую к ногам твоим, тебя молящу,
Чтоб пленным твой отец пощаду даровал
И за граждан ея живот несчастный взял.
О преужасный день! О рок ожесточенный!

Семира, как то снес твой дух преогорченный?!
О коль ты счастлив, Дир, что ты, сходя во гроб,
Не видел времени нам самых лютых злоб!
В тот день, как ты погиб, был город сей в надежде,
Паденья нашего не видно было прежде.

Ростислав

Конечно, горестны вам были те часы,
Но рок того хотел!.. Теперь твои красы
Велят, Семира, мне победы той гнушаться,
Которой я хотел на свете возвышаться.
Не я владею здесь, а если б я владел,
Оскольд бы в этот час на трон отцов восшел.

Оскольд

Когда герои власть оружием теряют,
Оружием себе ту власть и возвращают.
Покорством получить я скиптра не хощу
И милости себе в себе одном ищу.

Ростислав

В сумнение меня слова твои приводят.

Оскольд

От горести они из уст моих исходят.

Ростислав

Пустым сумнением не раздражайся ты,
Оно прошло, как все проходят суеты.
Когда нет способов исполнити желанье,
Рассудка слабого есть действо — упованье,
Твой разум не таков.

Оскольд

В чем способов не знать
И в чем надежды нет, то тщетно предприять.

Ростислав

Ах, тщетно, может быть, и я в любви сгораю,
И на сестру твою без пользы я взираю!

Скажи мою тоску, мой друг, сестре твоей,
Скажи мою болезнь и всё смятенье ей.
Как стражду я теперь, Семира не страдала
И в те дни, в кои смерть народы поядала.

Оскольд

Не сетуй, будучи любим, как прежде был.

Ростислав

Прошли минуты те, я больше ей не мил.
Потщися мне помочь, колико может братство,
И возврати, мой друг, ея ко мне приятство.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Олег и Семира.

Олег

Усугубляющи девичью красоту,
Я все достоинства твои, Семира, чту.
Коль Ростиславова любовь с твоею сходна,
Я радуюсь тому, что ты ему угодна.
Когда ж сей нежный жар успехи возымел
Ко увенчанию своих любовных дел,
Предстаньте пред богов и брачными цепями
Свяжите жизнь свою навек пред олтарями.

Семира

Предстану, ежели угодно то судьбе.

Олег

Но что веселости не вижу я в тебе?
Премену чудную я ныне обретаю:
Вздыхаешь, слышачи слова сии?

Семира

Вздыхаю.

Я к сыну твоему любовию горю,
Но множество препятств своим утехам зрю,

Моя неволя сим супружеством минется,
А брат мой навсегда в неволе остается.

Олег

В неволе, какову имеет ныне он,
Недостает ему единый только трон.

Семира

Для гордыя души, коль скипетра лишиться,
Уж не останется, чем больше веселиться.
Он чаял по отцу корону получить.

Олег

Ея уже ему ничем не возвратить.

Семира

А мне, о нем крушась в вздыханиях бессметных,
Удобно ли предстать пред олтари бессмертных
И, вместо жалобы, им сердце принести,
Чтоб узами его священными сплести
С тем сердцем, коим нам все бедствия настали,
Которым в град вошли народные печали?
Удобно ль тамо мне к веселию предстать,
Где горький долг велит мне слезы проливать
И, утоляя гнев творцов судеб несчастным,
Просить конца бедам со стоном повсечасным?

Олег

Тому, кто чтит тебя и держит так, как дщерь,
Ты тако, дерзкая, ответствуешь теперь?
Обманут ты, мой сын, к Семире жар имея!
Я вижу твоего перед собой злодея!

Семира

Ах, если б я ему злодейкой быть могла,
Колико бы, Олег, я счастлива была!
Он скоро бы узнал своей премену части:
Я б сыну твоему, творцу нам злой напасти,
Давно кинжалом грудь. . .

СЕМИРА

ТРАГЕДИЯ

АКТЪ „I"

СЦЕНА „I"

СЕМИРА И ИЗБРАНА

СЕМИРА

Что въ горести меня любовь воспламенила
я часто то тебе избрана предвъщала
збылося то теперь: рокъ мнитъ те приведе
где помощи искать правитель небесъ:
в тоске и жалости мой духъ изнемогаетъ.
и сердце томное крушитца и страдаетъ.
с предалной высоты возритъ и сей стране:
унывающей подайте крепость мне
избрана. я хочу любовника оставить
одолевъ себя навекъ себя прославить

ЯВЛЕНИЕ 2

Олег, Семира и Ростислав.

Ростислав всходит на театр, когда Семира последние полтора стиха говорити стала.

Ростислав

Забыв мою любовь,
Воспоминай вражду и лей противну кровь,
Коль неприятелей в числе меня считаешь
И победителя в тирана претворяешь,
Употребляй против меня неправу месть!
Лети из мысли вон, надежды злая лесть!
На что, надежда, ты мой разум услаждала,
На что ты страсть мою вседневно умножала!
Нашла отмщение, Семира, ты, нашла, —
Ты в мысли вкралася и в грудь мою вошла.
Рви сердце, утесняй страдающий дух в теле
И, если думаешь, что смерть сего тяжеле,
Губи и умерщвляй, коль я тебе немил!
Каким ударом рок несчастного сразил?!
Твои ль глаза меня, жестокая, искали?
Твои ли в верности мя речи уверяли?
Прошел сей сон, и всё то был один обман!
Кто больше, небеса, она иль я тиран?
К сражению их войск я был подвигнут честью,
А от нея сражен презрительной я лестью.

Семира

Не таково ко мне почтение имей
И добродетели не трогай ты моей!
Не тщетно зрение твое тебя прельщало:
Вещал язык мой то, что сердце ощущало.

Ростислав

Где ж делась та любовь?

Семира

Поднесь во мне она,
Да ты не льстись, чтоб я была твоя жена.

Я знаю, что о ней я твердо уверяла,
Но отменяю ль то, что прежде я вещала?
Любовнице своей ты вечно будешь мил,
Но жар наш суетно желанье согласил.
Не буду, Ростислав, супругой я твоею,
Однако никогда не буду и ничьею,
Ничьей не буду я, и быти не могу.
А что тебя люблю, ты знаешь, я не лгу.
Тебе мой нрав знаком, притворства я гнушаюсь
И в лести никогда ни с кем не упражняюсь.
Любить и не любить не в воле состоит,
Но в воле то моей, что делать надлежит.
Меня колеблет страсть, меня любовь терзает,
Но ум мой должности своей не преступает.
От огненной любви вся кровь во мне горит,
Однако в мыслях то премены не творит.
Сей жар мои беды стократно умножает,
Он ныне на меня природу вооружает.
Я более себя любовника люблю,
Оставший мой покой совсем уже гублю;
К великодушию я только прибегаю
И гордостью души то всё превозмогаю.

Ростислав

Нет мер, княжна, нет мер мученья моего.

Семира

Мое мучение жесточе твоего.

Олег

Когда ты истину о страсти объявляешь,
Произволением ты собственным страдаешь.
Оставь суровое ты мнение свое,
Скончай сугубое страдание сие.
Восприими, княжна, ты мой совет полезный.

Ростислав

Коль хочешь, чтоб к твоим ногам пал твой любезный
И для забвенья дел, чем он тебя смущал,
Твои, дражайшая, он ноги целовал,
Я пасти пред тобой в сию готов минуту...

Семира

Ничем не умягчишь свою злодейку люту.
Достойна ли я, князь, покорства такова?
Напрасно тратишь ты толь нежные слова,
Напрасно только дух они во мне тревожат
И, множа пламень мой, мои болезни множат.

ЯВЛЕНИЕ 3

Олег и Ростислав.

Ростислав

В несчастный день я стал тобою вспламенен,
От красоты твоей весь разум мой смятен!

Олег

Мой сын, ты сей красой поранен необычно,
Но малодушным быть герою неприлично.
Воспомни мужества великие дела,
Для коих в свет тебя природа извела,
И как рука твоя в народы смерть метала,
Когда с твоим мечем здесь грозна смерть летала.
Не для любви рожден, рожден ты для побед.

Ростислав

Не для, не для любви, для нестерпимых бед!
Что подражаю я тебе, зрел свет недавно,
Под властию твоей сражался я преславно.
Не устыдишься ты, что я рожден тобой,
В день брани зрели все, что ты родитель мой.
Какой порок, когда герой в любови тает,
Коль меч в его руке весь Север устрашает?
Когда б герой умел от красоты спастись,
Куда б над смертными он мог превознестись!
Ужасно мужество великих душ во брани,
Но всякий человек дает природе дани.
Бессилен я против Семириных очей.
Я вижу, государь, что я угоден ей,
И помню от нее приятствы полученны,
Толь радостные дни не могут быть забвенны.

Я бедство всякое легко бы мог стерпеть,
А сей мне горести нельзя преодолеть.
Немилосердая Семира, ты не чаешь,
Что ты жесточе всех тиранов мя терзаешь!
А если ведаешь то точно, как терплю,
О боги, для чего я так ее люблю?!

ЯВЛЕНИЕ 4

Олег, Ростислав и Витозар.

Витозар

(Олегу)

Перед глаза твои Возвед предстать желает.

Олег

Представь его!

Витозар

(немного отошед)

Войди! Олег повелевает.

ЯВЛЕНИЕ 5

Олег, Ростислав, Витозар и Возвед.

Олег

(Возведу)

Что хочешь мне сказать?

Возвед

Народ на тя встает
И на тебя в сей день с оружием пойдет,
Которого в лесах премножество хранилось,
Днесь войско на тебя совсем вооружилось.
О учреждении там собранных полков
Князь вести ждет со мной и в брань идти готов.
Я первый к сей войне со князем устремлялся,
Но после — твоего я гнева убоялся
И предприял тебе усердие явить.

Олег

(Витозару, указывая на Возведа)

В сей час вели сего злодея ты казнить!

Возвед

За так великую мою к тебе услугу?

Олег

Не будешь верен мне, коль ты неверен другу.
Когда б ты был мой раб, тогда б сию ты весть
По должности своей мне должен был пренесть,
Но князю сродник ты и жил при нем в свободе,
Не ставил я тебя невольником в народе.

Возвед

Став винен, государь, раскаянье творю
И заблуждение свое я ясно зрю.

Олег

Не заблуждение, свое бездельство видишь.
Ты гнусен предо мной, коль чести ненавидишь.

(Витозару)

Отдай его на смерть.

Возвед

О прегорчайший час!

ЯВЛЕНИЕ 6

Олег и Ростислав.

Олег

А ты введи сюда восставшего на нас
И пленником представь!

Ростислав

Твоей противясь власти,
В неисходимые низвергся он напасти.

ЯВЛЕНИЕ 7

Олег

(один)

Вот воздаяние за милости к нему!
Ты сам причина днесь несчастью своему.
Доколе гордый враг совсем не истребится,
В стране сей Игорев престол не утвердится.
Неблагодарный князь и дерзновенный раб,
Опасен граду ты, колико ты ни слаб!
Искореним врага... искореним, вещаю,
А в сердце я своем уже его прощаю!
Когда бы у тебя я тако был в плену,
Оставил ли бы ты такую мне вину?!
Надежна жизнь твоя, ты если покоришься,
И смерть твоя близка, хоть мало возгордишься.

ЯВЛЕНИЕ 8

Олег, Ростислав, Оскольд и воины.

Олег

Ты тщетно предприял быть князем сей стране,
Лишь другом быв моим, стал ты злодеем мне.
Я мыслил о тебе так склонно, как о сыне,
И в воздаяние вражду я вижу ныне.
Все милости забыв, которы ты имел,
Ты встать против меня хотел, Оскольд?..

Оскольд

Хотел.

Олег

Проси прощения, пади передо мною!

Оскольд

Коль меч мне в грудь вонзишь, паду перед тобою,
Но прежде никогда!

Олег

Днесь смерть тебе грозит.

Оскольд

Величества души она не поразит.

Олег

Ты тако, дерзостный, Олегу отвечаешь!
Или мучения при смерти ты не чаешь?

Оскольд

Простри к мучительству немилосердо власть,
Всё легче, нежели перед тобой мне пасть.
Что предан я тебе, ликуя в пышном чине,
Благодари моей несчастливой судьбине!
С мечем пред войсками я б дал тебе ответ,
И раздался бы он во весь пространный свет.

Олег

Ты в мысли, гордый враг, свирепство мне вселяешь
И щедролюбие мне в сердце утоляешь.
Еще я время, князь, теперь тебе даю
На размышление спасати жизнь твою.
Изменником своим, преступник, ты обманут,
И пленники тебя здесь жива не застанут,
Когда прощения не станешь ты просить,
И казни лютыя отважишься вкусить.
Полки мои на брань в сей час вооружатся,
Невольники мои в оковы возвратятся.

(Ростиславу)

Помедли ты с ним здесь, я войски учрежу
И милость или суд Оскольду покажу.
Потом пойдем с тобой за град отселе прямо.

Оскольд

О том лишь я стеню, что я теперь не тамо!

ЯВЛЕНИЕ 9

Оскольд, Ростислав и воины.

Ростислав

Всей силой тщишься ты Олега раздражить
И тщетно ты, мой друг, не хочешь больше жить.
Отъяты способы тебе сопротивляться,
И должен части ты своей повиноваться.

Оскольд

Я жизни своея уж больше не брегу,
А пасть ни перед кем из смертных не могу.

Ростислав

Суровости такой не требует геройство,
Не мужества она — отчаяния свойство.
Чтоб сделал подлость ты, совета не даю;
Умеренностию спасай ты жизнь свою.
Олегу, знаешь ты, свирепство необычно, —
Ответствуй своему ты счастию прилично.

Оскольд

Не робость днесь меня в отчаянье ввела,
Но предприятые похвальные дела,
Которы мерзкою изменою открылись.

Ростислав

Когда ж намеренья твои не совершились,
Так больше для чего в упрямстве пребывать?

Оскольд

Покорствуй, кто рожден рабеть и унывать.
Не поколеблется ничем мой дух вовеки,
Не робкие богам подобны человеки.
Хотя ужасною судьбиной я сражен,
Не малодушие я чувствовать рожден.
Природа мя на то произвела толь тверда,
Чтоб показать на мне, что часть немилосерда
Во всем стремлении свирепости пролить
Великодушия не может утолить.
Довольно ль, небеса, в гонении жестоком,
Несчастный, искушен нежалостным я роком?!
Всего лишен, что льстить могло на свете мне:
Зрю пленником себя в родительской стране,
Всё то сношу, на казнь без трепета взираю
И двери вечности бесстрашно отпираю.
О вечность! Ты рубеж всем светским суетам,
В тебе одной я зрю конец своим бедам:
От нападения судьбы ожесточенной
Убежище лишь ты души моей стесненной!

Ростислав

Живи хотя уже ты для своих друзей,
Для просьбы моея и для сестры своей!

Оскольд

Коль дружбы пленника ты, князь, не презираешь,
Когда честны́х людей и в узах почитаешь,
Не трать напрасно слов к покорству мя привлечь:
Не действует твоя в моем рассудке речь,
Советований я ничьих уже не внемлю,
Без пользы свету жить — тягчить лишь только землю!
Лишився скипетра, мне свету чем служить?
Я добродетель здесь хотел восстановить,
Возобновить златой век радостей во граде,
Лукавство выгнать вон и заключить во аде.
А ныне, если бы толико подл я был,
Чтоб жизнь поносную я чести предпочтил,
На утесненную взирая добродетель,
Бед подданных своих я б только был свидетель.
Претяжко бедного, гонима сильным, зреть,
Коль варварства сего нет сил преодолеть!
Несноснее еще отечество зреть в стоне
И видеть своего врага в своей короне!

Ростислав

Что буду делать я?! Не внемлет ничего.
Не презирай, о князь, прошенья моего!
Мой друг, любезный друг, не отрицай совета,
Премены счастия суть свойства здешня света.

ЯВЛЕНИЕ 10

Олег, имея в руках бумагу, Оскольд и Ростислав.

Олег

Ужели ты свое упрямство преломил?

Оскольд

И ныне я таков, каков доныне был.

Олег

Погибель я твою еще остановляю
И щедролюбие еще тебе являю:
Иль милость, или смерть не медля избери!

Оскольд

Смерть!

Олег

В лютости своей умри, злодей, умри!
(Воинам)
В темницу, воины, отсель его помчите
И тамо в крепкие оковы заключите.

Оскольд

Когда я пленник твой, когда мой рок таков,
Всё сносно мне уже, на всё идти готов.
О град несчастливый! Сестра моя любезна!
Простите! Жизнь моя вам стала бесполезна!

ЯВЛЕНИЕ 11

Олег и Ростислав.

Ростислав

Хоть для меня спаси несчастного сего...

Олег

И милости к нему не внемлю ничего.
Иное думай ты, не в просьбах упражняйся
И к утру в ночь сию на брань уготовляйся!
В сей день воинских дел не можем мы зачать,
А ежели зачнем, не можем окончать:
Светило дневное уже спустилось низко,
И восхождение луны на град сей близко.
Но прежде, нежели мы брань начнем творить,
Велю на площади Оскольда умертвить.
Всем ясно объявит о мне бумага эта,
Что я за смерть его не дам богам ответа.

Ростислав

Склонися, государь, к прошенью моему!..

Олег

Не раздражай меня, или предай ему!
Ты смел передо мной, моей противясь воле.
Оставь меня, являй свое ты смельство в поле!

ЯВЛЕНИЕ 12

Олег

(один)

Престанешь приводить Олега ты на гнев.
Смерть косу вознесла, разверзся адский зев.
Я милости казал тебе в своей досаде,
Ступай, ищи венца и скипетра во аде!

(Садится Оскольду смерть подписывать.)

Умри! Умреть тебе, конечно, надлежит! ..
Но отчего ж теперь рука моя дрожит?!
Умри! .. К чему себя всей силой принуждаю?
Позорно кончить жизнь Оскольда осуждаю,
Трепещет сердце, кровь, волнуяся, течет,
И мысль от ярости мя к жалости влечет.
Воображения терзают мя различны,
И чувствую в себе премены необычны.
О правосудие! Ты душу подкрепи
И разны мнения в одно совокупи!
Исчезни, жалость, ты умолкни, милость, ныне,
И не противьтеся Оскольдовой судьбине!
Исполню то; нельзя Оскольду больше жить.

(Подписывает.)

К чему отважился я руку приложить?!
Оскольдова глава от тела отделится! ..
Нет! Гнев хоть праведен, жестокость утолится.

(Раздирая указ. Восстает.)

Я снисходителен, ты гордостью надут...
Спасенья нет тебе, хотя отсрочен суд!
Нельзя того простить, кто так себя возносит
И, винен будучи, прощения не просит.
Когда бы пленником тиранским чьим ты стал,
В упрямстве б он тебя по удам растерзал,
А я своим врагам дал прежнюю свободу
И быть хотел отцем плененному народу.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Оскольд
(в цепях)

Вот для́ ради чего я мужеством кипел!
Кто столько горестей и в долгий век терпел?!
Оковы я ношу в том доме, где родился,
Где рос в величестве и царствовать учился!
А ты еще на мя, о солнце! мещешь свет!
И дом, сей дом на мя еще не упадет!
Вот мной желанная с младенческих лет слава!
Вот счастие мое, вот скипетр и держава!
Что медлишь, смерть, когда противен я судьбе?
О небо, вынь мой дух! Я мерзок сам себе.
Но что сестры своей я здесь не обретаю?
Увы! На что, на что я зреть тебя желаю?!
Увижу токи слез, текущи из очей,
И поколеблется дух в крепости моей.
Мучительная жизнь! На что тебя имею?
На жертву моему свирепому злодею,
Который у меня, что было, всё отняв,
Стремится пременить впоследок мой и нрав.
Всё может рок отнять во времена дней гневных,
Всё отнял у меня, но кроме сил душевных.
Ты, войско, ждешь меня, собравшися в лесах,
Но повелитель твой в темнице и цепях...
Умрет на площади... Не медлите, разите,
Спасите мой живот иль смерть мою отмстите!

ЯВЛЕНИЕ 2

Оскольд и Избрана.

Оскольд

Куда несчастная пошла сестра моя?

Избрана

Ждала, чтоб ты предстал перед глаза ея:
У Ростислава то Семира испросила

И в нетерпении к темнице поспешила,
Чтоб Ростиславом там исполнен был приказ:
Во ожидании ей днем казался час.
Но се она.

ЯВЛЕНИЕ 3

Оскольд, Семира и Избрана.

Семира

На тя ль в сем виде я взираю,
Возлюбленный мой брат!

Оскольд

В оковах умираю.
Ты слышала, что мой конец уже приспел?..

Семира

А ты на мя, Перун, еще не мещешь стрел?!
Земля мне пропастей еще не разверзает,
И в жилах кровь моя еще не замерзает.
Затьмитесь, солнечны лучи, передо мной!
Всего, о рок, всего лишаюсь я тобой!
Возлюбленный Оскольд!..

Оскольд

Уж нет того нимало,
Что б нас хоть искрами надежды освещало.
Без избавления наш город побежден,
Ты — вечно пленница, я — к смерти осужден.

Семира

Ты к смерти осужден?! Мой брат умрет поносно?!
Я много бед несла, еще то было сносно.
Не ложная о том прошла по граду весть —
Ты к смерти осужден! Возможно ли то снесть?!

Оскольд

Как счастие против меня стремится злобно,
Сказал ли Ростислав о том тебе подробно?

Семира

Через Избрану он со мною говорил
И бедство мне твое смешенно объявил.
От плачущих сих глаз он образ свой скрывает
И больше пред меня предстати не дерзает.

Оскольд

Известна ль ты, когда быть подлым захочу,
Что смерти косу я взнесенну отврачу?
Олег сулит мне жизнь оставить непременно.
Но потеряю ль то, что мне неоцененно?!
Желает, чтобы я прощения просил
И пал к ногам его.

Семира

Чтоб брат мой приключил
Себе и мне сей стыд?!

Оскольд

Что ж ты повелеваешь?

Семира

Умри, коль только в том спасенье обретаешь!
Кончай, любезный брат, несчастну жизнь свою!

Оскольд

Достойну зрю себя — тебя, сестру мою.

Семира

И в злополучии тебе лишь только равну.
Имела низость я сама, но не бесславну.
Как Ростиславом здесь повергся Киев трон,
Я пала перед ним и испускала стон,
Но не о жизни я тогда пред ним стенала:
Пощады своему народу испрошала.
Хоть горек был тот день, сей горше мне стократ.
Навек лишаюся тебя, любезный брат!
Навек лишаюся! .. О доля жизни вредной!
Ты мне велела всё почувствовати, бедной!
Беды, колико льзя на свете их сыскать,
Велела в младости все сердцу испытать!

Ужели ярости твоей ужасна сила
Великодушие Семиры искусила?
Хоть в подлости себе спасенья не ищу,
Но страх меня объял, дрожу и трепещу.
Как мысли гордые вверх славы ни стремятся,
Из глаз потоки слез неволею катятся.
Геройских разум душ хоть и крепит меня,
Но сердце вопиет ко страждущей, стеня:
«Разверзлась бездна бед, а ты еще не рвешься!
Иль ты без жалости с Оскольдом расстаешься?
Навеки от твоих отъемлется он глаз
И видишь ты его уже в последний раз!»

Оскольд

Пускай свирепствует, как хочет, доля злобна,
В великодушии Оскольду будь подобна!
Отъяти мой живот поносна смерть спешит,
Меня смущает то, однако не страшит.
Терпяще сердце мне и в крайности послушно.
Терпи и подражай ты мне великодушно!

Семира

А больше мне тебя не зреть уже вовек!

Оскольд

Не вечно в свете жить родится человек,
Но вечно будет тот иль очень долго славен,
Кто в злополучии и в счастии был равен.
В сем случае яви, что ты сестра моя!

Семира

Довольно днесь еще великодушна я.
Судьба свирепство всё из ада испустила,
А я всей памяти еще не погубила.

Оскольд

Гони свою тоску! Уныния беги
И ради ты меня печаль превозмоги!
Сей жертвы от тебя одной Оскольд желает,
В надежде сей он казнь и смерть уничтожает.

Семира

Когда я сим тебя удобна облегчить,
Потщуся скорбь свою я в сердце заключить.
И если слабости безвинной ненавидишь,
Так мужество еще в сестре своей увидишь.

Оскольд

Определению покорствуя небес,
Смотри на смерть мою без стона и без слез,
Пребудь в сей твердости, котору обещаешь!
Ты казни моея жестокость уменьшаешь.
Коль жалость от меня ты тщишься отвести,
Спокоен от тебя иду на смерть... Прости!

Семира

Теперь мне, ах, теперь потребно укрепляться!
Но льзя ли в бодрости навек с тобой расстаться?!
(Падает в руки к Избране.)

Оскольд

Сего к несчастию недоставало мне,
Чтоб слабость при конце явил я сей стране.
Случáи лютые того еще желали,
Чтоб, умирающа, меня все робким звали!
Хоть крови своея во мне не обесславь!
Не возмущай меня и честь мою оставь!
Внемли прошение! Ты мужество отъемлешь!
Скрепись хотя на час!.. Ты слов моих не внемлешь!
Воспомни ты теперь, воспомни, чья ты дочь!

Семира

Закрой мои глаза скорей, о вечна ночь!

Оскольд

Так нас прощание лишь больше огорчает,
Прервем его! Твой брат богам тебя вручает.

Семира

Постой! Не стану я, не стану я стонать.

Оскольд

В сем слова своего не можешь ты сдержать.

ЯВЛЕНИЕ 4

Семира и Избрана.

Семира

Что можно вобразить поносной смерти зляе?!
По Ростислава ты беги, беги скоряе,
Скажи ему, чтоб он тотчас ко мне пришел!

ЯВЛЕНИЕ 5

Семира
(одна)

Еще ли ты, мой дух, не много претерпел?!
Во всех странах моя надежда окончалась.
В тебе, любовь, тебе одной она осталась!
О страсть, и ты тоски мне много подала.
Ты, пленницу, меня вторично в плен ввела
И, усугубивши всегдашнее стенанье,
Ввела в отчаянье и множила желанье.
За сделанное зло мне благом отплати,
А страшный облак сей от града отврати!
И если вы, судьбы, Оскольда поразите,
Так от поносныя кончины свободите!
Прежесточайшее терзанье терпит дух.
Как буду я внимать пронзительный сей слух,
Что брат мой принял казнь?! И, мысля то, страдаю.
На тя, любовь, на тя надежду возлагаю!

ЯВЛЕНИЕ 6

Семира и Ростислав.

Семира

Где жар твоей любви? Где к другу днесь приязнь?
Оскольд выводится прияти смертну казнь,
А ты к мучительству Олега допускаешь!

Ростислав

Или ты гордости Оскольдовой не знаешь?
Олега силою ко гневу он влечет,
И просьбам за него уж больше места нет.

Я просьбы приносил. Чего ж я тем достигнул?
Лишь ярость на себя родительску подвигнул.
Твой брат препятствует его щедроте сам,
И способа уж нет его избавить нам.
Умрет Оскольд, умрет, коль он не покорится.

Семира

В кровь подлу кровь его ничем не претворится,
А ты не приводи чрез просьбу в гнев себя:
Не сей я помощи желаю от тебя.

Ростислав

Я способа спасти его не обретаю.

Семира

В сей крайности к твоей любови прибегаю.
Хотя препятствуют случаи ныне нам,
Как я тебя люблю, ты ведаешь то сам.
Хотя тебе во мне суровство и казалось,
Но сердце никогда мое не отменялось.
Ты видишь, для чего я брак пренебрегла.
И что б иное я ответствовать могла?
За всю мою любовь, коль любишь без обману,
Исполни ты мне то, о чем просить я стану!
Вообрази себе, как тяжко умереть
Тому на площади, кто в свет рожден владеть,
Где он хотя и жил в пленении, в неволе,
Но где его отец на славном был престоле.

Ростислав

Благодарю богов, мне жалость не чужа.
Но что мы сделаем, с тобой о нем тужа?
Я знаю, смерть его нас вечно разделяет,
От мысли сей мой дух совсем ослабевает,
Лишаюсь в друге я и той, кого люблю,
Но что я к помощи его употреблю?
Не вижу способа к Оскольдову спасенью,
Ни к вожделенному с тобой соединенью.
Когда ж совокупить ничто не может нас,
Любовь, настала ты в презлополучный час!

Семира

Когда исполнишь ты Семирино прошенье,
Так, может быть, найдешь ты сердцу облегченье.

Ростислав

Чего желаешь ты, драгая, от меня?

Семира

Смутив мой весь покой и сердце полоня,
Коль подлинно о мне подобно воздыхаешь,
Яви мне ту любовь, котору ощущаешь
И выпусти отсель Оскольда ты за град.

Ростислав

Ты хочешь в сердце мне сей смертный влити яд?!
Чем винен я тебе? Что сыщешь в оправданье,
Что ты мне делаешь такое наказанье?
Мою ты славу всю стараешься затьмить.
На то ль, княжна, тебя, на то ль я стал любить?
Отечеству мной ввек не будет озлобленья, —
Никак нельзя сего исполнить повеленья.

Семира

Так вся моя теперь надежда отошла!
И в Ростиславе я врага себе нашла!
Довольно страсть твоя к Семире изъясненна:
Се мзда за сей мне жар, которым я разжжена!
Ты тщишься вражество минувше возвратить
И за любовь мою дни вечно прекратить.
Твой жар ко мне исчез, ты стал совсем превратен,
А ежели мой взор еще тебе приятен
И клятвы памятны, что мнимой красотой
Ты будешь полонен моею лишь одной,
Избрав достойною себе меня едину,
Смягчи, о Ростислав, смягчи мою судьбину
И покажи мне то, колико я мила,
Что правильно тебе я сердце отдала
И что в несчастии я счастлива тобою!
Я дважды чрез тебя лишилася покою:
Тобой наш пал престол, тобой, жестокий, я
Взята в пленение из славы своея.

Ты взор и дух ольстил и из врага стал другом,
Любовником мой дух нарек тебя, супругом.
Склонившися к тебе, и пуще я рвалась,
Что с счастьем страсть моим несходная сплелась.
Все грусти от тебя, несчастная, имею.
Склонися к жалости, коль я тобой владею!
Зри слезы на лице любовницы своей,
Зри бледность, зри, мой князь, смущение очей,
Взгляни на трепет мой! Душа моя страдает,
Кровь стынет, меркнет ум, и глас ослабевает.
Захочешь ли в сей день меня ты мертву зреть?
Не дай, дражайший князь, Семире умереть!
Почувствуй своея возлюбленной мученье!
В тебе осталося одном мое спасенье.

Ростислав

Ты рвешься, а меня еще жесточе рвешь.
Не льстися, и во мне спасенья не найдешь.
О горькие часы! Болезни выше силы!
Прелестные глаза, на что вы мне толь милы!
Умрет в сей день твой брат, и нет надежды нам.
И если ты умрешь, умру с тобою сам.
Лишенну мне тебя, противно всё на свете.

Семира

Предвозвестил ты смерть, жестокий, в сем ответе.
Отец твой — мой тиран. Подобен будь ему!
Ты — враг мне, а еще мил сердцу моему!
Вы, ах, свидетели, отечески чертоги,
Вины моей пред ним! Оставьте то мне, боги,
Что прелютейшего мучителя люблю!
Не хочет помогать, когда живот гублю!
Когда ты вскинешь взор на мя, души лишенну,
И мниму красоту увидишь помраченну,
Заплачешь, может быть, над телом восстеня,
Но плачем ты уже не возвратишь меня.

Ростислав

За невозможное я стражду исполненье!
Велишь тягчайшее творити преступленье,
Против отечества мя тщишься вооружать!

Ах, можешь ли меня безвинно поражать?
Не медли, вымышляй, какие хочешь, казни,
Я все приять готов, не чувствуя боязни.
Но коей заслужил я то себе виной,
Чтоб мертвою тебя мне зрети пред собой?
Когда свою красу и младость погубляешь,
Так ты мою любовь совсем уничтожаешь.
Невинен пред тобой, Семира, я ни в чем,
Не лестью вшел во град, я град сей взял мечем.
Не лестью получил и сердце я желанно, —
За искренность мою оно тобой мне данно.

Семира

Коль сердца моего достоин хочешь быть,
Так узы должен ты Оскольду разрешить.
Не верю без того, что я тебе угодна.

Ростислав

Я вижу, что любовь моя с твоей несходна.
Я всякий час готов за честь твою умреть,
А ты в бесславии меня стремишься зреть.
Не будет от меня отечеству измены,
Я буду защищать до гроба здешни стены.

Семира

Коль, варвар, я тебя бессильна умягчить,
Коль хочешь живота любовницу лишить,
Что медлишь? Умерщвляй, повергни чувств лишенну!
Пролей, мучитель, кровь, тобой воспламененну!
Ни малой жалости ко мне не ощущай,
Руби, вскрой грудь мою и сердце растерзай,
В котором пребывал твой образ непрестанно
И кое в животе ты мучил несказанно!
Насыться, насладись моею днесь тоской!
Вынь меч: пронзи! ..

Ростислав

Княжна! ..

Семира

(выхватив меч из ножен его)

Зри мертву пред собой...

Ростислав

(бросясь к ней и став на колени)

В меня сей меч вонзи, конец соделай страсти!
Мне он победу дал, лишил Оскольда власти,
Он кровью обагрен народа твоего,
И он вина тебе несчастия всего...

Семира

И он соделает всему конец несчастью.

(Возносит руку, чтоб заколоться.)

Ростислав

(в самой скорости восстав с коленей и удержав руку ея)

Не спорю больше я с своею лютой частью:
Твой брат освобожден.

Семира

(отдав ему меч)

Мой князь, отныне я,
Как брань ни кончится, по самый гроб твоя.

Ростислав

Коль буду побежден, пойду в мрак вечной ночи,
И уж меня твои не будут видеть очи.

Семира

Спокойства моего не разрушай ты вновь!
Иль мыслишь ты, снесет моя к тебе любовь
Погибель верного любовника Семиры,
И буду возводить на солнце очи сиры?
Когда ты острый меч подымешь на себя,
Представь себе тогда, как я люблю тебя,
Что жизнь моя навек с твоею сопряженна
И что не буду я жива, тебя лишенна.
Поди, невольника из града испускай
И жизнь мою в своей ты жизни сохраняй!

ЯВЛЕНИЕ 7

Ростислав
(один)

Что сделать, Ростислав, ты ныне предприемлешь?
Ни рассуждения, ни мужества не внемлешь.
Ты, страсти следуя, противишься уму
И хочешь изменить народу своему.
Отечество мое! Отечество любезно!
Противу страсть тебя бунтует бесполезно.
Не дам тебе, любовь, себя преодолеть.
Но как возможно мне Семиру мертву зреть?!
И думать страшно то, о жители небесны,
К лютейшей казни мне глаза ея прелестны!
О жалостная мысль! Свирепства нет во мне.
Свирепства нет, злодей?! Ты — враг своей стране!
Предатель, отмени ты злое обещанье!
В бесчестие твое вперилося желанье.
Я слышу глас небес, гремящих надо мной:
«Разверзлась, Ростислав, днесь бездна под тобой.
Для получения обычныя забавы
Ты с самой высоты величества и славы
К дну пропасти падешь. Противься красоте,
Противься! Разорви, преступник, узы те,
В которых стонешь ты и гибнешь преужасно!»
Но тщетно вопиет мне небо велегласно.
Возжженный в сердце огнь горит во всей крови.
О должность, уступай ты место днесь любви!
Терзай меня, любовь, когда в твоей я власти!
О боги, есть ли что сильняй любовной страсти?!

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Семира и Избрана.

Семира

Уведомись, уже ль мой брат освобожден
И во врата за град уже ли провожден?
Боюся, Ростислав не отменил ли слова,
И, ах, в мучение не ввержена ль я снова.

ЯВЛЕНИЕ 2

Оскольд, Семира и Избрана.

Оскольд

Я вольность получил. Благодарю богов.
В сей час, Семира, я иду против врагов,
Иду избавить град и киевски границы.
Еще хранится дверь Оскольдовой темницы,
И воины меня притворно там стрегут,
Но в сей они мя час за стены проведут
И скроются лица Олегова со мною.
Есть тайный путь отсель, пойду дорогой тою,
Сберу свои полки и приступлю к стенам.

Семира

Восставьте, небеса, вы падшу славу нам!

Оскольд

Для горьких слез твоих имею я свободу,
Ты мне спасение и целому народу.
Великой должен я твоей любови мздой;
Пусть будет Ростислав супруг, Семира, твой!
Хотя намеренье победой окончаю,
Хоть смертию своей, тебя ему вручаю.
Коль будет часть моя и в сей мне день вредна,
Во воздаянье ты останешься одна,
Которое могу я сделать Ростиславу,
Последуй своея ты склонности уставу!

Семира

Падением своим меня не возмущай
И не такое мне спокойство предвещай!
Я зрю перед собой тебя вооруженна,
Отвсюду в сердце мне надежда вображенна.
Я тщусь напасти все в веселье претворить,
А ты старайся град Оскольду покорить.
Не омрачай моих довольствий ныне боле.
О небо, дай его мне видеть на престоле!

Оскольд

Зачем сюда я шел, я то тебе сказал.

Семира

Коль жар моей любви тебе свободу дал,
Ступай отечества к преславной обороне!

Оскольд

Ты будешь зреть меня иль мертва, иль в короне.

ЯВЛЕНИЕ 3

Семира и Избрана.

Избрана

Еще печали знак я зрю в твоем лице.

Семира

Я брата своего не зрю еще в венце.
Кто знает, как сей день судьбина окончает?
С одной страны меня природа устрашает,
С другой — тревожит дух мучительная страсть.
Известно, какова моя, Избрана, часть.
Лишь только счастие перед меня предстанет,
Надеждой усладит и вдруг меня обманет,
Пронзая темноту, как молния в ночи
Скрывает от очей мгновенные лучи.
В опасности Оскольд, и Ростислав подобно.
Хотя они друзья, геройство в брани злобно,
И могут ли спасти от всех друг друга стрел?!

Избрана

Им будет памятно и средь воинских дел,
Что ты тому сестра, любовница другому;
Приложат силы все к спасенью таковому.

Семира

Когда в ужасный час кровава брань горит,
О страсти, о родстве она не говорит,
Но ежели они друг другом и спасутся,
Живыми в плен они друг другу не дадутся.
Они сказали то, я знаю нравы их:
Один, как камень, тверд в намереньях своих,
Не поколеблется в том, что он предприемлет,
И, кроме мужества, иного он не внемлет.

Другой, хоть нежное имеет сердце он,
Но в крайности умрет, пренебрежет мой стон.
Там только честь одна предписывает правы.
Не вспомнят обо мне среди гремящей славы!

Избрана

Отбей печальные ты мысли от себя
И жди веселия, смущенье истребя.
Подай спокойствие терпящим скорби членам!
Всё в свете, что ни есть, подвержено пременам.
Уже ты много дней несчастлива была.

Семира

На то меня и в свет судьба произвела,
Живот мой так, как цепь, из многих бед составлен
И, может быть, от них не будет ввек избавлен:
Благополучие, в котором я росла,
Которое, как прах, судьбина разнесла,
Когда в моем уме себе воображает,
Бесчисленны мои напасти умножает.

ЯВЛЕНИЕ 4

Олег, Семира и Избрана.

Олег

Твой брат и с стражею из града убежал,
Он войско на меня не тщетно воружал,
Но тщетно, может быть, со мною он сразится:
Разгневанный Олег уж больше не смягчится.
Твои то промыслы, что он отсель ушел,
Но я не вижу в них твоих злодейских дел:
Из той и ты, как он, родилася утробы,
И к брату своему иметь не тщишься злобы.
Хвалю еще тебя за дело таково.
Лишь только знать хочу, кто выпустил его.
Кого дарами ты, Семира, ослепила?

Семира

Свое богатство я тобою погубила
И не могу дарить. Что ж ты вещаешь мне
О брате, я того не зрела и во сне.

Олег

Скажи мне истину и не ответствуй ложно.

Семира

О чем не ведаю, того сказать не можно.

Олег

Упрямствуя, меня в жар гнева не введи
И строгости мои, княжна, предупреди!
По исполнении злодея крыть порочно
И сожалеть о нем бесчестно и беспрочно.
Когда ж не смыслишь ты о чести рассуждать,
Так я тебе могу и наставленье дать.
Что честно или нет, я это разумею,
А научить тебя я способы имею.

Семира

Ты начал мне грозить! Или забыл ты то,
Кто я и что меня не устрашит ничто?
Когда мой брат спасен и войско наше в поле,
Не ужасаюся твоей я власти боле.
Ты хочешь научить меня о чести знать?!
Старайся у меня ты лучше перенять!
Не думай, что она со счастием спряженна
И что противностьми быть может пораженна.
Во злополучии никто хоть нам не льстит,
Но добродетели, и молча, всякий чтит.
Не мнишь ли, что наш пол к геройству неспособен
И духу мужеску дух женский не подобен,
Что устремляешься мя к трепету привлечь?
Нет робости во мне, твоя бессильна речь.

Олег

Ты нудишь на себя Олега озлобляться.
Льзя ль, боги, больше мне от гнева утоляться?!
Не сих от пленницы Олег ответов ждал,
Я прежде бытия Семиры побеждал,
И у тебя мне жить учиться неприлично.
Не тако пленникам ответствовать обычно.
Не вспоминаючи о милости моей,
На что надеешься ты в дерзости своей,

И смельство таково далось тебе отколе,
Подобно, как бы ты сидела на престоле?
Не родом ты своим почтенна здесь, но мной.
Лишь руку снять с тебя, ты будешь прах земной.

Семира

Хотя мне счастием судьбина тщетно льстила,
Не прахом мя земным природа в свет пустила.
Я — княжеская дочь, то ведает весь свет.
Мне в милостях твоих нимало чести нет,

Олег

И милости мои уже позабываешь?

Семира

Коль ими ты меня почтенну быти чаешь,
Не помню больше их.

Олег

Не помню их и я,
Но помню то, что ты — невольница моя.
Неблагодарная! Во мне отца ты зрела,
А ныне я — твой враг, коль ты того хотела.
Распространяйся, гнев, по сердцу моему,
Не покажусь тобой тираном никому:
Ты праведен во мне! А ты уже здесь будешь
В ином почтеньи жить и гордость позабудешь.

Семира

Пошли мне, небо, смерть, лишь брат бы победил
И град отеческий от ига свободил.

ЯВЛЕНИЕ 5

Олег, Ростислав и Семира.

Олег

Теперь рассмотришь ты, теперь рассмотришь ясно,
Что ты о ней вздыхал и мучился напрасно.
Как ты ее мнил быть, она не такова,
Открыта злоба в ней чрез дерзкие слова.

Семира

Я вижу то, что мне твой гнев приготовляет:
Немилосерду казнь мне образ твой являет,
Но, сколько я робка, ты будешь это зреть.
Я — смертна; всё равно, когда ни умереть.
Тиранствуй, ежели душа твоя в то вникла!
Не страшны муки мне, я к ним уже привыкла.
Знай, волею моей избавился мой брат,
Но знать не будешь ты, кем выпущен за град!
Хоть сердце извлечи из тела можно злобно,
Но вырвать тайны сей из сердца не удобно.

Ростислав

Коль ты отважилась свою вину сказать,
На что уже тебе злодея укрывать?

Олег

Не скроешь. Воины!

Воины входят.

Ростислав

Что делать начинаешь?

Олег

Сию противницу ты тщетно защищаешь!

Ростислав

Под образом ея свою я душу зрю,
В несносном пламени Семирой я горю:
Мой полон ею ум, живу на свете ею,
Гнушаюсь без нея и жизнию своею.
Ея и в славе я невольник красоты.
Терзаючи ее, меня терзаешь ты.
Она угрозы все внимает без боязни.
Готовя казни ей, ты мне готовишь казни.
Не можешь, государь, свирепства ей явить,
Которым бы не мог ты сына уразить.
Быть счастливы хотя надежды мы лишенны,
Но наши с ней сердца навек соединенны.

Олег

Я всё прощаю ей и ярость укрочу,
Когда то сведаю, что ведать я хочу.

Семира

Не льстися тем, а я прощенья не желаю.

Олег

(Семире)

Под стражу!..

Ростислав

Я сыскать злодея обещаю,
Лишь только укроти намеренье свое!

Семира

Опомнись, Ростислав!

Олег

Прощение твое,
Хотя Семирино лице ему любезно,
Во обстоятельствах опасных бесполезно.
На что, любезный сын, мы тщимся побеждать,
Когда предателям мы станем угождать.

Ростислав

Кого ты ищешь, сей предатель пред тобою.

(Становяся на колени.)

Олег

О гневные судьбы!

Семира

Что сделал ты с собою!

Олег

Чего достоин ты?

Ростислав

С мученьем умереть.

Олег

Восстани! То, что рек, ты должен претерпеть.

Семира

Он — твой любезный сын, не будь свиреп ты сыну,
Всему причина я, меня казни едину!

Казни меня! Когда творити то возмнишь,
Лютейшую ему ты муку учинишь.
Он надобен тебе, он надобен народу.
Мою возьми ты жизнь, коль отнял ты свободу!
Будь милостив и мне, и сыну, и себе!

Ростислав

(Семире)

Коль честию своей я жертвовал тебе,
Охотно за тебя я жизнь мою теряю:
Одним несчастием другое умеряю.
Смотри, в какие ты меня беды ввела!
Затьмила все мои похвальные дела!

(Олегу)

Карай меня, карай, карай меня скоряе!
На свете пребывать мне всех мучений зляе.
Грызенье совести, раскаяние, стыд,
Любовь к отечеству, твой гнев и грозный вид
По всей моей крови яд смертный простирают,
Колеблют весь мой ум и сердце раздирают.

(Семире)

Почто твоею стал красою я прельщен?!

Семира

Почто и мой дух стал тобою возмущен?!

Олег

Единым, боги, мя вы сыном утешали,
Различными его дарами украшали,
Во младости своей он тьмой великих дел
Желание мое далеко превзошел,
Он взнесся, сколько мог герой когда взнестися,
От имени его весь Север стал трястися,
Но, — о плачевный день! — то всё переменя,
Героя, сына, всё ты отнял у меня!

Ростислав

Без обличения я стражду нестерпимо,
И имя днесь твое уже во мне не зримо.
С горячностью твое почтенье погубя,
Уже стыжусь теперь и зрети на тебя.
Не сына шлешь на смерть — преступника, злодея!
Суди и осуждай, щедроты не имея!

Я — прежний Ростислав, низвергшийся в беду,
Лишь тем, что к смерти я без робости иду.

Олег

Отдай свой меч. Поди отсель во мглу темницы!

Ростислав

(отдавая меч Олегу, который меч его отдает потом воинам)

Се меч, расширивший отечества границы,
Поящий кровию стран Киевых пески.

Семира

Сей лютой и тогда не знала я тоски!

Олег

Поди! Сейчас тебе последний час на свете,
И смелость при конце яви еще ты в цвете!
Коль правосудие тебя винит теперь,
Неукротима смерть, отверста гроба дверь.
Умри и заплати преступок тяжкий кровью!

Семира

Увы!

Ростислав

Но сниду ль в гроб с родительской любовью?
Не воображаючи моих жестоких вин,
Скажи, родитель мой, что я еще твой сын!

Олег

Как сердце днесь мое тобой ни раздраженно,
То к вечной горести не будет мной забвенно,
Ты — сын, но уж не тот, который прежде был,
Хотя тебя люблю, как прежде я любил.
Поди!.. Впоследние теперь тебя объемлю.

Ростислав

Сокрой с родительской любовью прах мой в землю!

(Семире)

А ты, мучительный, печальный вид очам,
Не сетуй, что злой рок сопротивлялся нам,
И, помня то, что я любил тебя не ложно,
Не плачь о том, чего переменить не можно!

ЯВЛЕНИЕ 6

Олег, Семира и Избрана.

Семира

(в самое то время, в которое Ростислав отходит, пред Олегом становяся на колени)

Зри гордости теперь Семириной конец!
Любовник мой — герой, Олег — ему отец,
Им град сей дан тебе, им я живу в неволе,
Им Игорь царствует на пышном здесь престоле.
Умерь, умерь свой гнев, свирепства не кажи
И правосудие на милость преложи!
Когда б нас боги так наказывати стали,
В коликие вины пред ними мы впадали,
Куда бы убежал от грома смертных род?
В лесах ли б скрылся он, в горах иль в бездне вод?
Последуй им и будь толь щедр, коль правосуден!
Отцу ли к милости для сына зришь путь труден?
Будь правый судия, но будь и человек!
Представь себе, ты чей отъемлешь ныне век!
Кого даешь на смерть?! Сей смерти я достойна,
И мною толь твоя днесь участь беспокойна.
Когда бы Ростислав очей моих не знал,
По сей бы день еще невинен пребывал.
От них отъемли свет! Прости любезна сына!
Прости, о государь! Вины сей я причина.

Олег

(ее подымая)

Мое несчастие причиною тому.
Невинна в этом ты, что ты мила ему
И брата своего от смерти избавляла,
Ты должности своей уставы тем являла.
Коль мужественна ты, сноси и ты, как я.
Я жалость чувствую не меньше твоея.

Семира

Коль сердце на суде от жалости не тает,
Так суетно она и в сердце обитает.

Без заблуждения никто не проживет.
Мы — смертны. Совершенств ни в ком из смертных нет.
В суде, против бездельств имея сердце твердо,
Взирай на слабости людские милосердо!
Подвигнися хотя потоком слез моих,
Тоской, стенанием и тьмой мучений сих,
Которых груда мной, несчастной, обладает.

Олег

Зрит небо, что Олег равно тебе страдает;
Но если не хочу пристрастия носить,
Могу ль простить его? .. Престань о нем просить!
Нам всем троим сей день стенания причина.

(Хочет идти.)

Семира

Смягчися, государь!

Олег

Пришла его кончина.

ЯВЛЕНИЕ 7

Семира и Избрана.

Семира

О преужасный день! Ко смерти ль прибегу?!
Отрады в животе сыскати не могу!
Кого, Семира, ты, кого ты днесь теряешь?!
Мой князь, ты мной, ты мной, несчастный, умираешь;
Свое геройское ты имя превознес,
И слава дел твоих гремела до небес,
Но взор очей моих всего тебя лишает
И славные дела с бесславными мешает!
О бедственны часы! О гневны небеса!
Дни младости моей! Зловредная краса!
Кого я, бедная, свирепствуя, терзаю!
Кому? .. Любовнику дверь гроба отверзаю!

Избрана

Нет помощи ему, хоть страждешь ты, любя.
Не воображай себе, как он любил тебя.

Семира

Ты мнишь, что может быть, чтоб я когда забыла,
Как он меня любил, как я его любила,
Иль долго б без него могла я жить стеня!
Нельзя не воображать!.. Не унимай меня!
Страдай, моя душа, коль так определенно!
На то ль, о сердце, ты любовью воспаленно?!

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ 1

Семира и Избрана.

Избрана

Олеговы полки пошли из градских врат,
И браг твой из лесов идет под самый град.
Глас громких труб, шумя, повсюду раздается:
В сей час меж войсками сражение начнется.

Семира

Еще ли князь мой жив? Увижу ль я его?

Избрана

О Ростиславе я не знаю ничего.

Семира

Стесненная душа, покинь ты томно тело!
Последнее мое днесь счастье улетело,
И жизни моея одна осталась тень.
Немилосердый рок! Презлополучный день!

Избрана

Твой князь к тебе идет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Семира, Ростислав и Избрана.

Семира

Ты жив! Тебя ль я вижу?!

Ростислав

Но, ах, уже минут оставших ненавижу
И только для того могу на свет глядеть,
Что, видя свет, могу тебя на свете зреть.
Коль брань сию Олег несчастно окончает
И брат твой славою свободу увенчает,
Я буду бедности людей своих виной.
О небо! Я один виновен пред тобой,
Прославь Олегову еще победой старость,
На мне сверши ты казнь и праведную ярость!

Семира

Ты смерть поносную предпочитаешь мне?

Ростислав

В жестокой не хочу остаться я вине.
Тот, в ком нет совести, в злодействии спокоен,
А я на смерть готов, коль жизни недостоин.

Семира

Дух братним мужеством я льщуся утешать,
А ты стараешься надежду разрушать,
И, мною толь любим, грозишь меня оставить.
Когда Оскольда ты от смерти мог избавить,
Избави и меня! Не отврати сих дней,
В которы быть хочу супругою твоей!
И если славою Оскольд войну скончает,
Пускай и наше он веселье увенчает.

Ростислав

Прошли драгие дни веселья моего,
Я радостей лишен до гроба своего.
Не принуждай меня на свете ты остаться
И, срамно живучи, бесчестием терзаться.

Хоть принуждением меня ты днесь тягчишь,
Но малодушие уж мне не приключишь,
А если в вечный мрак последуешь за мною,
Сразишь мя жалостно вторичною виною,
И будет тень моя, из темной глубины
На небо вопия, твои гласить вины:
Что ты бесчестию мя страстью покорила,
Что славу ты мою в бесславье претворила
И, честь мою совсем в бесчестье пременя,
Взяла свирепо жизнь два раза у меня.

Семира

На что мне в свете жить, коль в нем тебя не будет?
Иль мыслишь ты, тебя Семира позабудет?
Коль намеряешься ты сам себя убить,
Жестокий, для чего ты стал меня любить?

Ростислав

Чтоб раздражить отца и преступить уставы,
Предать отечество, лишиться вечной славы
И, оставляючи себе в потомство срам,
В презрении умреть к твоим одним слезам.

Семира

Любовь ко мне тебя преступком отягчила.
Не спорю, я тебе все бедства приключила.
Когда ж ты для меня в толики впал беды,
Сними с напастей сих желанные плоды!
Ты славу возвратишь, ты только расцветаешь.
Воспомни, Ростислав, что ты Семирой таешь!

Ростислав

Кто добродетелен и стал преступник прав,
Во беззаконьи тот не чувствует забав,
Не услаждается ничем на свете боле.
Последовав твоей несправедливой воле,
Я честен, но в делах злодейских утоплен,
Злодей, хоть к честному поступку я рожден,
Любим к несчастию, гоним отцом достойно
И не могу еще и умереть спокойно!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и воин с Ростиславовым мечем.

Воин

Народ, о государь, твой меч тебе дает,
И войско к своему тебя спасенью ждет.
Не медли и ступай, Оскольд уже во граде,
Мы гибнем все теперь, родитель твой в осаде.
Спаси его и нас!

Ростислав

(отходя)

Или погибну сам.

Семира

Когда придет конец толь горестным часам?!

ЯВЛЕНИЕ 4

Семира и Избрана.

Семира

Пойдем, пойдем отсель мы в вышние чертоги
И будем зрети то, чем мя накажут боги...
Поди одна! Моих к тому не станет сил.
Час брани мысль мою престранно разделил.
Поди и принеси отравы в смертну рану.
Кого, увы, из них оплакивать я стану?!

ЯВЛЕНИЕ 5

Семира

(одна)

Нежалостливый рок с обеих стран шумит,
С обеих стран на мя ужасный гром гремит.
Где скроюсь, бедная?! Несчастливой Семире
Убежища не знать во всем пространном мире.
Кому теперь желать успеха я должна?!
С одним я жаркою любовью спряжена,
С другим произвела мя в свет одна утроба:
Обоим я мила, они мне милы оба.

В сей грозный час им век с победою сплетен,
И тот из них умрет, кто будет побежден.
Так можно ли на чем желание уставить,
Иль праведной тоски хоть малу часть убавить?
Что стражду я теперь в мученьях таковых,
Вы винны в том, ах, вы, заразы глаз моих.
К погибели моей природой вы мне данны,
Герою в младости на бедства несказанны,
А брат мой днесь от уз хоть вами и спасен,
Но страшный облак сей еще не пренесен,
Который крыл его: он душу угнетает
И над главой еще Оскольдовой летает.
Подайте, небеса, с победою ему
Покой его сестре и городу сему!
Пошлите к нам опять драгие дни свободы
И, миром согласив противные народы,
Позвольте царствовать Оскольду в сей стране
И Ростиславовой супругой быти мне!
О суетная мысль! На что меня прельщаешь?
Ты, томно сердце, мне иное предвещаешь,
И знаков нет тому, чего желаю я.
Прямого счастия лишенна часть моя.
Терпеть различные напасти я рожденна
И, чтоб умножить их, любити осужденна.
Но се во граде я смешенный слышу глас
И слышу звук мечей. Пришел мой лютый час.
Стон ближится, и шум победа умножает.
Кого остр меч из вас, о князи, поражает!

ЯВЛЕНИЕ 6

Семира и Избрана.

Семира

Скажи, что сделалось?! Еще ли брат мой здрав,
Восходит ли на трон? И жив ли Ростислав?

Избрана

О жизни их сказать нимало я не знаю,
Вторичный только плен войск наших вспоминаю.

Семира

Когда не вижу я конца народных бед,
Так брата моего, конечно, больше нет?

Избрана

Во многолюдстве я его не узнавала
И только видела, что наша сила пала.

ЯВЛЕНИЕ 7

Семира, Избрана и Витозар.

Семира

Оскольд опять пленен? Но, ах, уж нет его!
Не буду больше зреть я брата своего!

Витозар

Он жив еще...

Семира

Он жив? И хочет жить в неволе?

Витозар

Недолго будет он то чувствовати боле,
Уже мечем пронзен...

Семира

Жестокий Ростислав,
Возможешь ли ты быть передо мною прав?!

Витозар

Не обвиняй его, не мни о нем ты злобно
И выслушай, княжна, печальну весть подробно.

Семира

О пагубная весть! О мой смущенный дух!

(Витозару)

Пронзай сей вестию, пронзай Семирин слух!

Витозар

Твой князь сии слова в мои уста влагает,
Он сам тебе открыть сие изнемогает.
Разбив своих врагов и простирая гнев,
Оскольд вломился в град, как раздраженный лев.
Уж наше воинство почти плененно зрилось,
Но Ростислав пришел, и счастье претворилось.
Мы взяли верх, Оскольд стал скоро покорен
И, сверженный с коня, был паче разъярен,
Метался и рубил, но, близко плен свой видя,
Свой меч вонзил в себя, живот возненавидя.
Умрет, но столько он еще имеет сил,
Что мог прийти к тебе.

Семира

Рок тако брань свершил!
Се час желанного веселья и покою?!
Навеки расстаюсь, Оскольд, уже с тобою!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж и Ростислав.

Семира

Ты славен стал опять, прошла твоя напасть.
Не пременяется моя едина часть.

Ростислав

Когда страдаешь ты, и я тогда страдаю
И скорбию своей тогда не обладаю.
Люблю тебя сто раз я больше живота.
Твоя, княжна, меня пленивша красота
Твоими горестьми мя равно огорчает.

Семира

Какие мне беды судьбина приключает!
Мой князь, дражайший князь, престань о мне жалеть!
Дай праху моему без слез твоих истлеть!

Ростислав

Какие то слова?! Что слышу я, драгая?!
Ты грудь мою теснишь, весь ум рассеевая.

Преодолей себя, сноси тоску, сноси,
Сноси, дражайшая, и жизнь мою спаси!
Умерь излишество мучения сердечна!
Ты гонишь в гроб меня, не будь бесчеловечна!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Олег, Ростислав, Семира, Оскольд, которого ведут два из его воинов, Витозар, Избрана и Олеговы воины.

Семира

Прежалостнейший вид! Смертельный сердцу яд!
Несчастная сестра! Возлюбленный мой брат!
(Бросается к Оскольду.)

Оскольд

Не возвратишь меня ни плачем, ни тоскою.
Спокойся ты, а мне отверста дверь к покою.
Не плачь и ободрись!

Семира

Могу ль не плакать я?!

Оскольд
(Олегу)

Тебе дала, Олег, победу часть твоя,
А мне моя судьба отверзла двери гроба,
Должна прекращена теперь быть наша злоба.
Будь к пленным милостив, отдай свободу им
И храбрый сей народ соедини с своим!
Ручаюся за них! Верь мне и будь в надежде,
Что будут так служить, как мне служили прежде.
Щедрота к пленникам есть выше всех побед,
И милосердия ничто не превзойдет.
Пленяет и тиран, когда судьбе угодно,
А милостивым быть герою только сродно.
Хотя сей горький час, что зрюся я в плену,
И что зрю свет еще, стоная, и кляну,
Но если мне не быть, прося, отриновенным,
Я сей поставлю час часом благословенным.
Исполни, победив, прошение мое!

Олег

Исполнится, Оскольд, желание твое.
Когда б и в животе твоем Олег был волен,
Хотя б, не царствуя, ты не был им доволен,
Я все бы способы к тому употребил.
Как много гнал тебя, так много я любил.
Достоин в гордости ты был жестокой казни,
А днесь достоин ты всея моей приязни.
Но поздно в жалости гоненья преложить.

Оскольд

Я больше не могу и не желаю жить,
Доволен, что народ не в узах оставляю,
Что честь мою и их от ига избавляю.

(Ростиславу, указывая на Семиру)

Ее вручаю я, любезный друг, тебе.
Ты ей желаешь благ, колико сам себе.
Венчайте жар сердец, живите неразлучно
В согласии, в любви и ввек благополучно.
Забудьте горести, которые прошли,
И веселитеся! Вы счастие нашли.
Стенаньем радости своей не разрушайте
И только иногда меня воспоминайте.

Ростислав

Когда ты смертию отъемлешься у нас,
Я радости своей не чувствую в сей час.
Коликим горестям подвластны человеки?!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!

Оскольд

(Семире)

А ты, сестра моя, не плачь, не плачь о мне,
Но защищай людей в родительской стране,
Которы с таковой нам верностью служили
И кровь свою за нас со всей охотой лили!
Предстательствуй за них! .. Мой дух отходит прочь,
И тьмит в очах моих луч солнца вечна ночь.
Прости!

Семира

О боги!

Осколь д

Ах!.. не рвись!..

Оскольд умирает и сносится.

Семира

Увы, лишилась,
Лишилась брата я, и часть его свершилась!
О мой любезный брат, оставил ты меня,
И тщетно вопию, терзаясь и стеня,
Стенанья моего ты более не внемлешь,
В тоске моей уже участья не приемлешь!
Рок, чью ты ныне жизнь свирепо пересек?!
Прерви, плачевный день, и мой несчастный век!

(Падает в руки к Избране.)

Ростислав

Дражайшая княжна!

Семира

Вся кровь во мне хладеет.

Олег

(Семире)

Великодушие тобой да овладеет!

Ростислав

Сим жалким зрелищем смущен смертельно я:
О небо, утоли тоску и скорбь ея,
Скончай печальны дни, в которы мы терпели,
И сделай, чтоб сердца в любви без слез кипели!

Конец трагедии

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Трагедия

ПРЕДСТАВЛЕНА В ПЕРВЫЙ РАЗ В 1771 ГОДУ ФЕВРАЛЯ 1 ДНЯ
НА ИМПЕРАТОРСКОМ ТЕАТРЕ В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Димитрий Самозванец
Шуйский
Георгий, князь Галицкий
Ксения, дочь Шуйского
Пармен, наперсник Димитриев
Начальник стражи
Бояря и прочие

Действие в Кремле, в царском доме

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Димитрий и Пармен.

Пармен

Разрушь монархова наперсника незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стенанье
И зрю, что мучишься на троне завсегда.
Какая предстоит Димитрию беда?
Блаженству твоему какая грусть мешает?
Или уже тебя престол не утешает?
Хоть был несчастлив ты, но век твой ныне нов.
То небо отдало, что отнял Годунов.
Не мог тебе злодей во гроб дверей отперти,
Судьбиною ты взят из челюстей злой смерти,
А истина на трон отцев тебя взвела.
Какие ж горести судьба тебе дала?

Димитрий

Зла фурия во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может.

Пармен

Ты много варварства и зверства сотворил,
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не винных,

Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Отечества сыны все счастьем одинаки,
И здравие твое брегут одни поляки.
Восточной церкви здесь закон совсем падет,
Под иго папское царь русский нас ведет
И, ежели ко злу влечет тебя природа,
Преодолей ее и будь отец народа!

Димитрий

В законе Климент мя присягой обязал,
А польский мне народ услуги показал.
Так милости моей Россия не причастна,
Коль папской святости не хочет быть подвластна.

Пармен

Мне мнится, человек — себе подобным брат,
И лжеучители рассеяли разврат,
Дабы лжесвятости их черни возвещались,
И ко прибытку им их басни освещались.
Нам наши пастыри того не говорят
И, с ними развратясь, судьбу благодарят.
Сложила Англия, Голландия то бремя,
И пол-Германии. Наступит скоро время,
Что и Европа вся откинет прежний страх
И с трона свержется прегордый сей монах,
Который толь себя от смертных отличает
И чернь которого, как бога, величает.

Димитрий

Толь дерзостно, Пармен, о нем не говори.
Сие светило чтут и князи и цари!

Пармен

Не все к нему, не все усердным сердцем тают,
Но многие его притворно почитают,
И виден только в нем вселенский патриярх,
Не мира судия, не бог и не монарх.
А папа вить не всех людей скотами числит,
Разумный человек о боге здраво мыслит.

Димитрий

Во умствовании не трать напрасно слов.
Коль в небе хочешь быть, не буди философ!
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.

Пармен

Премудрость вышнему быть может ли противна?
Исполнен ею, он вселенну созидал
И мертву веществу живот и разум дал.
На что ни взглянем мы, его премудрость видим.
Или, что в боге чтим, в себе возненавидим?

Димитрий

Премудрость божия непостижима нам.

Пармен

Так Климент оныя не постигает сам.
К понятию ея ума пределы тесны,
Но действа божества в творении известны.
И если изострим нам данные умы,
Что папа ведает, узнаем то и мы.

Димитрий

За дерзость будешь там ты мучиться вовеки,
Где жажда, глад, тоска и огненные реки,
Где скорбь душевная и неисцельных ран.

Пармен

Димитрий будет там, когда он стал тиран.

Димитрий

Я ведаю, что я нежалостный зла зритель
И всех на свете сем бесстудных дел творитель.

Пармен

Так должно от таких дел страшных убегать.

Димитрий

Нет сил и не могу себя превозмогать.
Затьмится росска честь и действия геройски,
Почтут отцем отцев мои все папу войски,
Оружием ему я церковь покорю.
Коль хочет царь того, удобно то царю.

Пармен

Во треволненное вдаешься, царь, ты море,
А, тщася учредить Москве и россам горе,
Готовишь ты себе несчастливый конец;
Колеблется твой трон, с главы падет венец.

Димитрий

Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцем мне быти в той стране,
Котора, мя гоня, всего противней мне?
Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
Что россам ссылку, казнь и смерть определяю.
Сыны отечества — поляки будут здесь;
Отдам под иго им народ российский весь.
Тогда почувствую, последуя успеху,
Я сан величества и царскую утеху,
Когда притом и то я в добычь получу,
Что я давно уже иметь себе хочу.
А ежели сие, мой друг, не совершится,
Димитрий множества спокойствия лишится.
Грызеньем совести я много мук терплю,
Но мука мне и то, что Ксению люблю.

Пармен

У Ксении жених, а у тебя супруга...

Димитрий

Я чту тебя, Пармен, как верного мне друга.
Так я не кроюся. Могу прервати брак,
И тайный яд мою жену пошлет во мрак.

Пармен

Объемлет трепет...

Димитрий

Ты пугаешься напрасно.

Пармен

О действии таком помыслити ужасно.

Димитрий

Я к ужасу привык, злодейством разъярен,
Наполнен варварством и кровью обагрен.

Пармен

Супруга пред тобой нимало не виновна.

Димитрий

Перед царем должна быть истина бессловна;
Не истина — царь, — я; закон — монарша власть,
А предписание закона — царска страсть.
Невольник тот монарх, кто презрит те забавы,
В которых вольности препятствуют уставы,
И если б был таков порфироносца век,
Так был тогда б и царь подвластный человек,
И суетно бы он для подданных трудился,
Когда б, как подданный, он истиной судился.

Пармен

(особливо)

Потчусь от варварства супругу обрегать.

(Димитрию.)

В геенну ты себя стараешься ввергать.

Димитрий

О Климент! Если я в небесном буду граде,
Кому ж мучение готовится во аде?!

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, Пармен и страженачальник.

Начальник

Великий государь, смущается народ,
И все волнуются, как бурей токи вод.
Иной отважился и ясно то вещает,
Что он против царя и скиптра ощущает.

Димитрий

Какой на площади плетется ими вред?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни бред.

Начальник

Не смею, государь, то точно повторяти.

Димитрий

Вещай! А россов я умею усмиряти.

Начальник

Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он во Угличе неложно умерщвлен.
Отрепьевым тебя в народе именуют,
Твою историю вот тако знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел
И в Польше ты себе убежище нашел
И тамо обманул и тестя и невесту,
Дошел обманами к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглостей рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.

Димитрий

Надеждну стражу мне поляками умножь
И духа яростью еще не востревожь!
Внимать извергов сих не станет больше мочи.
Представь мне Шуйского и с дочерью пред очи!

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий и Пармен.

Пармен

Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонравно,
Димитрий ты иль нет, сие народу равно.

Димитрий

Мятеж — от Шуйского. В лице его то зрю.
Когда во друга я врага не претворю,
В сей день пожрет его, пожрет земли утроба,
Отверзу и ему и Ксении дверь гроба.

Пармен

Остановляется моя сей речью кровь.
Неслыханную к ней имеешь ты любовь.

Димитрий

Любовь геройская во мщение преходит,
Когда взаимственной утехи не находит,
И ежели княжна пренебрежет сей страх,
Цветущу розу я преобращу во прах.
Когда противится монаршей нежной страсти,
Противится она законной царской власти.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Пармен, Шуйский и Ксения.

Димитрий

Мне дерзкой площади известен наглый шум
И основание ея коварных дум.
Сие московские вельможи утверждают
И благоденствие престола повреждают.

Шуйский

Неважен черни шум, то только звук пустой;
Их лай разносит ветр, исчезнет он...

Димитрий

Постой!
Мне тайны твоея нельзя проникнуть боле.
Всё ясно: на моем быть хочешь ты престоле.

Шуйский

Чтоб я монархом был преславной сей стране,
Не всходят и на ум такие мысли мне.
Ты — наш монарх и сын монарха Иоанна,
В соборной церкви нам глава твоя венчанна.
Тираном был у нас злонравный Годунов,
Ты грозен, праведен, отец твой был таков.
Роптанье на тебя злочестные сугубят:
Тати, пияницы, а прочие все любят.

По нужде днесь ты лют, но будешь милосерд.
Великий государь, в Москве престол твой тверд.

Димитрий

Безумцем ты меня, лаская мне, не числи:
Со взором, с речью сей твои не сходны мысли.
Будь истинный мне друг, то дружество храня.

Шуйский

Я — твой послушный раб.

Димитрий

Пармен, оставь меня!

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий, Шуйский и Ксения.

Димитрий

Что ты передо мной в речах не лицемерен,
В том быти я хочу действительно уверен.
Мой рок любовию всю кровь мою зажег,
Так дай ты Ксению мне дружества в залог.

Ксения

Меня?

Шуйский

Супругу ты имеешь.

Димитрий

Законом та римлянка;
Благочестивая потребна россиянка.

Ксения

Я сердцем со другим давно сопряжена.

Димитрий

Так ты не хочешь быть монархова жена?

Ксения

Не отвратит меня сияние короны,
Ниже́ всея земли и скипетры и троны
От нынешней моей к любовнику любви,
И не погаснет жар, горящий во крови,
Которым полон ум, которым чувство тает,
И вечно в сердце сем Георгий обитает.

Димитрий

Но смерть тебя и с ним удобна нискосить,
И жар с обеих стран любовный погасить.

Ксения

Тогда навеки мы друг друга позабудем,
А прежде никогда неверны мы не будем.

Димитрий

Никак забыла ты, кому даешь ответ?
Страшишься ль смерти ты, мучений, казней?

Ксения

Нет!

Димитрий

Так ты готовься к ним в отважности без страха,
Не будет твоего на свете сем и праха.
О небо! Истиной ко мщению бегу,
Тужа, что, жизнь отняв, терзати не могу.
Подвигнул бы теперь ад, море я и сушу
И вечно бы терзал я Ксениину душу.

Шуйский

Не буди, государь, так ею прогневлен,
Такой ея упор от младости явлен.
Коль толь очам твоим ея прекрасно тело,
Вручи родителю ея сие ты дело.
Я мысли дочери, конечно, пременю.

Ксения

Я честность верности до гроба сохраню.
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя соделати неверной предприемлешь?
Всё тщетно, как бы ты меня ни увещал.

Шуйский

Исполню то, что я исполнить обещал,
И образумится несмысленная дева.
Пожди и умеряй жар праведного гнева.

Димитрий

Увещевай ее, колико льзя тебе.

Ксения

Не воображай меня супругою себе.

ЯВЛЕНИЕ 6

Шуйский и Ксения.

Шуйский

Возникни, истина, к народной обороне!
Недолго, враг Москвы, пребудеши в короне.

Ксения

Но ты ему теперь иное говорил.

Шуйский

Не мни, чтоб истину злодею я открыл:
Твоя несмысленность и неискусна младость
Посеяли в тебе одну любови сладость.
Стремишься к роскоши прямым путем идти;
Притворностью к ней путь стремися ты найти!
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело.
Обман усилился на трон его венчать;
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.
О боже! Дай Москве и нам покойно время!

Ксения

Тиран отъемлет жизнь мою, меня разя.

Шуйский

Обманывай его, притворствуй сколько льзя,
Надежду подавай, в нем сердце распаляя

И варварство его любовью утоляя,
Во воздыхание преобращая гнев.
Любви покорствует змея, и тигр, и лев,
И звери дикие свирепство оставляют,
Как нежной роскоши приветствия являют.

Ксения

Сей варвар аспида и василиска зляй.

Шуйский

Отчаянную мысль, как можешь, удаляй,
Которою свой дух толико ужасаешь,
И помни, что отца, любовника спасаешь,
А к ним приобщено отечество твое:
Москва, Россия вся...

Ксения

Мне вестно всё сие;
Но исполнение сего весьма мне трудно.
Избавь Россию мной, о небо правосудно!

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Георгий и Ксения.

Георгий

Язык мой должен я притворству покорить,
Иное чувствовать, иное говорить
И быти мерзостным лукавцам я подобен.
Вот поступь, если царь неправеден и злобен.

Ксения

Блажен на свете тот порфироносный муж,
Который не теснит свободы наших душ,
Кто пользой общества себя превозвышает
И снисхождением сан царский украшает,
Даруя подданным благополучны дни,
Страшатся коего злодеи лишь одни.

Георгий

О ты, печальный Кремль, стал ныне ты свидетель,
Что днесь низверженна с престола добродетель.
Томящаясь Москва в унынии дрожит,
Блаженство в горести из стен ея бежит.
Дни светлы кажутся густой темняе нощи,
Прекрасны вкруг Москвы покрыты мраком рощи.
Когда торжественный шумит во граде звон,
Нам мнится, что твердит он града общий стон
И церкви нашея паденье возвещает,
Которое она от папы ощущает.
О боже! Ужас сей от россов отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климент обещал на небеси награду
Мятежникам, врагам отеческому граду
И что им все грехи прощает наперед.
Постраждет так Москва, как страждет Новый свет.
Там кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставших разорили,
Средь их отечества стремясь невинных жечь,
В руке имея крест, в другой кровавый меч.
Что с ними делалось в незапной их судьбине,
От папы будет то тебе, Россия, ныне.

Ксения

Все силы пагубны — Димитрий, Климент, ад —
Из сердца моего тебя не истребят.
О небо, удали свирепство папской власти,
А с ним и Ксении несносные напасти,
Дабы свою главу Россия подняла,
А я б супругою любовнику была!
Дай нам увидети монарха на престоле,
Подвластна истине, не беззаконной воле!
Увяла правда вся, тирану весь закон —
Едино только то, чего желает он,
А праведных царей для их бессмертной славы
На счастье подданных основаны уставы.
Наместник божества быть должен государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Из тартара тебя Мегера возметала,
Кавказ тебя родил, Иркания питала.

Извержет еретик толпой своих рабов
Тела святых мужей, ругаясь, из гробов.
В России имена их вечно сокрушатся,
И домы божии в Москве опустошатся.
Народ, сорви венец с главы творца злых мук!
Спеши, исторгни скиптр из варваровых рук,
Избавь от ярости себя непобедимой
И мужа украси достойна диадимой!

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, Георгий и Ксения.

Димитрий

Внемли и ты, и ты, Георгий, то внемли!
Вы — ползающа тварь и черви на земли.
Внимайте рабственно монарше повеленье
Иль, паче, святости небес благоволенье:
Не для тебя сия девица рождена.
Она моею быть супругой суждена,
И если в бедствие не хочешь ты впускаться,
Престань прекрасною княжною сей ласкаться.

Георгий

Не спорю, государь, безмолвствую.

Ксения

И я.

Димитрий

И взавтре будеши навеки ты моя.

Ксения

Из мысли то гоня, что было толь утешно,
Нельзя готовиться ко браку толь поспешно.
Я знаю, государь, сильна монарша власть,
Но не бессильнее ея любовна страсть.
Не можно вдруг себя от страсти сей избавить,
Ниже́ любовника без горести оставить.
Дай несколько ты дней сей страсти волновать
И мне Георгия привыкнуть забывать!

Дай прежню исцелить глубоку в сердце рану.
Что в том, когда на брак отчаянна предстану?
Лишь только к олтарю я очи возведу,
Лишуся живота и мертвая паду.

Димитрий

Отвергни наглое во страсти волнованье,
Иль кончится его на свете пребыванье!
Исчезни, мелкая царю на жертву тварь!
Он — прах земной, а я — венчанный россов царь.

Георгий

Довольно я терпел...

Ксения

Молчи!

Георгий

Сие презренье
Несносно мне...

Ксения

Мой князь!

Димитрий

Монархово смиренье
Преобращается во справедливый гнев.
Разверзся на тебя голодной смерти зев.
Вступите, стражи!

Стражи вступают.

Георгий

Я готов на разны муки,
Коль отдан я судьбой во варварские руки.
Насыться, тать венца, убийца и тиран,
Моею кровию и кровию граждан,
Восшед на высоту из преисподня дола,
Доколь не будеши низвержен со престола.

Димитрий

В темницу!

ЯВЛЕНИЕ 8

Димитрий и Ксения.

Ксения

Варварствуй, терзай меня, терзай,
На все злочестия, свирепствуя, дерзай!
Ты благо каждого, мучитель, ненавидишь!
О боже! Ты его дела ужасны видишь,
Тебе известно то, каков народу он,
Всечасно от него ты слышишь бедных стон.
Проникни, каковы сии мне злы минуты,
Взгляни со небеси на горести толь люты,
Взгляни на трепет мой, взгляни на токи глаз,
Услышь моление, услышь мой томный глас,
Пошли мучителю достойную награду
И дай несчастнейшей хоть малую отраду!

Димитрий

Я скоро в горести тебе отраду дам.
Узнаете меня, явлю то ясно вам:
Георгий будет весь растерзан пред тобою,
А ты жди жалости подобной над тобою.

Ксения

Почтенней на торгу с Георгием умреть,
Как со Димитрием себя на троне зреть.

Димитрий

Исполнится в сей день сие твое желанье,
И окончается к Георгию пыланье
В отмщенье скипетра, державы и венца.

Ксения

Со нетерпением я жду себе конца.
Ты пола не щадишь, ни рода здесь, ни чина,
Однако знай и ты: близка твоя кончина,
Здесь долго царствовать тебе надежды нет,
Тобой пролита кровь на небо вопиет,
Ты не был жалостью ни на минуту тронут,
Бояря, весь народ и стены града стонут.
Не страшны казни мне, угрозы все вотще.
Сражай меня, тиран! Чего ты ждешь еще?!

Шуйский пред последним стихом приходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Ксения и Шуйский.

Шуйский

За дерзости свои достойны вы сраженья.

Димитрий

Превсходят дерзости все силы воображенья.
Во удивление придет, то внемля, свет.

Шуйский

Мой так отеческий приемлешь ты совет?!

Ксения

В отчаянии мне...

Шуйский

В толико наглом деле
Беги от глаз моих, исчезни ты отселе!

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий и Шуйский.

Шуйский

Доколе не взойдет на горизонт луна,
Тебе престанет быть преслушницей она.
Смягчися, извини девическую младость!

Димитрий

Смягчает мя любви желаемая сладость.
Как я ее люблю, хоть я о ней стонал,
Я то до сих минут еще не прямо знал.
Любовью чувствие мое не утешалось,
И сердце славою единой украшалось.
Подвластен нежности простонародный дух,
И сей увеселял меня единый слух,
Что мой божественный венец ко страху блещет,
Москва во ужасе, Россия вся трепещет,
Дворяня знатные у ног моих лежат,
Вельможи предо мной, как пленники, дрожат.

Должна ли нежности порфира быть причастна?!
О гордая душа! И ты любви подвластна.
Скажи ты дочери, чтоб пала предо мной
И, мне желая быть покорною женой,
Взяла бы перстень сей в залог моей приязни,
Или б готовилась на место лютой казни.

Шуйский

Преслушная тебе — преслушна небесам.
И утверждаю я твое решенье сам.
Мы должны покорять желания и страсти
Закону божию и государской власти.

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий, Шуйский и Пармен.

Пармен

Сугубится так шум, как буря восстает,
Когда от северной страны борей ревет.
Прервется тишины народныя граница.
Георгиева смерть, оковы и темница
И что жестокости всегда на троне те ж,
Приводят город весь во ярость и мятеж.
Каков твой сан, тебе опасности толики,
И бедства предстоят Димитрию велики.
Не восхотел ты здесь покойно обладать
И ярости своей не тщился обуздать.
Коль был бы подданным ты счастьем и отрадой,
Народ бы твоего престола был оградой.

Шуйский

Подпора трона — я и площадь умягчу
И верность подданных монарху возвращу.
Надейся, государь, на Шуйского ты твердо.

Димитрий

Еще ли сердце днесь во мне немилосердо,
Что я Георгию и площади терплю
И новой кровию я града не кроплю!
Зияет тигр, а я зияющего глажу.
Пойди, уйми народ, а ты умножи стражу!

ЯВЛЕНИЕ 7

Димитрий

(один)

Нетвердо на главе моей лежит венец,
И близок моего величия конец.
Повсеминутно жду незапныя премены.
О устрашающи меня Кремлевы стены!
Мне мнится, что всяк час вещаете вы мне:
«Злодей, ты — враг, ты — враг и нам и всей стране!»
Гласят граждане: «Мы тобою разоренны!»
А храмы вопиют: «Мы кровью обагренны!»
Уныли вкруг Москвы прекрасные места,
И ад из пропастей разверз на мя уста.
Во преисподнюю зрю мрачные степени
И вижу в тартаре мучительские тени.
Уже в геенне я и в пламени горю.
Воззрю на небеса: селенье райско зрю,
Там добрые цари природы всей красою,
И ангели кропят их райскою росою.
А мне, отчаянну, на что надежда днесь?!
Ввек буду мучиться, как мучуся я здесь.
Не венценосец я в великолепном граде,
Но беззаконник злой, терзаемый во аде.
Я гибну, множество народа погубя.
Беги, тиран, беги! .. Кого бежать? .. Себя?
Не вижу никого другого пред собою.
Беги! .. Куда бежать? .. Твой ад везде с тобою.
Убийца здесь; беги! .. Но я убийца сей.
Страшуся сам себя и тени я моей.
Отмщу! .. Кому? .. Себе? .. Себя ль возненавижу?
Люблю себя... Люблю... За что? .. Того не вижу.
Всё вопит на меня: грабеж, неправый суд,
Все страшные дела, все купно вопиют.
Живу к несчастию, умру ко счастью ближних.
Завидна участь мне людей и самых нижних.
И нищий в бедности спокоен иногда,
А я здесь царствую и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшед на трон обманом,
Гони и будь гоним, живи, умри тираном!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Шуйский и Пармен.

Пармен

Я мысли мрачные злодею просветил
И новы ярости сколь можно укротил.
Георгия от уз тиран освобождает,
Довóд мой гнев его по нужде побеждает.
Наперсником его я был бы верен ввек,
Коль добродетельный он был бы человек,
Но сын отечества, член росского народа...

Шуйский

Димитрия на трон взвела его порода.

Пармен

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.
Но пользует ли нам высокий сан един?
Пускай Димитрий сей монарха росска сын,
Да если качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим,
Не находя в себе к отцу любови чад.
Коль нет от скипетра во обществе отрад,
Когда невинные в отчаянии стонут,
Вдовы и сироты во горьком плаче тонут;
Коль, вместо истины, вокруг престола лесть,
Когда в опасности именье, жизнь и честь,
Коль истину сребром и златом покупают,
Не с просьбой ко суду — с дарами приступают,
Коль добродетели отличной чести нет,
Грабитель и злодей без трепета живет
И человечество во всех делах теснится, —
Монарху слава вся мечтается и снится.
Пустая похвала возникнет и падет, —
Без пользы общества на троне славы нет.

Шуйский

Царю и обществу я всяких благ желаю.

Пармен

А я на небеса молитвы воссылаю.
Спасай отечество, Георгия, себя
И деву страждущу, рожденну от тебя!

ЯВЛЕНИЕ 2

Шуйский

(один)

Лукавствуй ты иль нет, Димитрий мной увянет,
Низвержется, падет, падет и не восстанет.
Когда умрети рок велит, умреть хощу,
Но на Димитрия весь город возмущу.
Спасу престольный град, отечество избавлю,
Умру, но имени бессмертие оставлю.
Почтен герой, врага который победит,
Но кто отечество от ига свободит,
И победителя почтенней многократно.
За общество умреть и хвально и приятно.

ЯВЛЕНИЕ 3

Шуйский, Георгий и Ксения.

Шуйский

Враг общества еще вам хочет говорить,
С собой желая вас тирански примирить.
Но предложение его хотя и гнусно,
Старайтесь поступать вы скромно и искусно.
Такой же вам совет и прежде я давал,
Но вы испортили, что я ни основал.
Кто силе уступать при нужде не умеет,
В развратном мире жить понятья не имеет.

Георгий

Оставь содеянну мне, князь, вину сию!
Презрительны слова тронýли честь мою,

Они смятенный весь мой дух восколебали,
Предосторожности все разом погибали.
Я ввек не ожидал с рожденья моего
Услышати таких речей ни от кого,
Неожидаемо нахальство ум расшибло,
Вся память отошла, терпение погибло,
И если б брак его с ней меньше мне грозил,
Я б меч тогда во грудь тиранову вонзил.
А днесь колико он бессовестен, безбожен,
Толь буду терпелив пред ним и осторожен.
Для ней одной, для ней ругательство стерплю;
Довольно ли тебя я, Ксения, люблю?!

Ксения

А я, Георгия зря к смерти осужденна,
Могла ль терпением быть хитро побежденна?!
На что мне жизнь и свет в такой уже судьбе?
О мой любезный князь! Душа моя в тебе,
Тобой живу, дышу, тобою украшаюсь,
Тобой блаженствую, тобою утешаюсь.
Не стану при тебе и в бедности тужить:
В убогой хижине с тобой готова жить.
Ни казнью мне тиран и никакой судьбою
Не разлучит меня, возлюбленный, с тобою.

Шуйский

Но скройте во сердцах взаимный свой сей жар.

Георгий

Ах, если поразит такой меня удар,
Что он насилие употребит ко браку!
Такое торжество Георгиеву зраку
Свирепей муки той, какая в аде есть.
И сердце каменно того не может снесть!
Трепещет грудь моя, душа моя разится,
Когда мне только то в уме вообразится.

Ксения

Откинь сей страх, того не будет никогда,
Сей брак не торжества, но смерти мне креда.
И если я с тобой не буду сопряженна,
С тобою буду я во гробе положенна.

Пускай истлеет наш в пещере купно прах,
Не брак, но смерть моя — тебе единый страх!

Георгий

Дай мне, любезная, единому умрети,
И смерти твоея не возмогу я зрети.
Живи и в черную одежду облекись,
Живи и ангелом прекрасным нарекись!
Еще духовные духовну власть имеют,
Еще Игнатию противостати смеют
И бодрствуют еще противу ересей,
Которы, папствуя, нам сеет пастырь сей.

Шуйский

В печали, в горести надейтеся на бога;
Всесилен он, премудр, его щедрота многа,
И следуйте во всем совету моему.

Ксения

Во всем последуем приказу твоему.

ЯВЛЕНИЕ 4

Георгий и Ксения.

Ксения

Пройдите вы скоряй, пройдите, дни плачевны!

Георгий

Пройдите, времена, которы столько гневны!
Скрывайся в сердце ты, горячая любовь,
Престань воспламенять мою кипящу кровь
И нежным перестань ея прельщаться взглядом,
Дабы не стал тебе взгляд сей смертельным ядом!
Умолкни, страсть моя, и нужде покорись,
Жар, пламень мой, во хлад и в стужу претворись!
Скрывайтесь, нежности, колико станет мочи!

Ксения

Взирайте на него без нежности вы, очи, —
Не прежние текут минуты сладких дней, —

И соглашайтеся с притворностью моей!
Не вображайтеся, те радостны минуты,
Которы милы толь, колико ныне люты,
Как будто не было приятства мне сего!
Не трогайте теперь вы сердца моего
И верностью к нему не востревожьте мысли!

Георгий

О небо, ты мое вздыхание исчисли!

Ксения

И капли изочти моих горчайших слез!

Георгий

Смягчи мою судьбу, царь солнца и небес,
И обнови мое сладчайше упованье
Или пересеки на свете пребыванье!
Не истребительна ничем любовь сия.
Княжна! Я — вечно твой, и вечно ты — моя,
Как мы ни мучимся несчастною судьбою.

Ксения

Готова Ксения на смерть идти с тобою
И, больше жизни всей любезного любя,
На все мучения готова для тебя.
Сей град, колико он стал ныне ни развратен,
Тобой еще мне мил и так, как рай, приятен.
Мне мнится, все тобой наполнены места;
Коль нет тебя, Москва мне кажется пуста.
Те милы улицы и те во град дороги,
Твои касалися которым чаще ноги,
Те села близкие, где я с тобой жила,
И рощи, где с тобой хотя я раз была,
Те чистые луга, по коим мы гуляли
И вод журчанием свой слух увеселяли.

Георгий

Мне стены градские и башни, город весь
И протекающи меж гор потоки здесь,
Когда в приятную они погоду плещут,

И солнечны лучи, когда в день красный блещут,
И нощи темнота во самом крепком сне
Любезну Ксению изображают мне.
Не вижу при тебе душе малейшей смуты,
И полны нежностью все тропки, все минуты.
До издыхания я в области твоей.

Ксения

Подобно так и ты, любезный, мной владей.

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий, Георгий и Ксения.

Димитрий

Покорствуете ли предписанной судьбине?

Георгий

Всё ясно рассмотрев, покорны оба ныне.

Димитрий

Во мзду сей жертвы мне, я всё прощаю вам,
Но впредь не то явлю толь наглым я рабам.
О правосудия плоды, вы мщенью вкусны,
Как женской слабости вы кажетеся гнусны!
Быть пользою чему подлейша может тварь,
А мучить весь народ единый может царь,
Благополучия се в мире совершенство!

Георгий

Но всенародное устроити блаженство
Удобно в свете сем ему же одному.
Ласкательно и то величью твоему.

Димитрий

Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богат быть должен царь, а государство бедно.
Ликуй монарх, и всё под ним подданство стонь!
Всегда способнее к труду нежирный конь,

Смиряемый бичем и частою ездою
И управляемый крепчайшею уздою.

Георгий

Способствует трудам усердье и закон.

Димитрий

Самодержавию к чему потребен он?
Узаконения монарши — царска воля.

Георгий

Самодержавие — России лучша доля.
Мне думается, где самодержавства нет,
Что любочестие, теснимо, там падет;
Вельможи гордостью на подчиненных дуют,
А подчиненные на гордых негодуют.
Не сын отечества — отечества злодей,
На троне ищущий из подданных судей.
Правленья таковы совсем России новы,
Коль нет монарха в ней, власть — тяжкие оковы.
Несчастна та страна, где множество вельмож:
Молчит там истина, владычествует ложь.
Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
И если властвовать ты будешь так Москвой,
Благословен твой трон и век России твой.

Димитрий

Я слышу таковы нередко женски басни.
Сияй Москва или хотя навек угасни,
Пускай живут мои народы в ней стеня,
Не для народов — я, народы — для меня,
А ты мя к милости на то увещеваешь,
Что Ксению еще имети уповаешь.

Георгий

Но досаждаю ли предлогом сим царю,
Когда я истину и в страсти говорю?
Я знаю то, что я во всем царю подвластен.
Но жар моей любви короне непричастен.
Мое ль то, что закон естественный дает?

Димитрий

У вас имения и собственности нет.
Ты — князь, князь Галицкий и отрасль Константина,
Однако предо мной ты тень и паутина:
Всё божье и мое.

Георгий

Себе я свой ли сам?

Димитрий

И ты принадлежишь царю и небесам!
А будучи моим, своим себя не числи.

Георгий

Моя ль во мне душа, кровь, сердце, ум и мысли?

Димитрий

То всё не для тебя. В тебе сотворено,
Но богу то и мне совсем покорено.

Георгий

Но бог свободу дал своей последней твари,
Так могут ли то взять законно государи?
Властительны они законы пременить,
Но может ли их власть неправду извинить?

Димитрий

Не приключайте вы душе моей тревоги.
Пойди под стражу ты в назначенны чертоги,
Моя любезная, прекрасная княжна,
А взавтре будеши Димитрию жена.
Ты плачешь?

Ксения

Я тебе стараюсь быть подвластна,
Колико я, увы, Георгием ни страстна.

(Георгию.)

Неожидаемой покорствуя судьбе,
Преодолей себя, колико льзя тебе!

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий и Георгий.

Димитрий

Ты худо следуешь, Георгий, повеленью.
Смущаешься?

Георгий

Стремлюсь любви ко одоленью.

Димитрий

Бледнеешь?

Георгий

Нет! .. Креплюсь... Колико станет сил...
Ты знаешь, государь, что Ксении я мил,
И без смятения нельзя ее оставить.

Димитрий

Но сердце наглое старайся ты исправить,
А беспрепятственно волнуй лишь тамо, страсть,
Где выше смертных сан и полномочна власть.

Георгий

Цари и цесари колико ни преславны,
Но в нежности любви и раб и цесарь равны.
Людей боготворит едина только лесть;
Несходны должности — и различная честь,
Определенная достоинству награда.
Царь — подданных отец, а подданные — чада.
Мы все рождаемся и краткий век живем:
Вельможа, царь и раб, и все потом умрем.
Пещера малая, скрывающая сира,
И победителя равно сокроет мира.
Оставим хижину, отшед из света вон,
Оставит и монарх великолепный трон.
Во всех нас действует равенственно природа:
И в обладателе подвластного народа,
Как и в родившемся незапностью рабе,
И все подвержены естественной борьбе.
Премены чувствуешь ты в царском сердце гневном,
Их чувствую и я во сердце, днесь плачевном.
Услыши, боже мой, молитву ты мою,

Зри слезы, кои днесь перед тобою лью,
Простри от горних стран божественную руку
И злую отврати со Ксенией разлуку!
В тебе спасение, в тебе я льщусь найти,
Не дай несчастному в отчаянье прийти!

Димитрий

По увещании родительском и многом,
Терзайся, рвись, рыдай и сетуй перед богом,
А мне приятно то, когда страдаешь ты,
Зря в области моей любезны красоты.

ЯВЛЕНИЕ 7

Георгий
(один)

Не чтя бессмертного и смертных ненавидя,
Довольствуйся, тиран, мое мученье видя.
Тревожа весь мой ум и грудь мою разя,
Гордися и губи людей, доколе льзя!
Ах, если я лишусь красот, которы милы!
И вображение того отъемлет силы,
Мертвеют чувства все, темнеет солнца луч,
И небо кажется покрыто мраком туч,
А воздух над Москвой наполнен мутным адом.
Увижу ль, солнце, я тебя над здешным градом
Народу счастливу светяще в высоте,
Лучи пускающе во прежней красоте?
Восплещут ли опять, играя, здешны воды?
Ко обитателям придут ли дни свободы,
И возвратятся ли те радостны часы,
В которы зрел без слез я Ксении красы?
Избавится ль сей град бесстудия и срамов,
И возблистают ли верхи златые храмов?
Затворит ли, увы, свой алчный злоба рот?
Возвеселятся ли дворяня и народ,
Возрадуются ли московские девицы,
И воссияют ли прекрасные их лицы?
Престанет ли багрить дворец и храмы кровь?
Возникни здесь покой, возликовствуй любовь
И буди счастливых сердец увеселеньем!
А ты, Москва, а ты будь райским нам селеньем!

ДЕЙСТВИЕ IV

ЯВЛЕНИЕ 1

Димитрий и Ксения.

Димитрий

Когда готовятся утехи нежны нам,
Одолевай себя, любезный вид очам,
И сердце умягчи, ярящеся вседневно,
Произведенное на троне быти гневно.
Когда ты будеши супругою моей,
Прибегнут подданны ко милости твоей.
Мной должно множество народа помирати,
Тщись миловать сирот, вдов слезы отирати
И строгости мои умеривай, как друг.
Будь жалостна жена, когда жесток супруг.
А если строгостей моих и не умеришь,
Но милостью своей ты подданных уверишь,
Что есть еще к кому в страданьи прибегать,
Хотя ты страждущим не в силах помогать.
Пусть мучится народ, как мучился он прежде,
Но каждый, живучи в обманчивой надежде,
Рожденный иго несть, как подлый человек,
В надежде будет жить и мучиться вовек,
Прямыя помощи не видя ниоткуду
И тако говоря: «Я взавтре счастлив буду!»,
Довольствуется тем, но взавтре то придет,
И новые ему напасти приведет.
Но пусть подвластный мне всегда народ болеет,
Димитрий ни о ком из них не сожалеет.
Для собственности всяк живет на свете сем,
Всё в мире пагубно и развращенно в нем.
Хочу тираном быть. Все хвалят добродетель,
На свете коей нет, чему есть мир свидетель.
Не устрашает ад, колико ни грозит.
Так праведно людей Димитрий здесь разит.

Ксения

Достойно, государь, злодеев истребляти,
Однако должно ли невинных погубляти?
Не беззаконию ль определенна месть?

Димитрий

Достойны мщенья все, колико смертных есть.

Ксения

Когда такими всех Димитрий примечает,
Себя ль единого он только исключает?

Димитрий

Когда бы менее самолюбив я был,
Давно б Димитрия Димитрий погубил,
И если б было льзя с собою разделиться,
Я стал бы мукою своею веселиться,
Готовый сам себе в мученьи сострадать
И на отчаянье отчаян соглядать.

Ксения

Изрядный брак теперь супруге обещаешь
И преизрядное спокойство предвещаешь!
Супружницу ль такой супружник пощадит,
Который и себя по нужде не вредит?

Димитрий

Когда боишься ты жестокости и казни,
Вседушно ты ищи супруговой приязни,
Ставь мужа своего превыше естества,
Покорствуй, почитай в нем образ божества!

Ксения

Великолепен царь, почтен монарх и славен,
Но быть любовнице любовник должен равен.
Хотя и узница с царем сопряжена,
Она рабыня ли иль царская жена?
Ищи в супружество девицы равночестной.

Димитрий

Ищу в супружество девицы я прелестной,
Порода красоты лицу не придает:
В селе и в городе цветок равно цветет.

А став супругой мне, судьбой определенной,
Послушна буди, дщерь монарха всей вселенной,
И, мне покорствуя, любви моей ищи...
А ежели не так, страшись и трепещи!

Ксения

Георгий о женах не тако рассуждает.

Димитрий

Георгий рабствует, Димитрий обладает.

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, Ксения и Начальник стражи.

Начальник

Во граде радостной нет вести никакой:
Как сядет солнце, с ним исчезнет твой покой.
Ужасен вечер сей, жди с трепетом ты ночи,
Не будут солнца зреть твои с престола очи.
Игнатий-патриарх во ересях дрожал,
И се, лукавый муж из града убежал.
Бояря вечер сей к измене простирают,
Духовные отцем другого избирают,
Ожесточается дворянство и народ.
Брегися, государь, жестоких ты погод!
В тебе твоя одном осталась оборона:
Валится со главы уже твоей корона.

Димитрий

И всех бояр она с собою повалит.

Начальник

Ждет стража, что творить Димитрий повелит.

Димитрий

Представь Пармена мне и храбро стражей прави,
А в страшной сей ночи свой сон совсем остави!

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий и Ксения.

Димитрий

Вот верности, княжна, князей твоих плоды!

Ксения

О небо, отврати от сих князей беды!
Когда, о царь, народ перед тобой злочинен,
Родитель ли мой в том и князь Георгий винен?

Димитрий

Я знаю их давно... А ты отсель пойди!

Пармен приходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий и Пармен.

Димитрий

Какой приказ я дам, ты то распоряди!
Сия мне страшна ночь добра не предвещает,
И страхи все моя грудь ныне ощущает.
Дрожу... престол падет, преходит жизнь моя...
Куда, отчаянный, к кому прибегну я?!
Встают против меня и бог и человеки,
Разверсты пропасти, пылают адски реки.
Уж я во узника почти преображен:
И небо, и земля, и ад вооружен.
Дух смутный демоны терзают неотступно,
Мой подданный народ гнушается мной купно,
Весь град колеблется, от варварства стеня,
И отвращается всевышний от меня.
Я — враг природы всей, отечества предатель,
И сам создатель мой — мой ныне неприятель.

Пармен

В жестокосердии не буди тако тверд:
Колико грешен ты, бог столько милосерд.

Димитрий

Во милосердии бог столько изобилен,
Колико я хранить устав его бессилен.

Пармен

Во добродетели одной его устав.

Димитрий

Но добродетели противится мой нрав,
И сердцу моему к ней вижу путь я трудный.
Где скроюсь от тебя, о боже правосудный?!
Убежища мне нет во горести моей.
Ад, небо и земля — всё в области твоей,
И ждет меня мое мученье бесконечно.
Преобрати живот в небытие мне вечно,
Бери и огнь и гром, кинь молнию, губи
И дух из существа навеки истреби!
Едино днесь меня, едино услаждает.

Пармен

Конечно, истина твой разум побеждает?

Димитрий
(вручая ему хартию)

Что тут написано, исполни всё сие!

Пармен
(прочел надпись)

Ко нову варварству стремление твое!

Димитрий

Бояря, пастыри, все б были умерщвленны!

Пармен

Коль должно быть сему, труды мои явленны.

Димитрий

Представь Георгия и Ксению с отцем
Под стражей пред моим монаршеским лицем!

ЯВЛЕНИЕ 5

Димитрий
(один)

Блаженная душа идет в объятье бога,
А мне показана с престола в ад дорога.
Сия последня ночь — ночь вечна будет мне;
Увижу наяву что страшно и во сне.
Скончает неба мрак народные напасти,
Отнимет у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спешит на небеса,
И солнце, утомясь, нисходит за леса,
Дабы свежай себя природе возвратило. . .
Помедли в небеси, горящее светило!
Во учрежденный час ты спустишься всегда,
А мне уже тебя не зрети никогда.

ЯВЛЕНИЕ 6

Димитрий, Шуйский, Георгий и стражи.

Димитрий
Я ведаю то всё, кем бунты учрежденны,
А вы пред окнами умрети осужденны.

Шуйский
Великий государь! ..

Димитрий
Не трати больше слов!

Георгий
Лишенный Ксении, умрети я готов,
Уж больше мне нельзя ничем на свете льститься.

Шуйский
Дай с дочерию мне впоследние проститься.
Для ней единыя мне смертный час — боязнь.

Димитрий
Я сам того хочу — умножить вашу казнь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Шуйский, Георгий и стражи.

Георгий

Умрем без робости, себя преодолеем,
Покажем городу, что мужество имеем!
Умрем!

Шуйский

Умрем, когда определенный рок
По власти вышнего толико нам жесток!

ЯВЛЕНИЕ 8

Шуйский, Георгий, Ксения и стражи.

Ксения

Пришли уже часы неизреченной муки.
Се с вами день моей, день вечныя разлуки!
Превыше сил моих минуты мне сии.
О небо, укрепи ты немощи мои!

Шуйский

Сим образом монарх на трон тебя венчает.

Георгий
(*Ксении*)

Сим образом мою к тебе любовь кончает.

Ксения

Страдай ты, Ксения, страдай, страдай теперь!

Георгий

Любезная княжна!

Шуйский

Возлюбленная дщерь!
Лишаюся тебя.

Георгий

Навек тебя я трачу.

Ксения

Стеню без помощи и без надежды плачу.

Шуйский

С младенческих ты лет утехой мне была,
Во добродетели и в красоте цвела,
Своею красотой беседы украшала,
А добродетелью пол женский возвышала,
К веселью моему и радостям росла,
Ему сладчайшую надежду принесла...

Георгий

Которая в сей день навеки исчезает.

Ксения

Томится грудь моя, теснится, замерзает...
Над страшной пропастью я, бедная, стою.
Возьми, о небо, жизнь, возьми ты жизнь мою!
Чем прежде я себе, живуща, ни ласкала,
Чего на свете сем я прежде ни искала,
Всего лишаюся, лишаюся того,
Что мне и живота миляе моего.
Родитель мой! Мой князь! .. Тобою я рожденна,
Твоей, несчастная, любовью побежденна.
Дав дочери ты жизнь, вонзи ей меч во грудь
И окончателем горчайшей жизни будь!
Иль ты вонзи мне меч, любви моей содетель,
И буди верности к себе моей свидетель?

Георгий

Крепися, сколько льзя, любезная княжна!

Шуйский

Нужна моя мне смерть.

Георгий

И мне она нужна.

ЯВЛЕНИЕ 9

Шуйский, Георгий, Ксения со стражами, Пармен и стражи.

Пармен

В темницу весть велел в сию вас царь минуту.

Шуйский

Иду в темницу я.

Георгий

Иду на смерть я люту.

Ксения

Пармен!

Шуйский

Идем, когда уже предел такой!

Пармен

Когда разрушили вы общества покой,
Примите мзду.

Шуйский

Се муж достойный градожитель.

Георгий

Казни и не суди нас, варварства служитель.

Ксения

Ты жалостный свой нрав на зверство пременил,
Которо много раз ты прежде сам винил.

Пармен

Ведите их.

Шуйский

Умерь тоску, княжна несчастна!

Георгий

Останься, Ксения, ты мною меньше страстна!

ЯВЛЕНИЕ 10

Ксения со стражами и Пармен.

Ксения

Нетронут жалостным позорищем таким,
Насыться, злой тиран, мучением моим!
Когда ты наглые чтишь варварски уставы,
Рази, влеки мой дух, терзай мои составы,
Невинну кровь мою подобно ты пролей
И, руки обагрив без сожаленья в ней,
Взведи на небеса окровавленны руки,
Чтоб ты избавлен был в том мире вечной муки!
Бог — правый судия, колико он ни щедр,
Не внемлет он молитв из тартаровых недр,
Отмстите, небеса, душе его зловредной!
Отмстите! .. Ах, но мне в том кая польза, бедной?!
Хоть адских не прервут мучители оков,
Отец, любовник мой не встанут из гробов,
Я им мила, а мне они всего дороже...
Порабощенну мысль тебе вручаю, боже.

Пармен

В неутолимых сих пребуди ты слезах
И будь отчаянна в тирановых глазах.
Я больше ничего тебе не отвечаю.
Исполни, боже, то, чего хочу и чаю!

Ксения

Чай, мерзостный тиран, и жди достойной мзды!
В геенне соберешь насеянны плоды.

ЯВЛЕНИЕ 11

Ксения и стражи.

Ксения

Исполнилося всё, и честь моя свершенна;
Томись, моя душа, толико сокрушенна.
Умрут и принесут во гроб ко мне любовь...
Остановляется дыхание и кровь...

Ах, руки в казнь уже убийцы простирают,
Вкушают князи казнь, падут и умирают
И, преселяяся, покорствуя судьбе,
Зовут и Ксению страдающу к себе,
Оставленную здесь, отчаянну и сиру...
Иду за вами я к безвестну нами миру...
Преобратился сей, цветущий прежде, град
Во мрачный, в у́жасный, в неисходимый ад...
Отверзи челюсти, пылающа геенна,
И выпусти меня! За что тобой я пленна?!
Не в аде я! Но где ж?.. Жива ли я?.. Иль нет?..
Не рушится ль земля?.. Не небо ли падет?..
Ах! Небо и земля безвредны пребывают,
Но князи навсегда меня позабывают...
Куда, стрегущие, велите мне идти?
Везде равно; нигде отрады не найти.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ V

ЯВЛЕНИЕ 1

Димитрий
(один)

Занавес подымается: Димитрий спящий сидит на креслах, возле него стол, на котором царские утвари, и, проснувся, говорит:

Довольно я терплю душевных огорчений,
Не умножайте вы, мечты, моих мучений!
Мне всё приснилося, чем страшен мне сей град,
И весь перед меня предстал ужасный ад.

Слышен колокол.

В набат биют! Сему биенью что причина?!

(Восстает.)

В сей час, в сей страшный час пришла моя кончина.
О ночь! О грозна ночь! О ты, противный звон!
Вещай мою беду, смятение и стон!
Трепещет дух во мне... Сего не знал я прежде...
Объят отчаяньем, и нет путей к надежде.
Дом царский зыблется, колеблется чертог...
О боже!.. Но меня оставил вечно бог,

А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибежища... Не зрю... В геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! И там рука твоя!
Исторгнешь мя на суд из адския утробы.
Суди и осуждай за все творимы злобы!
И человечества я враг, и божества;
Против я шел тебя, против и естества...
Весь воздух восшумел, враги вооруженны,
У стен моих палат ярятся приближенны,
А я бессильствую, их наглости внемля...
Всё, всё против меня: и небо и земля...
О град, которым я уж больше не владею,
Достанься ты по мне такому же злодею!

ЯВЛЕНИЕ 2

Димитрий, стражи и страженачальник.

Начальник

Весь Кремль народом полн, дом царский окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зажжен.
Вся стража сорвана, остались мы едины.

Димитрий

Не может быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдем!.. Повержем!.. Стой!.. Ступай!..
Будь здесь!.. Беги
И мужеством число врагов превозмоги!
Бегите, тщитеся Димитрия избавить!..
Куда бежите вы?.. Хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!..
Убегнем... Тщетно всё, и поздно всё теперь.
Введите Ксению!

ЯВЛЕНИЕ 3

Димитрий
(один)

Не трона отлученье —
Важнейшее мое, тягчайшее мученье,
Но то, что в ярости лютейшей я горю
И услаждения в отмщении не зрю,

В крови изменничьей, в крови рабов виновных,
В крови бы плавал я и светских и духовных,
Явил бы, каковы разгневанны цари,
И кровью б обагрил и трон и олтари,
Наполнил бы я всю подсолнечную страхом,
Преобратил бы сей престольный град я прахом,
Зажег бы град я весь, и град бы воспылал,
И огнь во пламени до облак воссылал.
Ах, суетно сии мя мысли утешают,
Когда меня судьбы отмщения лишают.

ЯВЛЕНИЕ 4

Димитрий, Ксения и стражи.

Димитрий

Внимая бунта шум, ты в радости не мни,
Что нежности твоей не кончилися дни.
Как скоро ты меня узришь не на престоле,
Не будешь ты часа на свете этом боле;
Удар, который мя изменою разит,
Моею и в тебя рукой кинжал вонзит,
Ты узницей умрешь — не царскою супругой.

Ксения

Достойна смерти сей какою я прослугой?!

Димитрий

Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них!
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева.

Ксения

Не страшен более несчастный мне конец,
Когда спасенны мой любовник и отец.
Единыя такой боялась я разлуки.
Омой невинною моею кровью руки,
Когда ни милости, ни сожаленья нет;
Кончай плачевну жизнь во дни цветущих лет!

Не удивится ли Россия и вселенна,
Услыша, что тобой девица умерщвленна,
Толико близко быв у сердца твоего,
Ко раздражению не сделав ничего?!
Не ждет родитель мой моей невинной казни,
Ни город наш ко мне такой твоей приязни.
Не думает никто, что я их долг плачу
И пол чертогов сих я кровью омочу.

Димитрий

Прельстившемуся мне, прекрасная, тобою
Одни уж мысли — зреть тя мертву пред собою.
Зрю сам, колико ты в сии часы бедна,
Но ты к отмщенью мне осталася одна.
Винна́ ли ты иль нет, будь ви́нна града жертва.
Доколь не свергнуся с престола, буди мертва!..
В преддверии моем я слышу стук и треск,
Пришли минуты злы, короны тьмится блеск.
Готовься ощущать караемую злобу!

(Хватает ее за руку, вынимает кинжал и подымает на нее.)

Жди смерти и умри, предшествуй мне ко гробу!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Димитрий, Ксения, Шуйский, Георгий и воины.

Георгий

Какое зрелище!

Шуйский

Свирепая душа!

Димитрий

Лишайтеся ее, престола мя лиша!

Георгий

(несколько приближаяся к нему)

Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, в котором ты пылаешь!
Георгий — твой злодей.

Шуйский

Не он, не дочь моя
Виновны пред тобой. Начальник бунтов — я.

Димитрий

Когда содеяти хотите ей пощаду,
Ступайте вон отсель и объявите граду,
Что я им дарствую и милость и приязнь,
Или над сей княжной свершится града казнь.

Шуйский

За град отеческий вкушай, княжна, смерть люту!

Георгий

Стремится на меня зло всё в сию минуту!..
Судьбина, ждал ли я толь страшного часа?!.
Вельможи и народ!.. Димитрий!.. Небеса!..
Оставь невинную, моей лей токи крови
И сотвори конец несчастнейшей любови!

Димитрий

Мне жертва та мала к отмщенью моему.

Георгий

(отступив и обратясь к народу)

Спасения лишен, на смерть лечу к нему.

(Бросаяся на него.)

Прости, любезная!

Ксения

Прости!

Димитрий

(устремився Ксению заколоть)

Увяньте, розы!

Пармен

(с обнаженным мечем, вырывая Ксению из рук его)

Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавлен наш народ смертей, гонений, ран,
Не страшен никому в бессилии тиран.

Димитрий

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражей.)

Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!

Конец трагедии

ПЕРЕВОДЫ

ВЕЛИКОМУ ГРАДУ МОСКВЕ

О ты, союзница Голштинския страны,
В российских городах под именем царицы.
Ты отверзаешь нам далекие границы
К пути, в который мы теперь устремлены.

Мы рек твоих струей к пристанищу течем,
И дружество твое мы возвестим Востоку;
Твою к твоим друзьям щедроту превысоку
По возвращении на Западе речем.

Дай, небо, чтобы ты была благополучна,
Безбранна, с тишиной своею неразлучна,
Чтоб твой в спокойствии блаженный жил народ!

Прими сии стихи. Когда я возвращуся,
Достойно славу я твою воспеть потщуся
И Волгу похвалой промчу до Рейнских вод.

<1755>

МОСКВЕ-РЕКЕ

Всегда ты в тишине теки в своих брегах
И града омывай великолепна стены;
Мы в них в другой уж раз зрим ласку без премены,
Которой чаем мы в восточных быть странах.

Коль возвращуся здрав, как был в стране я сей,
Каков от берегов твоих я отлучаюсь,
Устами я тебе и сердцем обещаюсь,
Что ты не выйдешь ввек из памяти моей.

Воспеть хвалу твоим струям я не оставлю.
Как Мульда славится, так я тебя прославлю,
Но тамо я уже не чаю больше быть.

Прими сей малый труд. По времени я миру
Потщуся о тебе громчае возгласить.
Нет, буду петь теперь! подай, Эрата, лиру!

<1755>

МОСКВЕ

Град, русских городов владычица прехвальна
Великолепием, богатством, широтой!
Я башен злато зрю, но злато предо мной
Дешевле, нежель то, чем мысль моя печальна.

Мной зришься ты еще в своем прекрасней цвете;
В тебе оставил я что мне миляй всего,
Кто мне любезнее и сердца моего,
В тебе осталася прекраснейшая в свете.

Избрáнные места России главных чад,
Достойно я хвалю тебя, великий град,
Тебе примера нет в премногом сем народе!

Но хвален больше ты еще причиной сей,
Что ты жилище, град, возлюбленной моей,
В которой всё то есть, что лучшее в природе.

<1755>

* * *

Великий боже! Твой исполнен правдой суд,
Щедроты от тебя имети смертным сродно,
Но в беззаконии все дни мои текут,
И с правосудием простить меня не сходно.

Долготерпение ты должен окончать
За тьму моих грехов по правости устава,
И милосердие днесь должно умолчать.
Того теперь сама желает слава.

Во мщеньи праведном ты тварь свою забудь;
Пренебрегай ток слез и тем доволен будь,
Греми, рази, свою ты ярость умножая!

Хотя и трепещу, я чту твой гнев, стеня,
Но в кое место ты ударишь, поражая,
Не крыла чтобы где Христова кровь меня?

<1756>

ПЯТАЯ ЭКЛОГА

Предвестницы зари, еще молчали птицы,
В полях покой, не знать горящей колесницы,
Когда встает Эраст и мнит, коль он встает,
Что солнце уж лугам Фетида отдает.
Бежит открыть окно и на небо взирает,
Но светозарных в нем красот не обретает,
Ни бледной светлости сияющей луны.
Едва выходит мать любви из глубины.
Эраст озлобился, во мраке зря зеленость,
И сердится на ночь и на дневную леность.
Как в сумерки стада с лугов сойдут долой,
Ириса, проводив овец своих домой,
Средь рощи говорить с ним нечто обещалась,
И для того та ночь ему длинна казалась.
Вот для чего раскрыт его несонный взор,
Доколь не осветил луч дни высоких гор.
Пошел из шалаша. Титира возглашает.
Эрастову Титир скотину сохраняет
От времени того, как он вздыхати стал:
Когда б скот пас он сам, то б скот его пропал.
«Ты спишь еще, ты спишь, — с досадою вещает, —
Ты спишь, а день уже прекрасный наступает.
Ступай и в дол туда скотину погони!»
Он мнил, гоня его, гнать ночь, желая дни,
А день еще далек и самому быть мнится,
Еще повсюду мрак, но пастуху не спится,
Предолгий солнца бег, как выйдет день из вод,
До вечера себе он ставит в целый год
И тако меряет ток солнечный глазами.

Над сими луч его рождается горами,
Неспешно шествует как в небо, так с небес
И спустится потом за дальний тамо лес.
Какая долгота! Когда того дождется!
Он меряет сей путь, а меря, только рвется.
Скрывается от глаз его ночная тень,
Отходит тишина, пришел желанный день.
Но беспокойство, чем Эраст себя тревожил,
Еще стократнее желанный день умножил.
Нетерпеливыми желаньями его
Во все скучала мысль минуты дни сего,
И, чтобы как-нибудь горячность утолити,
Хотел любезную от мысли удалити.
То в стаде, то в саду что делать начинал.
То стриг овец, то где деревья подчищал.
Всё тщетно; в памяти Ириса непрестанно,
Всё вечер тот в уме и счастье обещанно.
Нет помощи ни в чем, он сердцу власть дает,
Оставив скот и сад, свирель свою берет,
Котора жар его всечасно возглашает.
Он красоту своей любезной воспевает,
Неосторожности любовника в любви!
Он множит только тем паление в крови.
День долог: беспокойств его нельзя исчислить,
Что ж делать? что ему тогда иное мыслить?
Лишь солнце начало спускаться за леса
И стали изменять цвет ясны небеса,
Эраст спешит к леску, спешит в средину рощи,
Мня, что туда придет Ириса прежде нощи.
Страшится; пастуха мысль новая мятет:
«Ну, если, — думает, — Ириса мне солжет!»
Приходит и она. Еще не очень поздно,
Весь страх его прошел, скончалось время грозно.
Пришла и делает еще пред ним притвор,
Пришествия ея незапность кажет взор.
С ней множество любвей в то место собралося:
Известие по всем странам к ним разнеслося,
Что будет сходбище пастушке в роще той.
Одни, подвигнуты приятством, красотой,
Скрываются между кустов и древ сплетенных
Внять речь любовников, толь жарко распаленных.

Другие, кроярся, не слыша их речей,
С ветвей их тайну речь внимали из очей.
Тогда любовники без всякия помехи
Тут сладость чувствуют цитерския утехи
И в восхищении в любовных сих местах
Играют нежностью в растаянных сердцах.
Любились тут; простясь, и пуще возлюбились.
Но как они тогда друг с другом разлучились,
Ей мнилось, жар ея излишно речь яснил,
А он мнил, что еще неясно говорил.

<1756>

ПОЛИЕВКТ

Трагедия

МОНОЛОГ ПОЛИЕВКТА

Стремишься, роскошь, ты, источник лютой части,
Прельщеньем пагубным мои воздвигнуть страсти.
О притяжения плотских мирских зараз!
Оставьте вы меня, коль я оставил вас.
Ступайте ныне прочь, играние и смехи,
И честь, и счастие, и все мои утехи!
Искати вас мое желанье протекло,
Вы светлы таковы и ломки, как стекло.
Не буду воздыхать о вас на свете боле,
Не подвергаюся я больше вашей воле.
Вы тщетно силитесь принудить сердце пасть,
Являя божиих врагов и честь и власть.
На них бог яростно десницу простирает
И беззаконников ногами попирает.
Хотя не мнят они, что правда им грозит,
Внезапный их удар повергнет и сразит.
Ненасытимый тигр, монарх немилосердый,
Противу божиих рабов в гоненьи твердый,
Ты скоро счастливой судьбы узришь конец!
Престол твой зыблется от скифов и венец.
Приимешь скоро мзду, которой ждут тираны:
Отмстится християн невинна кровь и раны.
Дрожи и трепещи от страшного часа!
Готова молния оставить небеса,
И гром от горних мест в тебя ударит грозно!

Раскаешься тогда, но всё то будет поздно.
Пускай свирепости мне Феликс днесь явит,
Пускай, Севера чтя, он зятя умертвит!
Невольник он, хотя сим градом он и правит.
Пускай он смертию моей себя прославит!
О свет, от зол твоих избавил я себя,
И уж без горести оставлю я тебя!
Я прелести твои всем сердцем ненавижу.
Павлину я теперь препятством счастья вижу.
О радость вечная, о сладость небеси!
Наполни разум мой и крепость принеси!
Дух мыслию мой ты святою просвещаешь,
Неувядаемо мне счастье обещаешь,
Сулишь душе моей премножество блаженств,
Но дашь и больше мне дарами совершенств.
Ты, жар божественный, в груди моей пылаешь,
Без опасенья зреть Павлину посылаешь.
Я зрю ее, она сюда ко мне идет;
Но уж в лице ея заразов больше нет,
Которы надо мной имели столько мочи,
Уже ее мои бесстрастно видят очи.

<1759>

ИЗ „ТИЛИМАХА“

В грусти была по отъезде Улисса всегдашней Калипса
И бессмертье свое, тоскуя, несчастьем имела.
Песни в пещере ея уж не были более слышны:
Нимфы, служащие ей, не смели ей молвить ни слова.
Часто гуляла она одна в муравах цветоносных,
Коими вечна весна весь остров ея окружала,
Но места прекрасные ей не смягчали злой грусти
И Улисса, в них бывшего, к вящей тоске воображали.
Часто была она на брегах морских неподвижна,
Часто сии брега орошала Калипса слезами.
Зря непрестанно в страну, где корабль Одиссеев летящий,
Горды валы попирая, от глаз ея вечно сокрылся.
Вдруг усмотрела она остатки погибшего судна:
Там по пескам изло́манны лавки гребецки и веслы;
Там по водам кормило, веревки и мачта плывущи.
После увидела двух человек: единого в летах,
Млада другого и видом любезну подобна Улиссу;
То же приятство, стан, бодрость и та же походка геройска, —
То Тилимах, сын Улиссов, узнала богиня в минуту.
Хоть бессмертны больше смертных познанья имеют,
Не познала богиня, кто муж почтенный был с оным;
Вышние боги скрывают от нижних всё, что изволят;
Скрылась Калипсы под образом Ментора хитро Минерва.
Впрочем, Калипсино сердце играло разбитием судна,
Ибо оно ей причиной узрети любезного образ.

Будто не зная о нем, богиня к пришельцу приходит;
«Рцы мне, отколе ты дерзко коснулся земле моей,
странник?
Знай, что к моей ты не можешь коснуться державе без
казни».
В грозных словах сокрывала она веселие сердца,
Кое противу воли ея во взорах сияло.

<1766>

К ОБРАЗУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА ВСЕЯ РОССИИ

Свободны хитрости в страны твоей державы
Сей муж, Россия, ввел, исправил ими нравы,
Старинны грубости искоренял
И широту твою еще распространял;
Гражданам дал полезны правы,
Дал воинам порядочны уставы,
По суше, по водам врагов твоих гонял,
К союзникам твоим любви не отменял.
Благодеянья, Петр, твои в числе премногом.
Когда бы в древний век,
Каков был ты, такой явился человек,
Отцем ли б тя народ, Великим ли б нарек?
Ты назван был бы богом.

<1760>

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ОДА Е. И. В.
В ДЕНЬ ЕЯ ВСЕВЫСОЧАЙШЕГО РОЖДЕНИЯ,
ТОРЖЕСТВУЕМОГО 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета.
Ликуй, блаженная страна!
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуя судьбине,
Возрадуйтесь, народы, ныне,
Где сей царицы щедра власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи
Тобою славят нашу часть.

Ты наше время наслаждаешь,
Тобою россов век цветет,
Ты новы силы в нас рождаешь,
Тобой прекраснее стал свет.
Презренны сих времен морозы,
Нам мнятся на полях быть розы,
И мнится, что растут плоды;
Играют реки с берегами,
Забвен под нашими ногами
Окаменелый ток воды.

Богиня красотою тела,
Души подобно красотой,
Богатством своего предела
И обладанья широтой,

Ты наше счастье вожделенно,
Ты нами царствуешь смиренно,
Ты нам владычица и мать;
К тебе в любви Россия тает,
Вселенна трон твой почитает,
Враги страшатся восставать.

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы
И грады превращати в прах?
Седящия на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истины храня:
«Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня,
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою,
Покрою войском горизонт;
Отверстое увидит вскоре
Петровой дщери силу море:
Покрою в гневе флотом понт».

Над ними будешь ты царица,
Наложишь на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай из рук девичьих гром.

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,

И паки пламень возгорится
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды!
Пойдем пленить или умреть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
Пучину бури возмутим.
Иныя от тебя награды
За ревность мы не восхотим,
Чтоб ты лишь перстом указала
И войску своему сказала:
«Достойны россами вы слыть».
О дщерь великому Герою!
Готовы мы идти под Трою
И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
Се бомбы в облака летят,
Подкопы воздымают башни,
На воздух преисподню мчат.
Куда ни хочет удалиться,
Не может неприятель скрыться;
На суше смерть и на водах.
Несется страх в полках смятенных,
Уже россиян разъяренных
На градских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
Ты в мысли пребывай иной:
Забудь могущее быть время
И наслаждайся тишиной.
Вспевайте, птички, песни складно,
Дышите, ветры, вы прохладно,
Целуй любезную, зефир;
Она листочки преклоняет,
Тебя подобно обоняет,
Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пелепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны громы здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуяся частью,
Живя под милосердой властью,
О, коль ты счастлив, россов род!

С разверстием свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Диана, иль Петрова дщерь;
Девица красотою блещет
И мужественно стрелы мещет.
Но кое здание зрю там!
И что, мои пленяя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Диана, твой Эфесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных зданиях ты сих
И, тьмою дел отягощенна,
Покойся по трудах своих;
Полночны ветры, отлетайте,
Луга, вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
«Мы — счастливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас».

Оттоль, монархиня, взираешь
На град Петров, на свой престол,
И как ты взоры простираешь,
Твои слова сей слышит дол:
«В сем месте было прежде блато,
Теперь сияет тамо злато
На башнях счастия творца;
Нева средь пышна града льется,

И с нею во весь мир несется
Шум славы моего отца».

В сем твой родитель вертограде
Для нас науки насадил,
В великолепном сем он граде
Жилище музам учредил.
Премудрость отворила двери
Петру и для Петровой дщери
Во храм сокровищей своих.
Ступайте, россы, просвещайтесь,
Ея дарами насыщайтесь,
Вкушайте к пользе сладость их.

Елисавет, Москва страдала
В прехвальной зависти своей,
Наук подобно ожидала
В покрове милости твоей.
Уже, российская столица,
Воспомнила императрица
Твое довольствие начать.
О матерь своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончать.

Дивится грому вся вселенна,
Твое оружие внемля,
Победа нам определенна,
Тебя страшится вся земля,
Промчится в превеликих звуках
О наших слава так науках
И всю Европу удивит.
Твоя сияюща корона
В России Локка и Невтона
И всех премудрых оживит.

Смешайтесь, токи Иппокрены,
Вы с чистой, гордою Невой,
Плещите вы в Московски стены,
Смесившися с ея водой.
В далекие пределы света,
Как царствует Елисавета,

Гласи, российский Геликон,
Сего тебе довольно слова,
Вещай лишь только: «Дочь Петрова
Велика, такова, как он».

<1755>

КЛАРИСА

С высокия горы источник низливался
И чистым хрусталем в долине извивался.
По белым он пескам и камышкам бежал.
Брега потоков сих кустарник украшал.
Милиза некогда с Кларисой тут гуляла
И, седши на траву, ей тайну объявляла:
«Кустарник сей мне мил, — она вещала ей. —
Он стал свидетелем всей радости моей.
В нем часто Палемон скотину напояет
И мниму в нем красу Милизину вспевает.
Здесь часто сетует он, в сердце жар храня,
И жалобы свои приносит на меня.
Здесь именем моим всё место полно стало,
И эхо здесь его стократно повторяло.
О, если б ведала ты, как я весела:
Я вижу, что его я сердцу впрямь мила,
Селинте Палемон меня предпочитает,
Знак склонности ея к себе уничтожает.
Мне кажется, душа его ко мне верна.
И ежели то так — так, знать, я недурна.
Намнясь купаясь я в день тихия погоды,
Нарочно пристально смотрела в ясны воды;
Хотя казался мне мой образ и пригож,
Но знать, что он в водах еще не так хорош».
Клариса ничего на то не отвечала,
Несмысленна была, любви еще не знала.
Милиза говорит: «Под этою горой
Незапно в первый раз он свиделся со мной.
Он, сшед с верхов ея с своим блеящим стадом,
Удержан был в долу понравившимся взглядом,
Где внятно слушала свирелку я его,
Не слыша никогда про пастуха сего,
Когда я, сидючи в приятной сей долине,
Взирала на места, лежащи в сей пустыне,

И, величая жизнь пастушью во уме,
Дивилась красотам в прелестной сей стране.
Любовны мысли в ум еще мне не впадали,
Пригожства сих жилищ мой разум услаждали,
И веселил меня пасомый мною скот.
Не знала прежде я иных себе забот.
Однако Палемон взложил на сердце камень,
Почувствовала я влиянный в жилах пламень,
Который день от дня умножился в крови
И учинил меня невольницей любви;
Но склонности своей поднесь не открываю
И только ныне тем себя увеселяю,
Что знаю то, что я мила ему равно.
Уже бы с ним в любви открылась я давно,
Да только приступить к открытию стыжуся,
А паче от него измены я боюся.
Я тщуся, чтоб пастух любил меня такой,
Который б не на час — на целый век был мой.
Кто ж подлинно меня, Клариса, в том уверит,
Что будет он мой ввек? Теперь не лицемерит,
Всем сердцем покорен став зраку моему,
Но, может быть, склонясь, прискучуся ему.
Довольно видела примеров я подобных:
Как волки, изловя когда овец беззлобных,
Терзают их, когда из паства унесут, —
Так часто пастухи сердца пастушек рвут».
— «Богине паств, тебе, Милиза, я клянуся,
Что я по смерть свою к тебе не пременюся», —
Пастух, перед нее представши, говорил.
Колико он тогда пастушку удивил!
Ей мнилося, что куст в него преобратился,
Иль он из облака перед нее свалился.
А он, сокрывшися меж частых тут кустов,
Был всех свидетелем ея любовных слов.
Она со трепетом и в мысли возмущенной
Вскочила с муравы долины наводненной
И к жительницам рощ, к прелестницам сатир,
Когда препархивал вокруг ея зефир
И быстрая вода в источнике журчала,
Прискорбным голосом, вздыхаючи, вещала:
«Богини здешних паств, о нимфы рощей сих,
Ступайте за леса, бежа жилищ своих!

Зефир, когда ты здесь вокруг меня летаешь,
Мне кажется, что ты меня пересмехаешь.
Лети отселе прочь, оставь места сии,
Спокой журчащие в источнике струи,
Чтоб я осмелилась то молвить, что мне должно:
Открывшися, уже таиться невозможно!»
Скончалась на брегах сих горесть пастуха,
Любезная его престала быть лиха.
Стократно тут они друг другу присягают
И поцелуями те клятвы утверждают.
Клариса, видя то, стыдиться начала,
И, зря, что тут она ненадобна была,
Их тающим сердцам не делает помехи,
Отходит; но, чтоб зреть любовничьи утехи,
Скрывается в кустах сплетенных и густых,
Внимает милый взгляд и разговоры их.
Какое множество прелестных видит взоров!
Какую слышит тьму приятных разговоров!
Спор, шутка, смех, игра — всё тут их веселит,
Всё тут, что мило им, и свет от них забыт.
Несмысленна, их зря, Клариса изумелась,
Ожглась, их видючи, и кровь ея затлелась.
Отходит скот пасти, но тех часов уж нет,
Как кровь была хладна: любовь с ума нейдет.
Луга покрыла ночь, пастушке уж не спится,
Затворит лишь глаза — ей то же всё и снится,
Лишается совсем робяческих забав,
И пременяется пастушкин прежний нрав.
Подружкина любовь Кларису заражает,
Клариса дней чрез пять Милизе подражает.

<1759>

ДАМОН

Еще густая тень хрустально небо крыла,
Еще прекрасная Аврора не всходила,
Корабль покоился на якоре в водах,
И земледелец был в сне крепком по трудах,
Сатиры по горам лесов не пребегали,
И нимфы у речных потоков почивали,

Как вдруг восстал злой ветр и воды возмущал,
Сердитый вал морской долины потоплял,
Гром страшно возгремел, и молнии сверкали,
Дожди из грозных туч озера проливали,
Сокрыли небеса и звезды, и луну,
Лев в лес бежал густой, а кит во глубину,
Орел под хворостом от страха укрывался.
Подобно и Дамон сей бури испужался,
Когда ужасен всей природе был сей час,
А он без шалаша свою скотину пас.
Дамон не знал, куда от беспокойства деться,
Бежал найти шалаш, обсохнуть и согреться.
Всех ближе шалашей шалаш пастушки был,
Котору он пред тем недавно полюбил,
Котора и в него влюбилася подобно.
Хоть сердце поступью к нему казалось злобно,
Она таила то, что чувствовал в ней дух,
Но дерзновенный вшел в шалаш ея пастух.
Однако, как тогда погода ни мутилась,
Прекрасная его от сна не пробудилась,
И, лежа в шалаше на мягкой мураве,
Что с вечера она имела в голове,
То видит и во сне: ей кажется, милует,
Кто въяве в оный час, горя, ее целует.
Сей дерзостью ей сон еще приятней был.
Дамон ей истину с мечтой соединил,
Но ясная мечта с минуту только длилась,
Излишества ея пастушка устрашилась
И пробудилася. Пастушка говорит:
«Зачем приходишь ты туда, где девка спит?»
Но привидением толь нежно утомилась,
Что за проступок сей не очень рассердилась.
То видючи, Дамон надежно отвечал,
Что он, ее любя, в вину такую впал,
И, часть сея вины на бурю возлагая,
«Взгляни, — просил ее, — взгляни в луга, драгая,
И зри потоки вод пролившихся дождей!
Меня загнали ветр и гром к красе твоей,
Дожди из грозных туч вод море проливали,
И молнии от всех сторон в меня сверкали.
Не гневайся, восстань, и выглянь за порог!
Увидишь ты сама, какой лиется ток».

Она по сих словах смотреть потоков встала,
А, что целована, ему не вспоминала,
И ничего она о том не говорит,
Но кровь ея, но кровь бунтует и горит,
Дамона от себя обратно посылает,
А, чтоб он побыл с ней, сама того желает.
Не может утаить любви ея притвор,
И шлет Дамона вон и входит в разговор,
Ни слова из речей его не примечает,
А на вопрос его другое отвечает.
Дамон, прощения в вине своей прося
И извинение любезной принося,
Разжжен ея красой, себя позабывает
И в новую вину, забывшися, впадает.
«Ах! сжалься, — говорит, но говорит то вслух, —
Ах! сжалься надо мной и успокой мой дух,
Молвь мне «люблю», или отбей мне мысль печальну
И окончай живот за страсть сию нахальну!
Я больше уж не мог в молчании гореть,
Люби, иль от своих рук дай мне умереть».
— «О чем мне говоришь толь громко ты, толь смело!
Дамон, опомнися! Какое это дело, —
Она ему на то сказала во слезах, —
И вспомни, в каковых с тобою я местах!
Или беды мои, Дамон, тебе игрушки?
Не очень далеко отсель мои подружки,
Пожалуй, не вопи! Или ты лютый зверь?
Ну, если кто из них услышит то теперь
И посмотреть придет, что стало с их подружкой?
Застанет пастуха в ночи с младой пастушкой.
Какой ея глазам с тобой явлю я вид,
И, ах, какой тогда ты сделаешь мне стыд!
Не прилагай следов ко мне ты громким гласом
И, что быть хочешь мил, скажи иным мне часом.
Я часто прихожу к реке в шалаш пустой,
Я часто прихожу в березник сей густой
И тамо от жаров в полудни отдыхаю.
Под сею иногда горой в бору бываю
И там ищу грибов, под дубом на реке,
Который там стоит от паства вдалеке,
Я и вчера была, там место уедненно,
Ты можешь зреть меня и тамо несумненно.

В пристойно ль место ты склонять меня зашел?
Такой ли объявлять любовь ты час нашел!»
Дамон ответствовал на нежные те пени,
Перед любезной став своею на колени,
Целуя руки ей, прияв тишайший глас:
«Способно место здесь к любви, способен час,
И если сердце мне твое не будет злобно,
То всё нам, что ни есть, любезная, способно.
Пастушки, чаю, спят, избавясь бури злой,
Господствует опять в часы свои покой,
Уж на́ небе туч нет, опять сияют звезды,
И птицы стерегут свои без страха гнезды,
Орел своих птенцов под крыльями согрел,
И воробей к своим яичкам прилетел;
Блеяния овец ни в чьем не слышно стаде,
И всё, что есть, в своей покоится отраде».
Что делать ей? Дамон идти не хочет прочь...
Возводит к небу взор: «О ночь, о темна ночь,
Усугубляй свой мрак, мой разум отступает,
И скрой мое лицо! — вздыхаючи, вещает. —
Дамон! Мучитель мой! Я мню, что и шалаш
Смеется, зря меня и слыша голос наш.
Чтоб глас не слышен был, шумите вы, о рощи,
И возвратись нас скрыть, о темность полунощи!»
Ей мнилось, что о них весть паством понеслась,
И мнилось, что тогда под ней земля тряслась.
Не знаючи любви, «люблю» сказать не смеет,
Но, молвив, множество забав она имеет,
Которы чувствует взаимно и Дамон.
Сбылся, пастушка, твой, сбылся приятный сон.
По сем из волн морских Аврора выступала
И спящих в рощах нимф, играя, возбуждала,
Зефир по камышкам на ключевых водах
Журчал и нежился в пологих берегах.
Леса, поля, луга сияньем освещались,
И горы вдалеке Авророй озлащались.
Восстали пастухи, пришел трудов их час,
И был издалека свирельный слышен глас.
Пастушка с пастухом любезным разлучалась,
Но как в последний раз она поцеловалась
И по веселостях ввела его в печаль,

Сказала: «Коль тебе со мной расстаться жаль,
Приди ты под вечер ко мне под дуб там дальный,
И успокой, Дамон, теперь свой дух печальный,
А между тем меня на памяти имей
И не забудь, мой свет, горячности моей».

<1759>

КАЛИСТА

Близ паства меж лугов и рощ гора лежала,
Которую волна морская омывала.
Пустыня вся была видна из высоты.
Увеселяли взор различны красоты.
Во изумлении в луга и к рощам зряща
Печальна Атиса, на сей горе седяща, —
Ничто увеселить его не возмогло:
Прельстивше пастуха лицо всю кровь в нем жгло.
Тогда в природе был час тихия погоды.
Он смотрит изумлен в спокоющися воды,
В которых вдалеке край неба погружен,
И дальностию взор пастуший пресечен.
В смущении своем на воды он взирает
И, тяжко воздохнув, от горести вещает:
«Как, море, в глубине твоей Эол ни лих,
Однако и тебе есть некогда отды́х.
А я, кого люблю, нещадно мучим ею,
Ни на единый час отды́ха не имею.
Волнение твое царь ветров укротил,
Мучителей твоих в пещеры заключил,
А люту страсть мою ничто не укрощает,
Любовь, начав терзать, всегда меня терзает».
Калиста посреди стенания сего
Уединение разрушила его.
«Я слышу, — говорит ему, — пастух, ты стонешь.
Во тщетной ты любви к Альфизе, Атис, тонешь,
Каких ты от нея надеешься утех?
Она стенание твое приемлет в смех.
Ты знаешь, что она тебя уничтожает,
Свирели твоея и песен не внимает.
Цветы в твоих грядах простая ей трава,
И песен жалостных пронзающи слова,

Когда ты свой поешь неугасимый пламень,
Проходят в сердце к ней, как стрелы в твердый камень.
Покинь суровую, ищи другой любви
И злое утоли терзание крови!
Пускай Альфиза всех приятнее красою,
Но зная, что она гнушается тобою,
Отстань и позабудь ты розин дух и вид,
Всё то тебе тогда гвоздичка заменит.
Ты всё пригожство то, что зришь теперь несчастно,
Увидишь и в другой, кем сердце будет страстно,
И, вспомянув тогда пастушки сей красы,
Потужишь, что терял ты вздохи и часы.
Нашед любовницу с пригожством, ей подобным,
Стыдиться будешь ты, размучен сердцем злобным».
На увещание то Атис говорит:
«Ничто сей склонности во мне не истребит.
Ты, эхо, наши все здесь гласы повторяешь!
Ты, солнце, всякий день здесь паство освещаешь
И видишь пастухов, пасущих здесь стада.
Вам вестно, рвался ль так любовью кто когда?
И вам известно то, могу ль я отлюбиться.
Не буду никогда, Калиста, я стыдиться,
Что ту, суровую, всем сердцем я любил,
Которой я за то нимало не был мил.
Еще не упадет со хладного снег неба
И земледелец с нив еще не снимет хлеба,
Как с сей прекрасною пустыней я прощусь
И жизни своея ненадобной лишусь.
Низвергнусь с сей горы; мне море даст могилу,
Я тамо потоплю и страсть и жизнь унылу,
И ежели я тем ей жалость приключу,
Так я желанья часть хоть в смерти получу,
А если жизнь моя суровой к смеху свянет,
Уж мой досады сей дух чувствовать не станет».
— «Ты хочешь, — говорит пастушка, — жизнь пресечь?
Отчаянная мысль, отчаянная речь
Цветущей младости нимало не обычны.
Кинь прочь о смерти мысль, к ней старых дни приличны,
А ты довольствуйся утехой живота.
Хоть будет у тебя любовница не та,
Такую ж от другой имети станешь радость,
Найдешь веселости, доколь пребудет младость.

Ах, если б проницать ты мысль мою хотел,
Так ты б уже хотя не о себе жалел,
И жаркия любви к несклонной ты убавил,
А после б и совсем суровую оставил».
— «Я мысли твоея проникнуть не хочу, —
Ответствовал он ей, — и глаз не отврачу
Ни для́ ради кого и в страсти бесполезной
От мучащих меня очей моей любезной.
Как старый кедр, свои коренья пространил,
Ея взор так любовь мне в сердце вкоренил».
— «Свирепый, — Атису Калиста отвечала, —
Душа твоя мое желание познала,
И тако принял ты мой жар и нежну страсть!
Тебе приятнее в страдании пропасть,
Как зреть себе меня любовницею верной!
Не зря в очах моих любви к себе безмерной,
Вздыхай, вкруг ходячи Альфизиных овец,
И помори свою скотину наконец.
Когда сия гора сойдет в морску пучину,
Альфиза сократит тепершню кручину.
Но если б ты, пастух, меня не пренебрег,
Ты вместо здесь тоски имел бы тьмы утех.
Я стадо бы свое с твоим совокупила,
По рощам бы с тобой по всякий день ходила.
Калисте бы ты был участником всего;
Куда б я шла одна, шла б с спросу твоего,
Без воли б твоея не сделала ступени
И клала б на свои я Атиса колени.
Рядилась бы я так, как надобно тебе,
И, словом, я б жила тебе, а не себе.
Ах, Атис! Атис! Где рассудок твой девался?»
А неизвестного напрасно ожидаешь.
Ты, тщетною себя надеждою маня,
Что я ни говорю, не слушаешь меня.
От тех часов, как ты в несчастну страсть попался,
Ах, Атис! Атис! Где рассудок твой девался?»
Ей Атис говорит: «Когда тебе я мил,
Я б сердце красоте теперь твоей вручил,
Но сердце у меня Альфизой взято вечно,
И буду ею рван по смерть бесчеловечно.
Любви достойна ты, но мне моя душа
Любить тебя претит, хоть ты и хороша.

Ты песни голосом приятнейшим вспеваешь
И гласы соловьев сих рощей посрамляешь.
На теле видится твоем лилеин вид,
В щеках твоих цветов царица зрак свой зрит,
Зефиры во власы твои пристрастно дуют,
Где пляшешь ты когда, там грации ликуют.
Сравненна может быть лишь тень твоя с тобой,
Когда ты где сидишь в день ясный над водой.
Не превзошла тебя красой и та богиня,
Которой с паством здесь подвластна вся пустыня.
А кем в несчастии я, мучася, горю,
О той красавице тебе не говорю,
Альфизе похвалу я в сердце заключаю
И красоту ея ни с чьею не равняю».
— «За верность такову, — ответствует она, —
Альфиза покорить тебе свой дух должна;
Но знаю, что того ты не дождешься вечно.
А я б тебя, мой свет, любила, ах, сердечно
И, верной горлице начавши подражать,
Не стала б о другом до смерти воздыхать.
Любить меня другим уж не было б успеха,
Вся б стала состоять Калистина утеха,
Чтоб с Атисом ей быть, на Атиса взирать,
Иметь его в руках и часто целовать.
Прости, мой взор тебя напрасно потревожил,
И помни, что ты ту пастушку уничтожил,
Котору б ты любя, милей ей жизни был,
И, ах, которой ты еще, свирепый, мил».
Во твердости своей пастух не колебался
И рад был, что он с сей пастушкою расстался.
«Ах, так ли ты, любовь, стенящих веселишь!
За что, Альфиза, ты в тоске мне жить велишь
И жалобы вещать пустыне бесполезно! —
Скорбящий говорил, стеня, любовник, слезно. —
Сию ль, пастушка, мзду за искренность ты мне
Печешься приключить в спокойной сей стране,
Что младости моей ты лета дорогие
Преображаешь мне во времена презлые,
В жилище пагубно приятнейши места?
За то ли так моя к тебе любовь чиста?
Калиста как меня в любовь ни приводила,
Движенья малого во мне не учинила.

Ты волосом темна, Калиста им руса,
Но всё то и для всех равно, коль есть краса».
Душа его еще, еще обремененна.
Не мнит он, что была Калиста наученна
Изверить пастуха, прияв в любви притвор,
И страстный с ним вела бесстрастно разговор.
Альфиза Атиса Калистой искушала,
О Гиласе в тот час Калиста помышляла,
Когда любовну речь со Атисом вела.
А с Гиласом она в любови уж жила,
Хоть их еще любовь была и неизвестна.
И тако речь ея казалась быть нелестна.
Хотя о дружбе сих пастушек Атис знал,
Но, слыша страстну речь, всё правдой принимал.
Едва сошед с горы, пастух приходит к стаду,
Он зрит любезную и чувствует отраду.
Альфиза у его овец уже была
И ласково с собой гулять его звала,
Час времени ему тогдашной похваляя.
Как скоро с ним отшед от стад его драгая,
К открытью пламени убежище нашла,
Вся прежня от нея суровость отошла.
Обманом их союз Калиста утвердила,
И часто, смеючись, тем Атиса дразнила,
А пред Альфизою, на Атиса прельстясь,
И перед Гиласом винилася, смеясь.
Не тщетно, Атис, ты пастушкою был мучен,
Благополучен ты, пастух, благополучен,
Что верности своей ты к ней не пременил
И хладно от себя Калисту отпустил.
Когда б ты был нетверд и к ней в любовь склонился,
Ты тщетной радостью прямыя бы лишился
И, счастие свое при дверях погубя,
Рвался бы суетно, сердяся на себя.

<1759>

ЭЛЕГИЯ

Уже ушли от нас играние и смехи.
Предай минувшие забвению утехи!
Дай власть свирепствовать жестоким временам!

Воспоминание часов веселых нам,
Часов, которые тобой меня прельщали
И красотой твоей все чувства восхищали,
В глубокой горести сугубит муки те,
Которы ты нашла в несчастной красоте.
Пусть будет лишь моя душа обремененна
И жизнь на вечные печали осужденна;
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи!
О, в заблуждении безумное желанье!
Когда скончается тех дней воспоминанье
И простудит твою пылающую кровь,
Где денется тогда твоя ко мне любовь?
Но что мне помощи, что ты о мне вздыхаешь
И дни прошедшие со плачем вспоминаешь?
В претемном бедствии какую мысль приять?
Чего несчастному в смущении желать?
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя вооружились,
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случáи лютые стремятся здесь на мя
И множат сердца боль в неисцелимой ране.
Так ветры шумные на гордом океане
Ревущею волной в корабль пресильно бьют
И воду с пеной, злясь, в него из бездны льют.
Терпи, о сердце, днесь болезнь неисцеленну!
Сноси, моя душа, судьбину непременну!
Теките из очей, потоки горьких слез!
Все наши радости сердитый рок унес.
Вздыхай о мне, вздыхай, возлюбленная, ныне;
Но, ах! покорствуя случáям и судьбине,
Всегдашнюю тоску, как можешь, умеряй
И в сокрушении надежды не теряй!
Претерпевай тоску, напасть и время скучно:
Мы либо и опять жить будем неразлучно.
Смягчись, жестокий рок, стенанье сократи
И взяты радости несчастным возврати!

<1759>

ЭЛЕГИЯ

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда преходит мысль восторгнута в претворство,
А мне стихи родит случа́й неложно злой, —
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь мой дух тревожит,
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти в страсть,
Природа над умом приемлет полну власть;
Но тщетен весь мой гнев. Кого я ненавижу?
Она невинна в том, что я ея не вижу.
Сержусь, что нет в глазах; но кто виновен тем?
Причина днесь случа́й в несчастии моем.
Напрасно на нее рождается досада,
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Сержусь и думаю, почто не изберет
К тому удобна дня, а ей в том воли нет.
Но как во многих днях не сыщет дня такого,
Сулит увидеться, сулит, не держит слова,
А я в обмане сем мучение терплю,
Сержусь, но гневом тем лишь пуще я люблю.
Нельзя престать любить; я ею уж уверен,
Что мне она верна; и я быть должен верен.
Я верен; ах! но что имею из того?
Я днесь от беспокойств, терпенья моего,
Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь,
С утра до вечера в вздыханьи упражняюсь.
В отчаяньи, в тоске, терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду;
Хожу, таская грусть, чрез горы, долы, рощи
И с нетерпением желаю темной нощи;
Брожу по берегам и прехожу леса;
Нечувственна земля, не видны небеса;
Повсюду предо мной моей любезной очи,
Одна она в уме. Дождавшись тихой ночи,
Хочу замкнуть глаза и проводить часы
В забвении и сне; но, ах! ея красы
И сомкнуты глаза сквозь веки проницают,
И мя среди ночи́ с постели подымают;
Проснувшися, ловлю ея пустую тень
И, осязая мрак, желаю, чтоб был день.

Лишаясь сладка сна и мояся слезами,
Что видел, ничего не вижу пред глазами.
О мысль! о тяжка мысль, бродяща по всему,
Найди убежище и, ах! пристань к чему!
О страсть! о люта страсть! погибни иль умалься!
О сердце, отдохни на час и не печалься!
Бегу без памяти, везде ее ищу,
Бегу во все страны, во всех странах грущу.
Озлюсь и стану полн лютейшия досады;
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту, я когда ярюсь, как лютый лев,
В нежнейшую любовь преходит пущий гнев.
Ты в верности ко мне в уме моем летаешь,
Как таю я тобой, ты мной взаимно таешь.
Но если гнев мой прав, увы! когда то так, —
Моя любезнейша мне стала злейший враг.
Какое следствие мы нежности имеем?
Ты, ах, — злодейка мне, мне быть твоим злодеем.
Злодействуй! Только я не буду твой злодей,
Ты будешь завсегда жить в памяти моей,
Хоть и не хочешь уж меня ты больше видеть,
Но мне тебя нельзя, мой свет, возненавидеть.
Нельзя престать любить, хотя бы я хотел;
Великое число приятств твоих имел,
Из коих хоть одно на ум когда приходит,
Опять меня в любовь и в прежню мысль приводит.
От лютыя тоски скрываюсь от людей,
Но, скрывшися, еще страдаю больше в ней,
Когда печальных дум никто не разрушает
И зрака твоего от глаз не отымает.
Во множестве людей, в весельях, меж красот,
Когда часы летят, мне час не час, но год;
Лучшайша красота очей не притягает,
И хочется уйти, ничто мя не прельщает.
О дни, каких я дней доныне не имел!
От вас днесь гибнет жизнь и дух мой весь омлел,
Часы, которые в утехах пролетали,
Вы сделали мне скорбь и вечной мукой стали!
Мой дух воспламенен, и вся пылает кровь:
Несчастлив человек, кто чувствует любовь.

<1759>

САТИРА

Кто в самой глубине безумства пребывает,
И тот себя между разумными считает:
Не видим никогда мы слабостей своих,
Всё мнится хорошо, что зрим в себе самих.
Пороки, кои в нас, вменяем в добродетель,
Хотя тому один наш страстный ум свидетель;
Лишь он доводит то, что то, конечно, так:
И добродетелен и мудр на свете всяк.
Пороки отошли, невежество сокрылось,
Иль будет так, когда еще не учинилось.
Буян закается бороться и скакать,
А петиметер вздор пред дамами болтать,
Не будет пьяница пить кроме только квасу,
Подьячий за письмо просить себе запасу,
Дьячкам, пономарям умерших будет жаль,
Скупой, ущедрившись, сострoит госпиталь.
Когда ж надеяться премене быть толикой?
Когда на Яузу сойдет Иван Великий
И на Неглинной мы увидим корабли,
Волк станет жить в воде, белуга на земли,
И будет омывать Нева Кремлевы стены.
Но скоро ль таковой дождемся мы премены?
Всяк хочет щеголять достоинством своим
И думает, что всё, что хорошо, то с ним.
Не мыслит льстец того, что он безмерно гнусен,
И мнит он то, что он как жить с людьми искусен:
Коль нужда в комаре, зовет его слоном,
Когда к боярину придет с поклоном в дом,
Сертит пред мухою боярской без препоны
И от жены своей ей делает поклоны.
Скупой с усмешкою надежно говорит:
«Желудку что ни дай, он всё равно варит».
Вина не любит он, здоровее-де пиво,
Пить вины фряжские, то очень прихотливо:
«Отец-де мой весь век всё мед да пиво пил,
Однако он всегда здоров и крепок был».
Безумец, не о том мы речь теперь имеем,
Что мы о здравии и крепости жалеем.
Ты б с радостью всю жизнь горячкой пролежал,
Когда бы деньги кто за то тебе давал.

Не здравие тебе быть кажется полезно —
Сокровище твое хранить тебе любезно,
Которо запер ты безвинно в сундуки,
И, опираяся — безножен — на клюки,
Забыв, здоров ли ты теперь или ты болен,
Кончая дряхлый век, совсем бы был доволен,
Когда бы чаял ты, как станешь умирать,
Что будет льзя с собой во гроб богатство взять.
Здоровье ли в уме? Мешки лишь в мысли числишь,
Не спишь, ни ешь, ни пьешь, о деньгах только мыслишь,
В которых, коль ты их не тратишь, нужды нет;
Ты мнительно богат, так мни, что твой весь свет.
Что ж мыслишь о себе, безмозглый петиметер?
Где в людях ум живет, набит в нем тамо ветер.
Он думает, что в том премудрость состоит,
Коль кудри хороши, кафтан по моде сшит
И что в пустой его главе едина мода
Отличным чтить себя от подлого народа.
Какой нелепый ты плетешь себе обман,
Что отделит тебя от подлости кафтан?
Как Солон и Ликург законы составляли,
Картезий и Невтон системы вымышляли,
Не умствовали так, как петиметр тогда,
Как платье шить дает иль рядится когда,
Что всё на щеголе играет и трясется.
Велика польза тем народу принесется?
Старуха, своея лишенна красоты,
Ругается, смотря на светски суеты.
Вступила девушка с мужчиной в речь свободно,
Старухе кажется то быть неблагородно.
Ей мнится: «Доведут до худа те слова.
Я, — мыслит, — в младости была не такова».
То станется, что ты поменьше говорила,
Но, молча, может быть, и больше что творила.
Невежа говорит: «Я помню, чей я внук;
По-дедовски живу, не надобно наук;
Пусть разоряются, уча рабяток, моты,
Мой мальчик не учен, а в те ж пойдет вороты.
Напри́клад: о звездах потребно ль ведать мне,
Иль знать, Ерусалим в которой стороне,
Иль с кем Темираксак имел войны кровавы?
На что мне чтобы знать чужих народов правы,

Или стараться знать чужие языки?
Как будто без того уж мы и дураки».
Что он в незнании живет, о том не тужит,
И мнит, что то ему еще и к славе служит.
А если, что наук не надобно нам знать,
Не вскользь, довóдами захочет утверждать,
Тогда он бредит так: «Как может быть известно
Живущим на земли строение небесно?
Кто может то сказать, что нá небе бывал?
До солнца и сокóл еще не долетал.
О небе разговор ученых очень пышен;
Но что? Один лишь вздор в пустых речах их слышен.
Уж насмотрелись мы, как верен календар,
От стужи стынет кровь, а там написан жар».
Но ты, не знаючи ни малых сил науки,
Коль не писать того, чтó будет честь от скуки?
Ищи тут правды, где не думано о ней,
И проклинай за то ученых ты людей.
О правах бредит так: «Я плюю на рассказы,
Что за морем плетут, — потребно знать указы.
Не спорю, но когда сидишь судьею где».
Рассудок надобно ль иметь тебе в суде?
Коль темен разум твой, приказ тебе мученье,
Хоть утром примешься сто раз за Уложенье.
Обманщик думает: «Тот добрый человек,
Который никого не обманул вовек».
Но добрым у него несмысленный зовется,
А он умом своим до самых звезд несется:
«Не надобно ума, что взять и не отдать,
Что вверено кому, то можно удержать.
Погибнет-де тем честь, да это дело мало,
Во мне-де никогда ея и не бывало.
Когда-де по ея нам правилам ходить,
Так, в свете живучи, и кур не разводить».
Тот, гордостью надут, людей уничтожает,
В пустой себя главе с Июлием равняет
И мыслит: если б он на месте был его,
То б сей герой пред ним не стоил ничего.
Что ж гордости сея безмерныя причина?
Не знаю: гордый наш — детина как детина.
С чего ж он сходен с ним? На сей скажу вопрос:
Что есть и у него, и в том же месте нос.

Иному весь титу́л, что только благороден,
Красися тем, мой друг, что обществу ты годен.
Коль хочешь быть почтен за свой высокий род,
Яви отечеству того достойный плод!
Но если только ты о том лишь помышляешь,
Как волосы подвить, как шляпу надеваешь,
Как златом и сребром тягчить свои плеча,
И знаешь, почему где купится парча,
Как дамы рядятся, котора как танцует,
Как ходит, как сидит, впоследок как и плюет;
Коль емлешь женский вид и купидонов взор,
Коль бредишь безо сна и мелешь только вздор, —
Такого видя мне перед собой урода,
Прилично ли сказать, что ты высока рода?
Ты честью хвалишься, котора не твоя:
Будь пращур мне Катон, но то Катон — не я.
На что о прадедах так много ты хлопочешь
И спесью дуешься? Будь правнук чей ты хочешь:
Родитель твой был Пирр, и Ахиллес твой дед,
Но если их в тебе достоинств знака нет,
Какого ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о них, себя ты пуще лишь бесславишь.
«Такой ли, — скажут, — плод являет нам та кровь?
Посеян ананас, родилася морковь.
Не победителя — клячонка возит воду,
Хоть Буцефалова была б она приплоду,
Но чем уверишь нас о прабабках своих,
Что не было утех сторонних и у них?
Ручаешься ли ты за верность их к супругам,
Что не был ни к одной кто сбоку взят к услугам,
Что всякая из них Лукреция была,
И каждая поднесь всё Пирров род вела?»
Прерви свой, муза, глас, престань пустое мыслить!
Удобнее песок на дне морском исчислить,
Как наши дурости подробно перечесть,
Да и на что, когда дается вракам честь?

<1759>

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер,
Который, вознесясь ученьем выше мер,

Воспеть великого монарха устремился,
Отважился, дерзнул, запел и — осрамился.
Дела он обещал воспеть велика мужа,
Он к морю вел чтеца — и вылилася лужа.

БРАТ И СЕСТРА

Брат — мот. Сестра его журила
И говорила:
«Доколь тебе мотать?
Пора и перестать!»
Он ей ответствовал: «Во злой живу я доле.
Но только ты, сестра, отстанешь от любви —
И я мотать не буду боле.
Поступком ты своим дорогу мне яви,
И в постоянстве жить по гроб мы будем оба».
Сестра ответствует: «Мотать тебе до гроба!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Основными источниками для изучения текстов Сумарокова являются произведения, напечатанные им в журналах 1750—1770-х годов, а также изданные отдельно в течение 1740—1770-х годов; частично они были собраны в тематические сборники: «Притчи» (кн. 1, СПб., 1762; кн. 2, СПб., 1762; кн. 3, СПб., 1769); «Разные стихотворения» (СПб., 1769); «Стихотворения духовные» <СПб., 1774>; «Некоторые духовные сочинения» <СПб., 1774>; «Дополнения к Духовным стихотворениям» <СПб., 1774>[1]; «Элегии любовные» (СПб., 1774); «Эклоги» (СПб., 1774); «Оды торжественные» (СПб., 1774).

По-видимому, в 1774 г. Сумароков предполагал напечатать все подготовленные им в начале 1770-х годов сборники своих произведений,[2] а именно, кроме перечисленных выше, еще «Притчи» (кн. 4 и 5), «Идиллии», «Песни и хоры» и, может быть, другие; однако намерение его полностью не было осуществлено.

После смерти Сумарокова его почитатель, известный русский просветитель XVIII в. Н. И. Новиков решил издать полное собрание сочинений покойного писателя, как уже напечатанных, так и неопубликованных. У наследников Сумарокова Новиковым были получены рукописи поэта. Кроме того, Новиков тщательно обследовал русские журналы за целое двадцатилетие — с 1755 по 1776 г. и извлек оттуда все подписанные Сумароковым и анонимные, но приписывавшиеся ему

---

[1] «Стихотворения духовные» и «Некоторые духовные сочинения» имеют общую пагинацию и, вместе с «Дополнениями к Духовным стихотворениям», образуют одно целое; внизу последней страницы «Дополнений» указано: «Духовные стихотворения во двух долях и сия третья доля отпечатаны в 1774 году при императорской Академии наук в Санктпетербурге». Чаще всего эти три книги встречаются в одном переплете. Тем не менее в научной литературе их принято различать. О печатании этих книг (с 1773 г., а не с 1774!) см.: В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 115 (в дальнейшем обозначается сокращенно — Семенников).

[2] В письме к Г. В. Козицкому от 20 июня 1773 г. Сумароков сообщал: «...в половине августа устремляюся в Петербург ехать ради напечатания множества новых сочинений» («Летописи русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихонравовым, т. III. СПб., 1861, отд. 3, стр. 79).

современниками произведения. В 1781—1782 гг. в 10 томах вышло «в удовольствие любителей российской учености» первое издание «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова» (в дальнейшем обозначается сокращенно — ПСВС). Через пять лет по завершении этого издания было выпущено повторное, несколько пересмотренное (например, выпущена «надпись», ошибочно включенная в ч. 1 первого издания, перенесены некоторые произведения из одних томов в другие), но в основном новое издание воспроизводило первое. Новиков ставил своей задачей собрать по возможности все тексты Сумарокова. Поэтому он напечатал как «Элегии любовные», сильно сокращенные поэтом в издании 1774 г., так и их первые редакции; подобным же образом он поступил и с «Эклогами», включив в ч. 8 окончательные, а в ч. 9 — первые их редакции. Но с «Одами торжественными» Новиков так не поступил и напечатал только их первые редакции, хотя в прижизненном сумароковском издании 1774 г. они подверглись значительной стилистической правке и сокращениям. Печатая произведения Сумарокова по рукописям, Новиков в ряде случаев не сумел прочесть отдельные слова и целые строки, например в притче «Отчаянная вдова» и др.; такие непрочитанные места обозначены в ПСВС точками. Возможно также, что эти строки были недоработаны и самим Сумароковым. Встречаются в ПСВС отдельные стихи, в которых не соблюден размер, что тоже свидетельствует о недостаточной точности воспроизведения Новиковым сумароковских рукописей. Сравнение же произведений Сумарокова, напечатанных сперва в журналах или отдельно, а затем в ПСВС, показывает, что тексты и пунктуация Сумарокова воспроизведены Новиковым с большой тщательностью. Благодаря научно-исследовательской литературе о Сумарокове, вышедшей в XIX—XX вв., стало известно, что в ПСВС не попало всего лишь несколько напечатанных произведений поэта, в подавляющем большинстве представлявших «листки» (например, «Ода королю польскому Станиславу-Августу, новоизбранному Пиясту», 1764; «Похвала на Царское село», 1764; стихи Панину «Во войске Панин нам», 1768, и др.), но ни одно из них до сих пор не обнаружено. Крупными пропусками новиковского издания являются «Две оды» (1740), «Ода» (1743), «Ода на торжественное обручение великого князя Павла Петровича и великия княжны Наталии Алексеевны» (1773) и «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» (1774).[1]

В целом надо признать ПСВС (не только для своего времени) изданием, стоящим на достаточно высоком уровне в части печатных произведений Сумарокова и более слабым в части воспроизведения рукописных. К сожалению, архив Новикова до нас не дошел, а вместе с ним не сохранился и архив Сумарокова, и поэтому сейчас у нас нет полной уверенности в том, что в числе напечатанных в ПСВС по

---

[1] Не включил Новиков и несомненно известное ему «Послание г. Сумарокова, писанное им при смерти к одному его другу, и последнее его завещание стихотворцам, с приобщением сочиненной им самым (!) себе надгробной надписи» (1777). Произведение это принадлежит не Сумарокову, а графу С. П. Румянцеву; оно было написано по-французски и после переведено на русский язык.

рукописям произведений Сумарокова (в особенности это относится к «Песням и хорам») все принадлежит ему. Ведь часто у каждого писателя бывают переписанные его рукою чужие сочинения. Поэтому некоторые сомнения в отношении авторства Сумарокова в части песен и других мелких произведений остаются.

В 1841 г. в трех частях были напечатаны «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою». Издание это никакого научного значения не имеет. Биографическая часть стоит ниже всякой критики и кишит множеством недопустимых ошибок, «избранные сочинения» Сумарокова воспроизводят тексты ПСВС со стилистическими «поправками» С. Н. Глинки.

В «Русской поэзии», изданной С. А. Венгеровым (СПб., 1897, стр. 164—264), были помещены в небольшом количестве образцы произведений Сумарокова в разных жанрах. Все тексты давались по ПСВС.

В 1909 г. Академия наук постановила выпустить академическое издание сочинений Сумарокова, поручив осуществление его члену-корреспонденту, проф. И. А. Шляпкину. Однако постановление это реализовано не было, и, насколько нам известно, в архиве Шляпкина (в Научной библиотеке г. Саратова) сколько-нибудь важных материалов по подготовке издания не сохранилось.

Первые опыты текстологических изучений Сумарокова связаны с именем Г. А. Гуковского. В 1935 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» им были изданы под редакцией акад. А. С. Орлова и при участии А. И. Малеина и П. Н. Беркова «Стихотворения» Сумарокова; в основу этого издания, по настоянию акад. А. С. Орлова, был положен и полностью осуществлен принцип воспроизведения первопечатных текстов поэта. Кроме того, это было первое комментированное издание произведений Сумарокова. В том же 1935 г. в Малой серии «Библиотеки поэта» вышел томик стихотворений В. Тредиаковского, М. Ломоносова и А. Сумарокова под редакцией П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Тексты Сумарокова (стр. 188—238) подготовил и комментировал (стр. 267—277) Г. А. Гуковский. В отличие от издания в Большой серии «Библиотеки поэта», здесь Г. А. Гуковский, в соответствии с принятыми для всего сборника принципами, печатал последние прижизненные тексты Сумарокова.

В 1953 г. в Малой серии «Библиотеки поэта» (3-е издание) вышел сборник стихотворений А. П. Сумарокова под редакцией и с примечаниями П. Н. Беркова, содержащий некоторые произведения поэта, не входившие в издание Новикова, но в основном опиравшийся на ПСВС; здесь были напечатаны также и отрывки из трагедий Сумарокова, чего в предшествующих сборниках не было. Впервые была напечатана в этом издании по рукописи эпиграмма «Ты туфли обругал, а их бояря носят. . .», при жизни Сумарокова не публиковавшаяся.

Настоящее издание по объему превосходит все предшествующие, вышедшие в свет после ПСВС. Сюда включены никогда не перепечатывавшиеся «Две оды» 1740 г., не вошедшая в ПСВС «Ода» 1743 г. и эпиграмма «Ты туфли обругал, а их бояря носят. . .». Впервые (для подобных изданий) введены полностью три трагедии Сумарокова: первая по времени — «Хорев» (1747), наиболее нравившаяся

современникам «Семира» (1751) и важнейшая политическая трагедия «Димитрий Самозванец» (1771).

Тексты в данном издании как правило воспроизводятся в последней прижизненной редакции (иногда являющейся и первой). Единственное исключение сделано для «Двух эпистол» 1748 г., которые в сильно сокращенном виде были напечатаны Сумароковым в 1774 г. в качестве единого произведения под названием «Наставление хотящим быти писателями». Ввиду важности этих произведений они все напечатаны в основном тексте. В ряде случаев — для того чтобы читатель мог представить себе редакторскую работу Сумарокова над своими произведениями, — в самом конце текстов, перед примечаниями, воспроизведено по нескольку образцов ранних редакций сумароковских стихотворений.

Ввиду отсутствия в большинстве случаев точных датировок написания произведений Сумарокова сложный вопрос о принципах расположения материала в настоящем издании решен так же, как и во всех предшествующих изданиях Сумарокова в обеих сериях «Библиотеки поэта»: стихотворения печатаются по жанрам, приблизительно так, как в ПСВС и в прижизненных изданиях «Сочинений и переводов» Ломоносова и Тредиаковского; трагедии — после стихотворений. Отступление от обычного для изданий XVIII в. порядка заключается в том, что «Оды торжественные» поставлены перед «Одами духовными», а эпическая поэма помещена не в самом начале книги, а после «Од разных».

Большие трудности представлял вопрос о расположении материала внутри жанровых разделов. Как уже указывалось выше, точная датировка многих произведений Сумарокова неизвестна. С 1740 по 1755 г. он напечатал всего 4 оды, 2 эпистолы, 4 трагедии, и все это — отдельными изданиями. Между тем известно, что и тогда Сумароков писал очень много. Поэтому надо полагать, что с 1755 г., когда появился первый русский «толстый» журнал «Ежемесячные сочинения», Сумароков стал печатать в этом издании не только вновь сочиненные, но и ранние свои произведения. То же, очевидно, было и в его собственном журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Таким образом, дата появления какого-либо произведения Сумарокова в той или иной книжке журнала вовсе не означает близкой даты написания этого сочинения, а только свидетельствует, что оно было создано не позже этого времени. Некоторые уточнения дают опубликованные в разное время архивные материалы о журнале «Ежемесячные сочинения», в котором печатался Сумароков, [1] и о разрешениях Академической комиссии на печатание его произведений. [2] Вместе с тем значительная часть сочинений Сумарокова, а именно те, которые были опубликованы Новиковым по рукописям в ПСВС и в тексте которых не содержится никаких фактических данных для датировки, — остается недатированной. Поэтому в настоящем издании при расположении произведений Сумарокова внутри жанровых разделов принят такой порядок: сначала помещаются произведения, о которых известно, что они написаны не позже определенного года (это, в большинстве случаев, даты первых

---

[1] «Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 годы», т. 2 (1744—1770). СПб., 1899.

[2] Семенников.

прижизненных публикаций), затем произведения, время написания которых можно установить с большей или меньшей степенью точности, и, наконец, произведения недатированные, публикуемые согласно их расположению в ПСВС. Все даты, заключенные в угловые скобки, обозначают, что данные произведения написаны не позднее указанного года. Даты предположительные сопровождаются знаком (?), при этом в датах двойных знак вопроса относится ко всему указанному периоду.

Орфография и в особенности пунктуация Сумарокова в настоящей книге не сохранены. На протяжении своей почти сорокалетней литературной деятельности Сумароков менял свое правописание; мы встречаем у него написания «океан» и «окиян», «театр» и «теятр», имена собственные то с прописной, то со строчной буквы и, напротив, имена нарицательные — с прописной. Поэтому в данном издании орфография текстов Сумарокова по возможности приведена к единообразию и приближена к нашей современной. Отклонения от общепринятого правописания допущены: 1) в тех случаях, когда это вызвано требованиями рифмы, например: *злаго — благо, Россия — святыя* и т. п.; 2) в окончаниях *ыя, ия* в родительном падеже единственного числа прилагательных, порядковых числительных, личных и других местоимений: *Не вижу никакия славы, Алчба всемирныя державы, Во дни ея державы, Для пользы своея* и пр.; 3) в сравнительной степени прилагательных и наречий: вместо современного окончания *ее, е*, когда на него падает ударение, сохраняется *яе, ае*, например: *сильняе, крепчае* (но *прекраснее, жесточе*).

Примечания к отдельным произведениям содержат сведения об источниках текста, данные о творческой истории, пояснения лингвистического и историко-литературного характера. Все имена мифологические, встречающиеся в текстах произведений Сумарокова, вынесены в прилагаемый после примечаний специальный словарик.

Сокращения, принятые в примечаниях

БЗ — Библиографические записки, 1858.

ВВ — Всякая всячина, 1769.

ЕС — Ежемесячные сочинения, 1755—1757.

Заусцинский — К. Заусцинский. Басни Сумарокова. — Варшавские университетские известия, 1884, № 3 и 5, стр. 1—126.

Изд. 1935 г. — Сумароков. Стихотворения. Под ред. акад. А. С. Орлова, при участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. «Советский писатель», Большая серия «Библиотеки поэта», 1935.

Материалы — Материалы для истории императорской Академии наук, т. 5 (1742—1743), СПб., 1889; т. 8 (1746—1747), СПб., 1895; т. 9 (1748—1749), СПб., 1897.

НДС — А. Сумароков. Некоторые духовные сочинения. СПб., 1774. <Доношение Сумарокова в Академию наук о напечатании этой книги помечено 25 октября 1773 г. (Семенников, стр. 115)>.

ОТ — А. Сумароков. Оды торжественные. СПб., 1774 <Резолюция Академической комиссии о напечатании этой книги — 1 августа 1774 г. (Семенников, стр. 116)>.

П — А. Сумароков. Притчи, кн. 1, СПб., 1762; кн. 2, СПб., 1762. <Доношение Сумарокова о напечатании обеих книг датировано

25 июля 1762 г. (см. Семенников, стр. 108)>. Притчи, кн. 3, СПб., 1769. <Доношение Сумарокова не сохранилось. В. П. Семенников предполагает, что оно было подано 12 января 1769 г. (там же, стр. 113)>.

ПВ — Праздное время, в пользу употребленное. 1760.

ПСВС — А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. М., 1781, чч. 1—10.

ПУ — Полезное увеселение, 1761.

Протоколы — Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г., т. 1 (1744—1770). СПб., 1899.

РС — А. Сумароков. Разные стихотворения. СПб., 1769. <Доношение Сумарокова в Академию наук о напечатании этой книги датировано 11 декабря 1768 г. (Семенников, стр. 112)>.

С — А. Сумароков. Сатиры. СПб., 1774. <Доношение Сумарокова в Академию наук о напечатании этой книги датировано 7 января 1774 г. (Семенников, стр. 115)>.

С и П — Сочинения и Переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758.

Семенников — В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914.

ТП — Трудолюбивая пчела, 1759.

Теплов — <Г. Н. Теплов>. Между делом безделье, или Собрание разных песен. СПб., 1759.

Чистов — К. В. Чистов. «Притчи» Сумарокова и русское народное творчество. — Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. 2, вып. 1. Общественные науки, 1956, стр. 145—160.

Чулков — М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. 1. СПб., 1770; ч. 3. СПб., 1773.

ЭК — А. Сумароков. Эклоги. СПб., 1774. <Доношение Сумарокова о напечатании этой книги датировано 8 января 1774 г. (Семенников, стр. 115)>.

ЭЛ — А. Сумароков. Элегии любовные. СПб., 1774 <Доношение Сумарокова о напечатании этой книги датировано 25 июня 1774 г. (Семенников, стр. 116)>.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне, самодержице всероссийской, поздравительные оды в первый день нового года 1740, от кадетского корпуса сочиненные чрез Александра Сумарокова (стр. 49). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., в типографии Академии наук). Впоследствии не перепечатывалось. Печ. по экземпляру Библиотеки Академии наук. «Поздравительные оды» Сумарокова написаны в полном соответствии с предложенными Тредиаковским в 1735 г. принципами стихосложения. Первая ода представляет одиннадцатисложный стих (с цезурой после пятого слога),

вторая — тринадцатисложный «героический» стих (с цезурой после седьмого слога). Эти оды с несомненностью опровергают притязания Сумарокова на независимость его первых поэтических опытов от нововведений Тредиаковского. *Виват!* — да здравствует! (лат.). *Порта Оттоманска* — Турция; в 1739 г. после взятия русскими войсками Хотина закончилась война с Турцией (1736—1739). *Врагом* — врагам (старинная форма дат. пад. мн. ч.). *Марс с Минервой* — военное дело и науки. *Полк Минервы* — науки; имеются в виду Академия наук и Сухопутный шляхетный корпус.

Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения (стр. 54). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 195—201. По-видимому, ранняя редакция этой оды была позднее переработана Сумароковым и включена в подготовленный им, но не напечатанный при жизни сборник «Оды разные», по которому она и была опубликована Новиковым. *Царя прославити навеки* — Александра Македонского. *В Семирамидины следы* — в Индию. *Суеты любитель* — Александр Македонский. *Забудь заразы Брисеиды.* Обращение к Ахиллу, герою «Илиады», очарованному прелестями («заразами») пленницы Брисеиды, доставшейся ему при дележе добычи, но потом отнятой у него Агамемноном. *Дай зрети, что ты сын Фетиды.* Ахилл, по преданию, был сыном морской богини Фетиды. *Коль спартская княжна прекрасна* — насколько прекрасна Елена Спартанская. *Фригия* — Троя. *Се муж, с Эолом брань творящ.* Эней, легендарный основатель Рима, преследуемый богиней Юноной, бежал из Трои после ее разрушения греками в Италию; в пути ему пришлось бороться с морскими бурями. *Как Турка трепет поразил.* Имеется в виду русско-турецкая война 1736—1739 гг. *И Ксанф в пустых местах шумит.* Ксанф (другое название реки Скамандр) протекал в пустынных местах, где некогда была Троя. *Любовь двух дерзостных сердец* — Елены Спартанской и троянского царевича Париса. *В потомках возвратился к ней.* Римляне считались потомками Энея. *Один Нептун и дик народ* — здесь «Нептун» в значении «море». *Дик народ* — коренные жители Италии, среди которых поселился со своими спутниками Эней. *Филиппов сын* и т. д. Александр Македонский, сын царя Филиппа, объявил себя сыном египетского бога Аммона. *Навходносор... возмнил себя почтити богом.* Царь вавилонский Навуходоносор, согласно библейскому преданию, объявил себя богом. *Сбылся царя стран Мидских сон.* По преданию, мидийскому царю Астиагу приснился сон, что из чрева его дочери Манданы выросло дерево, покрывшее своими ветвями весь Восток. Мандана позднее стала матерью Кира, царя персидского, завоевавшего большую часть Азии. *Ерусалима разоритель* — Навуходоносор. *Израиль плен свой покидает* и т. д. Кир разрешил потомкам иудеев, некогда уведенных Навуходоносором в плен, возвратиться в Палестину и восстановить разрушенный вавилонянами иерусалимский храм. *Народ стран, прежде неизвестных* и т. д. В этой и следующей строфах изображается первая встреча древних жителей Мексики с флотом Колумба.

Ода е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, в 25 день ноября 1743 (стр. 58). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (см. Материа-

лы, т. 5, стр. 964; ср. В. И. Резанов. Рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова. — Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1904, т. 9, кн. 3, стр. 41—46). Ни один печатный экземпляр этой оды не сохранился; текст ее дошел до нас в критической статье Тредиаковского «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю. 1750» (А. А. Куник. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., ч. 2, стр. 454—470). Критически анализируя оду Сумарокова строфу за строфой, Тредиаковский полностью передал ее текст. В статье В. И. Резанова воспроизведен тот же текст с плохо сохранившейся копии с печатного экземпляра. *Се ищет Греция Елены и вержет Илионски стены.* Война греков с Троей (Илионом) началась, согласно преданию, из-за прекрасной царицы Елены Спартанской. *Иулий,* т. е. Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — римский военный и политический деятель. *Пергамски воды* — Пергам, Троя. *Похвальный греков главный царь* и т. д. По преданию, предводитель греческих войск в Троянской войне царь Агамемнон для успеха похода принес в жертву богам свою дочь Ифигению. *Подвластен деве* — богине войны Афине Палладе. *Теперь девическая сила.* Здесь игра слов: девическая сила — сила Афины Паллады, военная сила, войско; вместе с тем в этих словах содержался намек на Елизавету, которая, хотя и состояла в церковном браке с гр. А. Г. Разумовским, официально считалась девой; таким образом, девическая сила — сила Елизаветы. *Белтские горы* — Скандинавские горы. *Ты... тишину установила.* В начале 1743 г. прекратилась война России с Швецией.

Ода государыне императрице Елисавете Первой на день ея рождения 1755 года декабря 18 дня (стр. 63). Впервые — ЕС, 1755, декабрь, стр. 483—492. Печ. по ОТ, стр. 7—12, где текст подвергся значительному сокращению и стилистической правке (первую редакцию см. раздел «Другие редакции», стр. 487). *На что прославленной победы* и т. д. — к чему прославленная победа, если города превращаются в прах. *Наступим на Полтавско поле* — повторим полтавскую победу (1709). *Тогда сей год возобновится* и т. д. Елизавета родилась в конце 1709 г. *Пелепел* — перепел. *С разверстием свирепа зева* и т. д. В этой строфе описываются охотничьи забавы Елизаветы в окрестностях Сарского (Царского) села (ныне город Пушкин). *Эфесский храм.* Богине Диане был посвящен знаменитый храм в малоазиатском городе Эфесе, считавшийся одним из восьми чудес древнего мира; здесь — дворец, выстроенный при Елизавете в Сарском селе. *Града удаленна* — удалившаяся из Петербурга.

Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ея тезоименитства 1762 года ноября 24 дня (стр. 66). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1762). С опущением строф 4 и 7 — ОТ, стр. 30—32. Печ. по ОТ. В ПСВС — первоначальная редакция. В пропущенных строфах Сумароков изображал будущее России, каким он представлял его себе при вступлении Екатерины на престол. Издавая вновь эту оду в 1774 г., Сумароков считал невозможным сохранить такие стихи:

Законы тверды ныне стали,
Грабители вострепетали,
Исчезнет лихоимства труд,
В порфире правосудье блещет,
Страшна вина, не страшен суд,
Судим, невинный не трепещет...
Невежество не возгордится...
В учение народы вникнут...

Крин — лилия. Рифма: «крины» — «Екатерины» была в то время традиционной. *Подобье види райску крину* — пусть Екатерина предстанет перед тобою, подобная райской лилии. *Зрю Героя* — Петра I.

Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ея рождения 1768 года апреля 21 дня (стр. 68). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1768). С опущением строф 3, 11 и 12 — ОТ, стр. 65—69. Причины опущения указанных строф те же, что и в предыдущем стихотворении. Печ. по ОТ. *К исправлению закона.* В это время заседала созванная Екатериной Комиссия для сочинения проекта Нового уложения, официальной целью которой было исправление законов. *Диадима* (диадема) — корона. *Яко Курций, полетим.* Согласно римскому преданию, в трещину земли, внезапно появившуюся в центре города Рима, бросился патриот Курций, чтобы умилостивить разгневанное божество, и трещина закрылась. *Сонм достойнейших людей* — депутаты Комиссии для сочинения проекта Нового уложения.

Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии (стр. 71). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1769). Печ. по ОТ, стр. 75—79. *Хотин* — город в северной части Молдавской ССР, в то время — сильная турецкая крепость. В 1768 г. началась первая при Екатерине русско-турецкая война, во время которой была занята часть Молдавии, принадлежавшей тогда Турции. *Архистратиг* — верховный предводитель войск. Согласно церковным преданиям, архангелы Гавриил и Михаил являются предводителями (архистратигами) небесного воинства. *Палеолог.* Последние византийские императоры происходили из династии Палеологов. *Византия* — Греция и, в частности, Константинополь. *Агарь* — по библейскому преданию, рабыня патриарха Авраама, от которого у нее родился сын Измаил, родоначальник арабов и вообще мусульман. Переносно: Агарь — турки. *Романия* — часть прежней Папской области. Смысл стиха: римский папа скорбит о том, что православные христиане освобождены от турецкого владычества. *Восточный Рим* — Константинополь, Византийская империя. *Страны, где сад небесный был.* Рай (сад небесный), согласно библейскому преданию, помещался между реками Тигром, Евфратом и др., т. е. в теперешнем Ираке. *И, игом утесненный плена* и т. д. Речь идет о Египте, подвластном в то время Турции. В этой и следующих строфах Сумароков рисует возможные военные действия против турок на всем обширном пространстве их государства. *В полках срацинских* — сарацинских, турецких. *Или ты паки горду чаду* и т. д. Согласно греческому мифу, Гелиос (солнце) позволил своему юному сыну Фаэтону править огненными

конями, запряженными в солнечную колесницу, совершающую ежедневно путь по небу. В результате неопытности и слабости Фаэтона огненные кони, уклонившись от обычного пути, зажгли небо и землю. Чтобы спасти мир от гибели, Зевс поразил Фаэтона стрелой. *А то участье не твое* — твоя участь не такова, тебе не грозит гибель. *Пико* — покрытая вечными снегами гора на одном из Азорских островов, носящем то же имя. *Мустафа III* — турецкий султан (1757—1774), вел неудачную войну с Россией в 1768—1774 гг. *Увидим нова фараона.* По библейскому мифу, египетский фараон, преследуя отпущенных им из египетского плена евреев, погиб в Чермном (Красном) море, отделяющем Африку от Азии.

Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года (стр. 74). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1771). Печ. по ОТ, стр. 85—90. В 1771 г. Павлу Петровичу исполнилось 17 лет; Екатерина, согласно своему торжественному письменному, потом уничтоженному, обязательству, должна была уступить ему престол. В течение своего девятилетнего к этому времени правления (она захватила власть 28 июня 1768 г.) Екатерина сильно скомпрометировала себя. В оде, обращенной к Павлу Петровичу, Сумароков, рисуя образ «идеального государя», дал попутно отрицательную характеристику Екатерине. *Победоносных войск успехом* и т. д. Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг. *Перикла росска не забудет.* Бендеры были взяты русскими войсками под руководством выдающегося военного деятеля гр. П. И. Панина (1721—1789), товарища Сумарокова по Сухопутному шляхетному корпусу. *Перикл* (V в. до н. э.) — древнегреческий военный и политический деятель, прославившийся как полководец во время Пелопонесской войны. *Попранный днесь Архипелаг.* Одновременно с военными действиями на суше против турок велись успешные морские операции в Средиземном море среди островов Архипелага. *Се, князь,* и т. д. — великий князь Павел Петрович. *Светят* — освещают, приносят славу. *И, слыша нова Феофана.* Феофан Прокопович (1682—1736) — крупнейший русский церковный оратор первой половины XVIII в. Новый Феофан — придворный проповедник Платон (1737—1812), дававший Павлу Петровичу уроки по предметам религии; считался лучшим оратором того времени; впоследствии был митрополитом. *Достойный муж первосвященства* — муж, достойный стать первосвященником (здесь: митрополитом), т. е. Платон. *А Ментор то же утверждает* и т. д. В «политическом» романе Ф. Фенелона «Похождения Телемака» воспитателем царевича Телемака являлась богиня Афина Паллада, принявшая вид человека под именем Ментора. Здесь имеется в виду гр. Н. И. Панин, которому было доверено воспитание Павла Петровича. *Мужей толь мудрых* — Платона и Н. И. Панина. *Князь* — Павел Петрович. *Сея* — этой. *Зеница* — здесь: взгляд. *Тит* (39—81) — римский император (79—81). *Российская Фетида* — Екатерина II. *Сократ* (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу на первый день 1774 года (стр. 77). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1773). Печ. по ОТ, стр. 97—

100. Эта ода, в отличие от традиции, написана строфой в девять, а не десять стихов. *О сын великия жены!* и т. д. — Павел Петрович, сын Екатерины, правнук Петра I. *Чужа* — чужда. *Храня прибытки, как живот* — охраняя свои выгоды, как жизнь. *Быти нравен* — быть по душе, по нраву, нравиться.

Ода Григорью Александровичу Потемкину 1774 года (стр. 79). Впервые — отдельно (СПб., 1774). Резолюция Академической комиссии о ее напечатании — 24 сентября 1774 г. (Семенников, стр. 116). Г. А. Потемкин с февраля 1774 г. стал фаворитом Екатерины II и сразу приобрел огромное влияние на императрицу, что немедленно же было учтено современниками. Сумароков сблизился с Потемкиным, встречался с ним и беседовал на литературные темы (ср. стихотворение «Двадцать две рифмы», наст. изд., стр. 310). Осенью 1774 г. Сумароков стал готовиться к отъезду в Москву после почти годичного пребывания в Петербурге. В Москву собиралась и Екатерина со своим двором. Ода написана белым стихом, о котором в те годы шли в литературе споры. *Семь лет* и т. д. Екатерина была в Москве в 1767 г. на открытии Комиссии для сочинения проекта Нового уложения. *Смерть алчна* и т. д. Имеются в виду умершие в 1771 г. во время чумной эпидемии в Москве.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

Противу злодеев («На морских берегах я сижу...») (стр. 82). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 283—284. Печ. по РС, стр. 60—61. Ода написана амфибрахием, размером чрезвычайно редким в XVIII в.

Молитва (стр. 82). Впервые — ТП, 1759, июль, стр. 391. Печ. по НДС, стр. 203—204, где оно помещено как второе стихотворение в цикле «Молитвы».

На суету человека (стр. 83). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 480—481, под заглавием «Часы»; в РС, стр. 57—58, под заглавием «Стишки на суету мира». Печ. по НДС, стр. 217—218. Ср. «Оду» («Доколе гордиться...») А. А. Ржевского в ПУ, 1760, декабрь, № 26, стр. 233—235.

Час смерти (стр. 84). Впервые — ТП, 1759, октябрь, стр. 637—638. Печ. по НДС, стр. 218—219.

Ода о добродетели (стр. 84). Впервые — ТП, 1759, ноябрь, стр. 699—701, под заглавием «Ода». Печ. по НДС, стр. 210—212.

Зряще мя безгласна (стр. 86). Впервые — ПВ, 1760, 11 марта, стр. 163—164. Печ. по НДС, стр. 201—202. Данное стихотворение, как и следующее стихотворение «Плачу и рыдаю», пред-

ставляет вольный перевод песнопений из церковного чина погребения усопшего. *Место муки* — ад. *Жилище вечно* — рай.

Плачу и рыдаю (стр. 87). Впервые — ПВ, 1760, 12 августа, стр. 111. Печ. по НДС, стр. 200—201. Подражатели Сумарокова А. А. Нартов и А. Г. Карин поместили в ПУ, 1760, август, № 5, стр. 50 свои переводы данного песнопения под заглавием «Плачу и рыдаю» и «Я горько плачу и рыдаю».

Гимн о премудрости божьей в солнце (стр. 87). Впервые — ПВ, 1760, 2 сентября, стр. 152—153, под заглавием «Гимн солнцу». Под окончательным заглавием — РС, стр. 70—71. Печ. по НДС, стр. 212—213.

Противу злодеев («Ты ямбический стих во цвете. . .») (стр. 88). Впервые — ПВ, 1760, 2 сентября, стр. 153—154. Печ. по НДС, стр. 216—217. *Архилох* (VII в. до н. э.) — древнегреческий поэт-сатирик; ему приписывается изобретение ямба. *Трохей* — хорей. Хореическим размером Сумароков писал бóльшую часть своих песен и анакреонтических стихотворений.

Ода на суету мира (стр. 89). Впервые — СЧ, 1763, март, стр. 172—174, под заглавием «Ода к М. М. Хераськову». Под окончательным заглавием — РС, стр. 64—66. Печ. по НДС, стр. 207—210. *Коловратность* — круговращение, изменчивость, переменчивость, непостоянство.

О страшном суде (стр. 91). Впервые — РС, стр. 43—45. Печ. по НДС, стр. 220—222.

О люблении добродетели (стр. 92). Впервые — РС, стр. 46—47. Печ. по НДС, стр. 214—215.

Из 145 псалма (стр. 94). Впервые — НДС, стр. 158—159. Этот псалом, возможно из-за своей антимонархической направленности, неоднократно перелагался как европейскими (Малерб), так и русскими поэтами (Ломоносов). Сумароков приглушил основной тон псалма, зато усилил общеморальную тенденцию.

Последний жизни час (стр. 95). Впервые — НДС, стр. 218—219.

ОДЫ РАЗНЫЕ

Дитирамб (стр. 96). Впервые — ЕС, 1755, июль, стр. 66—68.

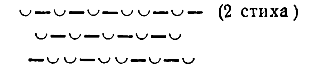
Гимн Венере (стр. 98). Впервые — ЕС, 1755, июль, стр. 69—70. Сафическая строфа (по имени древнегреческой поэтессы Сафо, VII—VI вв. до н. э.) выдержана Сумароковым не вполне: у него не соблюдена цезура после 5-го слога (введенная в эту строфу римским поэтом Горацием) и введена отсутствовавшая у Сафо рифма. Сафическая строфа имеет следующую схему:

—◡—◡—◡◡—◡—◡ (3 стиха)
—◡◡—◡

Ода анакреонтическая («Пляскою своей, любезна...») (стр. 99). Впервые — ЕС, 1755, июль, стр. 70. Анакреону, древнегреческому поэту VI в. до н. э., приписывается множество стихотворений, посвященных воспеванию радостей жизни, любви, веселья, вина. Увлечение поэзией Анакреона, характерное для европейской поэзии первой половины XVIII в., захватило и русских поэтов, начиная с Кантемира. Сумароков также отдал дань этому направлению. Отличительной чертой анакреонтических од является их хореический размер, большей частью трехстопный; у Сумарокова — четырехстопный.

Ода анакреонтическая («Завидны те мне розы...») (стр. 99). Впервые — ЕС, 1755, июль, стр. 71. Эта ода написана трехстопным ямбом.

Ода горацианская (стр. 100). Впервые — С и П, 1758, май, стр. 475—477. Эта ода, как и следующие за ней, представляет один из опытов применения Сумароковым (может быть, под влиянием опытов Тредиаковского) античных размеров в русской поэзии. Горацианская строфа (по имени римского поэта Горация — 65—8 гг. до н. э.; точнее — алкеева строфа) имеет следующую схему:

Она употреблялась Сумароковым с отступлением от античных правил: не соблюдалась цезура после 5-го слога в первых двух стихах строфы, и применялась рифма. Поводом к ее написанию было рождение у наследника престола Петра Федоровича (впоследствии Петра III) сына Павла (впоследствии Павла I) 20 сентября 1754 г. Таким образом, датировать это стихотворение следует осенью 1754 г. Высказывавшееся Г. А. Гуковским (см. изд. 1935 г., стр. 417) мнение, что стихотворение это написано по случаю рождения у Петра Федоровича дочери Анны (1757—1759), опровергается стихами: «Родитель твой <Елизаветы, т. е. Петр I> остался с нами Царствовать Русскими ввек странами» и далее: «Расти, порфирородный младенец»; значит, речь идет о рождении будущего наследника престола, а не Анны, которая прав на корону не имела. *Молния, играя,* и т. д. Здесь описывается фейерверк, устроенный по случаю рождения Павла. *Порфирородный младенец* — младенец, рожденный для ношения порфиры, царской мантии пурпурного цвета; здесь: Павел Петрович. Тот факт, что ода была напечатана спустя четыре года после ее написания, в 1758 г., показывает, что датировка произведений Сумарокова по времени их напечатания не может считаться надежной.

Ода сафическая (стр. 101). Впервые — С и П, 1758, апрель, стр. 382—383.

Ода («Долины, Волга, потопляя...») (стр. 102). Впервые — ПВ, 1760, 11 марта, стр. 161.

Ода анакреонтическая к Елисавете Васильевне Хераськовой (стр. 103). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 220—221. Эта ода была отправлена Сумароковым поэтессе Е. В. Хераско-

вой (1737—1809) через ее мужа, поэта М. М. Хераскова, приезжавшего в начале 1762 г. в Петербург. На стихотворное послание Сумарокова Е. В. Хераскова ответила письмом (напечатано в «Отечественных записках», 1858, т. 116, № 2, стр. 582).

Ода («Разумный человек...») (стр. 104). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 214—216. По своему строфическому облику эта ода может быть отнесена к 1750-м годам, когда Сумарокова привлекала идея применения античных размеров в русской поэзии. Близость к античным образцам может быть усмотрена и в упоминании «вин арарских сока», — так назывались у римских поэтов южнофранцузские вина.

Ода («Снимешь ли страстей ты бремя...») (стр. 106). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 212—213. По-видимому, ода не закончена. Тема «золотого века» постоянно интересовала Сумарокова; к ней поэт обращался в своих эклогах, упоминал в притчах. Очевидно, в данной оде он хотел нарисовать «золотой век» более конкретно, чем в других своих произведениях. *Кое зрелище прекрасно!* — какое прекрасное зрелище! *Былие* — травы.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Димитрияды (стр. 108). Впервые — ПСВС, ч. 1, стр. 293. *Зла адска женщина* — аллегория зависти. *Рыжет яд* — изрыгает яд.

НАДПИСИ

К столпу на Полтавском поле (стр. 110). Впервые — ЕС, 1756, июль, стр. 66. *Имел сраженье с Карлом.* Полтавская битва произошла 27 июня 1709 г. Карл — Карл XII (1682—1718), шведский король (1697—1718).

К домику Петра Великого (стр. 110). Впервые — ЕС, 1756, июль, стр. 66.

«Гора содвигнулась, а место премени...» (стр. 110). Впервые — ПСВС, т. 1, стр. 282. Это надпись на перевозку скалы («Гром-камень»), представляющей сейчас пьедестал памятника Петру I («Медный всадник»). Так как камень этот был перевезен в 1770 г., когда Сумароков был в Москве, то, возможно, стихотворение это было написано им либо в 1771, либо в 1774 г., когда он приезжал в Петербург.

«Сия гора не хлеб — из камня, не из теста...» (стр. 111). Впервые — ПСВС, ч. 1, стр. 282. Вероятно, написано одновременно с предыдущим стихотворением, автопародию на которое оно представляет.

ЭПИСТОЛЫ

Эпистола I (стр. 112). Впервые — в брошюре «Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве». СПб., 1748. Доношение Сумарокова в канцелярию Академии

наук о напечатании «Двух эпистол» датировано 9 ноября 1747 г. (Материалы, т. 9, стр. 533). *Как они* — как животные. *Словесные человеки* — образованные, обладающие литературой народы. *Российская Паллада* — русская наука. Некоторые комментаторы предполагают, что здесь идет речь о Ломоносове (как и в стихах 31—32). На самом деле, в 1747—1748 гг. Сумароков был с Ломоносовым в самых лучших отношениях (см. стих 391 в следующей эпистоле: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен»). По-видимому, эти стихи относятся к академическим переводчикам конца 1740-х годов. Сам Ломоносов не воспринял данного отрицательного отзыва на свой счет: в своем рапорте в Академию наук о рукописи сумароковских эпистол он писал: «Сатирические стихи, которые в них находятся, ни до чего важного не касаются; но только содержат в себе критику некоторых худых писцов без их наименования <...> таковые стихи, касающиеся до исправления словесных наук, невзирая на такие сатиричества, у всех политических народов позволяются» (Материалы, т. 9, стр. 555). Дальнейшие стихи, по-видимому, относятся к Тредиаковскому, который в своем рапорте в Академию наук об эпистолах Сумарокова жаловался на то, что «язвительства из них не токмо не вынято, но еще оное в них и умножено», и, «видя, что оне самым делом злостные сатиры, а именем токмо эпистолы, поносительных тех сочинений, по самой беспристрастной совести, апробовать» не пожелал (Материалы, т. 9, стр. 535). *Риторски красы* — литературные украшения. *Изволь писать «Бову», «Петра Златы ключи»* и т. д. Повести «О Бове королевиче» и «о Петре Златых ключей» (т. е. рыцаре Петре, на щите которого были изображены золотые ключи) были популярны в низших слоях тогдашнего русского общества, преимущественно чиновников («подьячих»). Поэтому дальше с иронией приводится отзыв подьячего о стиле этих «писаний». *За кем идти в степени?* — кого брать за образец? *Коль «аще», «точию» обычай истребил* — если слова «аще» (если) и «точию» (только) вышли из литературного употребления. *Нерусскими зовем.* Имеются в виду церковно-славянские книги.

Эпистола II (стр. 115). Впервые — там же, вслед за предыдущей. В архиве Академии наук СССР сохранился авторский экземпляр наборной рукописи, в котором имеются вычеркнутые 12 строк, посвященные творчеству А. Д. Кантемира и Феофана Прокоповича; вычеркнуты были и прозаические строки о Кантемире в «Примечаниях», следующих за данной «Эпистолой». Поскольку рукопись эта — чистовая и представлена автором для набора, можно предположить, что вычеркнутые места были удалены Сумароковым по настоянию лиц, дававших отзывы о «Двух эпистолах», т. е. Тредиаковского и Ломоносова (см. примечание к предыдущей эпистоле); поэтому в настоящем издании мы считаем нужным их восстановить. *Гудок* — вид старинной трехструнной скрипки. *Прадон* Николай (1632—1698) — французский драматург, осмеянный современниками за свое неудачное соперничество с Расином. Впоследствии в европейских литературах имя Прадона стало нарицательным для обозначения бездарного завистника. *Шапелен* (Шаплен) Жан (1595—1674) — французский поэт, один из основателей Французской академии. Считался крайне бездар-

ным поэтом, и в этом смысле его имя стало нарицательным. *Депро*. Это и все следующие имена см. в «Примечаниях» Сумарокова, помещенных в настоящем издании вслед за «Эпистолой II», стр. 126—129. *Передо всеми то* и т. д. Место, начинающееся этим стихом и кончающееся стихом: «Достойного в стихах не создал ничего» (всего 12 стихов), взято из рукописи. *Французов хор реченный* — группа ранее названных французских писателей (см. в тексте «Эпистолы» стихи 9—10). *Пастушка за сребро и злато на лугах* — т. е. вместо серебра и золота. Начиная с этого стиха, 12 стихов «Эпистолы» представляют точный перевод «Поэтического искусства» Буало. *Пан скроется* и т. д. Смысл этих двух стихов: нарушение правил пасторальной поэзии приведет к литературной неудаче, грубая поэзия прогоняет истинную. *Плачевной музы глас* — музы лирической, преимущественно элегической поэзии, Эвтерпы. *Ириса, Филиса* — условные, в духе античной поэзии, имена красавиц; взяты из французской поэзии XVII—XVIII вв. *Делит наполы* — делит пополам. *Скамандрины брега* — берега реки, возле которой находилась Троя. *Сей стих есть полн претворств* — полон превращений, метаморфоз, т. е. имена богов имеют в нем иносказательный смысл. *В эпическом стихе порядочен есть шум*. Это неудачный перевод соответствующего стиха Буало: «Прекрасный беспорядок в оде является плодом искусства». Речь идет о так называемом «лирическом беспорядке», т. е. кажущемся нарушении (на самом деле намеренном) поэтического изложения оды. *Не приключением* — не случайно. *Посадский* — горожанин, житель посада (города). *Смотритель* — зритель. *Представь мирскую шалость* — свойственную всему миру глупость. *Афины и Париж, зря красну царску дщерь*. Речь идет об Ифигении, героине одноименных трагедий Еврипида и Расина. Афины и Париж — т. е. древнегреческие и французские зрители. *Случившесь бытие* — случившееся бытие, факт. *Венерин гнев* — любовь, насланная на человека разгневанной Венерой. *Трезенский князь* — Ипполит, герой трагедии Расина «Федра». *Арисия* — афинская княжна, героиня той же пьесы. *Сын Андромахин* — Астианакт или Скамандрий, сын троянского царевича Гектора и его жены Андромахи; имя его в трагедии Расина «Андромаха» не называется. В «Андромахе» царь Пирр предлагает овдовевшей героине пьесы спасти ее сына от мести греков при условии, что она станет его, Пирра, женой. *Богинин сын* — Ахилл, сын богини Фетиды и жених Ифигении (см. выше), дочери царя Микен Агамемнона и царицы Клитемнестры. *Нерон прекрасную Июнью похищает*. Речь идет о трагедии Расина «Британник», где Юния, невеста героя трагедии, сводного брата императора Нерона, чтобы спастись от домогательств последнего, прибегает под защиту статуи императора Августа, считавшейся священной, а затем становится весталкой, жрицей богини Весты; весталки давали обет безбрачия. *Мониме за любовь приносится отрава*. В трагедии Расина «Митридат» герой произведения, царь парфянский Митридат, отравляет возлюбленную своего сына Мониму. *«Аталья» Франции и Мельпомене слава*. Имеется в виду одноименная трагедия Расина (в русских переводах — в соответствии со славянским начертанием этого имени — «Гофолия»; последняя — иудейская царица, незаконно захватившая власть). «Гофолия» считалась лучшей трагедией Расина и вообще венцом этого жанра (отсюда: «Мельпомене слава»). *«Меропа» без любви тронула всех сердца*.

Движущей основой трагедии Вольтера «Меропа» является, в отступление от трагедии, не обычная любовь между мужчиной и женщиной, а материнская. *«Альзира», наконец, — Вольтерова корона.* Трагедию Вольтера «Альзира, или Американцы» Сумароков признавал лучшей из пьес Вольтера. *Творец «Мизантропа»* — Мольер. *Мольеров «Лицемер».* Речь идет о комедии «Тартюф, или Обманщик». *Для знающих людей ты игрищ не пиши* и т. д. Игрища — сценки народно-сатирического театра. Эти стихи отражают презрительное отношение Сумарокова к народному сатирико-реалистическому театру. *Представь бездушного подьячего в приказе* — чиновника в служебном месте, в правительственном учреждении. *Для амуру* — для любовных приключений. *Латынщик* — человек, учившийся по-латыни; вообще: ученый, педант. *«Ерго»* — по-латыни: следовательно, итак. *В удавку* — в петлю. *Полушка* — четверть копейки, самая мелкая из когда-либо существовавших русских монет. *«Рест!»* — термин карточной игры, соответствующий «иду на всю сумму», «ва-банк». *Таинственник муз.* Так Сумароков перевел французское слово «secrétaire» (секретарь), происходящее от слова «secret» (тайна). Этим именем он называет Буало. *Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.* Возможно, этот стих направлен против неопубликованного еще в то время ломоносовского «Письма о пользе стекла», напечатанного в 1752 г. Если «Письмо» и не было еще написано, надо полагать, Ломоносов в устных беседах пропагандировал значение стекла. Вне связи с «Письмом о пользе стекла» данный стих Сумарокова непонятен. *Тщеславный лицемер* — Тартюф. *Льстец* — герой комедии А. Леграна «Всеобщий друг». *Набитый ябедой прехищный душевредник* — герой комедии Реньяра «Наследник». Ябеда — сутяжничество, ведение судебных дел, основанных на фальшивых доказательствах. Сумароков, перечисляя наиболее известные комедии, предлагает и русскому сатирику изобразить подобные характеры. *Наука, честность, ум, по их, — среди богатства* — по их мнению, в их понимании. *Узловаты* — затейливы, замысловаты; лукавы. *И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.* Лафонтену, кроме басен, принадлежат весьма фривольные «Сказки», которые послужили образцом и для Сумарокова (см. в наст. изд. стр. 247—248). *Еще есть склад смешных геройческих поэм.* Словами «смешные геройческие поэмы» Сумароков передает термин «ирои-комическая поэма». *Перебяка* — потасовка. *Сонет, рондо, баллад* — формы французской поэзии эпохи классицизма, из которых сонет оказался наиболее жизнеспособным. *Штивелиус* — частое в немецкой литературе первой половины XVIII в. обозначение бездарного ученого-педанта. Здесь имеется в виду Тредиаковский.

Примечания на употребленные в сих эпистолах стихотворцев имена (стр. 126). Впервые — в брошюре «Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве» (СПб., 1748). Данное произведение Сумарокова представляет первый русский, хотя и очень краткий, биографический словарь русских и иностранных писателей. Статейка о Кантемире восстановлена по рукописи «Двух эпистол», хранящейся в архиве Академии наук СССР. *Им по справедливости не показалось* — не понравилось. *За 207 лет.* У Сумарокова опечатка: должно быть — за 907 лет. Впрочем, точная дата рождения Гомера, как и самый факт его су-

ществования, спорны. *Эолянин* — житель Эолиды, местности в Малой Азии в районе Смирны. *Письмы его* — его сочинения. *Некоторые из его составлений* — произведений. *Казнен по повелению Августа.* Сумароков смешал отца Проперция с самим поэтом. *Стихи эпиталамические* — написанные по случаю различных свадебных пиршеств.

«Желай, чтоб на брегах сих музы обитали...» (стр. 130). Впервые — ЕС, 1755, август, стр. 147—148. *На брегах сих* — в Петербурге, на берегах Невы. *Октавий* (Октавиан Август) (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — первый римский император (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.). *Лудовик* (Людовик XIV) (1638—1715) — французский король (1643—1715), при котором абсолютизм достиг наивысшего расцвета. *Минавет* — менуэт, старинный французский салонный танец, вошедший в моду при Людовике XIV. В России появился при Петре I. *Богини Парнасские* — музы.

К неправедным судьям (стр. 131). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 282—283. Печ. по НДС, стр. 215—216.

Эпистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа (стр. 131). Впервые — отдельным изданием под заглавием «Речь, идиллия и эпистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа», СПб., 1761. Доношение Сумарокова в канцелярию Академии наук о напечатании «Речи, идиллии и эпистолы» датировано 12 сентября 1761 г. (цитирую неопубликованную статью Л. Б. Модзалевского «Библиография переписки Сумарокова»). Стихотворение это было написано еще при жизни Елизаветы Петровны и, конечно, не имело в виду непосредственного адресата, которому в то время было семь лет. Эпистола ставила своей целью нарисовать образ «идеального государя» и, тем самым, сопоставить этот образ с реальной государыней — Елизаветой, в оппозиции к которой находился тогда Сумароков. Здесь особенно разрабатывается тема «придворных льстецов» или «ласкателей», под которыми Сумароков изображал вельмож. *Не только можно быть.* Должно быть: не только не можно быть (ср. следующий стих). «Не» пропущено для соблюдения размера. *Калигула* Гай (12—41 гг.) — римский император (37—41 гг.), прославившийся своей жестокостью и сумасбродством (назначил свою лошадь сенатором). *Владычица сих стран, родившися беззлобна.* Речь идет о Елизавете.

Наставление хотящим быти писателями (стр. 134). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1774). Доношение Сумарокова в Академическую комиссию о напечатании этого произведения датировано 11 июня 1774 г. (Семенников, стр. 116). Это произведение представляет сокращенную и переработанную редакцию «Двух эпистол» 1748 г. Комментарии к тексту см. в примечаниях к «Двум эпистолам», стр. 526—529.

ЭКЛОГИ

Дориза (стр. 140). Впервые — РС, стр. 229—233. Печ. по ЭК, стр. 14—17. Представляет переработку эклоги «Дамон» (см. раздел «Другие редакции», стр. 494).

Клариса (стр. 142). Впервые — РС, стр. 240—244. Печ. по ЭК, стр. 17—21. Представляет собой переработку редакций 1759 г. (см. раздел «Другие редакции», стр. 492). *И мнимой красоте Кларисиной пеняет* — и жалуется воображаемой им красоте Клариса. *Здесь имя им мое стенание вперяло* — здесь мое имя включалось им в стенания. *В долине сей безблатной* — в этой лишенной болот долине. *Влиянный пламень* — влитое в меня пламя. *И жительницам рощ* — нимфам.

Калиста (стр. 144). Впервые — РС, стр. 248—252. Печ. по ЭК, стр. 27—31. Представляет собой переработку редакции 1759 г. (см. раздел «Другие редакции», стр. 498). *Царь ветров* — согласно римскому мифу, ветры подчинялись Эолу, заключившему их в пещеру. *Мучителей твоих* — ветры. *Розин дух <...> гвоздичка заменит* — т. е. забудь Калисту, полюби меня, Альфизу. *Вам вестно* — известно. *Калисте бы ты был участником всего.* Несомненно, здесь ошибка Сумарокова; по смыслу должно быть — «Альфизе бы ты был участником всего»; ошибка объясняется тем, что в редакции 1759 г. пастух Атис любит Альфизу, а разговаривает с ним Калиста; поэтому в редакции 1759 г. правильно стоит «Калисте бы ты был участником всего». *Я всё о ней рачил* — я все заботился, думал о ней. *Альципа искусить.* Сумароков ошибся и здесь: следует — «Атиса».

Мелита (стр. 147). Впервые — ЭК, стр. 107—110. *Коровод* — хоровод. *Пастушка жалится* — пастушку охватывает жалость.

ИДИЛЛИИ

«Мучительная мысль, престань меня терзати...» (стр. 150). Впервые — ЕС, 1755, октябрь, стр. 347—348.

«Свидетели тоски и стона моего...» (стр. 151). Впервые — ЕС, 1755, октябрь, стр. 348—350. *Смотри, в венке моем* и т. д. Цветок, о котором идет речь, — нарцисс; см. в «Словаре мифологических имен» «Нарцисс» и «Эхо». *Тебе венок сей мил* и т. д. — обращение к ореаде Эхо.

«Пойте, птички, вы свободу...» (стр. 152). Впервые — ЕС, 1756, март, стр. 270—272.

Идиллия («Без Филисы очи сиры...») (стр. 154). Впервые — ТП, 1759, июнь, стр. 382—383.

ЭЛЕГИИ

На смерть сестры авторовой Е. П. Бутурлиной (стр. 156). Впервые — ТП, 1759, март, стр. 190—191, под за-

главием «Элегия». Печ. по РС, стр. 202—204. *Злая ведомость* — печальная весть. *Пролгися* — окажись ложным.

Элегия («В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи...») (стр. 157). Впервые — ПВ, 1760, 19 августа, стр. 125. Эта элегия была написана на болезнь жены (см. примечание к стихотворению «Стихи г. хирургу Вульфу», стр. 562).

К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова (стр. 157). Впервые — СЧ, 1763, апрель, стр. 243. Печ. по РС, стр. 204—205. Ф. Г. Волков умер в Москве 5 апреля 1763 г., заболев во время уличного маскарада «Торжествующая Минерва» (см. комментарий к «Хору сатир», стр. 557). *Котурн* — у античных актеров высокая обувь, увеличивавшая их рост. Здесь — в значении: актерская профессия. В ПСВС, ч. 9, стр. 77, напечатана эта же ода с изменением порядка первых четырех стихов. Четвертый (прежний первый) стих звучит здесь так: «Навеки Волкова пресеклися часы». *Пегасов источник* — Иппокрена. *Богиня* — муза трагедии Мельпомена. *Что, Дми́тревский, зачнем.* Фамилию актера и писателя Дмитре́вского Сумароков произносил и с ударением на первом слоге (как в данном стихотворении) и на втором (см. примечание к стихотворению «Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому», стр. 561). *Переломи кинжал.* Эмблемой трагедии являлись кинжал и маска. *В последнем <...> игрании.* Последнее выступление Ф. Г. Волкова состоялось 29 января 1763 г. в трагедии Сумарокова «Семира». *Коликим горестям* и т. д. Стихи из реплики Ростислава в той же трагедии (д. V, явление последнее; см. стр. 422). Ростислава играл Дмитревский.

«Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя! ..» (стр. 158). Впервые — отдельно (СПб., 1768; ни один экземпляр не сохранился; см. Семенников, стр. 110). Печ. по РС, стр. 210—213. *Без провождения я к музам пробивался.* Вопреки истине, Сумароков утверждает здесь, что его творчество развивалось независимо от деятельности его предшественников Тредиаковского и Ломоносова. *О бедоносная, противная гора!* — Парнас. *Эрата перва мне воспламенила кровь.* Сумароков имеет в виду свои ранние любовные песни. *Стал пети я потом* и т. д. Речь идет об эклогах Сумарокова. *И, взяв у ней кинжал.* См. комментарий к предыдущей элегии. *Когда лишился я прекрасной Мельпомены.* Сумароков был отстранен от должности директора Российского театра 13 июня 1761 г. После этого он усиленно стал писать сатирические басни и через год, в июле 1762 г., сдал в печать сразу две книги «Притч». *Орестова сестра* — Электра, героиня одноименной трагедии Софокла. *Альцеста* — Алкеста, героиня одноименной трагедии Еврипида. *Пускай похвалятся надуты оды громки.* Имеются в виду оды В. П. Петрова.

«Все меры превзошла теперь моя досада...» (стр. 160). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 93. Эта элегия была написана Сумароковым в связи с крупным столкновением его с московским главнокомандующим П. С. Салтыковым (см. комментарий к притче «Кукушки», стр. 545). *В сей час среди Москвы «Синава» представляют.* Трагедия «Синав и Трувор» шла вопреки желанию Сумарокова 30 января 1770 г.

Ко Степану Федоровичу Ушакову, губернатору Санктпетербургскому, на преставление графа Алексея Григорьевича Разумовского (стр. 161). Впервые — отдельным изданием под заглавием «Письмо ко Степану Федоровичу Ушакову...» (СПб., 1771). Ни один экземпляр этого «Письма» не сохранился. Печ. по ПСВС, ч. 9, стр. 85—86. В марте 1771 г. Сумароков, временно находившийся в Петербурге и живший у гр. А. Г. Разумовского, своего прежнего начальника, возвратился в Москву, куда переселился в 1769 г. 6 июля 1771 г. А. Г. Разумовский умер. *Ушаков* Степан Федорович (1706—177(?)) — сенатор, писатель по экономическим вопросам. *Разумовский* Алексей Григорьевич (1709—1771) — фаворит Елизаветы Петровны, начальник Сумарокова в начале его служебной деятельности и покровитель его во вторую половину жизни. *Ко сей стране* — Москве. *И, может быть, еще какой злодей живет* и т. д. Вероятно, намек на герцога курляндского И.-Э. Бирона (1690—1772), в царствование Анны Иоанновны жестоко преследовавшего своих политических врагов («бироновщина»). Бирон жил в это время в Курляндии в г. Митаве (ныне Елгава).

«Уже ушли от нас играния и смехи...» (стр. 162). Впервые — ЭЛ, стр. 10—11. Представляет собой окончательную редакцию элегии 1759 г. под тем же заглавием (см. раздел «Другие редакции», стр. 502).

«Другим печальный стих рождает стихотворство...» (стр. 163). Впервые — ЭЛ, стр. 5—6. Представляет собой окончательную редакцию элегии 1759 г. под таким же заглавием (см. раздел «Другие редакции», стр. 504).

К г. Дмитревскому на смерть Татианы Михайловны Троепольской, первой актрисы императорского Придворного театра (стр. 164). Впервые — «Мстислав. Трагедия». СПб., 1774, стр. 63. Под стихотворением есть дата — 18 июня 1774. Это почти единственный случай датировки произведения самим Сумароковым. Ср. также отрывок из эпопеи «Димитрияды». *Сей новыя Ильмены.* Троепольская (174(?)—1774) считалась лучшей исполнительницей роли Ильмены в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Она умерла (по-видимому, от разрыва сердца) в своей артистической уборной перед началом спектакля — первой постановки трагедии Сумарокова «Мстислав», в которой роль главного героя играл Дмитревский. *Елиза* — Е. Ф. Иванова, актриса, сначала игравшая первые роли в Москве, а после смерти Троепольской переведенная в Петербург. С Е. Ф. Ивановой Сумароков сперва был в плохих отношениях (см. комментарий к притче «Кукушки», стр. 545, и к элегии «Все меры превзошла теперь моя досада...», стр. 532).

ГЕРОИДЫ

Героида. Оснельда к Завлоху (стр. 165). Впервые — РС, стр. 214—217. Героидами назывался жанр античной поэзии, представлявший послание героини или героя какого-либо мифа или другого известного произведения и излагавший душевные переживания дан-

ного персонажа. Сумароков сочинил героиду от имени героини своей первой трагедии «Хорев» Оснельды, пишущей своему отцу, бывшему князю киевскому Завлоху. В сущности, эти героиды могут рассматриваться как письма Оснельды к Завлоху, которые упоминаются в соответствующих местах трагедии. За 17 лет до начала трагедии князь Кий отнял у Завлоха столицу его княжества, Завлох бежал, оставив свою дочь Оснельду в руках победителя. Оснельда воспитывалась с младшим братом Кия Хоревом, который ее полюбил и которому она ответила взаимностью. В это время Завлох собрал силы и сделал попытку отобрать у состарившегося Кия свое княжество и свою дочь. *Прими в сих крайностях рассудок ты иной* — рассуди иначе.

Героида. Завлох к Оснельде (стр. 167). Впервые — РС, стр. 217—221. См. примечание к предшествующей героиде. *Брат зла губителя* и т. д. Хорев был братом Кия, злого губителя братьев Оснельды. *О дни* — о дне. *Махиной тяжкою* — стенобитными орудиями. *Раби* — старинная форма, вместо «рабы». *И славы мужества мы оным не отринем* и т. д. Обращает на себя внимание редкая по тому времени рифма: «отринем» — «пустыням». *Оставший мой народ* — оставшийся со мной, остальной народ.

СОНЕТЫ

Сонет («Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил...») (стр. 170). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 534. Г. А. Гуковский (изд. 1935 г., стр. 419—420) отмечает, что «тема этого сонета принадлежала к странствовавшим по европейским литературам XVII—XVIII вв. Укажем, например, весьма близкий к сумароковскому сонет Тристана Л'Эрмит (Tristan L'Hermite), французского поэта XVII в., названный «Misère de l'Homme du monde», и популярные в свое время «Стансы» Жан-Батиста Руссо (франц. поэта XVII—XVIII в.). В русской поэзии XVIII в. мотивы сонетов Сумарокова всплывали неоднократно и не раз в прямых подражаниях Сумарокову (см. сборник «Поэтика», т. 5, статья Г. А. Гуковского)». *Как рос, в младенчестве* и т. д. — т. е. под влиянием старших, которые влекли меня к добрым нравам, я с плачем оставлял то, что мне нравилось, но не отвечало понятиям нравственности.

Сонет («Не трать, красавица, ты времени напрасно...») (стр. 170). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 534—535. Тема этого стихотворения неоднократно разрабатывалась поэтами, которых хорошо знал Сумароков: Ронсар («Сонет к Елене»), Пауль Флеминг («Ода») и Ж.-Б. Руссо («Урок любви») и др.

Сонет («О существа состав, без образа смешенный...») (стр. 171). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 535—536.

Сонет. На отчаяние (стр. 171). Впервые — РС, стр. 63. Печ. по НДС, стр. 222—223.

БАЛЛАД

Б а л л а д («Смертельного наполнен яда...») (стр. 173). Впервые — ЕС, 1755, август, стр. 149—150. Баллада — в поэзии романских народов стихотворение из трех строф по восемь стихов и дополнительной строфы в четыре стиха («посылка») с определенными принципами рифмовки. У Сумарокова «баллад» состоит из трех строф по шесть стихов с выдержанными во всем стихотворении рифмами (схема: абабвв). *Свирепство части* — свирепость своей участи. Сумарокову принадлежит еще одно произведение в этом жанре: «Баллада его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, наследнику всероссийского престола, на день его рождения 1768 года сентября 20 дня» (ПСВС, ч. 9, стр. 230—231).

РОНДО

Р о н д о («Не думай ты, чтоб я других ловила...») (стр. 174). Впервые — ТП, 1759, ноябрь, стр. 703. Рондо — стихотворение, состоящее из 15 стихов, представляющих два куплета (схема: ааббааабв, аабабв).

СТАНСЫ

С т а н с («Сам себя я ненавижу...») (стр. 175). Впервые — PC, стр. 221—224 (без последней строфы). Печ. по ЭЛ, стр. 17—20. *Узы ты мои претерть* — перетереть, уничтожить связывающие меня цепи или толстые веревки.

С т а н с Г р а д у С и н б и р с к у н а П у г а ч е в а (стр. 177). Впервые — отдельным изданием (листовка, СПб., 1774). В ПСВС заглавие несколько изменено — «Станс I. Городу Синбирску на Пугачева». Вместе со стихотворением «Стихи на Пугачева» (см. стр. 308) настоящий «Станс» является наиболее отчетливым выражением дворянских воззрений Сумарокова. Арестованный 8 сентября 1774 г. изменившими ему сообщниками, Пугачев был выдан правительственным войскам и через некоторое время переведен в Симбирск, где он находился — прикованный к телеге — до начала ноября 1774 г. «Станс» Сумарокова был написан, по-видимому, в конце октября либо в самом начале ноября 1774 г. Резолюция Академической комиссии о напечатании «Станса» состоялась 3 ноября 1774 г. (Семенников, стр. 118). *Прогнал ты Разина.* Силы С. Т. Разина были разбиты правительственными войсками под Симбирском 1 октября 1770 г. *Разин нынешний* — Пугачев. *Блатистый дол* — болотная долина. *Баснословная гидра* — семиглавый змей, убитый, согласно греческому мифу, Геркулесом. *Осетил* — захватил в свои сети. *Аспид* — ядовитая змея; в богослужебных книгах под аспидом подразумевается дьявол. *От глаз того героя* — и т. д. — П. И. Панина, незадолго до того взявшего Бендеры (см. комментарий к песне «О ты, крепкий, крепкий Бендер-град», стр. 556). *Емлет* — берет. *Российская Астрея* — Екатерина II. *Яик* — прежнее название реки Урал, переименованной в 1775 г. по указу Екатерины II, чтобы истребить память о Пугачеве.

МАДРИГАЛЫ

Мадригал («Арая изъяснил любовны в драме страсти...») (стр. 181). Впервые — ЕС, 1756, март, стр. 273. *Арая* (Арайя) Франческо (1700—176(?)) — итальянский композитор и капельмейстер, работавший в России в царствование Елизаветы. *И общи с Прокрисой Цефаловы напасти.* Речь идет о музыке, написанной Арайей на оперное либретто Сумарокова «Цефал и Прокрис».

Мадригал («Любовны Прокрисы представившая узы...») (стр. 181). Впервые — ЕС, 1756, март, стр. 273. Обращено к Е. А. Белоградской. Написано, по-видимому, одновременно с предшествующим мадригалом и по тому же поводу. *Ко удовольствию Цефалова творца* — т. е. Сумарокова, автора оперного либретто «Цефал и Прокрис». *Лекуврера* — Адриенна Лекуврер (1692—1730) — выдающаяся французская актриса, славившаяся своей виртуозной передачей разнообразных страстей. *Белоградская* Елизавета Осиповна (род. 1739— дата смерти неизвестна) — первая русская оперная певица в середине XVIII в.; исполняла роль Прокрисы в опере «Цефал и Прокрис».

Мадригал («Я в драме пения не отделяю...») (стр. 181). Впервые — ЕС, 1756, март, стр. 273. *Карестини* Джованни — камер-музыкант при дворе Елизаветы Петровны; в 1756 г. покинул Россию. *И тьмы сердец он сей красавицей пленяет.* Под «сей красавицей» Сумароков имеет в виду упоминаемую им «музыку голоса».

Мадригал («Анюта на себе алмазов не имела...») (стр. 182). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 156. Возможно, что мадригал этот относится к актрисе Анне Поповой, часто упоминаемой в «Хронике русского театра» Ив. Носова (М., 1883), недостоверной с фактической стороны, но, тем не менее, содержащей кое-какие заслуживающие внимания материалы.

САТИРЫ

Кривой толк (стр. 183). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 561—567, под заглавием «Сатира». Печ. по С, стр. 7—12. Первоначальную редакцию см. в разделе «Другие редакции», стр. 506. *Петиметер* — щеголь. *Яуза* — речка в Москве, а также набережная вдоль этой речки (ныне отведена в подземные трубы). *Иван Великий* — самая высокая колокольня в Кремле. *Неглинная* — речка в Москве и набережная вдоль нее (ныне отведена в подземные трубы). *Сертúт* — лебезит, заискивает. *Вины фряжские* — французские, вообще заморские вина. *Опираяся, безножен, на клюки* — передвигаясь с помощью костылей из-за болезни ног. *Ты мнительно богат* и т. д. — ты богат мнимо, так как весь твой мир только в воображении. *Коль кудри хороши* — насколько хороши кудри. *Напрúклад* — например. *Но ты, не ведая* и т. д. В С в конце второго стиха стоит восклицательный знак, в ТП — вопросительный. Мы восстановили здесь вопросительный знак. О смысле этих двух стихов см. в комментарии к «Сатире» («Кто в самой глубине безумства пребывает...»), стр. 577.

Я плюю на рассказы и т. д. — на выдуманные за границей взгляды, что нужно знать указы. *Уложенье* — книга законов, составленная при царе Алексее Михайловиче в 1649 г. *Если б он на свете был его* — если бы Юлий Цезарь был в его времена. *Но зрящу мне в тебе* — но когда я вижу в тебе. *Катон* Старший (234—149 гг. до н. э.) — римский политический деятель, поборник старины и защитник аристократии.

Пиит и Друг его (стр. 186). Впервые — С, стр. 3—7. Буквы *Д* и *П* означают: Друг и Пиит. Этой сатирой в качестве программного стихотворения Сумароков открыл сборник «Сатир». *Жалостные драмы* — «слезные» драмы, пришедшие сперва во Франции, а вскоре затем и в России на смену классической трагедии. Возвратившийся в 1768 г. из поездки во Францию актер И. А. Дмитревский привез с собой интерес к слезным драмам. Вскоре в Москве в 1770 г. была поставлена в переводе чиновника Н. Ф. Пушникова драма Бомарше «Евгения», вызвавшая сильное негодование Сумарокова. Еще до постановки «Евгении» Сумароков обратился с письмом к Вольтеру, прося выступить против слезных драм. Вольтер в вежливом письме полусогласился с Сумароковым, чем тот очень гордился. Поскольку в сатире говорится о том, что «жалостные драмы» уже идут на сцене московского театра, то она не могла быть написана ранее 1770 г. *В Петрополе* и т. д. В следующих иронических стихах Сумароков, живший в то время в Москве, противопоставляет петербургских и московских зрителей. *Велегласно* — громко. *Со съезжей поберут людей за мостовую* — твоих дворовых людей возьмут в полицию за якобы не подметенную мостовую. *Кащей тебе с родней испортит мировую*. Кащеем Сумароков называл своего родственника Аркадия Ивановича Бутурлина (ум. 1775), который был женат на рано умершей сестре поэта Е. П. Сумароковой. С А. И. Бутурлиным у Сумарокова были постоянно враждебные отношения, в особенности на почве дележа наследства отца Сумарокова, умершего в 1766 г. *Росская Паллада* — здесь: Екатерина II. *Пускай Кащеиха совсем меня ограбит*. Кащеихою Сумароков называл свою сестру — возможно, Елену Петровну. При разделе имущества П. П. Сумарокова против выделения поэту его части возражали Бутурлин и сестра Сумарокова, считавшие, что он, как женившийся на крепостной девушке (Вере Прохоровне, ум. 1777 г.), утратил право на получение наследства. *И дастся орденом ему ременный жгут* — его накажут ременными плетьми. *Душа приказная* — чиновник, подьячий, служащий в приказе.

О благородстве (стр. 189). Впервые — С, стр. 13—16. В этой сатире упоминаются события 1769—1771 гг. Отсутствие упоминаний о фактах последующих лет (борьба с Пугачевым) свидетельствует о том, что сатира была написана не позднее 1771 г. *Перикл* (ок. 490—429 гг. до н. э.) — крупный политический деятель Афинской рабовладельческой республики, вождь ее демократических слоев. *Алькивияд* — Алкивиад (ок. 451—404 гг. до н. э.), афинский военный и политический деятель. *Великий Александр* — Александр Македонский. *Фридерик* — Фридрих II (1712—1786), прусский король (1740—1786), проводивший экспансионистскую политику и положивший начало прусскому милитаризму; был побежден русскими войсками во время Семилетней войны (1756—1763). *Сей Павла воспитал* —

Н. И. Панин. *Спиридов* Григорий Андреевич (1713—1790) — выдающийся военно-морской деятель. Под его командованием русский флот нанес решительный удар турецким морским силам; в сражении при Чесме в 1770 г. Спиридов полностью сжег турецкий флот. *Голицын* Александр Михайлович (1718—1783) — крупный военный деятель, участник Первой турецкой войны (1768—1774). *Румянцов* Петр Александрович (1725—1796) — выдающийся полководец. *Тюренн* Анри (1611—1675) — выдающийся французский полководец. *Мальборуг* (Мальборо) Джон Черчиль (1650—1722) — английский военный и политический деятель. *Еропкин* Петр Дмитриевич (1724—1805) — главнокомандующий московского гарнизона, подавивший так называемый «чумной бунт» 1771 г. *Силу дерзкия Мегеры он отъемлет.* Имеется в виду деятельность П. Д. Еропкина по борьбе с чумной эпидемией в Москве в 1771 г. *Узришь ли в ней заразы* — увидишь ли в ней чары, прелесть?

О французском языке (стр. 192). Впервые — С, стр. 23—25. *Палья* (фр. paille) — солома. *Обжект* (фр. objet) — предмет, вещь, вид. *Присядка* — здесь: реверанс, книксен. *Не на такой ноге* — дословный перевод французского оборота речи, соответствующего русскому «не на таком основании». *Похлебка ли вкусняй* и т. д. Слова «суп», «соус» тогда еще не вошли в обиходный язык и ощущались как галлицизмы. *Ни шапка, ни картуз.* В С опечатка: «карпус». *Не соловьи поют, кукушки то кукуют.* Почти той же строкой начинается притча «Кукушки» (см. стр. 124). Так как в произведениях Сумарокова, написанных в одно и то же время, имеют место автоцитаты, то можно с большой степенью точности датировать эту сатиру периодом между 1771 и 1774 гг. *На русском прежде был* и т. д. — прежде о нем говорили по-русски, что он скандалист (шумный, пьяный, скандалящий человек).

О честности (стр. 193). Впервые — С, стр. 25—28. *Реванж* (фр. revanche) — возмездие; здесь: возможность отыграться. *Зрак ея* — ее образ. *Оправив ябеду* и т. д. — оправдав заведомо неправое дело, судья восхваляет честность. *Что со ста только взял* и т. д. Законный процент в XVIII в. был шесть со ста в год. *Во авкцион... шлет под молот* — пошлет на продажу с аукциона (третий удар молотка аукциониста означал, что предмет или крепостной продан).

О злословии (стр. 195). Впервые — С, стр. 28—29. *Себе ты честностью в бесчестии маня* — когда ты будешь, совершая бесчестный поступок, успокаивать себя мыслью, что ты поступаешь честно.

Наставление сыну (стр. 196). Впервые — С, стр. 30—34. *Забудь химеру ту.* Химера — в греческой мифологии безобразное чудовище. Здесь: выдумка, нелепая мысль. *Умножай доход Ты всеми образы* — всякими способами, всяческим образом. *Беспрочно* — без прока, не имея в виду личную выгоду. *Пустыми ты мечтами.* — В оригинале опечатка: местами. *Епанча* — верхняя одежда, плащ. *Явленное добро* — неожиданно доставшееся добро. *Смучай* — интригуй.

О худых рифмотворцах (стр. 199). Впервые — С, стр. 16—20. *Кинольт*, т. е. Кино́ Филипп (1635—1688) — французский поэт и драматург. *Четыре раза шли драги к Парнасу лета* — четыре раза был расцвет литературы. *Римский Гомер* — Вергилий. *Как жил Депро и, жив, он бредни осуждал* — как жил Буало и в течение своей жизни осуждал бредни. *«Евгения»* — драма Бомарше (см. комментарии к сатире «Пиит и друг его»). *«Мизантроп»* — комедия Мольера. *«Ипермнестра»* — трагедия посредственного французского драматурга Лемьера. *«Меропа»* — трагедия Вольтера. *Со Мельпоменою вкус Талию сопряг.* В слезных драмах, в противоположность классическим правилам, строго разграничивавшим трагическое и комическое, разрешалось сочетать то и другое. *Расинов говорит, француз, совместник то ж.* Смысл стиха таков: француз, соперник (совместник) Расина (т. е. Вольтер), говорит то же самое. *Вольтер <...> в своем ответе* — см. комментарии к сатире «Пиит и друг его», стр. 537. *Лошак* — помесь лошади и осла. *Трепещет оттоман* и т. д. — здесь и далее описание отдельных моментов Первой турецкой войны. *Там море корабли турецки в воздух мещет.* Имеется в виду битва при Чесме (1770), когда русские корабли взорвали турецкий флот. *Там знамя росское, там флаг российский веет.* Смысл стиха: там действует русская пехота, там — морские силы. *Подсолнечныя взор* — взоры всего мира. *Новый Сион.* Сион — гора в Иерусалиме и сам Иерусалим; переносно: место, где в наибольшей мере соблюдается христианская религия. *Северный Рим* — Россия. *Тверь.* В 1764 г. город Тверь подвергся опустошительному пожару. Екатерина велела отстроить его. *Искоре́ст* — древняя столица древлян (ныне город Коростень, УССР). Согласно летописному преданию, в 946 г. княгиня Ольга, мстя древлянам за убийство ее мужа, князя Игоря, сожгла Искоре́ст. *Дом сирых.* В 1764 г. Екатерина основала в Москве первый в России воспитательный дом для подкидышей и сирот. *Евфрат.* По библии, из рая вытекали реки Фисон, Геон, Тигр и Евфрат. Смысл стиха: сейчас здесь рай. *Каменем твердейшим украше́нный.* Устройство гранитной набережной на Неве было начато в 1762 г. *В десятилетнее ты время превращен.* Смысл стиха: в течение десятилетия ты изменился. Екатерина захватила престол в 1762 г. По-видимому, сатира эта была написана Сумароковым либо в 1771, либо в 1774 г., когда он приезжал в Петербург из Москвы. *К Эдему новый путь по югу намощен.* Замощение Петергофской дороги началось во второй половине 1760-х годов. *Иду между древес* и т. д. Речь идет о Зимнем дворце. *Узрит он зрак Петра.* Памятник Петру I («Медный всадник») начат был постройкой в 1770 г., когда был перевезен в Петербург «Гром-камень» и отлита Фальконетом гипсовая модель памятника. *Где был сожженный храм.* Первый Исаакиевский собор, начатый постройкой в 1717 г., находился на самом берегу Невы между Адмиралтейством и «Медным всадником», ближе к последнему; в царствование Анны Иоанновны он был сожжен ударом молнии (в 1735 г).

ПРИТЧИ

Жуки и Пчелы (стр. 203). Впервые — П, кн. 1, стр. 56. По-видимому, относится ко времени выхода в свет «Сочинений и переводов» В. К. Тредиаковского (1752), против которого она обра-

щена. *Патока* — мед. *Они работают, а вы их труд ядите* — эта фраза стала крылатой, после того как Н. И. Новиков поместил ее в качестве эпиграфа к своему сатирическому журналу «Трутень» (1769).

Сова и Рифмач (стр. 203). Впервые — П, кн. 1, стр. 56—57. Надо полагать, что и данная притча, направленная, несомненно, против Тредиаковского, относится ко времени выхода в свет «Сочинений и переводов» последнего. Тредиаковский, как известно, претендовал на первенство среди современных ему поэтов, ссылаясь на то, что именно он ввел в русскую поэзию силлабо-тонический принцип версификации.

Мужик с котомой (стр. 240). Впервые — С и П, 1758, июнь, стр. 556—557. Эта басня очень напоминает сюжет былины о Микуле Селяниновиче, у которого в суме находится тяга земная. К. В. Чистов считает, что данная притча «несомненно восходит» «к сказочным анекдотическим сюжетам» (Чистов, стр. 152). Правильно ли наше предположение о былине как источнике данной притчи, или соображение К. В. Чистова о сказочно-анекдотических сюжетах, важно то, что Сумарокову необходимо было в этом произведении показать свое понимание роли крестьянства в жизни современной ему дворянской России. Признавая вполне нормальным такое положение, когда крестьянин тянет всю котому на себе (см. выше, стр. 14—16), Сумароков все же считал нужным объяснить это своим читателям, не вдумывавшимся во взаимоотношения между помещиками и крепостными. Притча имела у Сумарокова как в данном, так и во всех почти других случаях значение публицистического жанра, позволявшего коснуться злобы дня. Напомним, что в конце царствования Елизаветы начались сильные крестьянские волнения, и притча «Мужик с котомой» могла быть вызвана ими. Поэтому представляется в корне ошибочным мнение Г. Н. Поспелова о притчах Сумарокова, будто «это типично просветительская басня, отвлеченная по своим образам, ориентирующая читателя своею стихотворностью на движение авторской мысли, а не на движение изображаемой жизни, исходящая из чисто литературных, а не народно-сказочных традиций». Впрочем, Г. Н. Поспелов сразу же ограничивает свою, как нам представляется, надуманную схему: «Но и здесь, — пишет он далее, — жизнь толкала писателя к обратному: в его баснях немало живых, метко схваченных черточек русской действительности, вступающих в противоречие с абстрактным дидактизмом авторского замысла» (Г. Н. Поспелов. Сумароков и проблема русского классицизма. — «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 127. «Труды кафедры русской литературы», кн. 3, 1948, стр. 214). В последующих примечаниях отмечаются указанные исследователями литературные и устно-поэтические источники притч Сумарокова и приводятся соображения о том, какие общественно-политические или литературные события были поводом к появлению той или иной из них. И для Сумарокова и для его читателей, понимавших, о ком и о каких общественных фактах идет в притче речь, важно было «применение» басенного сюжета к современности и «мораль» автора. Относительно притчи «Мужик с котомой» следует заметить, что в отличие от всех почти остальных сумароковских произведений этого жанра, написанных ямбом, данная — написана четы-

рехстопным анапестом. Отметим, что рядом с ней в той же книжке С и П была напечатана его притча «Вдова-пьяница», написанная четырехстопным амфибрахием.

Кокушка (стр. 204). Впервые — ТП, 1759, июнь, стр. 360—361. Сюжет заимствован из басни Геллерта под таким же заглавием («Der Kuckuck»). Данная притча, по всей вероятности, направлена против Тредиаковского.

Безногий солдат (стр. 205). Впервые — ТП, 1759, июль, стр. 411—413. Печ. по П, кн. 2, стр. 9—11. Эта притча обращает на себя внимание своим реалистическим характером. «Автор», вдова-купчиха, наемный рабочий — совершенно живые лица. Характерна симпатия, с которой Сумароков рисует наемного рабочего. *Из ряды* — по договору.

Отрекшаяся мира Мышь (стр. 206). Впервые — ТП. 1759, июль, стр. 413—414. Эта притча, представляющая перевод из Лафонтена под таким же заглавием («Le Rat qui s'est retiré du monde»), направлена против позиции русского духовенства во время Семилетней войны (1756—1763).

Заяц и Лягушки (стр. 207). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 194. Можно предположить, что эта притча относится к гр. К. Е. Сиверсу (см. ниже примечание к притче «Филин»). По указанию К. Заусцинского (стр. 116), данная притча «отчасти напоминает басню Федра «Lepores vitae pertaesi» («Зайцы, которым стало тошно жить»). *Туз* — удар; отсюда глагол «тузить». *Не рдится* — не краснеет.

Филин (стр. 207). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 247. Возможно, направлена против гофмаршала Елизаветы гр. К. Е. Сиверса, которому Сумароков был подчинен в качестве директора Российского театра (1756—1761). Хотя Сиверсы утверждали, что их предки были выходцами из Швеции, в тогдашнем Петербурге было широко распространено мнение, что Сиверсы являлись потомками конюха-немца.

Осел во Львовой коже (стр. 208). Впервые — ПВ. 1760, 19 февраля, стр. 146—148. Печ. по П, кн. 2, стр. 7—9. Сюжет заимствован из басни Лафонтена с таким же заглавием («L'Ane vétu de la peau du Lion»). Эта притча направлена против Ломоносова, с которым у Сумарокова в течение 1750-х годов отношения все более ухудшались в связи с их идеологическими расхождениями. В ответ на эту притчу Ломоносов написал обращенную против Сумарокова притчу «Свинья в лисьей коже».

Лисица и Терновный куст (стр. 209). Впервые — ПВ, 1760, 18 ноября, стр. 320—321, под заглавием «Лисица и Терновый куст». Печ. по П, кн. 2, стр. 34—35 (в оглавлении — «Лисица и Терновый куст»). Сюжет заимствован у Эзопа («Лисица и Терновник»).

Коршун в павлиньих перьях (стр. 210). Впервые — ПВ, 1760, 14 октября, стр. 423—424. Сюжет заимствован из басни Федра «Гордая Галка и Павлин» («Graculus superbus et Pavo»). *Жеребо* — наполнено, беременно. См. ниже примечание к притче «Коршун». *Сверстают* — сравняют.

Коршун (стр. 210). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 334. Эта притча связана с притчей «Коршун в павлиньих перьях», где Сумароков употребил рифму «жеребо» — «небо». Как явствует из настоящей притчи, слово «жеребо» вызвало критику со стороны языковых пуристов, и Сумароков счел нужным защитить свое право на поэтические искания, в том числе и на «неслыханную рифму». Слова: «зато меня ругают...» и след. дают основание датировать эту притчу октябрем — ноябрем 1760 г. Вместе с тем надо полагать, в данной притче, как и в притче «Коршун в павлиньих перьях», Сумароков имел в виду какое-то определенное лицо.

Болван (стр. 211). Впервые — ПВ, 1760, 25 ноября, стр. 337—338. Печ. по П, кн. 3, стр. 13—14.

Портной и Мартышка (стр. 212). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 219. Возможно, что эта притча обращена против подражателей Сумарокова — А. А. Ржевского, А. А. Нартова и А. Г. Карина, которые переводили сразу же вслед за Сумароковым некоторые стихотворения на религиозные темы (см. примечания к одам «На суету человека» и «Плачу и рыдаю», стр. 523—524).

Лисица и Статуя (стр. 213). Впервые — ПУ, 1761, май, стр. 161—162. *Про Лису*. Один из случаев сознательного нарушения Сумароковым ямбического размера.

Змея и Пила (стр. 213). Впервые — ПУ, 1761, май, стр. 167—168. Сюжет заимствован из басни Федра «Ехидна и Пила» («Vipera et Lima»). По-видимому, эта притча написана по поводу каких-то критических выступлений против Сумарокова в конце 1750-х — начале 1760-х годов. *Зверок ее то взгляду* — на ее взгляд, это — зверок. *Кровь собенну* — собственную кровь.

Пир у Льва (стр. 214). Впервые — П, кн. 1, стр. 29—30. Сюжет заимствован из басни Лафонтена «Двор Льва» («La Cour du Lion»); Сумароков мог знать ее и по басням Федра. *Потазал* — побранил.

Коловратность (стр. 215). Впервые — П, кн. 1, стр. 59. К. В. Чистов указывает, что данная притча «построена по обычной схеме цепевидных сказок», и приводит близкие образцы из народного творчества (стр. 151). *Коловратность* — круговращение. Возможно, что эта притча была написана по поводу придворных интриг в конце царствования Елизаветы, в частности в связи с падением стоявшего во главе Иностранной коллегии гр. А. П. Бестужева-Рюмина, сосланного Елизаветой в 1758 г. и возвращенного Екатериной в 1762 г., сразу же по вступлении ее на престол.

Протокол (стр. 216). Впервые — П, кн. 2, стр. 46—48.

Обезьяна-стихотворец (стр. 217). Впервые — СЧ, 1763, апрель, стр. 244. Обращена против Ломоносова. В «Сочинениях» Ломоносова, изданных в 1751 и 1757 гг., в первой оде была дважды допущена опечатка: «кастильская роса» вместо «кастальская». Кастальский источник, посвященный Аполлону и музам, находился, согласно греческим преданиям, у подножия горы Парнас; переносно: источник поэзии, вдохновения. *Кастильский* — испанский. *И стала петь, Гомера подражая* — намек на изданные в 1757 г. две песни героической поэмы Ломоносова «Петр Великий». Глагол «подражать» Сумароков употреблял не с дательным, а с винительным падежом. *Зря пухлого певца* — видя Ломоносова.

Война Орлов (стр. 217). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 242. Источником этой притчи является басня «Орел с стрелою» из сборника басен Эзопа с примечаниями Рожера Летранжа в переводе С. Волчкова (СПб., 1747). В указанном издании, в примечаниях Летранжа, приведены басни многих древних и новейших (для той эпохи) писателей. К. В. Чистов полагает, что «эта притча построена на основе пословицы «орлы дерутся, а молодцам перья», которая, кстати, употреблена была самим же Сумароковым в комедии „Ядовитый"» (стр. 153). Напомним, что для истории русской литературы XVIII в. вопрос об источниках не имеет такого значения, как для более позднего времени. Важнее установить, с какой конкретной общественно-политической ситуацией связано появление того или иного произведения, в частности данной притчи. «Творческий» принцип, следуя которому Сумароков создавал притчи, состоял в том, чтобы сочинить или, еще чаще, найти в уже существующей басенной литературе подходящее по сюжету к обстоятельствам момента произведение и пустить его в литературный оборот, снабдив своими стихотворными намеками и толкованиями. Несомненно, притча эта написана по поводу борьбы между братьями Г. Г., А. Г. и Ф. Г. Орловыми за место фаворита при Екатерине II. Поэтому ее можно отнести к 1762—1765 гг. По-видимому, из-за ясности своих намеков эта притча не была напечатана Сумароковым при жизни и была опубликована только Новиковым в 1781 г. *Совестно* — на совесть, добросовестно.

Два Повара (стр. 218). Впервые — отдельным изданием (листовка. СПб., 1765; см. Семенников, стр. 109). По распоряжению Екатерины II это издание было конфисковано и не сохранилось (см. заметку А. М. Арзумановой «К истории притчи Сумарокова «Два повара» 1765 г.» в сб. «XVIII век», вып. 4, — находится в печати). Печ. по ПСВС, ч. 7, стр. 327—328. *Бургавен* (Бургав) Авраам Каау (1715—1758) — выдающийся физиолог и анатом XVIII в., член петербургской Академии наук. *Эйлер* Леонард (1707—1783) — гениальный математик, физик и астроном. С 1727 по 1741 г. и с 1766 по 1783 г. был членом петербургской Академии наук. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ-сенсуалист. *Картезий*, т. е. Декарт Рене (1596—1650) — выдающийся французский философ, физик и математик. Один из основателей рационализма. *Апелл* или Апеллес (IV в. до н. э.) — выдающийся греческий живописец.

Пракситель (IV в. до н. э.) — великий древнегреческий скульптор. *Мецен* (Меценат) Кай Цильний (ум. 9 г. до н. э.) — римский патриций, покровительствовавший поэтам Вергилию, Горацию и др. Его имя стало нарицательным для обозначения покровителей искусств и наук. *Сципион* Публий Корнелий (ок. 235—183 г. до н. э.) — римский военный деятель эпохи борьбы с Карфагеном, за победу над которым Сципион получил прозвище «Африканский». В переносном смысле — умелый военачальник. *Цельба* — лекарство. *Минерва... которая Россией обладает* — Екатерина II. *Герольдия* — правительственное учреждение в дореволюционной России, ведавшее вопросами о подлинности дворянского происхождения (департамент герольдии; ранее — герольдмейстерская контора). *Впряжен был цук.* Ехать цугом (т. е. по нескольку пар лошадей — не меньше трех пар, одна за другой) имели право только дворяне. *Потрава* — пища, продукты для приготовления пищи. *Вот пятница страшной недели.* Пятницу страстной (в ПСВС — страшной) недели верующие люди считали днем, требовавшим особенно строгого пощения.

Б л о х а (стр. 219). Впервые — ВВ., 1769, январь, стр. 34 (без заглавия). Печ. по П, кн.3 стр. 283. *На воеводство просит* — просит назначить ее воеводой.

О с ь и Б ы к (стр. 219). Впервые — ВВ, 1769, январь, стр. 34 (без заглавия). Печ. по ПСВС, ч. 7, стр. 202.

С а т и р и Г н у с н ы е л ю д и (стр. 220). Впервые — П, кн. 3, стр. 3—5. Притча эта имеет автобиографический смысл: *Сатир* — сам Сумароков, *Гнусные люди* — дворянское общество, *Пан* — верховная власть. Два последних стиха этой притчи были использованы Н. И. Новиковым в качестве эпиграфа ко второй части журнала «Трутень» (на 1770 г.). *Реченны пастухи* — названные выше пастухи. *Кабашный нектар* — водка. *Демокрит* (ок. 460—370 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ-материалист. *Напередки* — вперед, в будущем.

А р а п (стр. 221). Впервые — П, кн. 3, стр. 41—42. Сюжет заимствован из басни Эзопа «Эфиоп». *Арап* — негр. *Сатиру чтя* — читая сатиру. *Козицкий* — см. ниже примечание к притче «Порча языка». *Шалить* — совершать дурные поступки. *На полок* — на верхнюю полку в парной бане. Заслуживает внимания, что в нарушение размера, которым написана данная притча (ямб), Сумароков — по-видимому, для большей выразительности — употребил анапест (на полок).

И с т и н а (стр. 222). Впервые — П, кн. 3, стр. 68—69. Эта притча, так же как и «Кулашный бой», не имеет сюжета.

С т р я п ч и й (стр. 223). Впервые — П, кн. 3, стр. 62—63. *Стряпчий* — адвокат, ходатай по делам.

П о р ч а я з ы к а (стр. 223). Впервые — П, кн. 3, стр. 43. *Мотонис* Николай Николаевич (ум. 1787) — писатель, член Российской Академии. *Козицкий* Григорий Васильевич (1725—1775) — литературный деятель. Сумароков высоко ценил филологические знания Козицкого.

Кулашный бой (стр. 224). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 243. К. В. Чистов, правильно считая, что данная притча «основана на материале народных обычаев» (стр. 153), не дает тем не менее никакого ключа к пониманию причин ее появления. Между тем несомненно, что эта притча обращена против гр. А. Г. Орлова, обладавшего огромной физической силой и любившего участвовать в кулачных боях, устраивавшихся у Красного кабачка по Петергофской дороге. Участие одного из первых в государстве вельмож в подобных грубых развлечениях вызывало негодование Сумарокова. Поскольку Орлов в 1760-х годах (точнее — после переворота 28 июня 1762 г. и до отъезда в 1768 г. в Италию на театр военных действий с Турцией) находился в центре внимания русского общества, следует датировать притчу приблизительно 1760-ми годами. По существу «Кулашный бой» не является притчей: в нем нет сюжетной части; это своего рода публицистика в стихах. *Где только варварство — позорища успех* — где только варварство является причиной успеха подобных зрелищ.

Кукушки (стр. 224). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 334. Эта притча написана в связи с распространившимися в Москве слухами (вполне справедливыми), что в споре Сумарокова с московским главнокомандующим гр. П. С. Салтыковым Екатерина II стала на сторону последнего. Сумароков возражал против постановки своей трагедии «Синав и Трувор» ввиду того, что актриса Е. Иванова, исполнявшая главную роль, была пьяна и не могла приехать на генеральную репетицию. Гр. Салтыков, покровительствовавший актрисе, настоял на постановке спектакля. Сумароков написал жалобу Екатерине II, которая ответила ему недоброжелательно и копию письма отправила Салтыкову, распространившему известия об этом по Москве. Е. Иванова написала Сумарокову записку, в которой принесла поэту извинения. *Диана* — здесь Екатерина II.

Совет боярский (стр. 224). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 212—214. Возможно, что эта притча имеет отношение к позиции некоторых дворян во время восстания Пугачева, которые не находили нужным принять участие в борьбе с крестьянским движением. *С полудни* — с юга. *И мне не сделает... увечья.* Многоточие в ПСВС; возможно, Новиков не разобрал слова в рукописи Сумарокова.

Притча на несмысленных писцов (стр. 226). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием. Резолюция академической канцелярии о ее напечатании — 22 августа 1774 г. (Семенников, стр. 116). Эта притча написана по поводу «драмы» Д. В. Волкова «Воспитание» (1774) (ср. эпиграмму Сумарокова «Окончится ль когда парнасское роптанье?»). В предисловии к «Воспитанию» Д. В. Волков очень неодобрительно отозвался о новшестве, которое допустил Сумароков в своей трагедии «Димитрий Самозванец»: в 1-м явлении V действия этой трагедии раздается звон набата. *О правде, честности, о добром воспитаньи.* Сумароков перечисляет основные темы «драмы» Д. В. Волкова.

Парисов суд (стр. 227). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 335—336. Эта пародийная притча была написана Сумароковым по поводу

эпизода в сатирической поэме М. Д. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (1769; отдельное издание — 1775): Юпитер, узнав о горестном положении наук на земле, «Хотел в тот злейший час пустить на землю гром, /Восстал он посреде, где боги и богини/ В то время кушали привозные к ним дыни, /И только лишь кусок от дыни прожевал,/ Чувствительно тогда Юпитер задрожал» («Плачевное падение стихотворцев»; песнь 2, ст. 54—58). Датировать эту притчу ввиду упоминания в ней поэмы Чулкова можно как 1769, так и 1775 г. Последняя дата представляется более достоверной, так как в 1769 г. из-за хлопот, связанных с переездом из Петербурга в Москву, Сумароков почти ничего не писал. *Российской то сказал нам древности толмач* и т. д. М. Д. Чулков назван толкователем (толмачом) российской древности, так как издал ряд произведений, связанных с прошлым России. *Глупый плач* — «Плачевное падение стихотворцев». *Минерва напилась, как стерва.* Во втором стихе ямбический размер заменен сочетанием анапеста и амфибрахия. *Однако был он глуп* и т. д. В ПСВС этот стих напечатан неисправно: «Однак был он глуп, как лосось иль осел». *Экстракт* — в терминологии чиновников XVIII в. — краткое изложение дела. *Дочь мозгова* — богиня Афина Паллада (Минерва) считалась дочерью Зевса (Дия), родившейся из головы последнего.

Шалунья (стр. 227). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 197. *Шалунья* — дура. *Я еду делать кур* — еду лечиться (фр. faire une cure).

Пучок лучины (стр. 228). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 196. Сюжетная часть притчи заимствована из басни Лафонтена «Старик и его Дети» («Le Vieillard et ses Enfants») или из Эзопа. К. В. Чистов пишет: «Притча «Пучок лучины», очевидно, также возникла на основе русского устного поэтического сюжета, а не в связи с чтением Сумароковым басни Лафонтена «Le Vieillard et ses Enfants», как это утверждает Заусцинский. Действительно, внимательное сличение притчи Сумарокова и басни Лафонтена показывает, что между ними нет ничего общего, кроме самой внешней схемы сюжета. Притча Сумарокова, по терминологии Потебни, составная, причем в первой части рассказывается о событиях русской истории — о том, как ослабляла Русь феодальная раздробленность. Сюжет, легший в основу этой притчи <...> очень популярен в русском репертуаре (см., напр., сборник «Сказки Ф. П. Господарева», Петрозаводск, 1941. Ф. П. Господарев прикрепил его к своей биографии)» (стр. 154—155).

Недостаток Времени (стр. 228) Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 253—254. *Там качества упруги* — там нет достоинств (упругий — скупой). *За что его боярят* — делают боярином, дворянином. *Прилог* — прибавка к жалованью, премия. *Сонмищи публичны* — публичные собрания. *Клоб* — клуб.

Прохожий и Буря (стр. 229). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 191—192. Сюжет заимствован из басни Лафонтена «Юпитер и Путник» («Jupiter et le Passager»).

Александр и Парменион (стр. 230). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 195. Источником этой притчи является трактат Лонгина

«О возвышенном», где ответ Александра Пармениону приводится в качестве образца возвышенного остроумия (см. «Письмо об остроумном слове» Сумарокова, где повторяется этот же рассказ в прозаической форме. — ПСВС, ч. 6, стр. 348—349). *Александр* — Александр Македонский. *Парменион* — македонский военачальник, сопровождавший Александра в персидском походе; в 329 г. до н. э. был казнен Александром. *Перский* — персидский. *Пол-Азии.* В ПСВС опечатка: Полк. *Во Александровом сей слышит муж ответе.* Возможно, что в рукописи Сумарокова было: Что в Александровом сей слышит муж ответе? Иначе получается два одинаковых по смыслу стиха.

Красильщик и Угольщик (стр. 230). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 201—202. Источником этой притчи является басня «Валяльщик и Угольщик», помещенная в издании басен Эзопа с примечаниями Рожера Летранжа (см. примечание к притче «Война Орлов», стр. 543). *Караeт* — является для него карой, наказаньем.

Возница пьяный (стр. 231). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 203—204.

Посол Осел (стр. 231). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 205. Несомненно, эта басня связана с интересом Сумарокова к дипломатической жизни тогдашнего Петербурга. Ср. эпиграмму «Не трудно в мудреца безумца претворить. . .». *Шалун* — дурак, шалый человек.

Хвастун (стр. 231). Впервые — ПСВС ч. 7, стр. 209—210. Сюжет этой притчи близок к басне Геллерта «Крестьянин и его Сын» («Der Bauer und sein Sohn»). *Рассказен ков* — ков россказней, т. е. злонамеренные по своим замыслам рассказы. *Слоновьего звена не врютишь на три блюда* — ломтя слоновьего мяса от одного позвонка до другого не взгромоздить на три блюда.

Отчаянная вдова (стр. 232). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 224—225. Сюжет заимствован у Федра или у Петрония (сюжет об «Эфесской матроне»). Насколько нам известно, это первая в русской литературе обработка данного всемирно известного сюжета. *Отчаянная* — находящаяся в отчаянии, впавшая в отчаяние.

Деревенские бабы (стр. 233) Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 225—226. «Притча «Деревенские бабы» восходит к известному анекдоту о том, как бабы стали исполнять мужскую работу (разновидность — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 86, № 1408. Ближе всего — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 449—451, № 183)» (Чистов, стр. 152).

Мид (стр. 234). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 230. Несомненно, эта притча направлена против Екатерины II и в иносказательной форме говорит о ее любовных похождениях, особенно это видно из двух последних стихов. *Осетил* — здесь: нащупал. *Болклив* — болтлив.

Волосок (стр. 235). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 238—240. По указанию Г. А. Гуковского, источником этой притчи является

«сказка» Лафонтена «Невозможная вещь» («La Chose impossible»). К. В. Чистов, напротив, считает «рискованным безоговорочно возводить притчу Сумарокова «Волосок» к сказке Лафонтена «La Chose impossible». Она явно связана с распространенным типом русских сказочных сюжетов, объединенных Андреевым под № 1175 «Состязание человека с чертом. Человек обманывает черта — черт должен выпрямить курчавый волос». Изучение сказок этого типа показывает близость притч Сумарокова к варианту, опубликованному в сборнике Ончукова (№ 205). У Сумарокова этот сюжет переплетается с мотивом «договора с чертом» (духом), который обязался выполнять все желания героя, «да только лишь со договором, чтоб он им вечно обладал» (см. повесть XVII в. о Савве Грудцине); черт, как и обычно, обманывается — ему задают невыполнимую работу (см. у Андреева, 1000—1029, 1060—1114), в данном случае (1175) он должен выпрямить курчавый волос. Сюжет этот истолкован Сумароковым гротескно — черт делжен играть на балалайке, петь песни и т. д.». (Чистов, стр. 154). *И без комиссии вон выити не хочет* — в ПСВС опечатка: «выйти», уничтожающая ямбический размер притчи. *Покой во стороне* — однако у детины покоя нет. *Мня, прям он быти станет* — думая, что он выпрямится.

Ворона и Лиса (стр. 236). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 240—241. Сюжет притчи заимствован из басни Лафонтена «Ворона и Лисица» («Le Corbeau et le Renard») или из басни Эзопа «Ворона и Лисица». Есть аналогичная басня и у Федра.

Рецепт (стр. 237). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 245—246. Сюжет заимствован из басни Геллерта «Привидение» («Das Gespenst»). *Пиит невкусный* — поэт, не обладающий вкусом, лишенный вкуса. *А дьявол... в ученого швыркнул.* Многоточие в ПСВС; возможно, оно было в рукописи Сумарокова в связи с тем, что стихотворение было не закончено; может быть, однако, Новиков не разобрал слова или двух слов (т. е. один или три слога).

Пиит и Богач (стр. 238). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 246—247. *Отличным тщася быть отечества в народе* — стараясь прославиться в народе своего отечества. *Пристойных приберу к тому немало слов* — в ПСВС опечатка: к тому я мало слов.

Голуби и Коршун (стр. 239). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 252. Не имеет ли в виду эта притча отношения русского дворянства и Екатерины II, как они представлялись Сумарокову? *Среди им оных мест* — среди им принадлежащих мест.

Горшки (стр. 239). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 261. Сюжет притчи заимствован у Эзопа («Горшки») или у Лафонтена («Горшок глиняный и Горшок железный») («Le Pot de terre et le Pot de fer»).

Поросячий крик (стр. 239). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 262. Подобный анекдот рассказывают о великом английском актере Гаррике, который будто умел подражать визгу поросенка. Желая получить больше аплодисментов, Гаррик принес на сцену живого

поросенка, которого щипал под плащом, но публика утверждала, что в этот раз он очень плохо играл. Должно, однако, отметить, что существует басня Федра «Скоморох и Крестьянин» («Scurra et Rusticus»), которая, по мнению К. Заусцинского (стр. 121), послужила источником притчи Сумарокова. *А то визжанье чудо* — визжанье «хитреца».

Собачья ссора (стр. 240). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 268—269.

Ремесленник и Купец (стр. 241). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 283. Сюжет этой притчи заимствован из басни Лафонтена «Сапожник и Финансист» («Le Savetier et le Financier»).

Просьба Мухи (стр. 241). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 277—278. *Мошонка* — мошна, кошелек.

Пиит и Урод (стр. 242). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 279—280. Сюжет этой притчи заимствован из басни Федра «Поэт Симонид, спасенный богами» («Simonides a diis servatus»). *Симонид* Кеосский (ок. 556 — ок. 469 гг. до н. э.) — греческий лирик и философ.

Пиит и Разбойник (стр. 243). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 280. *Ивик* (Ибик) (VII в. до н. э.) — древнегреческий лирик, известный преданием о его смерти и разоблачении убийц журавлями. *Не мня, что их перехватают* — не задумываясь о том, что их могут схватить, услышав его слова.

Учитель поэзии (стр. 244). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 281.

Тщетная предосторожность (стр. 244) Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 282. Это скорее мадригал, чем притча, и, вероятно, в раздел «Притч» она попала случайно. Все стихотворение написано на одну рифму. *Венерин сын* — Купидон.

Единовластие (стр. 245). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 283—284. *Что счастья...* Многоточие в ПСВС.

Волк и Журавль (стр. 245). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 305. Сюжет заимствован из басни Эзопа «Волк и Журавль». У Лафонтена — «Le Loup et la Cigogne» («Волк и Аист»).

Маскарад (стр. 246). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 332. По-видимому, эта притча обращена против какого-то молодого поэта.

СКАЗКИ

Сказка 1 («Мужик у мужика украл с двора корову...») (стр. 247). Впервые — ЕС, 1755, октябрь, стр. 351—352. «Сказками» в литературе классицизма назывались стихотворные рассказы с более или менее нескромным сюжетом; особенно славились «Сказки» Лафонтена, о которых Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» писал: «И, сказки пев, играл все тою же погудкой... Парнасски девушки <т. е.

музы> пером его водили и в простоте речей искусство погрузили». *Бострок* — женская телогрея, короткая стеганая верхняя одежда. *Намнясь* — несколько времени назад. *Тать* — вор.

Сказка 2 («Жил некакий мужик гораздо неубого...») (стр. 248). Впервые — ЕС, 1755, октябрь, стр. 352—353. *Клеть* — холодная, летняя часть избы. *Не надобен обух* — ненужен топор, чтобы сбить запоры.

ЭПИГРАММЫ

Эпиграмма («Разбойник некогда хранить устав свой клялся...») (стр. 249). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 536.

Эпиграмма («Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться...») (стр. 249). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 536—537. Позднее Сумароков переработал эту эпиграмму в притчу «Брат и сестра» (см. раздел «Другие редакции», стр. 510).

Эпиграмма («Клавина смолоду сияла красотою...») (стр. 250). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 363.

Эпиграмма («Ты очень ей любим, она в твоей вся воле...») (стр. 250). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 364.

Эпиграмма («Она уже твоя, однако не навек...») (стр. 250). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 365.

Эпиграмма («Знай, тебе я непременна...») (стр. 250). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 365.

Эпиграмма («За что неверною тебе я прослыла?..») (стр. 250). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 365.

Эпиграмма («Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала...») (стр. 251). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 365.

Эпиграмма («Всем сердцем я люблю и вся горю, любя...») (стр. 251). Впервые — ЕС, 1756, апрель, стр. 365.

Эпиграмма («Милон на многи дни с женою разлучился...») (стр. 251). Впервые — ЕС, 1756, июнь, стр. 520—521.

Эпиграмма («„Я обесчещена", — пришла просить вдова...») (стр. 251). Впервые — ЕС, 1756, июнь, стр. 521. Позднее Сумароков переработал эту эпиграмму в притчу «Генрих IV и Вдова» (ПСВС, ч. 7, стр. 195).

Эпиграмма («Клеон при смерти был и был совсем готов...») (стр. 252). Впервые — ЕС, 1756, июнь, стр. 521. *Прощенья не скрепил* — не оформил.

Эпиграмма («Построил ныне ты пространный госпиталь...») (стр. 252). Впервые — ЕС, 1756, июнь, стр. 522.

Эпиграмма («Кто хвалит истину, достоин лютой казни. . .») (стр. 252). Впервые — ЕС, 1756, июль, стр. 181.

Эпиграмма («Ты смирен, мой жених, осанист и прекрасен. . .») (стр. 252). Впервые — ЕС, 1756, июль, стр. 181.

Эпиграмма («Не вознесемся мы великими чинами. . .») (стр. 252). Впервые — ЕС, 1756, август, стр. 274. *Калигула* — см. примечание к «Эпистоле Павлу Петровичу», стр. 530.

Эпиграмма («Пеняешь ты мне, муж, тебе-де муж постыл. . .») (стр. 254). Впервые — ЕС, 1756, август, стр. 274.

«Ты туфли обругал, а их бояря носят. . .» (стр. 254). Впервые — А. П. Сумароков. Стихотворения. «Советский писатель», Малая серия «Библиотеки поэта», Л., 1953, стр. 179. В доношении в канцелярию Академии наук от 12 марта 1757 г. редактор «Ежемесячных сочинений» Г. Ф. Миллер просил «дать о том прямое наставление, печатать ли или не печатать оную эпиграмму» (П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 322—323). Эпиграмма напечатана не была по требованию Ломоносова. Подлинная сумароковская рукопись этой эпиграммы сохранилась в Центральном государственном архиве древних актов (Москва) (ф. Г. Ф. Миллера, портф. № 414, № 15). *Зияет* — широко раскрыв рот, кричит.

Эпиграмма («Два были человека») (стр. 254). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 310.

Эпиграмма («Не трудно в мудреца безумца претворить. . .») (стр. 255). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 310. *Когда воздастся честь Златого ей Руна*. Имеется в виду орден Золотого Руна. Этот орден, дававшийся австрийскими императорами (с 1429 г.) и испанскими королями (с 1700 г.), присваивался только членам старинных дворянских родов и обязательно католикам. Вероятно, в эпиграмме Сумарокова идет речь о каком-то после (австрийском или испанском), получившем во время своего пребывания в Петербурге орден Золотого Руна.

Эпиграмма («Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку. . .») (стр. 255). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 310.

Эпиграмма («Судьи приказных дел у нас не помечали. . .») (стр. 255). Впервые — ТП, 1759, июль, стр. 369.

Эпиграмма («Кто в чем когда-нибудь молвою возвышен. . .») (стр. 256). Впервые — ТП, 1759, июнь, стр. 369.

Эпиграмма («Пожалуй, не зови меня безверным боле. . .») (стр. 256). Впервые — ТП, 1759, июнь, стр. 369.

Эпиграмма («Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке. . .») (стр. 256). Впервые — ТП, 1759, июль, стр. 416. Направлена против Ломоносова.

Эпиграмма («Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. . .») (стр. 256). Впервые — ТП, 1759, июль, стр. 418. *Танцовщик.* Вероятно, речь идет о Тимофее Бубликове, одном из первых русских балетных актеров, который начал выступать во второй половине 1750-х годов. Богатые посетители театра выражали в XVIII в. свое удовольствие игрой актера бросанием на сцену кошельков, наполненных золотыми монетами. Актеры получали и значительные годовые оклады жалованья. *Профессор.* По-видимому, имеется в виду умерший к этому времени академик («профессор Академии») Степан Петрович Крашенинников (1713—1755), в судьбе детей которого Сумароков принимал именно в это время живое участие (см. комментарии к стихотворению «Цидулка к детям профессора Крашенинникова», стр. 562).

Эпиграмма («Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор. . .») (стр. 257). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 483. *Весь город* и т. д. Противопоставление «города» (Парижа) и двора характерно для французской поэзии XVII в. (см. в «Поэтическом искусстве» Буало: «Вы изучайте двор и город изучите», песнь 3, стих 387). *Когда подьячему в казну* — в кассу, в денежный ящик.

Неосновательное самолюбие (стр. 257). Впервые — ТП, 1759, октябрь, стр. 638—639. Это стихотворение является эпиграммой, по-видимому, на Ломоносова, хотя оно обращено к женщине. У Ломоносова есть раннее стихотворение-мадригал:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однака с ним судьба моя,
Хоть я не сам тоя причина:
Люблю Миртиллу, как себя.

Возможно, что в «Неосновательном самолюбии» ранее был всюду мужской род, но затем Сумароков для печати заменил его женским. Известным основанием для этого предложения является то, что последний стих эпиграммы выпадает из размера. Допустимо, однако, и другое предположение, что Сумароков использовал известную ему эпиграмму Ломоносова, чтобы осмеять какую-то даму. *То даром* — вышедшее из употребления выражение, означающее: «это не имеет значения».

Эпиграмма («На что стояти мне, как будто пред богами. . .») (стр. 257). Впервые — ПВ, 1760, март, 4, стр. 148.

Эпиграмма («По смерти Откупщик в подземную страну. . .») (стр. 257). Впервые — ПВ, 1760, 23 сентября, стр. 202. *Я множил цену там* — я повышал цену. Сумарокова очень интересовали причины повышения цен, в особенности на продукты (см. его статью «О всегдашней равности в продаже товаров» в ПСВС, ч. 9, стр. 316—318).

Эпиграмма («Окончится ль когда парнасское роптанье? . .») (стр. 258). Впервые, вероятно — при не сохранившемся в печатном виде «Уведомлении» (Семенников, стр. 116). Резолюция академической канцелярии о напечатании — 24 сентября 1774 г. (Семенников, стр. 116). Печ. по ПСВС, ч. 9, стр. 178. Эта эпиграмма является

одним из последних откликов Сумарокова на литературные злобы дня середины 1770-х годов. *Парнасское роптанье* — выступления против поэтики классицизма. *Во драме скаредной явилось «Воспитанье»*. Пьеса Д. В. Волкова «Воспитание» была напечатана в 1774 г. (см. комментарий к «Притче на несмысленных писцов», стр. 545). *Богини дыни жрут* — см. комментарий к притче «Парисов суд», стр. 545—546. *«Помпей»*. В 1775 г. зятем и племянником[1] Сумарокова драматургом Я. Б. Княжниным была переведена трагедия П. Корнеля «Смерть Помпея»; в нарушение правил классицизма, перевод был сделан белым стихом. К своей эпиграмме Сумароков сделал «Уведомление»: «Обещал я по требованию некоторого знатного господина и искусного в российском языке и во словесных науках человека сочинити трагедию без рифм. Сей род писания у нас с лучшим успехом, нежели у французов, быть может; но кто, не проникая, поверит тому, что сочиняти стихи без рифмы еще трудняе, нежели с рифмами? Рифмы, когда они хороши и непринужденны, суть подпора бедным рифмачам, хотя рифмы и лишнего труда стоят; а хорошим стихотворцам, ежели они притом и хорошие стопослагатели, рифмы труда мало приносят. Положенное вместо рифмы слово должно, не рифмуя, толико же сильно быти, сколько рифма; а это требует весьма искусного писателя. Жалко, что сей склад предваряется неискуснейшим писателем, ибо сия новость омерзение принесет. Великий невежа великому господину понравиться может, когда великий господин и сам великий невежа, но тщетно невежи великим господам сочинениями своими угодити стараются, когда сии господа достойны приносимой им почести и сана своего». *Знатный господин* — Г. А. Потемкин (см. комментарий к стихотворению «Двадцать две рифмы», стр. 567). *Предваряется неискуснейшим писателем* — Я. Б. Княжниным.

Эпиграмма («Хотя, Марназов, ты и грешен. . .») (стр. 258). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 133. *Марназов* — несомненно, придуманная фамилия; возможно, что здесь намеренная ошибка, вместо «Маркизов», и что последняя фамилия была прозвищем И. И. Шувалова (см. П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. Л., 1936, стр. 124 и 307). Печатая ПСВС при жизни И. И. Шувалова (1727—1797), Новиков, по-видимому, сознательно изменил «Маркизов» на «Марназов».

Эпиграмма («Грабители кричат: „Бранит он нас!"» (стр. 258). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 133. *Какой стихи укор?* — В ПСВС: упор, что, вероятно, опечатка.

Эпиграмма («Младенец молоко у матери сосет. . .») (стр. 258). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 357.

---

[1] «Мать Я. Б. Княжнина Александра Петровна Княжнина, урожденная Сумарокова, была сестрою А. П. Сумарокова» (см. П. В. Долгоруков. Русская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, стр. 444). Это указание не встречается в других источниках.

ЭПИТАФИИ

Эпитафия («На месте сем лежит презнатный дворянин...») (стр. 259). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 538. Возможно, что в третьем стихе вопросительный знак ненужен. Эта эпитафия построена по образцу римских, начинавшихся словами: «Hic jacet» («Здесь лежит»), и подражавших им французских («Ci — gît» — «здесь лежит»).

Эпитафия («Прохожий! Обща всем живущим часть моя...») (стр. 259). Впервые — ЕС, 1755, июнь, стр. 538. Эта эпитафия представляет перевод прозаической латинской средневековой надгробной надписи, широко популярной и включавшейся в элементарные учебники латинского языка. Многие античные эпитафии содержали обращение к «прохожему» (греческие — «Parodeita», латинские — «Viator»).

Эпитафия («Два брата здесь лежат: один во весь свой век...») (стр. 259). Впервые — ЕС, 1756, июнь, стр. 522.

Эпитафия («Под камнем сим лежит богатства собиратель...») (стр. 259). Впервые — С и П, 1758, июнь, стр. 559.

Эпитафия («Мужик не позабудет...») (стр. 260). Впервые — ТП, 1759, сентябрь, стр. 576. В ПСВС помещена в разделе «Эпиграммы» (ч. 9, стр. 132). *Как кушал толокно*. Толоконная каша являлась наиболее распространенной пищей демократических слоев в XVIII в. *За красное сукно* — т. е. когда станет важным чиновником (красным сукном покрывались столы в присутственных местах).

Эпитафия («На месте сем лежит безмерно муж велик...») (стр. 260). Впервые — ПВ, 1760, 23 сентября, стр. 202.

Эпитафия («Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер...») (стр. 260). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 148. Обращена против Ломоносова, издавшего в 1761 г. две первые песни своей эпической поэмы «Петр Великий». Известна другая редакция этой «Эпитафии» (см. раздел «Другие редакции», стр. 509). *Не знав галиматии мер* — не зная предела в своем плетении галиматьи. *Прохожий! Возгласи к душе им пета мужа* — к душе воспетого им мужа, Петра I.

Эпитафия («Подьячий здесь зарыт, нашел который клад...») (стр. 260). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 148.

ПЕСНИ

Благополучны дни (стр. 261). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 173—174. Г. А. Гуковский считал эту песню масонской и относил ее ко времени после 1756 г. (к этой дате относится документ об участии Сумарокова в петербургской масонской организации). Б. Федоров, автор статьи о Сумарокове в «Русском биографическом словаре» (том «Суворова — Ткачев», СПб., 1912, стр. 152), высказал предположение, что эта песня относится к корпусному периоду жизни

поэта, т. е. к 1730-м годам, когда он участвовал в дружеском литературном кружке. Последнее предположение кажется нам более правильным: песня эта написана силлабическим, а не силлабо-тоническим размером, к которому Сумароков обратился после 1740—1741 гг.; последнее четверостишие говорит о том, что участники дружеского кружка, после того как пойдут «из пира», «приобщая мира Сладости дар себе», станут подданными любви. Если бы слово «пир» обозначало масонскую обрядность, Сумароков не мог бы противопоставлять последний «дар сладости мира» (хотя у Новикова напечатано «мир» не через «и» с точкой, т. е. не в значении «свет, вселенная», а в значении «тишина, покой», из контекста явствует, что речь идет о жизненных радостях, в том числе и о любви). Наконец, некоторым, хотя и не особенно надежным аргументом в пользу того, что эта песня принадлежит к числу ранних произведений Сумарокова, может служить то, что она помещена в ПСВС на первом месте среди песен поэта. Г. А. Гуковский высказал предположение, что в тех случаях, когда в ПСВС на шмуцтитулах идет название определенного жанра и следует фамилия Сумарокова (как, например, здесь: «Песни и хоры Александра Сумарокова»). то это значит, что у Новикова были в распоряжении подготовленные поэтом к печати рукописные сборники. Исходя из сказанного, мы считаем эту песню самым ранним из дошедших до нас произведений Сумарокова.

«О места, места драгие!..» (стр. 262). Впервые — Чулков, ч. 1, стр. 80—82. Эта песня упоминается в комедии Сумарокова «Тресотиниус» (1750, январь) как широко известное произведение. Поэтому ее следует датировать 1740-ми годами.

«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...» (стр. 264). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 253. Эта песня имеется в рукописном сборнике 1755 г. из собрания И. А. Вахрамеева (№ 14).

«Уже восходит солнце, стада идут в луга...» (стр. 264). Впервые — Чулков, ч. 1, стр. 93—94. Эта песня находится в рукописном сборнике 1755 г. из собрания И. А. Вахрамеева (№ 18).

«Негде, в маленьком леску...» (стр. 265). Впервые — Чулков, ч. 1, стр. 85—86. Эта песня находится в рукописном сборнике 1755 г. из собрания И. А. Вахрамеева (№ 2). *Негде* — где-то.

«Сокрылись те часы, как ты меня искала...» (стр. 266). Впервые — Теплов, стр. 23—24, и ТП, 1759, ноябрь, стр. 679—680.

«Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» (стр. 267). Впервые — Теплов, стр. 35—36, и ТП, 1759, ноябрь, стр. 685—686.

Песня («Ты сердце полонила...») (стр. 268). Впервые — ПВ, 1760, 26 августа, стр. 140—141.

Песенка («Савушка грешен...») (стр. 268). Впервые — ПВ, 1760, 28 октября, стр. 275. Эта песенка, как и стихотворение «Вывес-

ка» («В сем доме жительство имеет писарь Сава...»), написана на какое-то определенное лицо, по-видимому на крупного петербургского чиновника, имевшего в 1750-х годах (или ранее) дом с большим садом («вертоградом») и прудом. Возможно, что это лицо постигли какие-то неудачи, было «повешено», как говорит Сумароков, хотя ни о каких смертных казнях при Елизавете сведений не имеется. Если допустить, что эта «Песенка» и «Вывеска» относятся к более раннему времени, можно предположить, что речь идет о Г. И. Скорнякове-Писареве. См. комментарий к стихотворению «Вывеска», стр. 563.

«Где ни гуляю, ни хожу...» (стр. 269). Впервые — Чулков, ч. 1, стр. 127—128, № 100. Эта песня написана не позднее 1765 г., так как известный нам текст ее находится в рукописном сборнике «Российской академии разными штудентами сочиненные песни виршами, списанные в Ярославле в 1765 году» (А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву», вып. 2. М., 1892, стр. 355, № 75).

«О ты, крепкий Бендер-град...» (стр. 270). Впервые — Чулков, ч. 3, стр. 96—97. Первоклассная турецкая крепость Бендеры была взята русскими войсками под руководством гр. П. И. Панина 16 сентября 1770 г. *Дал Петру свой ум и мужество* — П. И. Панину. *И устами самодержицы* — Екатерины II. *Лавры* — в античной и позднейшей мифологии аллегория славы. *Кипарисы* — в античной мифологии аллегория печали (юноша Кипарис погиб от печали, поразившей его после того, как он нечаянно убил своего любимого оленя). *Наступил уже решенья час* — в ПСВС, ч. 8, стр. 204, «решенья день». *Скрылось солнце в море бурное.* Бендеры находятся на Днестре, не меньше, чем в 120 километрах от Черного моря. *Войска двинулись* в ПСВС, ч. 8, стр. 205, «Войско двигнулось». *Загремели громы страшные.* Этот стих отсутствует у Чулкова, несомненно, по ошибке (см. след. строчку); он восстановлен по ПСВС. *Разгораются все здания.* Этот стих исправлен по ПСВС; у Чулкова: Разгорается все здание.

«Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой...» (стр. 271). Впервые — Чулков, ч. 1, стр. 139. А. П. Болдырева отмечает «плясовой ритм (шестистопный хорей с цезурой)» этой песни (см. А. П. Болдырева. Народная песня в поэзии Сумарокова. Наукові записки Ніжинського державного педагогічного інституту ім. М. В. Гоголя, т. 1, Чернігів, 1940, стр. 184). Нам кажется, что здесь не шестистопный хорей с цезурой, а трехстопный пэон 3-й.

«В роще девки гуляли...» (стр. 272). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 185—186.

«Не гордитесь, красны девки...» (стр. 273). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 229. Предпоследний стих неточен: в нем не хватает одного слога. Возможно, это опечатка, а в оригинале было: «Много девушек есть красных» или: «Много девок есть прекрасных».

«Лжи на свете нет меры...» (стр. 274). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 299. *Крючок* — крючкотворец, законник, вообще чи-

новник, знающий, как «пригибать» (использовать в своих интересах) указы. *Кащей* — по-видимому, не «условное имя скупца, ростовщика, темного дельца», как предполагал Г. А. Гуковский, а зять Сумарокова А. И. Бутурлин, которого поэт всегда выводил под именем Кащея. Так как Бутурлин умер 28 апреля 1775 г., эту песню можно датировать до 1775 г.

«Всего на свете боле...» (стр. 274). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 341—342. Н. И. Новиков поместил это произведение в раздел «Театральные песни». По-видимому, это перевод популярной песни из какой-то французской комической оперы.

«Если девушки метрессы...» (стр. 275). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 345—346 (в разделе «Песни театральные»). По-видимому, перевод популярных куплетов какой-то французской комической оперы. *Метресса* — госпожа, владычица; переносно — любовница. *Тигрессы* — вместо тигрицы. *Мурины* — мавры, чернокожие.

«Трепещет и рвется...» (стр. 275). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 352 (в разделе «Песни театральные»). Шесть предшествующих песен имеют обозначения лиц, которые их поют, чаще всего встречается имя «Лаодика». Настоящая песня исполнялась персонажем по имени Дорис. По-видимому, это арии из какой-то оперы.

ХОРЫ

Хор сатир (стр. 276). Впервые — в брошюре «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 г., января дня. Печатано при императорском Московском университете», стр. 19 (ненум.). В 1763 г., во время коронационных торжеств по случаю вступления на престол Екатерины II, на улицах Москвы был устроен публичный маскарад «Торжествующая Минерва», состоявшийся 28, 30 января и 1—2 февраля. Как установил Г. А. Гуковский, «маскарад «Торжествующая Минерва» является острым и злободневным политическим выступлением», которое отражало чаяния, требования и надежды определенной группы дворян, «активно участвовавшей в июньском перевороте 1762 г., усиленно добивавшейся в начале царствования Екатерины II реализации своей программы, но так и не добившейся ее... В программу партии входила, между прочим, борьба с капиталистами-откупщиками, с бюрократией, с фаворитизмом и властью вельмож-дельцов; затем — ограничение крепостного права при обязательном сохранении его как основного института, базирующего весь государственный строй; наконец, — ограничение деспотии «фундаментальными законами»... Маскарад в целом был построен в духе идеологии данной дворянской группы; в нем были и прямые политические намеки (на Петра III и др.)». (Гр. Гуковский. О «Хоре к превратному свету». — Сб. «XVIII век». Под редакцией акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 203—204.) Брошюра «Торжествующая Минерва» состоит из описания маскарада, «изобретенного и распоряженного» актером Ф. Г. Волковым, стихов, написанных М. М. Херасковым на данный случай, и «хоров», приготовленных А. П. Сумароковым и исполнявшихся группами соот-

ветственно одетых и загримированных актеров. «Хор сатир» пели актеры, наряженные сатирами. *В сырны дни* — на масленой неделе, на масленицу. *Шаль* — шальные, безумные люди.

Хор пьяниц (стр. 276). Впервые — там же, стр. 19—20 (ненум). *Двоеная водка* — водка, дважды перегнанная. *Вирь, дон* — слова-припевы в старинных песнях.

Хор к обману (стр. 277). Впервые — там же, стр. 20 (ненум.).

Хор невежества (стр. 277). Впервые — там же, стр. 20—21 (ненум.).

Хор ко мздоимству (стр. 278). Впервые — там же, стр. 21—22 (ненум.). *Земский* — писарь при мелком начальнике, в данном случае — при старосте. *Ременный жгут* — ременной кнут, которым секли в XVIII в. преступников.

Хор ко превратному свету (стр. 278). Впервые — там же, стр. 22 (ненум.). По мнению Г. А. Гуковского, данный краткий хор был написан Сумароковым после того, как был запрещен цензурой более подробный хор, опубликованный позднее Новиковым в ПСВС, ч. 7, стр. 339—342, под названием «Другой хор ко превратному свету» (см. наст. изд., стр. 279). «Смысл этого краткого хора таков: мне запретили говорить правду, что ж, я буду все же кричать об этом запрете и тем заявлю свой протест. Выразительный припев печатного хора

За морем, хам, хам, хам, хам,
Хам, хам, хам, хам
и т. д.

есть подчеркнутая замена звучащими точками не пропущенного цензурой варианта (в нем та же конструкция:

За морем — то-то и то-то,
За морем — то-то и то-то
и т. д.)»

(Гр. Гуковский. О «Хоре к превратному свету». — Сб. «XVIII век». М.—Л., 1935, стр. 204).

Другой хор ко превратному свету (стр. 279). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 359—361. Н. И. Новиков поместил в ПСВС «Хоры к большому маскараду, бывшему в Москве в 1763 годе» (ч. 8, стр. 335—344). Среди этих «хоров» находится и «Другой хор ко превратному свету», отсутствующий в брошюре «Торжествующая Минерва». В литературе высказывалось мнение, что этот «Другой хор» принадлежит не А. П. Сумарокову, а Ф. Г. Волкову (см. статью П. Н. Беркова в сб. «XVIII век», Л., 1935; ср. там же статью Г. А. Гуковского, оспаривавшего эту точку зрения). Вопрос о бесспорной принадлежности этого произведения Сумарокову не может считаться окончательно решенным. При Николае I это стихотворение пе-

читалось с опущением строк, относящихся к «добронравным Сократам». *Сократы добронравны* — вероятно, имеются в виду учителя нравственности, т. е. духовные лица (см. след. два стиха). *Каковых мы здесь <не> видаем.* В ПСВС без «не». Стих исправлен по публикации в журнале «Русский вестник», 1842, т. 5, № 1, стр. 27. *«Завтрем» там истца не питают* — словами «приди завтра». *Дьячи закрепы* — скрепительные подписи чиновников.

Хор ко гордости (стр. 281). Впервые — «Торжествующая Минерва», стр. 22—23 (ненум.). *Шерин да берин* и т. д. — подобные «заумные слова» в близкой редакции встречались в экстатических песнях русских сектантов-мистиков.

Хор игроков (стр. 282). Впервые — там же, стр. 23 (ненум.). *Вины, жлуди* — старинные названия карточных мастей — пики, трефы.

Хор ко златому веку (стр. 282). Впервые — там же, стр. 23 (ненум.). Уподобление Екатерины II богине справедливости Астрее, столь часто встречавшееся в официальной поэзии последней трети XVIII в., находится здесь впервые.

Хор к Парнасу (стр. 282). Впервые — там же, стр. 24 (ненум.).

Хор к Минерве (стр. 283). Впервые — там же, стр. 24 (ненум). *Ликовствуйте* — ликуйте. *Затворила Яна храм* — храм бога Януса стоял открытым во время войны. Здесь — намек на то, что Екатерина прекратила начатую ее предшественником Петром III подготовку войны с Данией. *Раствори врата* и т. д. В этих словах Сумароков выражает надежду на развитие в России наук, покровительницей которых считалась у римлян богиня Минерва, у греков — Паллада.

ПАРОДИИ

«Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей! ..» (стр. 284). Впервые — ПСВС, ч. 5, стр. 338—339. Песня включена в текст комедии «Тресотиниус» (написана 12—13 января 1750), высмеивающей Тредиаковского, и представляет пародию на любовные стихотворения последнего. Текст неточен (ср. указания на наличие «более исправного» текста в статье Н. Н. Виноградова «Историко-литературные и этнографические заметки, III». — Известия Отделения русского языка и словесности, 1917, кн. 2, стр. 33—34). Нами сделаны некоторые конъектуры. *Спесиха слатенька* — сладостная гордячка. *О, увы, моих злых бед!* — старинный родительный падеж восклицательный — о мои злые беды!

«О приятное приятство! ..» (стр. 284). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 189—190. Пародия на Тредиаковского. По характеру напоминает предшествующую пародию, и поэтому ее можно отнести к началу 1750-х годов. Не исключена возможность, что эта «песня» была предназначена для «Тресотиниуса».

Сонет, нарочито сочиненный дурным складом (стр. 285). Впервые — ЕС, 1755, август, стр. 191. Примечание Сумарокова: «Для показания, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении все то сочинителю никакого плода, кроме посмешества, не принесет».

Дифирамв («Позволь, великий Бахус, нынь. . .») (стр. 286). Впервые — ТП, 1759, октябрь, стр. 635—637. Эта пародия, направленная против Ломоносова, с одной стороны, высмеивает стилистические особенности од последнего, с другой — касается пристрастия Ломоносова к спиртным напиткам. «Дифирамв» написан белым стихом. *Нынь* — краткая форма наречия «ныне» часто употреблялась Ломоносовым в стихах. Сумароков неоднократно использует это слово в своих пародиях на Ломоносова. *Вечный лед.* Высмеивается выражение, употребленное Ломоносовым в оде 1747 г. К этому выражению Сумароков возвращается несколько раз в своих «Одах вздорных». Ср. в «Оде вздорной III»: «О вечный лед, моя ты слава! Ты мне всего миляй, мой свет!» *Кола* — Кольский полуостров. *Богини, кою Актеон* и т. д. Братом Дианы (Артемиды), сыном Латоны и возлюбленным нимфы Дафны считался Аполлон. *Семелеин сын* — Дионис.

Ода вздорная I («Превыше звезд, луны и солнца. . .») (стр. 287). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 229—231. «Оды вздорные» были написаны Сумароковым в 1750-х годах. Они были направлены против Ломоносова, и последний, когда автор сделал попытку напечатать их (в «Ежемесячных сочинениях» ли или в «Трудолюбивой пчеле», сказать трудно [1]), добился распоряжения президента Академии наук гр. К. Г. Разумовского их не печатать: в недатированной записочке он писал: «Его сиятельство Вздорных од вносить (помещать в журнале) не приказал, что велеть исполнить Барсову» (П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, стр. 653). Ода вздорная написана белым стихом. «*Сатурнов сын* — Посейдон. *Фебанские стены* — стены города Фивы, сами Фивы. *На мразных северных брегах* — на морозных северных берегах, т. е. в Петербурге. *Мусией, бисером и златом.* Ломоносов много занимался созданием русской мозаики (мусии) и бисера (мелких зернышек окрашенного стекла).

Ода вздорная II («Гром, молнии и вечны льдины. . .») (стр. 289). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 232—233. См. комментарий к предшествующей «Оде вздорной I». В отличие от предшествующих пародий, эта «Ода вздорная» написана рифмованными стихами. *Эфес* — город в Малой Азии в древние времена. *Дамаск* — древний город в Сирии, ныне столица Сирийской республики. *Персеполь* — столица древней Персии, разрушенная Александром Македонским в 330 г. до н. э. *Пико* — см. комментарий к «Оде <. . .> на взятие Хотина и покорение Молдавии» (стр. 522).

---

[1] Г. А. Гуковский, вслед за П. П. Пекарским, относит записку Ломоносова (см. ниже) к журналу «Трудолюбивая пчела», т. е. к 1759 г. (изд. 1935 г., стр. 460). Едва ли для этого есть достаточные основания.

Ода вздорная III («Среди зимы, в часы мороза...») (стр. 290). Впервые — ПСВС, ч. 2, стр. 234—237. См. комментарий к «Оде вздорной I». Как и «Ода вздорная II», настоящая «Ода» написана рифмованными стихами. *Крылатый конь* — Пегас. *В эфире лед вечный синь.* Стих этот либо испорчен при публикации стихотворения, либо сознательно написан Сумароковым без соблюдения размера. Смысл стиха: вечный лед в воздухе (эфире) представляется синим («синь» — неупотребительная краткая форма прилагательного «синий»). *О Бахус, та ль награда мне?* — см. ниже комментарий к «Дифирамву», стр. 560. *Италйя — Индйя.* Сумароков высмеивает рифмы Ломоносова «Россия» — «Индйя» (в «Оде 1747 года»). Ломоносов в ряде случаев применял усвоенное им в Славяно-греко-латинской академии греческое ударение в географических названиях на — «ия» (подобных «Россия»), а Сумароков пользовался латинским, употребляемым нами сейчас во всех случаях, кроме «Россия». *Кастильски воды* — см. комментарий к притче «Обезьяна-стихотворец», стр. 543.

Дифирамв Пегасу («Мой дух, коль хочешь быти славен...») (стр. 292). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием (СПб., 1766). Расписка Сумарокова в «Делах Академии наук» в получении отпечатанного «Дифирамва» датирована 19 декабря 1766 г. (Семенников, стр. 110). «Дифирамв Пегасу» представляет пародию на стилистическую манеру Ломоносова и В. П. Петрова, «Ода на карусель» которого появилась в том же 1766 г. (сама «рыцарская карусель», послужившая поводом к оде Петрова, открылась 18 июля 1766 г.). Сумароков видел в Петрове простого подражателя Ломоносову и поэтому в «Дифирамве Пегасу», наряду с отдельными насмешками над Петровым, пародировал (отчасти используя приемы ненапечатанных «Од вздорных») главным образом одическую поэзию Ломоносова, к этому времени уже умершего. *Атлант* — здесь: Атлантический океан. *Пегас летит, как Вещий Бурка.* Фольклорный образ «сивки-бурки, вещей каурки» здесь впервые встречается в русской поэзии. Как раз в 1766 г. появилась «Древняя российская история» Ломоносова, в предисловии к которой высказывалась мысль о том, что «всяк увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных». Очевидно, в связи с этим Сумароков иронически приравнивает Пегаса вещей бурке. *Дивится хинец* — китаец. *Вознесся к дну морских я вод* и т. д. — пародическое сочетание противоположных по смыслу понятий. *Никоему коню не вместны* — не подходящие никакому коню.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому («Дмитревский, что я зрел! Колико я смущался...») (стр. 295). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 226. Возможно, это стихотворение было написано по поводу первого публичного спектакля Российского театра 5 февраля 1757 г., когда шла трагедия Сумарокова «Синав и Трувор». Об ударении в фамилии «Дмитревский» см. комментарий к элегии «К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова», стр. 532. *Да, зрителя тронув, в нем сердце воспалить* — чтобы, растрогав зрителя, зажечь в нем сердце.

Апреля первое число (стр. 295). Впервые — ТП, 1759, май, стр. 310. Это стихотворение было потом включено Новиковым в «Притчи» Сумарокова (ПСВС, ч. 7, стр. 315 — 316), а также напечатано в разделе «Разные мелкие стихотворения» (ПСВС, ч. 9, стр. 150—151).

Справка («Запрос. Потребна в протокол порядочная справка. . .») (стр. 296). Впервые — ТП, 1759, июнь, стр. 384. Сатирическая «Справка» пародирует стиль канцелярских документов той эпохи («потребна», «имеет быть», «понеже», «помянутой»). Поэтому здесь мы в большей мере сохранили орфографию и пунктуацию подлинника, чем в остальных текстах.

Море и вечность (стр. 296). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 481.

Слава (стр. 297). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 481.

Недостаток изображения (стр. 297). Впервые — ТП, август, стр. 482. Возможно, это одно из первых в русской поэзии стихотворений о «муках слова».

Расставание с музами (стр. 297). Впервые — ТП, 1759, декабрь, стр. 768. Этим стихотворением заключался последний номер журнала «Трудолюбивая пчела», в котором Сумароков вел упорную борьбу с правительством Елизаветы. *Схожу противу воли.* Журнал был закрыт за сатирические нападки Сумарокова на придворную клику Елизаветы.

Стихи г. хирургу Вульфу (стр. 298). Впервые — ПВ, 1760, 19 августа, стр. 26. Данное стихотворение и предшествовавшая ему элегия «В болезни страждешь ты. В моем нет сердце мочи. . .» были напечатаны под общим заголовком «Элегия и стихи Сухопутного корпуса хирургу г. Вульфу». Сведений об этом Вульфе нам отыскать не удалось.

Цидулка к детям покойного профессора Крашенинникова (стр. 298). Впервые — ПВ, 1760, 26 августа, стр. 141. У акад. С. П. Крашенинникова (см. комментарий к эпиграмме «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. . .») было шестеро детей, [1] сильно бедствовавших после смерти отца. Чтобы обратить внимание правительства на их положение, Сумароков написал эту стихотворную «Цидулку» (записку, письмецо) и поместил в журнале. Позднее в комедии «Опекун» (1764) он снова напомнил о детях Крашенинникова (явл. 4). *По гербу вы бы рцы с большим писали крюком.* Документы в XVIII—XIX вв. писались на гербовой бумаге. «Рцы» — славянское название буквы «р», которую подьячие писали с особым росчерком. Буква «р» означала — «решено». Вот что писал

[1] В комментарии к этому произведению в «Стихотворениях» А. П. Сумарокова (Л., 1953, стр. 327) у меня ошибочно указано «двое детей» вместо шестеро.

сам Сумароков об этом: «Подьячие литер никогда равно не ставят, но всегда крючками. От сего литера Р с большим ставится крюком и в подьяческих названиях так употребляется, да и названия их без сея литеры не бывают, ибо это их герб» («Письмо о некоторой заразительной болезни». ПСВС, ч. 6, стр. 357).

Сон («Как будто наяву...») (стр. 298). Впервые — ПВ, 1760, 23 сентября, стр. 201. В данном «листе» ПВ, помимо «Сна», была напечатана эпиграмма «По смерти Откупщик в подземную страну» и эпитафия «На месте сем лежит безмерно муж велик...» Все они объединены темой об откупщике. По-видимому, они направлены против какого-то одного лица. Не находится ли в связи с этим то обстоятельство, что в ряде комплектов ПВ за 1760 г. (в ИРЛИ и в двух известных нам частных коллекциях) «лист» от 23 сентября отсутствует? Возможно, что этот «лист» был изъят или зачитан. *Альхимист* — алхимик. Алхимики искали «философский камень», который якобы обращает все соприкасающиеся с ним предметы в золото. Посадский же, т. е. откупщик, хотел превратить воду, взятую им на откуп, в золото.

Вывеска («В сем доме жительство имеет писарь Сава...») (стр. 299). Впервые — ПВ, 1760, 28 октября, стр. 275—276. В журнале первый стих напечатан так: «В сем доме жительство имеет, Писарь, Сава». При всей причудливости сумароковской пунктуации можно заметить, что запятыми он обычно выделял внутри стиха те слова, на которые хотел обратить особое внимание читателя. Наличие в данном случае запятых и то обстоятельство, что слово «писарь» напечатано с прописной буквы, заставляют предположить, что Сумарокову важно было обратить внимание на это слово. Может быть, речь идет о возвращенном в 1745 г. и восстановленном в чинах и в имущественных правах деятеле времени Петра и Анны Иоанновны Г. Г. Скорнякове-Писареве, человеке, оставившем по себе дурную славу; тогда эту эпиграмму надо отнести к более раннему времени, а напечатание ее в 1760 г., возможно, связано с тем, что к этому времени Скорняков-Писарев умер (в научной литературе даты рождения и смерти Скорнякова-Писарева неизвестны). См. комментарий к «Песенке» («Савушка грешен»), стр. 555—556.

Ермолка (стр. 299). Впервые — ПВ, 1760, 18 ноября, стр. 320. Вероятно, это эпиграмма на какое-то сановное лицо, совершившее растрату, но прощенное. «Ермолка» может рассматриваться и как прозвище данного лица, носящего ермолку, и как уменьшительное от имени Ермолай или фамилии Ермолаев, Ермолин, Ермолов.

От автора трагедии «Синава и Трувора» Татиане Михайловне Троепольской, актрисе Российского императорского театра на представление Ильмены ноября 16 дня 1766 года (стр. 300). Впервые — отдельно под таким же заглавием (Семенников, стр. 110). Это стихотворение написано трехстишиями. *Троепольская* см. стр. 533. *Дмитревский* — см. примечание к элегии «К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова», стр. 532. *Красы котурна* — см. там же, стр. 532.

Барон Мишель (1609—1673) — крупный французский актер. *Лекуврера* — *см.* примечание к мадригалу «Любовны Прóкрисы представившая узы. . .», стр. 536.

Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну, сыну князя Михайла Васильевича (стр. 300). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 231—234. К последнему стиху «Письма» есть примечание Новикова: «Окончания сего письма между бумагами не отыскано». По содержанию стихотворение может быть отнесено к московскому периоду жизни поэта, т. е. после 1769 г. *Сыну князя Михайла Васильевича.* В то время в Петербурге в придворный круг входили два А. М. Голицына, оба — князья, оба — сенаторы, оба — члены учрежденного при дворе Совета; один из них был генерал-фельдмаршал (см. примечание к сатире «О благородстве», стр. 189), другой (адресат сумароковского письма) — обер-камергер. Их отличали по отцам (первый был сын Михаила Михайловича Голицына, генерал-адмирала при Петре I; этот Голицын был сверстником Сумарокова). *Улика замерзела* — ложные показания. *Закон тот празен* — излишен. *О вы, которые* и т. д. Возможно, что как предыдущие, так особенно эти и следующие строки обращены против В. П. Петрова, оды которого были особенно «надуты пухлостью». *И ею во сердцах* — любовью. *Пригодно всё ему Парнас* — все может сойти у него за Парнас. *Противу тому* — напротив, наоборот.

Стихи («Всегда болван — болван, в каком бы ни был чине. . .») (стр. 303). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 214. *Хоть холя филину осанки придает* и т. д. Возможно, что эти стихи имеют в виду поэта В. П. Петрова, которого после его «Стихов на карусель» (1766) особенно старалась выдвинуть в противовес Сумарокову Екатерина II. *Фортуна часто змей в великий чин возводит.* Кого имеет в виду под змеем Сумароков, сказать трудно.

Жалоба («Мне прежде, музы, вы стихи в уста влагали. . .») (стр. 303). Впервые— ПСВС, ч. 9, стр. 236. По содержанию может быть отнесено к началу 1770-х годов.

Жалоба («Во Франции сперва стихи писал мошейник. . .») (стр. 303). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 237. Со времени переезда в Москву Сумароков постоянно нуждался и неоднократно просил Екатерину о выдаче ему пенсии вперед. Возможно, эта «Жалоба», как и ее более ранний вариант, притча «Первый пиит» (ПСВС, ч. 7, стр. 329), была написана в этот период. *Во Франции сперва.* Речь идет о замечательном поэте Франсуа Вийоне (род. ок. 1431). *И заслужил себе <. . .> ошейник* — т. е. петлю, был приговорен к повешению,

Письмо ко приятелю в Москву (стр. 304). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием (листок, без обозначения места и года). Резолюция Академической комиссии о напечатании — 8 января 1774 г. (Семенников, стр. 115). Печ. по ПСВС, ч. 9, стр. 175—176. О жанре стихотворения см. комментарий к стихотворению «На стрельцов», стр. 586. *Поднесь* — до сих пор. *По окончании его незлобна века* — см. комментарий к стихотворению «Ко Степану Федоровичу Ушакову», стр. 533. *Владеет домом сим его лю-*

безный брат. Ввиду бездетности А. Г. Разумовского все его имущество по указу Екатерины II перешло к его брату, К. Г. Разумовскому, в том числе и Аничков дворец, в котором жил в это время Сумароков и который поэт и описывает. *Живет почтенна госпожа* и т. д. Очевидно, речь идет о какой-то женщине украинского происхождения, предками которой были В. Л. Кочубей и И. И. Искра. Однако в генеалогической литературе среди потомков указанных лиц не удалось найти эту «почтенну госпожу». *В котором жительство имеет сенатóр.* Вероятно, речь идет об А. В. Олсуфьеве (1721—1784), сенаторе, в прошлом соученике Сумарокова по кадетскому корпусу. Олсуфьев, как указывают его биографы, «посвящал свои досуги музыке, театру, литературе» («Русский биографический словарь», том «Обезьянинов — Очкин», СПб., 1905, стр. 284). Сын Олсуфьева — вероятно, Дмитрий; дочери — Мария (1757—1820), Наталья (1758—1826). Впрочем, может быть, имеется в виду и Г. Н. Теплов (1711—1779), также сенатор и любитель искусства; о сыне его, как очень способном скрипаче, и дочерях-певицах упоминает Я. Штелин в «Музыке и балете в России XVIII века» (Л., 1935, стр. 139). Дома Олсуфьева и Теплова находились на Фонтанке, у самого Аничкова моста («Санктпетербургские ведомости», 1772, 17 февраля; «Sanktpetersburgische Zeitung», 1768, 4 апреля).

Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой (стр. 305). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием (листок без обозначения года). В рукописных журналах Академической комиссии за 1774 г. под 6 июня это издание указано как уже напечатанное (Семенников, стр. 115). *Нелидова* Екатерина Ивановна (1756—1832) — одна из лучших воспитанниц Смольного монастыря, впоследствии была близка к Павлу I. *Барщова* (Борщова) Наталья — одна из воспитанниц Смольного монастыря. *Девицы* — воспитанницы Смольного монастыря. *Парнасским пением доволя нежны слухи.* Воспитанницы Смольного монастыря ставили на своей школьной сцене французские и русские пьесы. *Не маня* — не обманывая, не льстя. *Привычка вас в игре толико вознесла.* Спектакли в Смольном начались с 1771 г. *И прилепившимся к геройским драмам слезным.* Здесь Сумароков противопоставляет ненавидимым им «пакостным» «жалостным драмам» «геройские драмы слезные», т. е. трагедии. *Играющим в трагедии моей* и т. д. На масленой неделе 1772 г. смолянки играли трагедию Сумарокова «Семира». Сумароков был в это время в Москве. *Рубановская* Елизавета Васильевна (1757—1797) — одна из лучших воспитанниц Смольного монастыря, впоследствии жена А. Н. Радищева. *Алексеева, Молчанова, Львова, Алымова, Арсеньева, Левшина* — воспитанницы Смольного монастыря. *Лафон* — первая директриса Смольного института. *Бецкий* Иван Иванович (1704—1795) — видный государственный деятель; по его идее был основан Смольный институт (учебное заведение при Смольном монастыре). *Арсеньева, цветя, век старый избирает.* Цветущая Арсеньева играет роль старухи. *И дщерям Талии, и дщерям Мельпомены* — и тем, кто играл в комедии, и тем, кто играл трагедии. *Под видом Левшиной Заира умирает.* В 1771 г. смолянки ставили одну из лучших трагедий Вольтера «Заира». *Лафонша* — так в Петербурге называли мадам Лафон.

Стихи Дюку Браганцы (стр. 307). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием (листок, без обозначения места и года). Резолюция Академической комиссии о напечатании — 24 сентября 1774 г. (Семенников, стр. 116). Печ. по ПСВС, ч. 9, стр. 190—191. Браганца, дюк (Дон Хоан) (1719—1806) — португальский политический деятель, основатель лиссабонской Академии наук; посетил Россию в 1774 г. О его приезде см. «Камер-фурьерский журнал за 1774 год», стр. 453 и 486. Это стихотворение написано Сумароковым не только для того, чтобы проявить внимание к приезжему гостю, известному своей образованностью португальскому принцу, но и для того, чтобы выступить против модной тогда «климатологической» теории происхождения гениальных художников, к которым причислял себя наш поэт. *Где Вильманштранд* — город в Финляндии к югу от озера Сайма; нынешнее название — Лаппеенранта. *Голицын* Михаил Михайлович (1674—1730) — крупный военный деятель; завоевал Финляндию в 1712—1721 гг. *И сверх того во мразы* — Сумароков родился 14 ноября 1717 г. *Над Бельтскими реками* — над реками, которые впадают в Балтийское море, т. е. в Петербурге.

Стихи на Пугачева (стр. 308). Впервые — отдельным изданием (листовка. СПб., 1774; см. Семенников, стр. 117). Возможно, что это стихотворение представляет вторую редакцию «Оды на Пугачева», отличающейся от «Стихов» тем, что в ней отсутствуют стихи 11—12 и стих 13 читается «Отбросил ты, разбойник, меч». Резолюция Академической комиссии о напечатании — 3 октября 1774 г. (Семенников, там же). *Но днесь отбросил ты свой меч.* Донесение Панина об аресте Пугачева прибыло в Петербург 1 октября 1774 г.

На стрельцов (стр. 309). Впервые — отдельным изданием под указанным заглавием (листок, без обозначения места и года). Резолюция Академической комиссии о напечатании — 3 октября 1774 г. (Семенников, стр. 117). Во время своего последнего пребывания в Петербурге в 1774 г. Сумароков писал очень много и разнообразно проявлял свое мастерство, сочиняя, между прочим, и такие стихотворения, как «На стрельцов» и «Письмо ко приятелю в Москву». В них Сумароков делал опыты создания на русском языке стихотворений, в которых точные фактические данные заменяются их описаниями и читателю необходимо решать заключенные в этих произведениях загадки. [1] Однако «загадка» «На стрельцов» была настолько сложна, что Сумароков принужден был сопроводить ее прозаическим комментарием. Стихотворение «На стрельцов» связано с интересом Сумарокова к политическим движениям в России в XVII в. («Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве 1682 года, в месяце маие». СПб., 1768; «Вторый стрелецкий бунт» — ПСВС, ч. 6, стр. 203—212; «Сокращенная повесть о Стеньке Разине». СПб., 1774, и др.)

---

[1] Жанру «загадки» Сумароков вообще уделял внимание и в разное время написал и напечатал довольно много «загадок» (см. ПСВС, ч. 9, стр. 147—149 и 318, где вторично напечатано: «Загадка № 10»).

Двадцать две рифмы (стр. 310). Впервые — отдельным изданием под заглавием «Двадцать две рифмы и песня, подраженная Горацию» (СПб., без обозначения года). Резолюция Академической комиссии о напечатании — 3 октября 1774 г. В 1774 г. Г. А. Потемкин стал новым и наиболее влиятельным фаворитом Екатерины. Занятый важными внешними (война с Турцией, отношения с европейскими государствами) и внутренними (борьба с Пугачевым) делами, Потемкин находил время и для проявления интереса к литературе. К августу — сентябрю 1774 г. относятся его беседы с Сумароковым о русской литературе (см. «Оду Григорью Александровичу Потемкину», стр. 79). Потемкин предложил Сумарокову написать трагедию без рифм (см. «Уведомление» Сумарокова в комментариях к эпиграмме «Окончится ль когда парнасское роптанье...» и письмо Сумарокова к Потемкину от 10 июля 1775 г. — «Литературная газета», 1830, 16 мая, № 28, стр. 223—224). К этому же времени относится стихотворение «Двадцать две рифмы», написанное Сумароковым в доказательство того, что рифма имеет положительное эстетическое значение. Сам Сумароков писал некоторые произведения белыми стихами («Ода Григорью Александровичу Потемкину», «Ода государыне императрице Екатерине Второй на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года», некоторые переводы и псалмы).

Стихи графу Петру Александровичу Румянцову (стр. 314). Впервые — в конце «Оды государыне императрице Екатерине Второй на заключение мира с Портою Оттоманскою 1774 года». СПб., 1774, стр. 8. *Румянцов* Петр Александрович (1725—1796) — выдающийся полководец.

Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову (стр. 311). Впервые — в брошюре без титульного листа и пагинации; в ней помещены «Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. И. Майкова и «Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову». Перепечатано в журнале «Собрание разных сочинений и повестей», 1776, май, стр. 12. Так как в последнем орфография и пунктуация более правильны, можно предположить, что это — повторная публикация, а брошюра — первая. Оба произведения являются вершиной в развитии сумароковского рационалистического классицизма и, в то же время, последними теоретическими выступлениями ученика и учителя: *Майков*, автор ироикомической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» (род. 1728), умер в 1778 г., а Сумароков — в 1777. *Витийство* — искусственное красноречие, риторическая речь. *На верх горы* — Парнаса, т. е. поэтического совершенства.

«Жива ли, Каршин, ты?..» (стр. 312). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 175—176. Первый стих этого произведения дает основание предположить, что стихотворение написано много позднее того, как Сумароков познакомился с творчеством А. Л. Карш (или, как ее называли, чтобы указать, что она — замужняя женщина, — Каршин). Первые стихи этой поэтессы стали появляться в начале 1760-х годов, а сборник ее стихов был издан в 1764 г. Поэтому правильнее будет датировать это стихотворение концом 1760-х, началом 1770-х годов. Н. И. Новиков поместил данное стихотворение в раздел песен и при этом на втором месте. Возможно, что он пользовался ру-

кописью, подготовленной к печати самим Сумароковым. Нам кажется целесообразнее перенести данное произведение в раздел «Разные стихотворения». *Каршин* (Карш) Анна-Луиза (1722—1791) — немецкая поэтесса из демократических кругов. *Да я ж еще и член* и т. д. В 1756 г. Сумароков был выбран почетным членом Лейпцигского общества свободных наук. *Различных тон музык* и т. д. Смысл этих стихов: мне знаком французский язык, язык как автора «Меропы» (т. е. Вольтера), так и всей Европы, представляющий музыку различных тонов. *Хвалы твои* — здесь: похвалы тебе, хвалы тебе. *Тобой еще зрит свет* — в твоем лице видно, что... *Средь низости народа.* Карш была дочерью деревенского кабатчика.

Не пастух в свирель играет (стр. 313). Впервые — ПСВС, ч. 8, стр. 177—179. По-видимому, эта «охотничья песня» Сумарокова является первым в русской литературе поэтическим описанием псовой охоты. Характерно влияние на эту песню народной поэтики. «Первые четыре строчки <этой песни> составлены, — пишет А. П. Болдырева, — по принципу синтаксического отрицательного параллелизма, употребляемого в народной поэзии при психологическом параллелизме» (А. П. Болдырева. Народная песня в поэзии Сумарокова. Наукові записки Ніжинського державного педагогічного інституту ім. М. В. Гоголя, т. 1, Чернігів, 1940, стор. 184). *Остров* — на языке охотников: отдельно стоящий лес или вообще лес, в котором можно охотиться. *Меламп, Сильваж, Дриопа, Хелапс* (Хелопс) — названия собак, возможно, в переводе с русского на греческий (первое и предпоследнее — Черноногий и Дубоглазая) и итальянский (второе — Дикий). *Сматить* — измучить, довести до полной потери сил. *Добрый завод* — хорошей породы, сын хороших родителей (в языке охотников). Возможно, что стихотворение это представляет подражание французским «охотничьим» стихам.

Время (стр. 315). Впервые — ПСВС, ч. 9, стр. 229—230. *Способством времени, стремим во зло умы.* Должно быть, Новиков неправильно прочитал рукопись Сумарокова: в оригинале: «способствуем времени», и потому нарушается размер. По-видимому, нужно читать: «способством времени», т. е. «при помощи времени». Такое предположение не противоречит дальнейшему тексту стихотворения.

ТРАГЕДИИ

Хорев (стр. 319). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1747). Подлинная рукопись хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. 28 октября 1747 г. Сумароков обратился к президенту Академии наук гр. К. Г. Разумовскому с просьбой разрешить напечатание в академической типографии за счет автора сочиненной им трагедии «Хорев» (Материалы, т. 7, стр. 581). Разрешение на печатание было дано 5 ноября того же года (там же, стр. 585). Первая постановка «Хорева» силами актеров-любителей из Сухопутного кадетского корпуса состоялась 25 февраля 1750 г. («Камер-фурьерский журнал за 1750 год», стр. 30; 8 и 15 февраля были «пробы» — там же, стр. 16 и 20; см. также «Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов». М., 1953, стр. 212). В письме гр. Г. Г. Орлову от

25 января 1769 г. Сумароков указывал, что «Хорев» исправлен и издан со многими отменами, «Синав» также. И стали они втрое лучше прежнего» (БЗ, 1858, № 14, стлб. 430). Напечатано было второе издание «Хорева» до 15 декабря 1768 г. (Семенников, стр. 112).

Сюжет трагедии «Хорев» был полностью создан самим Сумароковым. Ни в каких исторических источниках он не мог найти хотя бы глухих сведений о князе Завлохе и его дочери Оснельде. Имя «Хорев» (вместо летописного «Хорив») Сумароков взял из «Синопсиса» (популярного в XVIII в. учебника истории, приписывавшегося Иннокентию Гизелю). См. изд. 1714 г., СПб., стр. 35.

Действ. I, явл. 1. *Впоследние* — в последний раз. Явл. 3. *Вещаешь о любви* и т. д. — ты говоришь мне о любви, только обманывая меня. *А если твой отец позволит нам сие.* — В рукописи «Хорева» и во всех изданиях «позволит на сие». *Какую область ты имеешь надо мною* — какую власть.

Действ. II, явл. 1. *Мне верности давно их внутренну явят* — их верность давно открыла их внутренний мир. *По Северу гласят до волн его победы* — до моря, т. е. до Балтийского и Белого моря. *Сармация* — Польша. *Орда* — т. е. татары. Здесь Сумароковым допущен анахронизм: во времена Кия, т. е. в IX в., Золотой Орды и вообще татар еще не было в соседстве с Киевской Русью. *Раскаянье живет и поздно* — раскаянье бывает запоздалым. *Мятусь* — волнуюсь. *Но горы льль то иль нет, искусством разбирать* — надо разбирать при помощи искусства. Явл. 2. *Как с Скифския войны.* Здесь Сумароковым снова допущен анахронизм: ко времени, к которому отнесено содержание трагедии «Хорев», скифы давно уже не существовали. *Снидем все* — сойдем все. *Или подобиться* и т. д. — или нам уподобляться в военных действиях. *Текущим от него по блатам* — убегающим от него по болотам. Явл. 3. *Безмочна* — бессильна. Явл. 4. *И если ты его понудишь прогневиться* — и если ты заставишь бога брани (войны) рассердиться. *Благая смертным часть хвалы не принесет.* Здесь выражение «благая часть» употреблено в значении «своенравное, злое поведение». *Я ею огорчен* — Оснельдой. *Вольности ея оставшей не отъемлю* — во всем остальном не лишаю ее свободы. Явл. 5. *Хорев в ружье* — в вооружении. *О льстец! И ты встаешь бесчинно* и т. д. — О обманщик! И ты, утратив порядочность, встаешь против ни в чем не повинного сердца? Явл. 6. *И буди восхищен заразами прямыми* — поддайся обольщению настоящих чар, прелестей. *Кто вправду будет мил* — которая по-настоящему тебе будет мила. Оснельда предполагает, что Хорев влюблен не в нее, а в какую-то другую женщину. *Иль истребите вы во внутренней любовь* — или истребите во мне любовь. *Оружье будет гладно* — оружие не насытится. *Не погибай воспоминаньем вздоха* — не погибай, вспоминая мои вздохи. *Хорев сию брань сам уничтожает* — ставит в ничто, не признает.

Действ. III, явл. 1. *Терзает с стороны, с другия — мучусь страстью* — с одной стороны, меня терзает ответ печальный, данный родительскою властью, с другой — я мучусь страстью. В данном монологе Оснельды разрабатывается основной конфликт трагедии: борьба между долгом и чувством, между обязанностью дочери и любовью к врагу отца. Явл. 2. *О нравы грубые! О дни! О времена!* Перефразировка известного восклицания Цицерона из первой речи против Катилины: «О времена! О нравы!» *Возлюбленнейший зрак* — образ.

Питаться былием — травою. Явл. 3. *В отчаянии бездной* — в бездне отчаяния. *Владычица тоя* — владычица той <бездны> — смерть. *Но подзреваему честь юныя девицы* и т. д. — но попавшую под подозрение честь юной девицы, своей любовницы, дай ей оправдать. *Державы своея подверженным рабам* — подвластным рабам своего государства. *Ин, мучь* — ну, мучь! *И таковую ль мзду воздам своей природе?* — и так ли я отплачу своему родителю? *Такие ли, увы* и т. д. — предпринятые им труды такие ли взрастят плоды его желанию? *Иль праздно грянь* — или грянь, не поразив никого.

Действ. IV, явл. 1. *Подъяло воинство граждански бремена* — войско возложило на себя обязанности граждан (т. е. пошло защищать родину). *Накры* — литавры; здесь: барабан. *О братство зверское! О пагубная лесть!* Сталверх продолжает разжигать подозрения Кия: О братство зверское! — О Хорев, таящий зверские чувства против брата! Лесть — здесь: обман. *Знать, речь Оснельдина пришла тебе невнятно* — должно быть, ты недостаточно ясно расслышал речь Оснельды. *За малодушие князь видел Киев гнев* и т. д. — Князь Хорев из-за проявленного им ранее малодушия увидел гнев Кия и, перестав быть возлюбленным Оснельды, вновь стал Хоревом. *Почто, о государь,* и т. д. Сталверх надеется, что, в случае гибели Хорева, он сам станет наследником бездетного и старого Кия. Поэтому он плетет интригу и против Хорева и против преданного последнему Велькара (см. ниже). Явл. 2. *Толико я рачил* — столько заботился. *Степени* — ступеньки. *Свирепая.* Обращение к Оснельде. Явл. 3. *Оставь, о государь, от ревности вину* — о государь, прости ему (Хореву) его вину из-за моей к тебе ревностной службы. Явл. 4. *Того суд праведный щедряе обвиняет.* Смысл стиха неясен. Возможно, должно быть — «щедряе извиняет» или «щедряй обезвиняет» (т. е. признает невиновным). *Котора иногда* — которая когда-то. *Ток действа* — течение, ход действия. Явл. 7. *К бездельству твоего Хорева учрежденный* — подготовленный для осуществления негодных замыслов твоего Хорева. *Изобличения перед глазами не имела.* Стих неправильный: вместо 13 слогов, в нем 15. Вероятно: Изобличенья пред глазами не имела. *И сей возжженный огнь оставь в крови Хорева* — оставь любовь в крови Хорева (т. е. не казни Хорева).

Действ. V, явл. 1. Этот монолог Кия в первоначальной редакции имел совсем иное содержание. В редакции 1768 г. он содержит явные намеки на «страсти» Екатерины II. Явл. 2. *Что сила мужества* и т. д. — так как войска Хорева («сила мужества») запоздали, собираясь на бой с Завлохом, то нас охватил страх за исход борьбы. *И смерть уничтожали* — презирали смерть, ставили смерть в ничто. *Посем порядок тут приял свое начало* — после этого порядок восстановился. Явл. 3. *О жалующася во тьме на Кия тень!* — тень Оснельды. *А если я союз твой с князем разрешил* — если я расторг твой союз с князем. Здесь «разрешаю» не в русском, а в славянском значении: «развязываю», «отказываю», «расторгаю».

Семира (стр. 365). Впервые — отдельным изданием под тем же заглавием (СПб., 1768). Резолюция Академической комиссии о напечатании — 10 ноября 1768 г.; расписка Сумарокова в получении отпечатанных экземпляров трагедии — 20 декабря того же года (Семенников, стр. 112). Написана была «Семира» в 1751 г. и 21 декаб-

ря того же года была представлена кадетами на придворном театре («Камер-фурьерский журнал за 1751 год», стр. 125; «Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов». М., 1953, стр. 213). Встречающиеся в старой научной литературе сведения о том, что «Семира» будто была напечатана в 1752 г., неверны: в письме к графу Г. Г. Орлову от 25 января 1769 г., сообщив о напечатании трагедий «Хорев» и «Синав и Трувор», Сумароков продолжал: «„Семира" также, „Ярополк" также, которые и в печати не были. И стали лучше» (БЗ, 1858, № 14, стлб. 430). Две рукописи ранних редакций «Семиры», отличающихся от окончательного текста многочисленными стилистически недоработанными стихами, находятся в Национальной библиотеке в Париже (см. В. И. Резанов. Парижские рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова. СПб., 1907, стр. 13—25, или «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», 1907, т. 12, кн. 2, стр. 146—159) и в Университетской библиотеке в Загребе (см. Josip Badali. Dvije sumarokovljeve tragedije u rukopisima Zagrebačke sveučilišne knjižnice. Две трагедии Сумарокова среди рукописей Университетской библиотеки в Загребе. Poseban otisak. Sveučilište u Zagrebu. Filozofski fakultet. Zbornik Radova, knjiga 1, godina 1951, str. 296). Сюжет трагедии целиком придуман Сумароковым. Имена: Синав и Трувор он взял, вероятно, из «Синопсиса»; первое — в несколько измененном виде (Сендус или Сенеус, стр. 44, Синеус, стр. 45), второе — без изменений. Сюжет «Семиры», так же как и «Хорева», «исторический», хотя с подлинной историей имеет мало общего. В «Повести временных лет» рассказывается, что родственник («сродник») новгородского князя Рюрика (в других вариантах — Рурика) Олег отправился вниз по течению Днепра и в городе Киеве нашел двух ранее спустившихся по реке воинов — Аскольда (Оскольда) и Дира, которые несколько лет назад силой захватили власть в Киеве и назвали себя князьями. Олег показал киевлянам маленького князя Игоря, сына Рюрика, и заявил, что это их подлинный государь. Киевляне покорились Олегу. Сумароков сильно изменил данные летописи и построил свою «пышную» «Семиру» на любовной и политической интриге. У него Оскольд и Дир — сыновья Кия, Игорь не появляется на сцене, а у Олега оказывается сын Ростислав.

Действ. I, явл. 1. *А ныне часть моя совсем пременна стала* — а теперь моя участь совершенно переменилась. *Князь млад, отцу врученный Ростислава.* Князь Игорь, в свое время переданный отцу Ростислава (т. е. Олегу), еще молод. *И узы без него плененным разрешил* — освободил пленных от цепей. Явл. 2. *Мне в долг отечества* — мне, исполняя долг перед отечеством. Явл. 3. *Ты, благо общее любви предпочитая* и т. д. — предпочитая любви общее благо, ты, одолевая себя, являешься владычицей страстей. *Мне малый бы упор погибелью казался* — мне маленькое препятствие казалось бы гибелью. Явл. 4. *Всю сферу* — весь воздух. *И, изъязвлен, в крови* — израненный, весь в крови. *Возъемлющего грудь* — с высоко поднимающейся грудью.

Действ. II, явл. 2. *Я знаю, что о ней* — о любви. Явл. 9. *Кто рожден рабеть.* Сумароков считал, что слова «робеть» и «ребенок» происходят от корня «раб» и поэтому их нужно писать «рабеть» и «рабенок». Так как при представлении трагедий все звуки произносились в соответствии с буквами, актеры говорили «рабеть», а не «робеть»

(об актерском произношении в XVIII в. см.: П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII века. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1949, вып. 1, стр. 36—37). Явл. 10. *Олег, имея в руках бумагу.* Анахронизм: бумага появилась в Европе в XI—XII вв., в России — в XIV в. Явл. 11. *Смельство* — смелость, бесстрашие. *По удам растерзал* — растерзал по отдельным членам.

Действ. III, явл. 3. *И бедство мне твое смешенно объявил* — и в смущении объявил мне о постигшем тебя несчастье. *Но потеряю ль то?* — но соглашусь ли я потерять? Явл. 6. *Ты взор и дух ольстил* — обольстил, обманул. *Лишенну мне тебя* и т. д. — если я лишусь тебя, то все будет мне противно. *Оставьте то мне, боги!* — боги, простите мне то.

Действ. IV, явл. 2. *Для горьких слез твоих* — в результате твоих горьких слез. Явл. 4. *Твои то промыслы* — это твои планы, идеи. *Беспрочно* — бесполезно. *Я прежде бытия Семиры побеждал* — я побеждал еще до рождения Семиры. Явл. 5. *Хоть сердце извлечи* и т. д. — хотя можно озлобленное сердце извлечь из тела. *Уразить* — поразить, нанести удар. Явл. 7. *Мой князь, ты мной, ты мной* и т. д. — ты умираешь из-за меня.

Действ. V, явл. 2. *И стал преступник прав* — и стал преступником законов. Явл. 5. *В сей грозный час им век с победою сплетен* — их жизнь связана с победой, зависит от победы. *Если мне не быть, прося, отриновенным* — если я, прося, не получу отказа.

Димитрий Самозванец (стр. 425). Впервые — отдельным изданием под таким же заглавием (СПб., 1771). Представлена была в первый раз на Придворном российском театре 1 февраля 1771 г. В доношении в Академию наук от 8 февраля 1771 г. Сумароков просил как можно скорее напечатать свою трагедию в академической типографии ввиду предстоящего отъезда его в Москву, указывая при этом, что пьеса была до ее постановки прочтена Екатериной II. Тем не менее «Димитрий Самозванец» был отдан на просмотр акад. С. Я. Румовскому, у которого вызвало сомнение пятое явление третьего действия (Семенников, стр. 101—102). Только через 20 дней состоялась резолюция Академической комиссии о напечатании «Димитрия Самозванца» (там же, стр. 113). Стихи, вызвавшие замечания академического цензора, в трагедии остались.

Источником этой трагедии послужил Сумарокову, по-видимому, «Синопсис». Как и в других своих «исторических» трагедиях, Сумароков очень свободно обращался с историческими фактами, и, по существу, кроме имен Димитрия Самозванца, Шуйского и Игнатия, все остальное выдумано автором.

Действ. I, явл. 5. *Меня? — Супругу ты имеешь. — Законом та римлянка.* — В этом стихе лишнее слово «законом» разрушает ритм. *Такой ея упор* — такое упорство, упрямство. Явл. 6. *Аспид и василиск* — ядовитые змеи, упоминаемые в христианской мифологии.

Действ. II, явл. 1. *Мятежникам, врагам отеческому граду* — врагам отеческого града, т. е. Москвы. *Как страждет Новый свет.* Завоевание Мексики испанцами и проявленные при этом зверства неоднократно, начиная с ломоносовского «Письма о пользе стекла», служили предметом возмущения русских писателей. *Паписты* — католики; здесь: католики-испанцы. *Кавказ тебя родил, Иркания питала.*

Кавказ и прилегающая к южной части Каспийского моря область Персии считались в XVII—XVIII вв. местожительством жестоких, варварских народов (ср. Ломоносов: «Се знойные Иркански бреги, Где, варварски презрев набеги, Сквозь степь и блата Петр прошел». — «Ода 1746 года»). Явл. 3. *Почтенней на торгу с Георгием умреть.* Казни в Москве в прежнее время совершались на торговых площадях. Явл. 6. *Зияет тигр* — разевает свою пасть тигр. Явл. 7. *Уныли вкруг Москвы* и т. д. — пришли в уныние прекрасные места вокруг Москвы.

Действ. III, явл. 2. *За общество умреть и хвально и приятно!* Перевод-переделка стиха Горация: «Dulce et decorum est pro patria mori!» («Сладостно и похвально умереть за отечество!», Оды, кн. III, ода 2, стих 13). Явл. 3. *Живи и в черную одежду облекись* — прими монашество. *Еще Игнатию противостати смеют.* Игнатий (ум. 1640) — рязанский архиепископ, грек по происхождению, первый из русских духовных сановников признавший Димитрия Самозванца. За это был, по приказанию последнего, посвящен в патриархи; в свою очередь венчал Самозванца на царство и совершил обряд его бракосочетания с Мариной Мнишек. Явл. 5. *О правосудия плоды* и т. д. Эти два стиха, и в особенности слова о «женской слабости», по-видимому, воспринимавшиеся как намек на «слабости» Екатерины, вызвали сомнения академического цензора, акад. С. Я. Румовского, который предлагал их удалить (см. вводную часть комментария к «Димитрию Самозванцу»). *Ликуй монарх* и т. д. — пусть ликует монарх, и пусть стонут все подданные. *Не сын отечества — отечества злодей* и т. д. Этот монолог Георгия явно имеет в виду не исторического Димитрия Самозванца, а окруженную «множеством вельмож» Екатерину II. Слова «на троне ищущий из подданных судей», вероятно, должны означать «судей, оправдывающих поведение монарха». *Отрасль Константина* — потомок византийских императоров.

Действ. IV, явл. 1. *Вседушно* — всей душой. *Послушна буди, дщерь монарха всей вселенной* — будь послушна ты, дочь монарха всей вселенной. Явл. 4. *И дух из существа* — и дух из тела. *Прочет надпись* — прочтя надпись. *Коль должно быть сему, труды мои явленны* — если это (написанное в хартии, переданной Пармену Димитрием) должно осуществляться, мои труды должны обнаружиться, т. е. Пармен считает нужным бороться против приказа Димитрия.

Действ. V, явл. 4. *Прослуга* — преступление. *Винна́ ли ты, или нет, будь ви́нна града жертва* — виновна ли ты или нет, но будь жертвой вместо виновного города (Москвы). *В преддверии* — в передней, в помещении перед данной комнатой.

ПЕРЕВОДЫ

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

Великому граду Москве (стр. 473). Впервые — ЕС, 1755, апрель, стр. 354. Разрешение напечатать этот и два следующие сонета дано было Конференцией Академии наук 5 апреля 1755 г. (Протоколы, стр. 326). *Флеминг* Пауль (1609—1640), один из крупнейших немецких поэтов XVII в. Служил по дипломатической части. Дважды посетил Москву в составе голштинского посольства. *Безбранна* — свободна от войны.

Москве-реке (стр. 473). Впервые — ЕС, 1755, апрель, стр. 354—355. *Мы в них другой уж раз.* Этот сонет был написан Флемингом во второе посещение Москвы, в 1636 г. *Мульда* — река в Саксонии.

Москве (стр. 474). Впервые — ЕС, 1755, апрель, стр. 356. *Возлюбленной моей.* В других сонетах Флеминг называет свою возлюбленную Базиленой. Возможно, это — искаженное имя Василина; возможно, что это слово должно означать «царевна» или «царица» (греч. «basilinna», «basilissa» — царица).

ЖАК ДЕ БАРРО

«Великий боже! Твой исполнен правдой суд...» (стр. 475). Впервые — ЕС, 1756, февраль, стр. 146 (под заглавием: «Перевод французского сонета, сочинения Баррова»). Сонет де Барро (Вольтер отрицал авторство де Барро и приписывал сонет аббату де Лаво) пользовался в XVII и XVIII вв. большим успехом. До Сумарокова он был переведен на русский язык, по крайней мере, два раза: 1) анонимно (вероятно, Тредиаковским) — «Боже! Коль твои судьбы правости суть полны» — «Примечания к «Ведомостям», 1732, 3 апреля, ч. XXVI, стр. 132; 2) Тредиаковским — «Боже мой! Твои судьбы правости суть полны» в его «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (СПб., 1735, стр. 31; или А. Куник. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке, ч. 1. СПб., 1865, стр. 40). *Де Барро* Жак Валле (1602—1673) — второстепенный французский поэт, прославившийся сонетом, переведенным Сумароковым и — ранее — Тредиаковским.

БЕРНАР ФОНТЕНЕЛЬ

Пятая эклога (стр. 476). Впервые — ЕС, 1756, март, стр. 268—270, под заглавием «Перевод пятой Фонтенелевой эклоги». *Фонтенель Бернар* (1657—1757) — французский ученый и писатель. *Не знать горящей колесницы* — т. е. солнца еще нет (по греческой мифологии бог Гелиос выезжает на своей горящей колеснице — солнце). *Фетида отдает* — согласно мифу, бог Гелиос погружается на закате в море и находится там до зари следующего дня (Фетида — здесь: море). *Едва выходит мать любви* — утренняя звезда, посвященная богине любви Венере. *Титира возглашает* — пробуждает Титира (Титир — имя пастуха в античной и французской буколической поэзии). *Желая дни* — желая дня. *Предолгий солнца бег* и т. д. — сегодняшний день ему кажется целым годом. *Что делать начинал* — начинал делать что-то. *Пришествия ея незапность кажет взор.* Ириса притворяется, что пришла сюда случайно, а не согласно данному накануне обещанию. *С ней множество любвей в то место собралося* и т. д. — множество влюбленных пастушеских пар пришло в то место, так как повсюду стало известно о том, что Ириса назначила в той роще свидание. *Ей мнилось, жар ея* и т. д. — Ирисе казалось, что ее пылкость делала слишком ясной ее речь (т. е.: Ирисе было стыдно).

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

Полиевкт (Трагедия). Монолог Полиевкта (стр. 479). Впервые — ТП, 1759, сентябрь, стр. 568—570. Монолог этот находится в д. IV, явл. 2. Трагедия Корнеля «Полиевкт» была переведена до Сумарокова Н. Хрущевым (тоже в стихах) и поставлена в январе 1759 г. на Придворном российском театре; рукопись этого перевода находится в парижской Национальной библиотеке (В. И. Резанов. Парижские рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова. СПб., 1907, стр. 30, или: «Известия Отделения русского языка и словесности», 1907, кн. 2, стр. 164). Недоступность рукописи перевода Н. Хрущева лишает нас возможности установить, не является ли данный монолог из «Полиевкта» такой же творческой обработкой перевода Хрущева, как отрывок из Фенелонова «Тилимаха», представляющий переработку перевода Тредиаковского (см. комментарий к «Тилимаху» Ф. Фенелона, стр. 575—576). Сюжет трагедии Корнеля «Полиевкт» (1640) взят из христианской легенды (жития святых), что представляло отступление от обычных правил трагедии классицизма, требовавших обработки сюжетов из мифологии или античной истории. Христианин Полиевкт, армянский сановник, женат на язычнице Полине (у Сумарокова: Павлина). Ее отец Феликс, римский правитель Армении, опасаясь гнева вельможи Севера, любимца императора Деция, посылает Полиевкта на смерть. Полина, некогда любившая Севера и сохраняющая еще к нему чувство, настолько потрясена мужеством мученика Полиевкта, что принимает христианство. Перевод Сумарокова близок к тексту Корнеля, но в нем не соблюдается строфичность, которую, в отступление от правил трагедии, придал монологу Полиевкта автор. *Престол твой зыблется от скифов и венец*. Порядок слов: Престол твой и венец зыблются (шатаются, находятся в опасности) из-за скифов. *Заразов больше нет* — нет чар, нет обольщающих прелестей.

ФРАНСУА ФЕНЕЛОН

Из «Тилимаха» (стр. 481). Впервые — ПСВС, ч. 1, стр. 311—312, под заглавием «Перевод из Тилимаха Фенелонова». *Фенелон* Франсуа де Салиньяк (1651—1715) — французский писатель, автор знаменитых «Похождений Телемака», имеющихся в восьми русских переводах. В молодости писал стихи. В. К. Тредиаковский перевел в стихах (гекзаметром) написанный прозой политический роман Фенелона «Похождения Телемака», назвав свой перевод «Тилимахидой» (1766). Состязаясь с Тредиаковским, Сумароков перевел, также гекзаметром, один из лучших отрывков «Похождений Телемака», представляющий начало романа. Перевод того же отрывка, сделанный Тредиаковским, см. в «Стихотворениях» Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в Малой серии «Библиотеки поэта» (1935). Вероятнее всего, это не самостоятельный перевод романа Фенелона, а творчески отредактированный перевод «Тилимахиды» Тредиаковского. Перевод Сумарокова несомненно легче перевода Тредиаковского. Странным образом он ускользнул от внимания историков русского гекзаметра, считающих, что после Тредиаковского следующий опыт применения гекзаметра был сделан лишь Гнедичем в переводе «Илиады».

Кормило — руль. *Млада другого* и т. д. — и другого молодого, похожего на любезного Улисса. *Впрочем, Калипсино сердце играло разбитием судна* — Калипса радовалась тому, что судно было разбито. *Рцы мне* — скажи.

НИКОЛАЙ МОТОНИС

К образу Петра Великого, императора всея России (стр. 483). Впервые — ПВ, 1760, 21 октября, стр. 260. На предшествующей странице напечатана «надпись» Н. Мотониса на латинском языке «In effigiem Petri Magni, imperatoris totius Rossiae». *Мотонис*, см. стр. 544, комментарий к притче «Порча языка». Стихи Мотониса представляют три элегических дистиха (т. е. соединение гекзаметра с пентаметром); Сумароков не сохранил размера подлинника и перевел «надпись» сочетанием александрийского стиха с усеченными ямбическими строками.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Ода е. и. в. в день ея всевысочайшего рождения, торжествуемого 1755 года декабря 18 дня (стр. 487). Впервые — ЕС, 1755, декабрь, стр. 483—492. Позже в сокращенном виде — ОТ, стр. 7—12 (см. настоящее издание, стр. 63). *Уже* <. . .> *Воспомнила императрица* и т. д. — 12 января 1755 г. в Москве был открыт университет.

Клариса (стр. 492). Впервые — ТП, 1759, март, стр. 172—176. Позже переработана (см. эту редакцию на стр. 142). В данной редакции героиней является Милиза, а Клариса играет пассивную роль слушательницы и лишь в конце под влиянием рассказа подруги и подсмотренных «цитерских утех» Милизы и Палемона сама влюбляется в не названного автором пастуха. При переработке Сумароков, сохранив заглавие эклоги, поменял ролями Милизу и Кларису.

Дамон (стр. 494). Впервые — ТП, 1759, октябрь, стр. 592—597. Позже переработано в эклогу «Дориза» (см. стр. 140). *Привидением* — привидевшимся сном.

Калиста (стр. 498). Впервые — ТП, 1759, октябрь, стр. 597—604. Позже была переработана (см. стр. 144).

Элегия («Уже ушли от нас играние и смехи. . .») (стр. 502). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 507—508. Позже в сокращенном виде — ЭЛ, стр. 10—11 (см. стр. 162).

Элегия («Другим печальный стих рождает стихотворство. . .») (стр. 504). Впервые — ТП, 1759, сентябрь, стр. 534—537. Позже в сокращенном виде — ЭЛ, стр. 5—6 (см. стр. 163).

Сатира («Кто в самой глубине безумства пребывает. . .») (стр. 506). Впервые — ТП, 1759, август, стр. 561—567. Позже в сокращенном виде — С, стр. 7—12 (см. стр. 183). *Но ты, не знаючи ни*

малых сил науки и т. д. Эти два стиха неясны по смыслу. В окончательной редакции (см. стр. 185) они не стали яснее. Может быть, они должны означать: «Но ты, не знающий ни малейших действий науки, если не писать всего того, что ты отрицаешь, что же нам будет для чтения от скуки?» Возможно, в первопечатном тексте была опечатка, перешедшая в окончательную редакцию: «будет честь», вместо «будешь честь». *И знаешь, почему* и т. д. — и знаешь, почем продается парча там-то и там-то.

Эпитафия («Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер...») (стр. 509). Впервые — Державин. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. III. СПб., 1866, стр. 247 (примечания). Другая редакция напечатана выше (см. стр. 260). Хронологическая последовательность их неизвестна.

Брат и Сестра (стр. 510). Впервые — ПСВС, ч. 7, стр. 206. Представляет переработку эпиграммы «Брат был игрок, нельзя сестрице не крушиться...» (см. стр. 249).

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Аврора — богиня утренней зари (римск.).

Агасфер — имя одного из персидских царей в греческом переводе библии.

Аквилон — бог северного ветра (римск.).

Актеон — согласно мифу, охотник, подсмотревший купавшуюся богиню Диану и превращенный ею за это в оленя; был разорван своими собственными собаками (греч.).

Алкид — см. Геркулес.

Амфион — фиванский царь, построивший, согласно Гомеру, фиванскую крепость своей игрой на лире; под звуки песни и аккомпанемент камни сами складывались в стены (греч.).

Артемида — богиня охоты (греч.).

Астрея — богиня справедливости (греч.).

Атрей — микенский царь, жену которого Аеропу обольстил его родной брат Фиест. Атрей изгнал Аеропу, а Фиеста заставил съесть обед, приготовленный из тел двух сыновей Фиеста и Аеропы (греч.).

Ахерон — река в подземном царстве (греч.).

Ахиллес — герой греческих народных преданий и эпопеи «Илиада».

Бахус — бог вина (римск.).

Беллона — богиня войны (римск.).

Борей — божество северного ветра (греч.).

Венера — богиня красоты и любви (римск.).

Вулькан (Вулкан) — бог огня и кузнечного ремесла (римск.).

Геенна — ад (др.-евр.)

Гектор — сын Приама, царя троянского, победивший в единоборстве грека Патрокла, друга одного из предводителей греков, Ахилла, и убитый за это последним (греч.).

Геликон — гора, на которой пребывал Аполлон и музы (греч.).

Геллеспонт — древнее название Дарданелльского пролива (греч.).

Геркулес (Геракл) — древнегреческий богатырь; внук царя Алкая; поэтому его часто называли Алкидом. Геркулес — римская форма имени Геракла.

Гидра — чудовище, убитое Геркулесом (греч.).
Грации — три богини красоты (римск.).

Диана — богиня охоты (римск.).
Дидона — карфагенская царица, в царство которой попадает во время своих скитаний Эней (римск.).
Дий — одно из имен Зевса (греч.).
Дионис — бог вина.

Зевс — верховный бог греч. мифологии, бог грома и молнии.
Зефир — божество теплого ветра (греч.).

Икар — юноша, по преданию улетевший вместе со своим отцом Дедалом с острова Крита, где они были в плену, на сделанных из воска крыльях; несмотря на предупреждения отца, Икар во время полета приблизился к солнцу, которое растопило воск, и юноша упал в море, где и погиб (греч.).
Илион — другое название Трои.

Калипса (Калипсо) — нимфа, на остров которой попал Одиссей (Улисс), возвращавшийся на родину после Троянской войны (греч.). В политико-философском романе Фенелона «Похождения Телемака» Калипсо старается удержать у себя сына Одиссея Телемака, поразительно похожего на отца.
Кастор — один из двух близнецов Диоскуров, сыновей Зевса (Дия) и Леды. Участник похода аргонавтов, охоты на калидонского вепря и пр. (см. Поллукс.) (греч.).
Кащей — злой и скупой царь русских народных сказок.
Клитемнестра — жена предводителя греческих войск против Трои, царя Агамемнона, убившая своего мужа по возвращении его из похода и убитая своим сыном Орестом.
Ксантиппа — жена философа Сократа, ее имя стало нарицательным для обозначения злой и сварливой женщины (греч.).
Купидон — бог любви (римск.).

Латона — возлюбленная Юпитера, мать Аполлона и Дианы (римск.).
Лукреция — добродетельная римская матрона, покончившая с собой, после того как ее обесчестил римский царь Тарквиний Гордый.

Марс — бог войны (римск.)
Мегера — одно из божеств ада в античной мифологии.
Ментор — друг Одиссея (Улисса), оставленный последним в качестве воспитателя его сына Телемака (греч.). Впоследствии это имя стало нарицательным для обозначения мудрого наставника. В политико-философском романе Фенелона «Похождения Телемака» Ментор является воплощением богини мудрости Минервы.
Мид (Мидас) — фригийский царь, которому Аполлон дал ослиные уши в наказание за то, что Мидас присудил награду не ему, а состязавшемуся с ним Пану.
Минерва — богиня мудрости (римск.).

Нарцисс — прекрасный юноша, влюбленный в свою красоту. За то, что пренебрег любовью нимфы Эхо, был обращен в цветок, получивший его имя (греч.).

Нептун — бог морей (римск.).
Нимфы — низшие божества античной мифологии, олицетворявшие силы природы.
Нин — легендарный основатель Ассирийского царства.

Орфей — в греч. мифологии поэт, своей игрой на лире двигавший скалы.
Отоман (Оттоман) — полулегендарный основатель турецкого государства (1259—1316).

Пан — бог лесов (греч.).
Парис — сын Приама, похитивший Елену Спартанскую, что послужило поводом к Троянской войне (греч.).
Парнас — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам.
Пегас — крылатый конь, символ поэтического вдохновения (греч.).
Пентезилея — царица амазонок, женщин-воительниц, в царство которых не допускались мужчины (греч.).
Пермесс — река в древней Греции, протекавшая у подножия горы Геликон (см.). Ее вода считалась источником поэтического вдохновения.
Перун — бог грома и молнии (слав.).
Плутон — бог подземного мира (греч.).
Поллукс — брат Кастора (см.).
Помона — богиня плодов (римск.).
Пор — легендарный индийский царь, побежденный Александром Македонским.
Посейдон — бог морей (греч.).
Приам — троянский царь (греч.).

Рем — один из двух легендарных основателей Рима (брат Ромула) (римск.).
Рифейские горы — античное название Уральских гор.

Самсон — один из древнееврейских судей (правитель народа в доцарский период), отличавшийся исключительной силой.
Сатиры — в греч. мифологии низшие божества, изображавшиеся в виде полулюдей-полукозлов.
Сатурн — отец Юпитера. Изгнанный сыном с неба, Сатурн поселился в южной Италии, где установил «золотой век» (римск.).
Семела — возлюбленная Зевса, мать Вакха (Диониса) (греч.).
Семирамида — вавилонская царица, прославившаяся украшением города Вавилона и созданием висячих садов.
Сим — старший из трех сыновей Ноя (др.-евр.).
Сиф — сын Сима (см.). В политико-философском романе аббата Террасона «Геройская добродетель и жизнь Сифа, царя египетского» (переведенного Д. И. Фонвизиным, 1763—1768) Сиф является мудрым законодателем и правителем.
Сфинкс — полуженщина-полулев, чудовище, поселившееся в Греции возле г. Фивы и пожиравшее всех, кто не был в состоянии разгадать задававшиеся им загадки. Сфинкс бросился в пропасть после того, как Эдип разгадал заданную ему загадку (греч.).

Тартар — ад (греч.).
Тилимах (Телемак) — сын Одиссея (Улисса) (см.).

Титаны — родоначальники поколения богов, свергнутые последними в тартар (ад) (греч.).

Тритоны — низшие морские божества, изображавшиеся в виде полулюдей-полурыб.

Улисс (Одиссей) — царь острова Итака, один из знаменитых участников Троянской войны, за свою дальновидность прозванный хитроумным (греч.). Отец Телемака (см. Тилимах).

Феб — одно из имен Аполлона, бога солнца, света, поэзии и искусства (греч.).

Фетида — морская богиня, мать Ахиллеса (греч.).

Флора — богиня цветов (римск.).

Фортуна — богиня счастья (римск.).

Хам — средний из трех сыновей Ноя, проявивший непочтительность к своему отцу (др.-евр.). Имя его стало нарицательным.

Цербер — трехглавый адский пес (греч.).

Церера — богиня жатвы (римск.).

Эдем, эдемский сад — рай (др.-евр.).

Эдип — фиванский царь, победитель Сфинкса, жертва Рока, заставившего Эдипа жениться на собственной матери Иокасте (греч.).

Эзоп — см. Эсоп.

Эней — троянец, согласно преданию, основавший Римское государство, главный герой «Энеиды» Вергилия.

Эол — бог ветров (греч.).

Эрата (Эрато) — муза лирической поэзии (греч.).

Эсоп (VI в. до н. э.) — полулегендарный греческий баснописец, считающийся изобретателем жанра басни.

Эхо — нимфа, из-за безнадежной любви к юноше Нарциссу потерявшая телесный облик и превратившаяся в невидимое существо, повторяющее чужие слова (греч.).

Юнона — в римск. мифологии жена Юпитера, богиня брака и семьи.

Ян (Янус) — бог начала и конца, изображавшийся с двумя обращенными в противоположные стороны лицами; во время войны храм Януса стоял открытым (римск.).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Портрет Сумарокова. Гравюра Зейферта. Воспроизведено из «Русской портретной галереи», издание А. С. Суворина, выпуск 8, СПб., 1886.

2. *Стр. 93*. Титульный лист «Разных стихотворений» А. Сумарокова (СПб., 1769).

3. *Стр. 253*. Автограф эпиграммы «Ты туфли обругал, а их бояря носят. . .» (Хранится в Центральном Государственном Архиве древних актов. Фонд Г. Ф. Миллера).

4. *Стр. 325*. Страница рукописи «Хорева» с правкой Сумарокова. Монолог Велькара (действ. V, явл. 2). (Хранится в ИРЛИ).

5. *Стр. 379*. Автограф трагедии «Семира». Титульный лист. (Хранится в Библиотеке Загребского университета, в Югославии).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. СУМАРОКОВА

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ОДЫ РАЗНЫЕ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

НАДПИСИ

ЭПИСТОЛЫ

ЭКЛОГИ

ИДИЛЛИИ

ЭЛЕГИИ

ГЕРОИДЫ

СОНЕТЫ

БАЛЛАД

РОНДО

СТАНСЫ

МАДРИГАЛЫ

САТИРЫ

ПРИТЧИ

СКАЗКИ

ЭПИГРАММЫ

ЭПИТАФИИ

ПЕСНИ

ХОРЫ

ПАРОДИИ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Сумароков Александр Петрович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *Н. К. Гудзий*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректоры *Л. Д. Саксаганская* и *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 13/VII 1957 г. Подписано в печать 28/X 1957 г.
Бумага 84×108/32 Печ. л. 38,12 (31,26). Уч.-изд. л. 31,16.
Тираж 20 000. Зак. № 642. Цена 10 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., д. 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	16 св.	элопристойное	злопристойное
162	18 »	чести.	чести,
162	2 сн.	бьют.	бьют,
259	9 св.	ту будешь	ты будешь
285	5 сн.	нарочито	нарочно
314	3 »	сманил	сматил
481	12 св.	слезами.	слезами,
536	10 »	Е. А. Белоградской	Е. О. Белоградской
539	20 »	Смыл	Смысл
552	18 сн.	предложения	предположения
569	23 св.	горы льль	горы ль